

ISSN 2075-7794 | 2017 | Vol. 32 | Is. 4

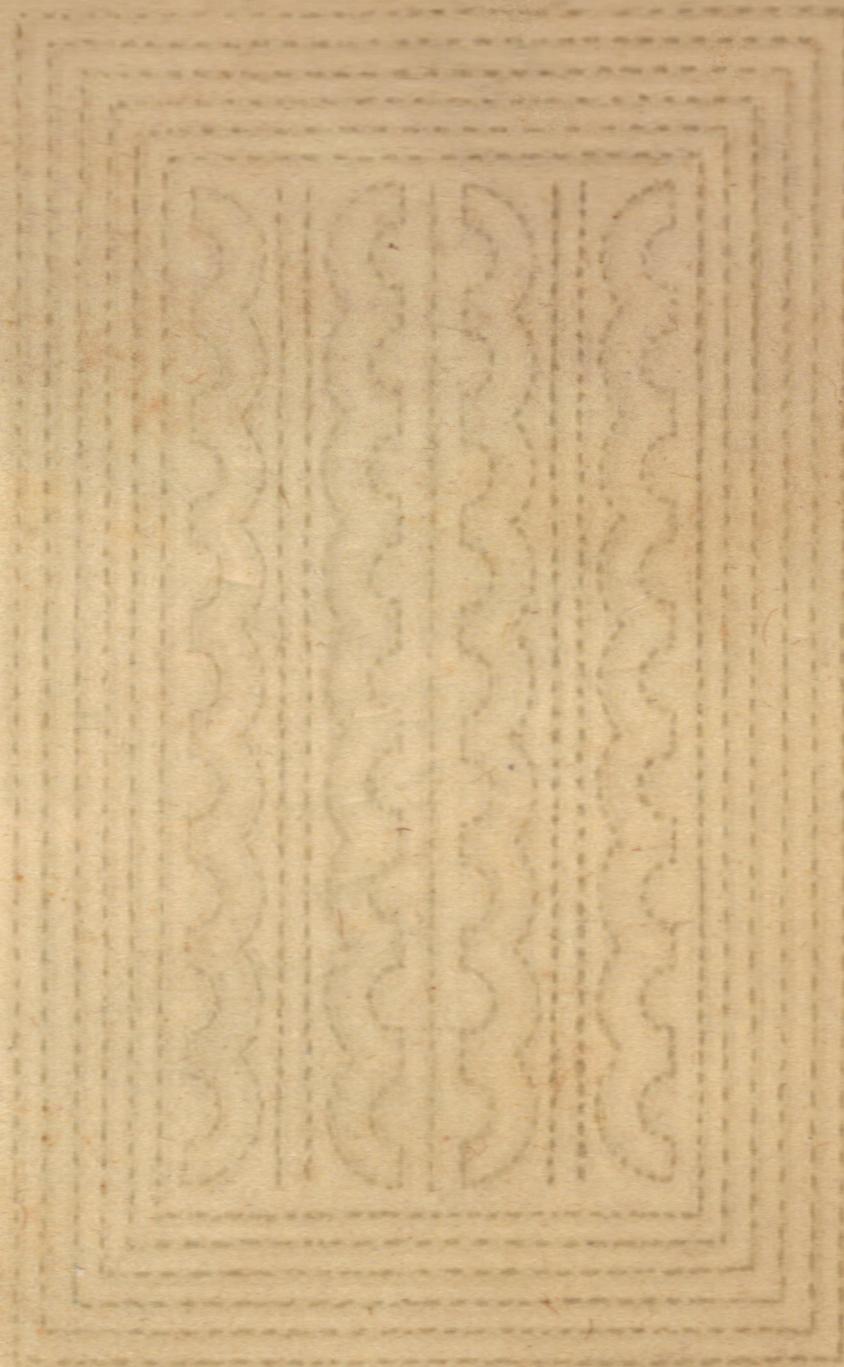

ВЕСТНИК

КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

BULLETIN OF THE KALMYK INSTITUTE FOR HUMANITIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

«Вестник»
Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН
Калмыцкая Республика
Иркутская область
Саяно-Алтайский федеральный округ
Тыва
Хакасия

BULLETIN OF THE KALMYK INSTITUTE FOR HUMANITIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Published since 1963
ISSN 2410-7670 (online version)
ISSN 2075-7794 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on July 1, 2009.
Registration number PI No. FS77-49346

2017. Vol. 32. Iss. 4
Published six times a year

Editor-in-Chief:

Ph. D. of Philology *V. Kukanova*

Deputy Editor-in-Chief:

Ph. D. of History *U. Ochirov*

Editorial Council:

Acad. of the RAS *G. Matishov* (Chairman — Rostov-on-Don, Russia),
Corr. Member of the RAS *S. Arutyunov* (Moscow, Russia), Ph. D. of History *M. Balzer* (USA),
Acad. L. Bold (Mongolia), Ph. D. of History *N. Bugai* (Moscow, Russia),
Ph. D. of Jurisprudence *D. Demichev* (Belarus), Ph. D. of Economics *O. Inshakov* (Volgograd, Russia),
Ph. D. of Philology *M. Magomedov* (Makhachkala, Russia), Ph. D. of History *K. Maksimov* (Elista, Russia),
Ph. D. of History *I. Popova* (Saint-Petersburg, Russia), Ph. D. of History *Na. Sukhebaatar* (Mongolia),
Ph. D. of Philology *Chao Gejin* (China), Ph. D. of History *D. Schorkowitz* (Germany),
Acad. of RAE, Ph. D. of Pedagogy *P. Erdniev* (Elista, Russia)

Editorial Board:

Corr. Member of the RAS *Kh. Amir Khanov* (Makhachkala), Corr. Member of the RAS *B. Bazarov* (Ulan-Ude),
Ph. D. of Jurisprudence *L. Batiyev* (Rostov-on-Don), Ph. D. of History *N. Zhukovskaya* (Moscow),
Ph. D. of Philology *G. Piurbeev* (Moscow), Ph. D. of History *V. Trepavlov* (Moscow)
Ph. D. of Sociology *G. Denisova* (Rostov-on-Don), Ph. D. of Sociology *N. Dulina* (Volgograd)

Ph. D. of History *E. Badmaeva*, Ph. D. of History *E. Bakaeva*,
Ph. D. of Philology *T. Basangova*, Ph. D. of Philology *E. Bembeev*,
Ph. D. of Philosophy *B. Bicheev*, Ph. D. of Economics *E. Mantaeva*,
Ph. D. of Philology *D. Muzraeva*, Ph. D. of Sociology *A. Ovshinov*,
Ph. D. of Philology *E. Omakaeva*, Ph. D. of Pedagogy *B. Salaev* (Elista, Russia)
S. Mirzaeva (executive secretary)

The Editorial Board and Publisher's address:
8, Ilishkin Street, Elista, 358000, Republic of Kalmykia.
Phone No. (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-39; Fax No. (84722) 2-37-84.
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
Home page: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

CONTENTS

HISTORY

National History	<i>Garri M.</i> Soviet 'Socialist Imperialism' in Indochina (1975–1990): Chinese Myth or Reality?	2
	<i>Vidyaikin S.</i> Taxation of Peasants of Purdyshevsky Monastery in the 1680s	11
	<i>Lyukshin D.</i> The De Facto Modernization: Structural Deformations of Russia's Socio-Cultural Environment on the Eve of the Second Russian Time of Troubles	19
	<i>Sabirova Z., Abdrafikova G.</i> Little-Known Sources on the History of the Russian Revolution and Civil War in the Regions	27
	<i>Tetuev A.</i> The Role of Contractual Relations in the Formation of the Russian Federative State	35
Ethnology	<i>Sharaeva T.</i> The Kalmyk Places of Worship: Mount Bogdo	43
	<i>Bakaeva E.</i> The <i>Tsegdeg</i> Dress of Kalmyk and Oirat Women: Semantics of Its Fashion and Decorative Elements (Ancient Signs in the Semiotic System of the Garment)	49
	<i>Tribushinina S.</i> Traditional Leisure-Time Activities in the Cultural and Communicative Environment of Mordvinian Ethnic Medicine	70
Archeology	<i>Burataev E.</i> Burials of Khazar Archers from Dyuker Mound Group	78
	<i>Kekeev E.</i> Archaeological Collections of Palmov National Museum of Kalmykia Formed during Surveys of 1961–1972	92

LINGUISTICS, LITERARY & FOLKLORE STUDIES

Linguistics	<i>Alamshoev Sh.</i> Interjectional Phraseological Units in the Shughni Language	102
	<i>Krylov S.</i> Compatibility of Mongolian Synthetic Word Forms: a Quantitative Aspect	108
Folklore Studies	<i>Rassadin V., Trofimova S., Chuluunbaatar L.</i> The Khalkha Mongolian, Buryat and Kalmyk Languages: Common Mongolian Lexis Denoting the Traditional Home	134
	<i>Ivanova G., Polyakov O., Zhebratkina I.</i> Realization of the Finno-Ugric Vowel / <i>*e/</i> at the End of the Word-Stem in the Moksha Language	141
	<i>Shamsutdinova G., Ishmukhametova A., Buskunbaeva L.</i> The Sub-Corpus of Texts of Aphoristic Genres of Bashkir Folklore: Structure and Composition of the Database of Riddles	146
Literary Studies	<i>Katorova A., Makarova Yu.</i> G. Pinyasov's ' <i>Tyak Syaze Panchfkyazen</i> ' (' <i>Don't Pluck My Flower</i> '): Depicting the Writer's Reflexive Position	154
	<i>Minichkin P.</i> The Word as a Symbol in Literature	159
	<i>Tolasova I., Abisalova R.</i> About an Ossetian Translation of a French Poem	165

SOCIOLOGY

	<i>Nuskhayeva B.</i> Rural Population of Southern Russian Regions: Peculiarities of Age Structure	173
	<i>Gorbunov A., Burnyasheva L., Gazgireeva L.</i> The Republic of Crimea: Tourist Cluster as an Organizational-Economic Management Mechanism for the Formation and Development of Innovative Potential	182

HISTORY

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 32, Is. 4, pp. 2–10, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-32-4-2-10
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94(510).093

Soviet ‘Socialist Imperialism’ in Indochina (1975-1990): Chinese Myth or Reality?

Mikhail I. Garri ¹

¹ Postgraduate Student, Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: mikhailgarri55@gmail.com

Abstract. Active involvement of modern Russia in information wars requires a thorough study of the foreign policy of the Soviet Union in order to avoid repeating the mistakes of the past and strengthening Russia’s position in modern affairs with fair arguments from the past. The rough foreign policy of the Soviet Union in the late 1970s, the invasion of troops into Afghanistan and the condemnation of this action by a large part of the world community caused in the world a feeling of special aggressiveness of the Soviet Union and its imperialist ambitions. In this context, of great interest is the little-studied foreign policy of the USSR in Indochina during the Third Indochina War (1975–1990), where Vietnam’s military actions against Cambodia were perceived by China as a part of the Soviet ‘socialist imperialism’. The article attempts to clarify whether the policy of the USSR in Indochina actually had an imperialistic character or it is a myth.

After the many years of ideological and political confrontation, relations between the PRC and the USSR were in deep crisis. The development of relations between the USSR and Vietnam, and namely the 1978 Treaty of Friendship and Cooperation between the countries was perceived by China as an attempt of the Soviet Union to gain through Vietnam a base on the southern borders of China. After the Vietnam invasion of Cambodia in December 1978, the Sino-Vietnamese War (February–March 1979) began. The military conflict did not last long, but relations between the countries remained tense and began to normalize only after the withdrawal of Vietnamese troops from Cambodia in 1989.

The geopolitical ambitions of Vietnam within the borders of the former French Indochina were in the interests of Moscow in the context of creating a rival to China on its strategic southern direction. The emergence of the Indochinese Federation would certainly be a distraction for China and, in this connection, would contribute to strengthening of the security of the Soviet Far East. However, it is arguable to what extent Vietnamese expansionism was a part of the Soviet strategy as it was seen in the PRC.

Firstly, in the Treaty on Friendship and Cooperation between the USSR and the Socialist Republic of Vietnam of 3 November 1978, the part relating to mutual assistance in the event of war, discusses only mutual consultations, and mentions no USSR’s obligations to protect Vietnam, which shows little interest of the Soviet Union in Indochina. Secondly, the minor importance of the Vietnamese direction of the anti-Chinese policy of the USSR is reflected in the low degree of military presence of the USSR in Vietnam during the Sino-Vietnamese War. Thirdly, the attitude of the USSR towards Indochina is reflected in the nature of the Soviet base in Cam Ranh leased from Vietnam, which,

as this article argues, was not an offensive element of the USSR in Indochina, but represented a transshipment point of the USSR Navy on its way to the Indian Ocean and southern part of the Pacific Ocean.

The above arguments show that the China propagandized *Soviet 'socialist imperialism'* in Indochina was nothing more than a myth emerged from the PRC's fear of the Soviet Union and used by China in an information struggle to eradicate the Soviet influence in the strategically important to China regions of the South China Sea and the Indochina Peninsula.

Keywords: USSR, imperialism, China, Vietnam, Cambodia, history, geopolitics.

В современном мире информационная война уже стала привычным делом. В борьбе за свои геополитические интересы страны всячески стараются создать своим оппонентам на международной арене образ агрессора, нарушающего международное право и статус-кво. Для нашей страны, находящейся в постоянной информационной конфронтации с США, это особенно знакомо. Запад обвиняет Россию в агрессии в Крыму и на Юго-Востоке Украины. Россия обвиняет НАТО в развертывании наступательной инфраструктуры вблизи российских границ и в дестабилизации Ближнего Востока. Когда информационная война происходит в режиме реального времени, очень сложно понять, на чьей стороне правда. Поэтому важно изучать события прошлого, чтобы понимать историческую правду, поскольку она, хотя и не в полной мере, но все же является сдерживающим фактором деструктивной политики государств в будущем. К примеру, признание Соединенными Штатами отсутствия доказательств наличия химического оружия у Ирака, что выдвигалось в качестве обоснования вторжения американцев в эту страну в 2003 г., значительно усилило в США позиции кругов, выступающих за невмешательство Соединенных Штатов во внутренние дела других государств. Активное участие современной России в информационных войнах требует тщательного изучения внешней политики Советского Союза для исключения повторения ошибок прошлого и усиления позиций России в современных делах справедливыми аргументами из прошлого. Особый интерес в этом контексте представляет период последней четверти XX в.: во-первых, это наиболее близкий по времени к современности период существования СССР, во-вторых, жесткая внешняя политика Советского Союза в конце 1970-х гг., ввод войск в Афганистан и осуждение этого действия большей частью мирового сообщества вызвали в мире ощущение особой агрессивности Советского Союза, его империали-

стических амбиций. В этом контексте большой интерес представляет малоизученная внешняя политика СССР в Индокитае в период Третьей Индокитайской войны (1975–1990 гг.)¹, где военные действия Вьетнама в отношении Камбоджи воспринимались Китаем как часть советского «социалистического империализма». В данной статье предлагается прояснить, имела ли в действительности политика СССР в Индокитае империалистический характер или же это является мифом, появившимся в результате страха Китая перед СССР или собственных геополитических интересов Китая на полуострове Индокитай.

После объединения Севера и Юга Вьетнама 2 июля 1976 г. и создания Социалистической Республики Вьетнам (СРВ) объединенный Вьетнам практически сразу заявил о своих геополитических амбициях в границах бывшего Французского Индокитая², претендуя на «специальные» отношения с Лаосом и Камбоджей. На четвертом Съезде Коммунистической Партии Вьетнама, проходившем в декабре 1976 г., была одобрена резолюция, в которой заявлялась о стремлении «...сохранять и развивать специальные отношения между вьетнамским народом и братскими народами Лаоса и Камбоджи, укреплять боевую солидарность, взаимное доверие, развивать долгосрочное сотрудничество и взаимопомощь во всех сферах <...>

¹ Третьей Индокитайской войной называют военные действия, происходившие в Индокитае с 1975 по 1990 гг. Данный конфликт включает в себя Камбоджийско-вьетнамскую войну (1975–1989 гг.), Китайско-вьетнамскую войну (1979 г.) и китайско-вьетнамские вооруженные столкновения в пограничных районах и в Южно-Китайском море (1979–1990 гг.).

² Французский Индокитай — неофициальное, но широко распространенное название французских колониальных владений на полуострове Индокитай. С 1887 г. они официально назывались «Индокитайский союз», который включал территорию Вьетнама, Камбоджи, Лаоса, а также арендованной у Китая территории Гуанчжоувань.

чтобы три страны, ассоциировавшиеся друг с другом в борьбе за национальное освобождение, ассоциировались друг с другом всегда» [Fourth Congress...1977: 248–249]. Геополитические амбиции Вьетнама в отношении Лаоса и Камбоджи не являлись чем-то новым. Идея вьетнамских коммунистов о создании Индокитайской Федерации во главе с Ханоем была широко известна. Однако если для Лаоса, где в результате вооруженного переворота и ликвидации монархии в 1975 г. власть захватили провьетнамски и просоветски ориентированные коммунисты Патет Лао (‘Лаосское государство’), ассоциация с Вьетнамом была приемлема, и в 1977 г. между двумя странами был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве, санкционировавший нахождение в Лаосе вьетнамских вооруженных сил, то в Камбодже, где к власти в 1975 г. пришли ориентированные на Китай ультранационалистические леворадикальные «красные кхмеры», амбиции Вьетнама воспринимались крайне негативно. Режим полпотовцев был крайне антивьетнамским, в связи с чем уже в 1975 г., т. е. сразу после прихода «красных кхмеров» к власти, на вьетнамо-камбоджийской границе начали происходить первые вооруженные инциденты, спровоцированные камбоджийской стороной. Вьетнамо-камбоджийский конфликт делится на два этапа. Первый — пограничная война между Демократической Кампучией «красных кхмеров» и СРВ (1975–1978 гг.). Второй — гражданская война в Камбодже при активном участии вьетнамской армии (1979–1989 гг.).

В начале первого этапа официальные отношения между двумя странами были в целом умеренными. После первых пограничных инцидентов с обеих сторон были попытки нормализовать отношения. В условиях установленного «красными кхмерами» жесточайшего режима террора и геноцида ненависть «красных кхмеров» к Вьетнаму вкупе с их опасениями вьетнамского экспансионизма привела к настоящей антивьетнамской истерии в Камбодже. «Красные кхмеры» неоднократно нападали на приграничные с Вьетнамом деревни, убивая мирных жителей. В результате одной из таких атак «красными кхмерами» была осуществлена резня вьетнамских мирных жителей в деревне Батюк, где было убито 3 157 чел. Вьетнам, в свою очередь, начал подготовку свержения режима «красных

кхмеров», что означало переход ко второму этапу конфликта. В декабре 1978 г. началось полномасштабное вторжение Вьетнама в Демократическую Кампучию. Несмотря на материальную помощь со стороны Китая, «красные кхмеры» не смогли оказать серьезного сопротивления вьетнамской армии. В течение двух недель была уничтожена фактически половина Революционной Армии Кампучии. Лидеры «красных кхмеров» эвакуировались на запад страны в район камбоджийско-тайской границы, который стал местом их базирования в последующие периоды гражданской войны. 7 января 1979 г. вьетнамская армия вошла в Пномпень, где была провозглашена Народная Республика Кампучия, которая сразу же подписала с Вьетнамом Договор о мире, дружбе и сотрудничестве.

Геополитические амбиции объединенного Вьетнама в отношении Лаоса и Камбоджи вызывали большое недовольство Китая, и после начала вьетнамо-камбоджийского конфликта отношения СРВ и КНР стали быстро охлаждаться. Однако, учитывая колоссальную демографическую разницу между населением этих стран, можно сделать вывод о том, что опасения Китая касались не столько самого Вьетнама как такового, сколько его связи с СССР. Как и во время Первой и Второй Индокитайских войн, Китай стремился не допустить появления на своих границах опорных точек великих держав вне зависимости от того, капиталистическая это была страна или социалистическая. После долгих лет идеологической и политической конфронтации отношения КНР и СССР находились в глубочайшем кризисе. Учитывая жесткие действия Советского Союза в разгар советско-китайского кризиса в конце 1960-х гг., включая события на острове Даманский¹, Китай всерьез опасался СССР, а после нормализации отношений с США в начале 1970-х гг. считал Советский Союз своим главным врагом. В этой связи развитие отношений СССР и Вьетнама и подписание между этими страна-

¹ Советско-китайский пограничный конфликт на острове Даманский — вооружённые столкновения между СССР и КНР 2 и 15 марта 1969 г. в районе острова Даманский. Самый крупный советско-китайский вооружённый конфликт в современной истории России и Китая. Потери советской стороны составили 58 чел., китайской же стороны до сих пор являются закрытой информацией и составляют по разным оценкам от 100 до 300 чел.

нами Договора о дружбе и сотрудничестве в 1978 г. Китай воспринимал как попытку СССР через Вьетнам закрепиться на южных границах Китая. Как подтверждение этого тезиса можно привести слова лидера Китая Дэн Сяопина, который, отвечая на вопрос журналиста в преддверии начала Китайско-вьетнамской войны в феврале 1979 г., сказал: «Китай не может терпеть, чтобы Восточная Куба хулиганила в Лаосе, Камбодже или даже на китайской границе» [Chang 1987: 87]. Очевидно, что сравнение с Кубой подразумевало, что Китай не рассматривал Вьетнам как самостоятельного игрока, а видел в нем опорную точку СССР на юге Китая.

Экспансионистская политика Вьетнама в отношении Лаоса и Камбоджи также воспринималась в Китае как часть политики советского «социалистического империализма» в Восточной Азии. Эта позиция отчетливо выражена в одном из сообщений официального информационного агентства правительства КНР Синьхуа от 14 августа 1979 г.: «В формировании Индокитайской Федерации вьетнамские власти преследуют цель создать антикитайскую базу в регионе, прилегающем к китайской южной границе, и координировать свои действия с глобальной стратегией и политикой продвижения на юг социалистического империализма Советского Союза в рамках его стремления к мировой гегемонии...» [Chang 1987: 102]. Более того, учитывая нахождение на советско-китайской границе и в Монголии огромной группировки советской армии, численность которой в 1975 г. составляла около 200 тыс. чел. и постоянно увеличивалась, достигнув к концу 1980-х гг. 500 тыс. чел. [The Soviets in the Pacific in the 1990s 1989: 35], Китай воспринимал советско-вьетнамское партнерство в Индокитае как желание СССР взять Китай «в тиски» с Севера и Юга, что отмечают западные исследователи: «Среди китайских руководителей, ответственных за внешнюю политику, был полный консенсус, что вьетнамский контроль над Индокитаем значительно способствовал „окружению“ Китая, расширяя возможности Москвы по давлению на Китай на основе угрозы войны на несколько фронтов» [Ross 1988: 240].

В начале вторжения Вьетнама на территорию Камбоджи в декабре 1978 г. Китай предупреждал Вьетнам, что он будет наказан, если не прекратит свои действия [Khoо

2011: 127]. В феврале Дэн Сяопин, отвечая на вопрос журналиста о причине китайской агрессии во Вьетнаме, заявил, «что следует сначала задать вопрос, зачем Вьетнам ввел войска в Камбоджу» [Chang 1987: 87]. Таким образом, причиной «упреждающей оборонительной войны против Вьетнама», начатой Китаем в феврале 1979 г., были действия Вьетнама в Камбодже по свержению режима «красных кхмеров» и установлению лояльной Вьетнаму Народной Республики Кампучия. Учитывая китайское восприятие действий Вьетнама в логике советско-вьетнамского антикитайского экспансионизма, а также того факта, что перед началом войны китайский представитель в ООН заявлял об «ограниченных» целях планировавшихся китайских военных действий во Вьетнаме [Chang 1987: 87], наиболее вероятной целью китайского «урока» Вьетнаму представляется стремление Китая путем короткой войны обозначить СССР и Вьетнаму готовность Китая к военным действиям против всех попыток создания Индокитайской Федерации или его аналогов.

В начале 1979 г. на китайско-вьетнамской границе было сосредоточено до 600 тыс. китайских солдат, из которых 250 тыс. вторглись на территорию Вьетнама. Началась Китайско-вьетнамская война (февраль – март 1979 г.). Вьетнамские силы значительно уступали китайским в числе. Китаю противостояло около 100 тыс. чел., причем большая часть из этого числа не участвовала в войне и находилась на подступах к Ханюю и крупнейшему порту Северного Вьетнама Хайфону. Тем не менее, недостаток в количестве вьетнамских солдат в некоторой степени компенсировался наличием у них боевого опыта после войны с США. Сразу же после начала вторжения Китай встретил ожесточенное сопротивление вьетнамских солдат. В ходе наступления китайцам удалось захватить несколько провинциальных центров севера Вьетнама, включая Лангшон, откуда открывалась дорога на Ханой. Тем не менее, эти победы дались китайцам ценой значительных потерь. 5 марта 1979 г. Китай объявил о прекращении наступления и начале вывода войск. Однако отношения между двумя странами оставались напряженными. На границе двух стран не раз вспыхивали вооруженные столкновения. В крупнейшем из таких инцидентов, имевшем место в 1984 г., каждая сторона понесла потери около 1000 чел. Вьетнамско-китайские

отношения начали нормализоваться только после вывода вьетнамских войск из Камбоджи в 1989 г. Вполне очевидно, что на этот шаг Вьетнам решился в связи с потерей поддержки СССР, в котором во второй половине 1980-х гг. началась «перестройка», включавшая кардинальные изменения во внутренней и внешней политике.

После объединения Вьетнама отношения СССР и СРВ развивались стремительно. По статистическим данным СССР с 1976 по 1980 г., рост товарооборота между двумя странами увеличился в три раза, причем как по импорту, так и по экспорту [Исаев 1986: 191]. Во многом это было связано с фактором советско-китайских противоречий. Геополитические амбиции Вьетнама в границах бывшего Французского Индокитаа были в интересах Москвы в контексте создания конкурента Китаю на стратегическом для него южном направлении. Появление Индокитайской Федерации непременно являлось бы отвлекающим фактором для Китая и в этой связи способствовало бы укреплению безопасности советского Дальнего Востока. Тем не менее, спорным является вопрос, насколько вьетнамский экспансионизм был частью советской стратегии, как то видели в КНР.

Военные события в Индокитае 1970-х и 1980-х гг. не дают однозначного ответа на данный вопрос. С одной стороны, СССР практически сразу официально поддержал СРВ в конфликте с Камбоджей, что могло бы расцениваться как потворство вооруженным действиям Вьетнама. С другой, учитывая одиозность режима «красных кхмеров», который в советской литературе характеризовали как «жесточайший режим геноцида» [Исаев 1983: 106], поддержка Советским Союзом вьетнамской стороны могла в большей степени исходить из гуманистических соображений, нежели стратегических интересов. С одной стороны, налицо тот факт, что СССР остался в стороне от китайско-вьетнамского конфликта и не пошел дальше дипломатических осуждений китайской агрессии и военных маневров вблизи границ КНР и на море. С другой стороны, Китай развернул свою армию, не дойдя до Ханоя, и не нанес Вьетнаму серьезного ущерба, чтобы приходилось говорить о необходимости советского вмешательства. Тем не менее, отношение СССР к вьетнамскому вопросу все же проявляется в некоторых менее заметных, чем военные действия, моментах.

Во-первых, вызывает интерес текст Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и Социалистической Республикой Вьетнам от 3 ноября 1978 г., в котором в части взаимопомощи в случае войны говорится лишь о взаимных консультациях: «В случае, если одна из Сторон явится объектом нападения или угрозы нападения, Высокие Договаривающиеся Стороны немедленно приступят к взаимным консультациям в целях устранения такой угрозы и принятия соответствующих эффективных мер для обеспечения мира и безопасности их стран» [Системная история международных отношений... 2004: 295]. Как отмечает А. Д. Богатуров, этот договор «отличался от стандартных союзных договоров о взаимопомощи, имевшихся у СССР с социалистическими странами, включая сам Китай. Советско-вьетнамский договор был, прежде всего, консультативным пактом на случай агрессии и не обязывал СССР защищать Вьетнам от нападения, в то время как советско-монгольский или советско-северокорейский договоры, например, обязывали Советский Союз защищать МНР и КНДР <...> Стандартное для западных работ игнорирование этого юридического нюанса является отчасти нарочитым преувеличением реальности советской угрозы для Китая и, соответственно, подчеркиванием важности умеряющей ее роли США; отчасти непониманием советской традиции союзничества, для которой четко зафиксированные нормы имеют более важное значение, чем, например, для США, многие годы вообще избегавших каких бы то ни было фиксированных зарубежных военных обязательств, а затем — принимавших их в наименее ясной и обязывающей форме. Иначе говоря, с точки зрения советской иерархии стратегических обязательств, договор с Вьетнамом в том виде, как он был подписан, был второстепенным, тогда как первостепенными считались договоры со странами ОВД, МНР и КНДР» [Богатуров 1997: 194]. Такой характер советско-вьетнамского договора говорит о нежелании СССР брать ответственность за Вьетнам и проявляет небольшой интерес Советского Союза к Индокитаю.

Во-вторых, обращает на себя внимание степень военного присутствия СССР в СРВ во время китайско-вьетнамской войны. В начале войны СССР предпринял массовую переброску сил к советско-китайской границе. Как отмечает Д. В. Мосяков: «В от-

дельные моменты в воздухе в это время одновременно находилось 10 авиационных полков фронтовой авиации. Не менее масштабными были передислокации соединений и частей других родов войск <...> В общей сложности к 12 марта 1979 г. в районах, прилегающих к китайской границе, находилось 12 только танковых полков (почти по 100 танков в каждом). Эта бронетанковая армада (по боевому и численному составу — две танковые армии времен Великой Отечественной войны) была способна за несколько суток достичь центральных районов Китая» [Мосяков 2014: 134]. Что же касается вьетнамского направления, то советское участие включало поставку Вьетнаму около 400 танков, боевых машин пехоты и бронетранспортеров, 400 орудий и минометов, 20 самолетов и другой военной техники [Мосяков 2014: 134]. Как видно, перебрасывавшиеся во Вьетнам объемы советской помощи значительно уступали собственным силам СССР, развертывавшимся на советско-китайской границе. Если бы Советский Союз стремился взять Китай «в тиски», как то считали в КНР, то вероятно, он стремился бы к развитию собственного военного присутствия во Вьетнаме и в гораздо большем объеме и качестве, чем указанная помощь Вьетнаму, однако вплоть до конца китайско-вьетнамской войны СССР не имел во Вьетнаме даже военной базы, что подтверждает второстепенность вьетнамского направления антикитайской политики СССР. И тем более неуместным представляется сравнение китайским руководством Вьетнама с Кубой, где в ходе Карибского кризиса СССР предпринимал попытку размещения ядерных ракет.

Наконец, в-третьих, отношение СССР к Индокитаю проявляется в характере полученной в аренду от Вьетнама базы СССР в Камрани. После окончания китайско-вьетнамской войны в 1979 г. СССР получил от Вьетнама право использования порта Камрань в качестве пункта материально-технического обеспечения (ПМТО) Военно-Морского Флота СССР. В начале 1980-х гг. там была развернута крупнейшая база СССР за рубежом. Китай, естественно, рассматривал это в описанной ранее логике «советского империализма» и рассматривал военное присутствие СССР в Камрани как наступательное [Богатуров 1997: 178]. Однако рассмотрим более детально, что из себя представляла советская база в Камрани.

Помимо ПМТО ВМФ СССР, функции которого понятны из названия, в Камрани в соответствии с соглашением с СРВ дислоцировались силы 17-й оперативной эскадры (ОПЭСК), включавшей помимо судов охраны и обеспечения дивизию подводных лодок, бригаду надводных кораблей и авиационный полк. Число и конкретный состав оперативной эскадры менялись в разное время в соответствии с военными задачами, однако согласно договору с Вьетнамом в военном порту Камрань могли одновременно находиться 8–10 надводных кораблей, 4–8 подводных лодок, 14–16 самолетов-ракетоносцев, 6–9 разведывательных и 2–3 транспортных самолета [Матюшин 2011: 91], что дает приблизительное представление о масштабе советского присутствия в Камрани. Между тем, согласно отечественной литературе количественный состав ВМФ СССР на конец 1980-х гг. составлял 1 380 боевых кораблей (не считая вспомогательных судов), 237 подводных лодок, из которых 64 принадлежали к числу атомных с баллистическими ракетами, 1 142 боевых самолета [Павлов 1991: 47]. Тихоокеанский флот, ставший самым крупным флотом СССР, по западным оценкам в конце 1980-х гг. включал в себя 850 боевых и вспомогательных кораблей, 130 подводных лодок, из которых 30–35 принадлежали к числу атомных с межконтинентальными баллистическими ракетами (МБР) на борту; советская авиация на Дальнем Востоке насчитывала 2 000 единиц [The Soviets in the Pacific in the 1990s 1989: 35]. Данные цифры говорят о том, что силы СССР в Камрани не составляли большого процента не только от общих сил советского флота, но даже его составной части — Тихоокеанского флота, и потому не являлись какой-то особой ударной группировкой ВМФ. В работе контр-адмирала в отставке Н. Ф. Матюшина, посвященной истории 17-й ОПЭСК, приведены основные задачи частей эскадры. В частности, основными задачами бригады надводных кораблей являлись «защита и оборона пункта базирования кораблей и авиации в Камрани, обеспечение безопасности судоходства советских военных кораблей и судов в Южно-Китайском море; недопущение сил вероятного противника к рубежу применения им оружия по нашим силам; ведение разведки кораблей вероятного противника и затруднение ведения им разведывательных действий» [Матюшин 2011: 222].

Как видно, это не штурмовые функции, а защитные. Основной задачей авиагруппы СССР в Камрани являлась разведка, о чем свидетельствуют слова инспектировавшего авиационный полк в Камрани генерал-майора авиации А. Н. Сикварова: «Аэродром Камрань стратегически расположен идеально. Мимо полуострова проходят основные морские коммуникации. Здесь особо наглядно просматривалась деятельность 7-го Тихоокеанского флота ВМС США. Ведение воздушной разведки, поиск подводных лодок стали основными задачами авиагруппы, базирующейся здесь» [Матюшин 2011: 335]. В связи с освещением вопроса о размещении в Камрани подводных лодок необходимо отметить следующие факты относительно подводного флота (включая атомные подлодки) в районе Тихого и Индийского океанов. 17-я ОПЭСК, имевшая небольшое число подлодок, не являлась единственной в указанном районе. Кроме нее, еще имели место 10-я ОПЭСК, предназначавшаяся для решения боевых задач на Тихоокеанском театре военных действий, а также 8-я «Индийская» ОПЭСК, предназначавшаяся для решения боевых задач в зоне Индийского океана и Персидского залива. Основным боевым противником 10-й и 8-й ОПЭСК являлся 7-й оперативный флот ВМС США¹. Другими словами, атомные подлодки 17-й ОПЭСК также не являлись особой антикитайской атакующей группой, как и в целом силы СССР в Камрани. Учитывая дальность МБР (не менее 5 500 км) и большую дальность крылатых ракет с подлодок СССР, а также МБР наземного базирования в Сибири и на Дальнем Востоке, стратегические силы СССР покрывали всю территорию КНР и без базы в Камрани.

Исходя из приведенных данных, можно сделать вывод, что база в Камрани не являлась наступательным элементом СССР в Индокитае. Зачем же она была нужна? Относительно этого вопроса Н. Ф. Матюшин пишет, что военно-морская база СССР в бухте Камрань «обеспечивала возможность присутствия наших боевых кораблей в Индийском и Тихом океанах, в зоне Персидского залива» и «представляла собой серьезный военный опорный пункт в Азиатско-Тихо-

океанском регионе» [Матюшин 2011: 404]. Другими словами, база представляла собой перевалочный пункт ВМФ СССР на пути в Индийский океан и южную часть Тихого океана, а главной целью военных сил базы являлась охрана и защита ПМТО, поскольку именно хорошо укрепленный ПМТО позволял обеспечивать постоянное присутствие СССР в этих водах. Причем, как было отмечено ранее, основным противником ВМФ СССР в Тихом и Индийском океанах являлись стратегические силы ВМФ США, а не Китая.

Таким образом, характер договоренностей СССР с Вьетнамом в сфере взаимопомощи, не подразумевавших обязательное включение СССР в китайско-вьетнамский конфликт, низкая степень военного присутствия СССР во Вьетнаме в ходе китайско-вьетнамской войны и ненаступательный характер базы в Камрани — все это говорит о том, что пропагандированный Китаем советский «социалистический империализм» в Индокитае являлся не более чем мифом, порожденным страхом КНР перед Советским Союзом и использовавшимся Китаем в информационной борьбе с целью искоренения советского влияния в стратегически важных для Китая регионах Южно-Китайского моря и полуострова Индокитай.

Литература

- Богатуров А. Д. Великие державы на Тихом океане: История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995). М.: Конверт-МОНФ, 1997. 352 с.
- Исаев М. П. История советско-вьетнамских отношений, 1917–1985. М.: междунар. отношения, 1986. 300 с.
- Матюшин Н. Ф. 17-я оперативная эскадра кораблей Тихоокеанского флота. Исторический обзор 23 лет советского и российского военно-морского присутствия в Южно-Китайском море. 1979–2002 гг. М.: Кучково поле, 2011. 496 с.
- Мосяков Д. В. Роль СССР в отражении агрессии Китая против Вьетнама в 1979 г. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. № 22. С. 128–135.
- Павлов А. С. Советский ВМФ. 1990–1991 г. Справочник. Якутск: Якутск. республиканск. тип. им. Ю. А. Гагарина, 1991. 252 с.
- Системная история международных отношений. В четырех томах. 1918–2003. События и документы / под ред. А. Д. Богатурова. Т. IV. М.: НОФМО, 2004. 600 с.

¹Седьмой флот — оперативный флот ВМС США, в зону ответственности которой входит западная часть Тихого океана и восточная часть Индийского океана. Является передовым компонентом Тихоокеанского командования ВМС США.

- Chang P. *Kampuchea Between China and Vietnam*. Singapore: Singapore University Press, 1987. 204 p.
- Fourth Congress of the Communist Party of Viet Nam: Documents / Dang Cong San Viet Nam. Hanoi: Foreign Languages Publishing House, 1977. 259 p.
- Khoo N. *Collateral Damage: Sino-Soviet Rivalry and the Termination of the Sino-Vietnamese Alliance*. New York: Colombia University Press, 2011. 267 p.
- Ross R. S. *The Indochina tangle: China's Vietnam policy, 1975–1979* / R. S. Ross. New York: Columbia Univ. press, 1988. 361 p.
- The Soviets in the Pacific in the 1990s* / ed. by Ross Babbage. Rushcutters Bay: Brasseys Australia, 1989. 143 p.
- China Sea. 1979–2002]. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2011, 496 p. (In Russ.).
- Mosyakov D. V. *Rol' SSSR v otrazhenii agressii Kitaya protiv V'etnama v 1979 g.* [The USSR's role in repelling China's aggression against Vietnam in 1979]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya* (Southeast Asia: Topical Problems of Development), 2014, No. 22, pp. 128–135 (In Russ.).
- Pavlov A. S. *Sovetskiy VMF. 1990–1991 g. Spravochnik* [The Soviet Navy. 1990–1991. Reference book]. Yakutsk, 1991, 252 p. (In Russ.).
- Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy v chetyrekh tomakh. 1918–2003. Sobytiya i dokumenty. Pod red. A. D. Bogaturova. Tom IV* [A system history of international relations in four volumes. 1918–2003. Events and Documents. Edit. by A. Bogaturov. Vol. IV]. Moscow, NOFMO Publ., 2004, 600 p. (In Russ.).
- Chang P. *Kampuchea Between China and Vietnam*. Singapore, Singapore University Press, 1987, 204 p. (In Eng.).
- Fourth Congress of the Communist Party of Viet Nam: Documents / Dang Cong San Viet Nam. Hanoi, Foreign Languages Publishing House, 1977, 259 p. (In Viet.).
- Khoo N. *Collateral Damage: Sino-Soviet Rivalry and the Termination of the Sino-Vietnamese Alliance*. New York, Colombia University Press, 2011, 267 p. (In Eng.).
- Ross R. S. *The Indochina tangle: China's Vietnam policy, 1975–1979* / R. S. Ross. New York, Columbia Univ. Press, 1988, 361 p. (In Eng.).
- The Soviets in the Pacific in the 1990s* / Ed. by Ross Babbage. Rushcutters Bay, Brasseys Australia Publ., 1989, 143 p. (In Eng.).

References

- Bogaturov A. D. *Velikie derzhavy na Tikhom okeane: Istoriya i teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy v Vostochnoy Azii posle vtoroy mirovoy voyny (1945–1995)* [The Great Powers in the Pacific: history and theory of international relations in East Asia after World War II]. Moscow, Konvert-MONF Publ., 1997, 352 p. (In Russ.).
- Isaev M. P. *Istoriya sovetsko-v'etnamskikh otnosheniy, 1917–1985* [A history of Soviet-Vietnamese relations, 1917–1985]. Moscow, Mezhdunar. Otnosheniya Publ., 1986, 300 p. (In Russ.).
- Matyushin N. F. *17-a operativnaya eskadra korabley Tikhookeanskogo flota. Istoricheskiy obzor 23 let sovetskogo i rossiyskogo voenno-morskogo prisutstviya v Yuzhno-Kitayskom more. 1979–2002 gg.* [17th operational ship squadron of the Pacific Fleet. A historical review of 23 years of Soviet and Russian naval presence in the South

УДК 94(510).093

СОВЕТСКИЙ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ» В ИНДОКИТАЕ (1975–1990): КИТАЙСКИЙ МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?Михаил Игоревич Гарри¹¹ аспирант, Восточный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет Санкт-Петербурга, Российская Федерация). E-mail: mikhailgarrri55@gmail.com

Аннотация. Военные действия Вьетнама в отношении Камбоджи воспринимались Китаем как часть советского «социалистического империализма». В данной статье предлагается прояснить, имела ли в действительности политика СССР в Индокитае в 1975–1990 гг. империалистический характер или же это является мифом. Развитие отношений СССР и Вьетнама и подписание между этими странами Договора о дружбе и сотрудничестве в 1978 г. Китай воспринимал как попытку Советского Союза через Вьетнам закрепиться на южных границах Китая. После вторжения Вьетнама на территорию Камбоджи в декабре 1978 г. началась Китайско-вьетнамская война (февраль–март 1979 г.). Геополитические амбиции Вьетнама в границах бывшего Французского Индокитая были в интересах Москвы в контексте создания конкурента Китаю на стратегическом для него южном направлении. Тем не менее, спорным является вопрос, насколько вьетнамский экспансионизм был частью советской стратегии, как то видели в КНР. Приведенные в статье аргументы относительно характера договоренностей СССР с Вьетнамом в сфере взаимопомощи, степени военного присутствия СССР во Вьетнаме в ходе китайско-вьетнамской войны и характера базы СССР в Камрани говорят о том, что пропагандировавшийся Китаем советский «социалистический империализм» в Индокитае являлся не более чем мифом, порожденным страхом КНР перед Советским Союзом и использовавшимся Китаем в информационной борьбе с целью искоренения советского влияния в стратегически важных для Китая регионах Южно-Китайского моря и полуострова Индокитай.

Ключевые слова: СССР, империализм, Китай, Вьетнам, Камбоджа, история, геополитика.

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 32, Is. 4, pp. 11–18, 2017
 DOI 10.22162/2075-7794-2017-32-4-11-18
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94

Taxation of Peasants of Purdyshevsky Monastery in the 1680s

Sergei V. Vidyakin ¹

¹ Ph. D. in History (Cand. of Historical Sc.), Chief Research Associate, Humanities Research Institute Affiliated to the Government of the Republic of Mordovia (Saransk, Russian Federation). E-mail: vidyakin_sergei@mail.ru

Abstract. By the mid-16th century, the Mordvinian territories had completely and voluntarily joined the Russian state, which had been accompanied by significant structural ethnic transformations within the population of the region. The changes were largely due to the accelerated inflows of ethnic Russians to the Mordvinian lands and further to southern and eastern territories of the Volga Region, as well as due to migrations of the Mordvins within their native lands and subsequent resettlements to other parts of the Volga Region. A large number of Russian villages appeared in the Mordvinian lands. While Russian state authorities were coming into existence in the new territories, the noble government officials turning into ‘landlords’, the lands were distributed between the native inhabitants and the newly arrived population as actually owned by the mentioned groups.

Thus, the landlord system in the Mordvinian territories took shape as a result of both land distributions and land grabs. At the same time, there was a trend towards a substantial increase of landed estates and their population accompanied by an increase in the number of lands owned by monasteries. As the population of the basic Russian towns within Nizhny Novgorod Region grew, the colonization activities of monasteries got accelerated. During the period, a number of friaries and nunneries were established, including one of the oldest Orthodox Christian centers — Alatyry Holy Trinity Monastery founded as an affiliated friary of Diocese of Kazan, and duties and services of peasants increased multifold which lead to great discontent. The peasants had to look for additional means of sustenance for such friaries. The supplementary duties imposed by new administrators upon monastery peasants also resulted in heavy irritation.

The article focuses on taxation of monastery peasants throughout the Mordvinian territories in the last third of the 17th century. Tax burdens on peasants from different monasteries varied significantly. For example, administrators of Purdyshevsky Monastery exploited their subject peasant households very intensely. Moreover, the former extensively used non-economic coercion, such as extortions. Local authorities pursued a policy of non-interference towards monastery estates, monastery administrators acting as deterrent agents to control and suppress the discontented peasant population, which gave way to further and wider abuses of monastery administrators.

Keywords: monastery, peasants, taxes, duties, services, 17th century.

Завершение процесса вхождения мордовского края в состав Российского государства в середине XVI в. оказало огромное влияние на историческое развитие региона. Одним из его проявлений стала значительная трансформация этнической структуры

населения края. Изменения были связаны с усиленным движением русских в пределы мордовской территории и далее — в южные и восточные районы Поволжья, а также с перемещением мордвы в пределах коренного района распространения и уча-

стием ее в заселении других районов Поволжья. В мордовском крае в массовом порядке возникали русские селения. По мере водворения на мордовской территории русской государственной власти и «испомещения» служилого люда земля была разделена между коренными жителями и пришлым населением на основе фактического владения [Козлов 1960: 13–14].

За счет раздачи и захвата земель проходил процесс оформления поместной системы в мордовском крае. При этом наблюдался существенный рост поместного и вотчинного землевладения и его населения. Так, например, в Арзамасском уезде с 1565 г. по 1623 г. количество земли, закрепленной за служилым сословием, увеличилось на 40 %, а количество дворов — на 20 %. Одновременно происходят социальные изменения. Мордовская знать начинает либо интегрироваться с русским дворянством, либо деклассироваться [Букин 2006: 157]. В 40-х–50-х гг. XVII в. здесь же образуются владения крупных феодалов, среди которых и владение такого именитого, как боярин Б. И. Морозов. Владения одного только боярина Бориса Морозова, бывшего воспитателя царя Алексея Михайловича, в Саранском, Темниковском, Нижегородском и Арзамасском уездах по своей величине были сопоставимы с небольшим западноевропейским государством того времени. Вслед за Морозовым сюда потянулись бояре Воротынские, князья Долгоруковы, Троекуровы, Голицыны и др. [Клеянкин 1976: 179]. Таким образом, феодальное землевладение, пустившее корни в мордовском крае сразу же после его присоединения к Российскому государству, в начале XVII в. стало получать свое окончательное оформление.

Параллельно происходил активный рост монастырского землевладения. С ростом населения в опорных русских городах Нижегородского края и в связи с победой над Казанью в 1552 г. монастырская колонизация усилилась. В этот период были основаны: в Арзамасе — Спасо-Преображенский мужской монастырь (1555 г.) и Николаевский, или Никола-Новые Прощи, женский монастырь, Троицкий на Пьяне — Сакминский мужской монастырь (возведен царем Иваном Грозным во время третьего похода на Казань на месте, где ему во сне явилась Тихвинская Божья Матерь) и Никола-Сакма женский монастырь при реке Пьяне в нескольких километрах к юго-западу от Сергача [Кудряшова 2014: 92].

Одним из старейших центров православия в Присурье является Алатырский Свято-Троицкий мужской монастырь. Он был основан в Алатыре не позднее 1569–1570 г. как мужская обитель Казанской епархии. По причине разорения в Смутное время был приписан к одному из самых известных в России монастырей — Троице-Сергиевой лавре — и находился под его управлением вплоть до секуляризационной реформы 1764 г. [Кочетков 2015: 5]. Как и многие монастыри, Алатырский Троицкий для получения постоянных доходов стремился к расширению собственного вотчинного хозяйства. К началу XVII в. в составе монастырской вотчины были село Ичиксы и деревня Подгородная Троицкая. К середине XVII столетия число крестьянских дворов в алатырской троицкой вотчине возросло за полвека с 42 до 404 дворов в селах Ичиксы, Тургаково, Четвертаково, Мишуково, деревнях Кладбищи, Миленино, Подгородная [Кочетков, Чибис 2015: 14, 18, 22].

Монастырские вотчины располагались на территории всех старинных мордовских уездов (Алатырского, Нижегородского, Арзамасского, Темниковского, Шацкого). Так, Спасский монастырь получил «царские мордовские вотчины» в Арзамасском уезде: с. Ивановское, деревни Чернуху и Ореховскую; Троицкий — под Алатырем; Чернеев — в Шацком уезде; Пурдышевский и Санакарский — в Темниковском [Дубинская 1975: 123].

Одним из крупнейших монастырей в мордовском крае в XVII столетии был Пурдышевский монастырь. По данным 1618 г., в Мещерском уезде в Замокшанском стане на реке Мокше находился Рождества Пресвятой Богородицы Пурдышевский монастырь, которому принадлежали: слобода Пурдышки Русские, на той же реке, и «деревни мордовская Тотушева, Малыя Пурдышки тож», в которых числилось 63 двора крестьянских и 56 дворов бобыльских, в том числе 6 дворов мордвы [Материалы... 1890: 15]. По выписи из шацких писцовых книг 1645 г., за Пурдышевским монастырем числилась «слободка, да село, да четыре деревни». Земли «пашенной, доброй» до 1 250 десятин, да «сенных покосов на 1 765 копен» и, наконец, еще 500 десятин соснового леса [Петерсон 1993: 94]. В 1646 г. по переписным книгам Шацкого уезда значились «Рождества Пречистая Богородицы Пурдышевского монастыря слобода Пурдышки Русские, на реке Мокше, и деревня Пошаты,

на той же реке, а в них 157 дворов крестьянских и 50 дворов бобыльских, людей в них 458 человек» [Материалы...1890: 15].

С 1651 г. Пурдышевский монастырь был приписан со всеми владениями Саввино-Сторожевскому монастырю Звенигородского уезда. Саввино-Сторожевский ставропигиальный мужской монастырь был основан в 1398 г. преподобным Саввой, Звенигородским чудотворцем, одним из первых учеников преподобного Сергия Радонежского, по просьбе звенигородского князя Юрия Дмитриевича. При царе Алексее Михайловиче монастырь стал Лаврой и был подчинен личной канцелярии царя, приказу Тайных дел. По уставу он был приравнен к Троице-Сергиеву монастырю. К Саввино-Сторожевскому монастырю было приписано 19 монастырей [Саввино... 2017].

В писцовых книгах 1656 / 1657 гг. за Пурдышевским монастырем значились «слобода Пурдышки, по обе стороны реки Мокши <...> деревня Тотушева мордовская, малые Пурдышки тож, а в ней живут мордва, село Шигони, на реке Юру <...> деревня Пошат, на реке Мокше <...> деревня Ингинарь <...> Всего за монастырем пашенных и оброчных крестьянских и бобыльских и мордовских 239 дворов, людей в них 553 человека» [Материалы...1890: 16]. По переписным книгам 1678 г., числилась «вотчина Рождества Пречистые Богородицы за Пурдышевским монастырем в селе Пурдышка церковь во имя Рождества Пречистые Богородицы, 5 дворов монастырских служек, в них 17 человек, а на тех монастырских служек крепости в Саввинском монастыре Сторожевскаго у властей, и 228 дворов крестьянских и бобыльских, людей в них 781 человек» [Материалы...1890: 17].

В фондах РГАДА сохранился документ, обладающий значительной ценностью для рассмотрения вопросов налогообложения монастырских крестьян в мордовском крае. Он представляет собой сказку крестьян Пурдышевского монастыря 1682 г., поданную стольнику и темниковскому воеводе Алексею Михайловичу Блохину, о том, «какие лишние в Савинском монастырь перед прежними поборы иманы и обиды и налоги и разорения чиними» [РГАДА. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 181. Л. 31].

В документе последовательно рассказывается о том, как после приписки Пурдышевского монастыря «с вотчины и со крестьяны и з бортники и с мордвою» Саввино-Сторожевскому монастырю, «вместо

игумнов присылают в тот Пурдышевской монастырь строители и слуг Савинского монастыря на приказы» [РГАДА. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 181. Л. 31]. Все жалованные грамоты, писцовые выписи и вотчинные крепости, в которых были расписаны размеры торговых пошлин и податей, были увезены в Саввино-Сторожевский монастырь. Новые управляющие — строители — начали устанавливать на торгу при Пурдышевском монастыре завышенные размеры торговых пошлин. Из-за лишних поборов приезжие торговые люди начали избегать участия в местном торге, что привело к его запустению. В результате «мы крестьяня без торговых промыслов будучи в монастыре от их налоги оскудали и промыслов всяких отбыли, ни каких доходов промыслит стало негде» [РГАДА. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 181. Л. 31]. Примечательно, что данная претензия монастырских крестьян указывает на значительную ориентированность их хозяйств на местный рынок.

Другой значимой претензией в глазах монастырских крестьян было то, что новые управители отказывались тратить на содержание монахов Пурдышевского монастыря. Несмотря на отсутствие в монастыре игумена, с крестьян продолжали собирать «кормы праздничные и великих государей именин и по государьских родителей памяти и во вкладчиках бывают кормы, и больничным и всяким монастырским служебником как были при игумнах» [РГАДА. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 181. Л. 31]. Кроме того, «что корм исходило в монастыре масла коровья и конопляного и муки и пшена и круп и меду и всяких запасов, и то все емлют они к себе в Савинской монастырь. А того Пурдышевского монастыря братью и служебников тамят гладом и ноготью, и вкладчиков итого монастыря отогнали и вкладов давать вкладчики не учили, для того, что те вкладные денги и лошади отсылают в Савинской монастырь» [РГАДА. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 181. Л. 31]. По всей видимости, корни недовольства крестьян здесь лежали не в заботах о качестве жизни местных монахов, а в том, что им приходилось в любом случае изыскивать дополнительные средства на повседневные нужды монастырской братии.

Но, конечно же, наибольшее возмущение крестьян вызывали многократно возросшие размеры наложенных на них податей и повинностей.

Сверх обычных повинностей новые монастырские управители обязали крестьян

распахать 40 десятин крестьянской пашни, 10 десятин «за коровьим станом» и две поляны — «Заболотье» и «Митина». Хлеб с этого участка крестьяне, сжав и обмолотив, за свои же средства должны были отвозить в Саввино-Сторожевский монастырь в Звенигородский уезд. Монастырские управители также наложили лишних поборов: за «масло коровье» — 8 руб. 24 алт., за «пояршную шерсть» — 8 руб. 24 алт., за «приказщиковы доходы» — 38 руб. 13 алт. 2 деньги, за «дровеную воску» — 17 руб. 24 деньги, за «всякой канюшенной побор» — 5 руб. 8 алт. 2 деньги, оброчных денег — 16 руб. Кроме того, крестьян обязывали доставлять все хлебные запасы за свой счет в Саввино-Сторожевский монастырь в Звенигородский уезд, что обходилось им в сумму около 100 руб. каждый год. Важное место в хозяйстве крестьян Пурдышевского монастыря занимало «горшешное дело». При прежних игуменах за пользование «глиняной поляны» с них бралось по 2 руб. Строители же наложили на крестьян «покруговых денег з горшешнова дела» по 37 руб. за год [РГАДА. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 181. Л. 31].

Большое недовольство монастырских крестьян вызвала также раскладка новыми управителями податей в пользу государства. С 289 крестьянских дворов ими были дополнительно взысканы («доправлены») «двои полтинные» и «полуполтинные» деньги (т. е. налог, собиравшийся государством на выплаты ратным и служилым людям). Всего на каждый двор пришлось платежей по 2 руб. 8 алт. 2 деньги. Еще большее недовольство вызывал у монастырских крестьян размер платежей стрелецкого хлеба. Причем в своей сказке они приводят его в сравнении с выплатами других категорий податного населения. Так, если с посадского населения сумма этого налога составляла 1 руб. со двора, а с вотчинных и поместных крестьян — 1 юфть хлеба (1 четверть ржи и 1 четверть овса) со двора, то для крестьян Пурдышевского монастыря она была установлена в 7 юфтей. Кроме того, несмотря на отмену сбора полоняничных денег по всему государству, монастырские управители продолжали собирать со своих крестьян этот налог. Причем, как гласит текст документа, «отписан в тех денгах нам не давали. А в государеву казну они власти те денги платили ль мы того не ведаем» [РГАДА. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 181. Л. 31], т. е. крестьяне подозревали, что большая часть государственных налогов, собиравшихся мона-

стырскими управителями, оседала в их же карманах.

К сожалению, текст сказки не содержит данных, позволяющих определить полный объем налогообложения крестьян Пурдышевского монастыря, тем не менее, благодаря ему мы можем рассчитать его основную часть. Согласно нашим подсчетам, эта сумма составила 880 руб. 2 деньги в год или в перерасчете на один крестьянский двор — 3 руб. 1 алт. 3 деньги.

Используя данные источников, мы также можем оценить примерную цену собиравшегося с каждого двора стрелецкого хлеба. Так, исходя из фрагмента одного документа Тайного приказа от 1667 г. («... за посопный хлеб за 1 812 чети с осьминою ржи, овса тож, 625 рублей 9 алтын 1 деньга» [Русская историческая..., 2: 1907]), можно сделать вывод о том, что примерная цена юфти хлеба в конце 60-х гг. XVII в. составляла 69 денег. Согласно материалам Саранской таможенной книги 1678 / 1679 гг. [НА НИИГН. И-1103], цена чети ржи была 32 деньги, что также близко к значению 1660-х гг. Исходя из цены за юфть в 69 денег, денежный эквивалент стрелецкого хлеба мы можем оценить в примерную сумму в 2 руб. 13 алт. 5 денег с одного двора. Таким образом, примерная сумма годового налогообложения одного крестьянского двора Пурдышевского монастыря в 1680-х гг. составляла 5 руб. 15 алт. 2 деньги.

Чтобы оценить, много это или мало, приведем следующие факты о ценах того времени. По данным И. Д. Воронина, в рассматриваемый период на 1 копейку (2 деньги) можно было купить 5 сальных свечей или жестяное ведро, телега и хомут стоили 25 копеек, кожа сырая яловичная — 25 копеек, шуба баранья добротная — 60 копеек [Воронин 1961: 69]. Винокур в последней трети XVII в. получал жалованья 1 руб. 20 коп. в месяц, винокурные работники — по 65 коп. Денежный оклад записного кузнеца составлял 3 руб., мельника — 6 руб. [Лезина 2002: 57]. Размеры денежного оклада служилой мордвы колебались в пределах от 5 до 12 руб.; у дворян и детей боярских — от 7 до 73 руб. Самые большие оклады имели стольники — 81 руб. [Кадерова 2001: 96, 99].

Данные источников позволяют сравнить тяжесть обложения крестьян Пурдышевского монастыря и крестьян другого крупного монастыря мордовского края — Алатырского Свято-Троицкого монастыря. Согласно

«Переписной и оброчной книги старца Троице-Сергиева монастыря Иоасафа Певцова, слуги Василия Карпова на владения Троице-Алатырского монастыря» крестьяне села Тургаково в 1696 г. платили со 101 двора монастырского и государственного оброков 160 руб. 11 алт. 2 деньги [Переписная... 2015: 257–258]. Таким образом, с одного двора общая сумма всех налогов составляла 1 руб. 19 алт. 3 деньги. Это в 3,4 раза меньше, чем у крестьян Пурдышевского монастыря. Схожая картина наблюдается и при сравнении тяжести обложения с другими категориями податного населения. Согласно данным, содержащимся в «Книге переписи Ивана Путятина Алатырского уезда мордвы» 1671 г. [ГАУО. Ф. 732. Оп. 2. Д. 69. Л. 207–289], и основанным на них нашим расчетам, дворцовые крестьяне Алатырского уезда в 1671 г. выплачивали с одного двора сумму налогов в пользу Дворца и в пользу государства по 1 руб. 26 алт. 2 деньги. По сравнению с дворцовыми крестьянами Алатырского уезда крестьяне Пурдышевского монастыря платили в 3 раза больше налогов.

Помимо значительного завышения ставок налогообложения новые управители опускались и до прямого вымогательства с монастырских крестьян. Так, присланные из Саввино-Сторожевского монастыря строитель Саватей, подьячий Степан Хренов и «служебники» при содействии шацких стрелецкого головы и стрельцов «вымучили» «бив на правеже смертным боем» у крестьян заемную грамоту, будто бы те взяли займы 111 руб. За помощь шацкие стрельцы получили от управителей 14 лошадей, отобранных у тех же монастырских крестьян. Служебник Тиханка Козаков (который возвращался из Усольской вотчины Саввино-Сторожевского монастыря в Звенигородский уезд, т. е. даже не являлся специально присланным управителем) «вымучил» у тех же крестьян 31 руб. 10 алт. [РГАДА. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 181. Л. 31].

Практиковали приезжие управители и индивидуальный террор. Строитель Саватей и подьячий Степан Хренов разорили крестьянина Ониску Сапожника, присвоив все его деньги, находившиеся «в торговом промыслу», — 30 руб. 16 алт. 4 деньги. Те же два управителя «вымучили» у крестьянского старосты повинную челобитную, чтобы крестьянам «впредь от Савинского монастыря не откладыватца и быть за Савин-

ским монастырем по прежнему» [РГАДА. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 181. Л. 31].

Примечательно, что строитель Саватей фигурирует в исторических источниках, относящихся к истории других монастырей. До нас дошла «Грамота Питириму Митрополиту Новгородскому о приписке Спаскаго Горнецкаго монастыря с землями и крестьянами к Юрьеву монастырю» от 1667 г., в которой Саватей также предстает как весьма нелюбимая фигура. Как следует из грамоты, монастырские крестьяне Горнецкого монастыря подали челобитную на старца Саватея, что он бил челом «на прежних строителей и на крестьян <...> ложно, что будто прежние строители тот Горнецкой монастырь опустошили и крестьян разогнали для того, чтобы ему в том Горнецком монастыре быть самому в строителях, и он <...> чинит им налоги и обиды и разоренья больше, и от того де его разоренья и от ложного челобитья крестьяне разбрелись врознь и отчины стали пусты <...> и податей и монастырскаго тягла платить некому» [ПСЗ, 1 1830: 674, 675]. В результате управление монастырем было передано архимандриту Юрьева монастыря Феодосию.

Местные власти были прекрасно осведомлены о методах новых монастырских управителей — «в том разоренья подана властям скаска. И оне власть нам о том указу ни какова не учинили и теми денгами завладели сами» [РГАДА. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 181. Л. 31]. В результате от жалоб крестьян страдали они же сами. Так, например, «в прошлом во 183 году будучи в монастыре строител Гаврил Черниговец учинил нам крестьяном разорение великое — зачав в Шацком город бил кнутом нас крестьян безвинно пятьдесят человек» [РГАДА. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 181. Л. 31].

Итог хищнической политики по управлению вотчинными владениями Пурдышевского монастыря был закономерен. Как гласит текст источника, «строитель Саватей и подячей Степан и служебники правят на нас крестьянях и на матерях и на женах и на детях наших, загнав нас по крестьянским дворам — бьют смертным правежем по вымученой кабале сто одиннатцат рублей. И от того разоренья крестьяня бегают по лесам и долго в своих отбыли» [РГАДА. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 181. Л. 31].

До нас дошли документы, в которых упоминаются беглые крестьяне Пурдышевского монастыря. Примечательно, что они

также связаны с историей вотчинных владений Саввино-Сторожевского монастыря, только уже в районе Самарской Луки. Выше уже упоминалась Усольская вотчина этого монастыря, находившаяся в районе современного села Усолье Шигонского района Самарской области (местность вокруг которого носит название Надеино Усолье). В описи и отчетности Надеинского Усоля за 1674–1680 гг. в бытность промышленником соборного старца Саввино-Сторожевского монастыря Леонтия Моренцова упоминаются беглые крестьяне Пурдышевского монастыря, нашедшие пристанище в этой вотчине. Известно, что монастырский промышленник Леонтий Моренцов безраздельно правил в Надеинском Усолье в период с 1674 по 1680 гг. и оставил о себе весьма неприятные воспоминания своим самодурством, случаями неподчинения местным властям, жестоким обращением с крестьянами и работниками. Жалобы в Саввино-Сторожевский монастырь и даже самому царю Федору Алексеевичу привели к тому, что старец был смещен и учинено расследование его деятельности. В результате были подтверждены многие факты о его нелегальных делах, а также примеры того, как он принимал в Надеинское Усолье беглых крестьян, в том числе и бежавших с приписных Саввино-Сторожевского монастыря владений. Среди них упоминаются и 11 семей крестьян, сбежавших из владений Пурдышевского монастыря после переписи 1678 г.: Алферка Алексеев прозвище Морозенок с братом родным, Левка Ананин сын Шилцов, Петрушка Артемьев сын Тресиголов с братом Якушкой Степановым сын Тресиголов прозвище Тресиголовы, Фетка Григорьев сын, Петрушка Федоров сын Дристунов, Фетка Матвеев сын Силушев, Емелька Григорьев сын Сгибнев, Ивашка Борисов сын Котов, Ивашка Семенов сын Сальмин, Ивашка Викулов сын Скудин [Надеинское... 2017].

Подводя итог рассмотрению налогообложения монастырских крестьян мордовского края последней трети XVII столетия, необходимо выделить следующие моменты. Тяжесть податного обложения крестьян разных монастырей могла значительно различаться. Управители Пурдышевского монастыря проводили политику, характеризующуюся высокой степенью тяжести эксплуатации крестьянских хозяйств. Причем в своей деятельности они активно использовали методы внеэкономического принуж-

дения, выразившиеся например, в прямых вымогательствах. Органы местной власти предпочитали вести политику невмешательства в экономическую жизнь монастырской вотчины, при этом пользуясь монастырскими управляющими как фактором сдерживания и подавления недовольства вотчинных крестьян. Все это открывало широчайшие возможности для произвола и злоупотреблений монастырских управителей.

Источники

- ГАУО — Государственный архив Ульяновской области. Ф. 732. Оп. 2. Д. 69. Л. 207–289.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 181. Л. 31.
НА НИИГН — Научный архив Научно-исследовательского института гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. И-1103.

Литература

- Букин С. М. Национальная государственность мордовского народа: история становления и развития (X–XX вв.). Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2006. 382 с.
Воронин И. Д. Саранск. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1961. 268 с.
Дубинская Л. Г. Поместное и вотчинное землевладение в мещерском крае // *Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.* М.: Наука, 1975. С. 123–131.
Алатырский Троицкий мужской монастырь: Документы 1612–1703 годов. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2015. 512 с.
Кадрова Т. Н. Организация обороны юго-восточных границ Российского государства и служилые люди в мордовском крае во второй половине XVI–XVII веков: дисс. ... канд. ист. наук. Саранск, 2001. 226 с.
Козлов В. И. Расселение мордвы (исторический очерк) // *Вопросы этнической истории мордовского народа. Труды мордовской этнографической экспедиции.* М.: Изд-во АН СССР, 1960. Вып. 1. С. 5–18.
Клеянкин А. В. К вопросу о заселении Присурья и Симбирского Поволжья русскими крестьянами в XVII в. // *Вопросы истории и археологии Мордовской АССР.* Вып. 2. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 1976. С. 173–183.
Кудряшова А. С. Монастырская колонизация как одна из составляющих процесса освоения нижегородских земель XIII–XVI вв. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 2014. № 7 (45). Ч. 1. С. 90–93.

Кочетков В. Д., Чибис А. А. Предисловие // Алатырский Троицкий мужской монастырь. Документы 1612–1703 годов. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2015. С. 5–12.

Кочетков В. Д., Чибис А. А. Алатырский Свято-Троицкий монастырь во второй половине XVI–начале XVIII вв. // Алатырский Троицкий мужской монастырь. Документы 1612–1703 годов. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2015. С. 13–24.

Лезина Е. П. Города на территории Мордовии в XVI–XVIII вв. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2002. 101 с.

Материалы для истории, статистики и археологии города Темникова и его уезда XVII и XVIII ст. / сост. В. и Г. Холмогоровы. Тамбов: Губ. Зем. тип., 1890. 138 с.

Саввино-Сторожевский ставропигиальный мужской монастырь [электронный ресурс] // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4195410.html> (дата обращения: 30.08.2017).

Надеинское Усолье на Самарской Луке [электронный ресурс] // URL: <http://forum.yar-genealogy.ru/index.php?showtopic=8284&st=175> (дата обращения: 30.08.2017).

Петерсон Г. П. Странички старины. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. 284 с.

Полное Собрание Законов Российской Империи. Собр. первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 1. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. 48 т.: указ.

Переписная и оброчная книга старца Троице-Сергиева монастыря Иоасафа Певцова, слуги Василия Карпова на владения Троице-Алатырского монастыря // Алатырский Троицкий мужской монастырь. Документы 1612–1703 годов. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2015. С. 241–271.

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 21. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1907. 994 с.

Sources

GAUO — *Gosudarstvennyy arkhiv Ul'yanovskoy oblasti* [State Archive of Ulyanovsk Oblast]. F. 732. Op. 2. D. 69. Pp. 207–289 (In Russ.).

RGADA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 1167. Op. 2. D. 181. P. 31 (In Russ.).

NA NII GN — *Nauchnyy arkhiv Nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnykh nauk pri pravitel'stve Respubliki Mordoviya*

[Scientific Archive of Humanities Research Institute Affiliated to the Government of the Republic of Mordovia]. I-1103 (In Russ.).

References

Bukin S. M. *Natsional'naya gosudarstvennost' mordovskogo naroda: istoriya stanovleniya i razvitiya (X–XX vv.)* [National statehood of the Mordovian people: history of formation and development (10th–20th cc.)]. Saransk, Mord. Univ. Press, 2006, 382 p. (In Russ.).

Voronin I. D. *Saransk* [Saransk]. Saransk, Mordov. Book Publ., 1961, 268 p. (In Russ.).

Dubinskaya L. G. *Pomestnoe i votchinnoe zemlevladienie v meshcherskom krae* [Manorial and patrimonial landownership in Meshcheri Region]. *Dvoryanstvo i krepostnoy stroy Rossii XVI–XVIII vv.* [The nobility and serfdom of Russia in the 16th–18th cc.]. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 123–131 (In Russ.).

Alatyrskiy Troitskiy muzhskoy monastyr': Dokumenty 1612–1703 godov [Alatyrsky Holy Trinity Monastery: Documents of 1612–1703]. Ulanovsk, Korporatsiya Tekhnologii Prodvizheniya Publ., 2015, 512 p. (In Russ.).

Kaderova T. N. *Organizatsiya oborony yugovostochnykh granits Rossiyskogo gosudarstva i sluzhilye lyudi v mordovskom krae vo vtoroy polovine XVI–XVII vekov Dis. ... kand. ist. nauk.* [Organization of the defense of the southeastern borders of the Russian state and servicemen in the Mordovian Region in the second half of the 16th–17th centuries. A Ph. D. thesis]. Saransk, 2001, 226 p. (In Russ.).

Kozlov V. I. *Rasselenie mordvy (istoricheskiy ocherk)* [Settlements of the Mordvins (a historical essay)]. *Voprosy etnicheskoy istorii mordovskogo naroda. Trudy mordovskoy etnograficheskoy ekspeditsii* (Issues of ethnic history of the Mordvinian people. Proceedings of the Mordovian ethnographic expedition). Moscow, USSR Acad. of Sc. Press, 1960, iss. 1, pp. 5–18 (In Russ.).

Kleyankin A. V. *K voprosu o zaselenii Prisure'ya i Simbirskogo Povolzh'ya russkimi krest'yanami v XVII v.* [Revisiting the colonization of the Sura River Valley and Simbirsk Volga Region by Russian peasants in the 17th century]. *Voprosy istorii i arkheologii Mordovskoy ASSR* (Issues of History and Archeology of the Mordovian ASSR). Saransk, Mord. Univ. Press, 1976, iss. 2, pp. 173–183 (In Russ.).

Kudryashova A. S. *Monastyrskaya kolonizatsiya kak odna iz sostavlyayushchikh protsessov osvoeniya nizhegorodskikh zemel' XIII–XVI vv.* [The monastic colonization as an element of the colonization process within Nizhny Novgorod territories in the 13th–16th cc.]. *Istoricheskie,*

- filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki Ch. 1* (Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Culturology and Art Studies. Chapter 1). Tambov, Gramota Publ., 2014, No. 7 (45), pp. 90–93 (In Russ.).
- Kochetkov V. D., Chibis A. A. *Predislovie* [Foreword]. *Alatyrskiy Troitskiy muzhskoy monastyr'. Dokumenty 1612–1703 godov* [Alatyrsky Holy Trinity Monastery: Documents of 1612–1703]. Ulyanovsk, Korporatsiya Tekhnologiy Prodvizheniya Publ., 2015, pp. 5–12 (In Russ.).
- Kochetkov V. D., Chibis A. A. *Alatyrskiy Svyato-Troitskiy monastyr' vo vtoroy polovine XVI–nachale XVIII vv.* [Alatyrsky Holy Trinity Monastery in the second half of the 16th–early 18th cc.]. *Alatyrskiy Troitskiy muzhskoy monastyr'. Dokumenty 1612–1703 godov* (Alatyrsky Holy Trinity Monastery: Documents of 1612–1703). Ulyanovsk, Korporatsiya Tekhnologiy Prodvizheniya Publ., 2015, pp. 13–24 (In Russ.).
- Lezina E. P. *Goroda na territorii Mordovii v XVI–XVIII vv.* [Cities in the territory of Mordovia in the 16th–18th cc.]. Saransk, Mordov. Univ. Press, 2002, 101 p. (In Russ.).
- Materialy dlya istorii, statistiki i arkhologii goroda Temnikova i ego uezda XVII i XVIII st.* / Sost. V. i G. Kholmogorov [Materials on the history, statistics and archeology Temnikov city and its county in the 17th–18th cc.]. Tambov, Gub. Zem. Publ., 1890, 138 p. (In Russ.).
- Savvino-Storozhevskiy stavropigial'nyy muzhskoy monastyr'* [Savvino Storozhevsky Stavropigial Monastery]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4195410.html> (accessed: 30 August 2017) (In Russ.).
- Nadeinskoe Usol'e na Samarskoy Luke* [Nadeinsky Usolye on the Samara Luka]. Available at: <http://forum.yar-genealogy.ru/index.php?showtopic=8284&st=175> (accessed: 30 August 2017) (In Russ.).
- Peterson G. P. *Stranichki stariny* [Pages of Antiquity]. Saransk, Mordov. Book Publ., 1993, 284 p. (In Russ.).
- Polnoe Sobranie Zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobr. pervoe: s 1649 po 12 dekabrya 1825 goda. T. 1. SPb. 2-oe Otd-niye Sobstv. E. I. V. Kantselyarii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Iss. 1: 1649–12 December 1825 ...]. St. Petersburg, 2nd Dep. of His Imperial Majesty's Own Chancellery Press, 1830, 48 vol. (In Russ.).
- Perepisnaya i obrochnaya kniga startsa Troitse-Sergieva monastyrya Ioasafa Pevtsova, slugi Vasiliya Karpova na vladeniya Troitse-Alatyrskogo monastyrya* [Joasaph Pevtsov's Census and obrok book of the Holy Trinity-St. Sergius Monastery, as a servant of Vasily Karpov for the ownership of Alatyrsky Holy Trinity Monastery]. *Alatyrskiy Troitskiy muzhskoy monastyr'. Dokumenty 1612–1703 godov* [Alatyrsky Holy Trinity Monastery: Documents of 1612–1703]. Ulyanovsk, Korporatsiya Tekhnologiy Prodvizheniya Publ., 2015, pp. 241–271 (In Russ.).
- Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoy komissiey. T. 21* [Russian Historical Library published by the Archeographic Commission. Vol. 21]. St. Petersburg, Chief Landownership Department Press, 1907, 994 p. (In Russ.).

УДК 94

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН ПУРДЫШЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ В 1680-е гг.

Сергей Васильевич Видяйкин¹

¹ кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Саранск, Российская Федерация). E-mail: vidyaikin_serger@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается налогообложение монастырских крестьян мордовского края последней трети XVII столетия. Тяжесть податного обложения крестьян разных монастырей значительно различалась. К примеру, управители Пурдышевского монастыря проводили политику, характеризующуюся высокой степенью тяжести эксплуатации крестьянских хозяйств. Органы местной власти предпочитали вести политику невмешательства в экономическую жизнь монастырской вотчины, при этом пользуясь монастырскими управляющими как фактором сдерживания и подавления недовольства вотчинных крестьян. Все это открывало еще большие возможности для произвола и злоупотреблений монастырских управителей.

Ключевые слова: монастырь, крестьяне, налоги, подати, повинности, XVII в.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 32, Is. 4, pp. 19–26, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-32-4-19-26
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94

The De Facto Modernization: Structural Deformations of Russia's Socio-Cultural Environment on the Eve of the Second Russian Time of Troubles

Dmitri I. Lyukshin ¹

¹ Ph. D. in History (Cand. of Historical Sc.), Associate Professor, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: 1dlyuksh@kpfu.ru

Abstract. The article defines the problem of criteria for the Russian modernization accelerated by war needs in 1914–1917 and consequences of such acceleration. It underlines that the existing deductive methods once inherent to Soviet historiography are of hardly any use when it is required to adequately describe and estimate multiple events of the Red Time of Troubles, though it is evident enough that there were a number of relatively autonomous scenarios of descent into chaos. Thus, the paper aims to analyze certain historical subjects against the background of the all-Russia drama of 1917. Deconstruction of these discourses shall also facilitate understanding of the general nature of 1917 collisions.

Studies of the history of the Muslim feminist movement in Russia seem to be a most promising line of research. The ideas of gender equality were not that popular with the Muslims, but the very fact of their existence could be interpreted as an indicator of a crisis of Russian Mohammedans' traditional social structure initiated by the Great War that contributed to the further qualitative modernization of the society. Women's congresses became an innovational form of social communication and introduced a requirement of gender equality to the agenda of the all-Russian Muslim movement.

The short-lived period of rapid growth over, the women's movement within the *ummah* was opposed by male Muslims who considered the women's activities untimely. At the same time, Bolshevik decrees went far beyond any feminist projects as such and — as social tensions escalated — predetermined the rollback of Muslim women's social activities: existential modernization projects were removed from the agenda; practices of social bricolage were initiated behind the fence of utopia, the former aiming to reduce the public spirit to zero. Still, the spiritual emancipation of women in Islam held back in the early 20th century is relevant enough for the 21st century when traditional Islam has faced some radical subcultures and extremist movements the ideology of which happened to be popular with the female public.

And though Islamic feminism in national and foreign historiography is still a provoking trend rather than a socio-political movement deserving scholarly attention, the early 21st century might become a starting point in the systematic struggle of Russia's Muslim women for their civil and social rights.

Keywords: Second Russian Time of Troubles, Islamic feminism, peasants, peasant issue, marginals, modernization, workers' issue, Russia, feminism.

Исследовательский интерес к событиям Первой мировой войны, месту и роли России в ней, подпитываемый вековым юбилеем Великой войны, позволил, в конечном итоге, дезавуировать в отечественной историографии гипотезу о неготовности страны к войне и неспособности народа довести её до победного конца. Однако это, вне всякого сомнения, выдающееся достижение отечественной исторической науки заставляет с позиций объективного исторического анализа обратиться к вопросу о движущих силах и причинах коллизий 1917 г., обернувшихся трагедией Второй русской смуты.

С этой точки зрения успехи в развитии военного сектора промышленности, рост высокотехнологичных производств и промышленности вообще, продемонстрированные Россией, должны быть рассмотрены в контексте тех социальных трансформаций и культурных деформаций, которыми они сопровождалась. Некоторые из них уже попали в поле зрения исследователей и даже оказались изучены. Речь идёт, в первую очередь, о подрывной деятельности думской оппозиции, заговоре элит и саботаже союзников. Важным фактором дестабилизации страны можно признать бурные миграционные потоки: так, 15 млн мужчин были призваны в армию, не менее 5 млн чел. переселены из западных районов и бежали из Турции [Курцев 2017], свыше 3 млн военнопленных оказались на территории России. Эти людские массы формировали особую маргинальную субкультуру войны, деформируя массовое сознание и патриархальную мораль. Ещё одним важным фактором маргинализации населения, нарушения культурного баланса и социальной стабильности можно признать взрывное увеличение численности рабочих и внутренние трудовые мобилизации, в результате которых было перемещено порядка 4 млн чел. Имперский организм, до того времени относительно успешно «переваривавший» инокультурные формы, захлестнутый миграционными потоками, просто не справлялся с их канализацией в стабильные структуры повседневности. В результате социальные институты и государственные механизмы оказались в состоянии некоторого противоречия, настоятельно требовавшего разрешения. Однако вывод об агонии империи или исчерпании её жизненного потенциала, очевидный для дискурса советской и постсоветской историографии, не представляется безусловным, хотя бы потому, что руководство Российской Федерации — явно

не вопреки мнению большинства населения — декларирует (хотя и не слишком настойчиво) преемственность и интегральный характер российской политики и геополитической доктрины на протяжении более чем тысячи лет¹.

В общем контексте военных усилий России 1916 год выглядит переломным: к началу 1917 г. удалось добиться колоссального скачка военного производства. В 1917 г. отечественная промышленность готова была в изобилии снабдить русскую армию почти всем необходимым, в то время как недостающее готовы были предоставить и уже предоставляли страны Антанты². Беда пришла, откуда не ждали: разрушение армейской и флотской инфраструктуры привело к превращению «единственных союзников России» в её могильщиков, а гипер-модернизация социума обернулась его энтропией. Исторически совпавшие с антимоноархическим заговором служилой и бизнес-элит, эти процессы получили в пропагандистских дискурсах именование российских революций (февральской и октябрьской)³.

¹ 3 марта 2011 г. Указом Президента РФ Д. Медведева № 267 было решено возродить торжество. Документ предписывал организовать подготовку и проведение празднования 1150-летия зарождения российской государственности в 2012 г. Дата праздника приурочена к открытию памятника «Тысячелетие России» в Новгородском Кремле в 1862 г.

² Скажем, производство винтовок, запланированное на 1918 г., в полтора раза превышало заявки Ставки; уже в 1917 г. начал формироваться переизбыток боеприпасов тяжелой артиллерии; а легкая подошла бы к 1918 г. с откровенным затовариванием боеприпасами; к концу 1917 г. из-за явного переизбытка пришлось сворачивать выпуск боеприпасов к бомбам. Союзники были готовы финансировать программу строительства военных заводов, а об объёмах поставок вооружения красноречиво свидетельствует тот факт, что пулемётами Льюиса вооружались ещё части народного ополчения, защищавшие Москву в 1941 г. (при этом проблема дефицита запчастей и боеприпасов не возникла).

³ На самом деле, интересно здесь то, что, хотя первое поколение советской элиты прекрасно осознавало природу и специфику социальных трансформаций военного времени, уже руководители следующего, хрущёвского призыва, в практической работе не прикрываются пропагандистскими лозунгами, а руководствуются ими, — что, в конечном итоге, и сделалось причиной социокультурного тупика, в котором разложилась социалистическая идеология и переродились властные институты.

Схоластический характер дискурсивной формации гипотезы перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую обнаруживает себя как в канонических нарративах, посвящённых 1917 г., так и в содержании академических дискуссий. Так, с конца 1930-х гг. сталинское определение Октябрьской революции становится эталонным, а в ходе развернувшихся в 1960-х гг. споров консерваторов и сторонников нового направления определение процента беднейшего крестьянства в структуре российского села, являющееся (по мнению авторитетного крестьяноведа Т. Шанина) злой насмешкой над логикой и смыслом исторических исследований, не служит решению исследовательской проблемы, а лишь позволяет маркировать консерваторов-сталинистов и обновленцев-шестидесятников, сошедшихся в схватке за политическое доминирование.

Между тем задача составления объективной летописи событий 1917 г. встала в повестку дня лишь в начале 90-х гг. прошлого века в связи с явившейся в обществе потребностью объективно оценить собственный потенциал и природу постсоветских структур повседневности. Однако сохранение в дискурсивной формации иллюзорной дихотомии социалистической / общенародной революции не позволило в полной мере разрешить проблему кризиса 1917 г.

Очевидно, что господствующий — конформистский по сути — дискурс пучка революций не позволяет вскрыть генезис и природу многих интеракций Красной смуты, хотя наличие нескольких относительно автономных сценариев вползания в смуту не вызывает сомнения. Остаётся лишь разобраться с каждым из этих сюжетов, при этом непротиворечивое их истолкование позволит, вероятно, продвинуться и в понимании общей природы коллизий Семнадцатого года. В этом смысле анализ феминистского движения и степени его интеграции в общий поток модернизационных проектов представляет несомненный интерес для исследователей. Одним из наиболее экзотических и в то же время знаковых элементов представляется феномен исламского феминизма, сочетающий в себе как программные установки джадидистского проекта, так и анастрофические последствия милитаризации отечественной экономики, составлявшие базу для деформации патриархальной структуры российского общества вообще.

Среди социально-культурных и политических презентаций, которыми были так богаты первые десятилетия XX в., идеи гендерного равенства в исламском обществе составляют заметный, а в российском исполнении ещё и весьма оригинальный сюжет.

Идеи женской эмансипации в мусульманской среде возникли в контексте прогрессивного обновления социально-культурного уклада мусульманского общества. Вестернизация быта казанских татар (находившихся, как и турки, в зоне активного контакта европейской и азиатской культурных традиций) сопутствовала некоторому раскрепощению нравов. Систематическое общение с русским населением, поездки за границу (включая центры мусульманского модернизма) способствовали большей раскованности взглядов и критическому восприятию обычаев, утвердившихся в повседневной жизни и быту мусульманской семьи. В частности, уже к началу прошлого века татарский женский костюм постепенно утратил свои архаичные черты. Весьма популярными в татарской среде становятся многочисленные магазинчики и лавочки, торгующие одеждой из Европы. Важным фактором развития женского мусульманского движения стало развитие светской системы образования. Так в начале XX в. постепенно формировался тип и образ мусульманской феминистки.

Но, хотя индикаторы идентичности и самоидентичности указывают на наличие мутаций в самосознании мусульманок, их социальный статус и место в семье по-прежнему определялись шариатскими практиками. Бурные споры по женскому вопросу в печати, дебаты на апрельском съезде женщин-мусульманок в Казани, всероссийских мусульманских съездах (Москва, Казань, 1917 г.) свидетельствуют о том, что идеи гендерного равенства были довольно экспрессивно и весьма неоднозначно восприняты уммой.

Мощный импульс женское движение получило в России в годы Первой мировой войны, но референтной группой для российских феминисток оставались просвещённые мужчины благородного происхождения, достижение социального статуса которых и становится целью женских социально-политических организаций. В результате российский феминизм принял характер суфражистского движения, цели и лозунги которого были далеко не очевидны большин-

ству россиянок. Дело осложнялось тем, что законодательные ограничения по признаку пола объективно ставили «женский вопрос» в российскую политическую повестку дня, а следом — и в «джентельменский набор» программных требований политических партий. Собственно говоря, сами активистки отечественных Союза равноправия женщин (СРЖ) и Лиги равноправия женщин почитали своей задачей внедрение «женского вопроса» в сознание демократической интеллигенции, тем самым вынося женское движение на периферию политического процесса. Как правило, такая постановка дела являлась отражением жизненного мира самих суфражеток, которые в России, по большей части, не переживали конфликт с маскулинным миром, а были женами и матерями, разделявшими труды своих интеллигентных мужей, демобилизовавшихся из народнических кружков.

Возможно, поэтому основным лозунгом российских феминисток в 1917 г., сформулированным на Всероссийском женском делегатском съезде, проходившем в Москве в начале апреля, стало требование участия женщин в выборах Учредительного собрания, которое было вполне удовлетворено Временным правительством уже 20 июля 1917 г. и законодательно закреплено в сентябре того же года. Излишне говорить, что на страницах либеральной прессы введение женского избирательного права в России оценивалось как инновация, которую «можно только приветствовать», а пришедшие к власти большевики обеспечили женщинам такой объём политических прав и свобод, о котором феминистки Старого и Нового света могли лишь мечтать.

Одним из немногих исключений оказывается женское мусульманское движение. Среди его представительниц, по свидетельству современника, «были и почтенного возраста женщины, и интеллигентки-учительницы, и студентки авторитетных учебных заведений, и выпускницы учебных заведений, и познавшие опыт жизни представительницы трудящихся женщин» [Всероссийский съезд мусульманок... 2017]. Собравшийся в Казани в конце апреля 1917 г. Всероссийский съезд мусульманок, солидаризовавшись с лозунгом избирательных прав для женщин, пошёл значительно дальше в деле социальной рефлексии, сделав предметом публичной дискуссии не только вопросы отношений в мусульманской се-

мье, но и проблемы гендерного равенства, мусульманского гардероба и т. п. Майский Всеобщий Всероссийский мусульманский съезд под давлением активисток женского движения и их сторонников из либералов и социалистов признал равенство мужчины и женщины. Однако явное противоречие резолюции московского съезда ряду аятов (282-й 2-й суры (о свидетельствовании на суде), 11-й 4-й суры (о наследовании) и 34-й 4-й суры (о попечительстве мужей над женами)) вызвало бурную полемику на Втором (июльском) всеобщем мусульманском съезде в Казани. По его итогам феминистская программа оказалась фактически свёрнута, а соответственно предпринятая мусульманскими активистками попытка выработать свой модернистский проект, который, не ставя под сомнение мусульманскую идентичность, формулировал бы новую, основанную на принципах демократии и гражданского общества, фактически завершилась.

Позднее, в ходе превращения политического кризиса в brutальный конфликт Второй русской смуты, эссенциальные модернизаторские проекты, в том числе и исламского феминизма, оказались сняты с повестки дня общества, в котором за фасадом утопии актуализировались практики социального бриколажа, предполагающие редукцию гражданского чувства до состояния атрофии. Но это вовсе не означает, что мир магометанской деревни существовал, не испытывая воздействия внешних вызовов и внутренних кризисов. К тому же было бы, на наш взгляд, не совсем корректно ограничивать поле социокультурного кризиса православным сообществом, под напором модернистских инноваций затрещали традиционные устои всех сельских миров, а патримониальная форма организации деревенской жизни принялась повсеместно давать сбои.

Война 1914–1918 гг. вскрыла и убедительно показала не только пороки и слабости российской бюрократии, но и неспособность общественного организма империи функционировать в модернизирувавшемся за годы всемирной войны социальном пространстве. Судя по всему, поддерживавшая общественный консенсус патримониальная структура, на протяжении веков обеспечивавшая корреляцию интенций социальных и государственных институтов, во многих своих сегментах оказалась неспособна обеспечить воспроизводство просистемной

идентичности, поскольку номенклатура социальных маркеров, достаточных для соотнесения себя с «Третьим Римом», явилась анахронизмом в период формирования национального самосознания, соответствующего времени смены второго технологического уклада третьим.

Запуск процесса технологической революции (неотрефлексируемый ни правящими элитами, ни либеральной оппозицией), без чего победить в Великой войне было бы невозможно, обернулся не только созданием высокотехнологичных инновационных производств и соответствующих им социальных страт, но и естественным стремлением членов этих классов к самоидентификации, удовлетворить которое традиционные конфессионально-имперские образы уже не могли¹. В этих условиях, когда национально-философская мысль лишь начинала осознавать бытие молодого национального тела, широкое распространение получили суррогатные (например: батальоны смерти или женские батальоны) и маргинальные (питерские хулиганы, одесские бандиты и т. п.) формы идентификации. При этом сохранение имперской идентичности позволяло удерживать их на положении субкультур, дополняющих и уточняющих идентичность, формировать её посредством имплантации в тело империи новых государственных институций, навреде Государственной Думы или Комитетов по... А вот следствием её демонтажа естественным образом оказалось разрушение базовой идентичности и замещение её субкультурными ценностями, немедленно институционализировавшимися в самых причудливых формах². Проще говоря, если некоторые органы обновлённого имперского организма с трудом понимали друг друга и тужились уяснить необходимость толерантного сосуществования, то после краха империи они объективно — просто отстаивая свои жизненные установки — оказались в состоянии тотального конфликта (войны всех против всех), который с XVII в. в России и называли Смутой.

¹ Позволим себе обратить внимание читателя на то, что имперская идентичность не противоречила модернистской, просто её было уже недостаточно.

² Иллюстрацией этого процесса может служить повальное увлечение аббревиатурами и акронимами, характерное для идентификационного процесса смутного и послесмутного времени.

Потребовались время и силы сначала для восстановления общегосударственной идентичности, а затем и для внедрения её в сознание масс. При этом новая сверхидентичность³, не отрицая локальные субкультуры, активно поглощала их, создавая площадку для нового социального консенсуса. Это обстоятельство оказалось решающим для того, чтобы brutальное противостояние политических акторов, охарактеризованное как Гражданская война, сменилось феноменальной толерантностью советского общества⁴. Отметим при этом, что хотя эти деформации были характерны для всех конфессиональных групп Среднего Поволжья, наибольший резонанс вызвали их инкарнации в исламских анклавах.

В частности, весной 1916 г. жандармские аналитики отмечают массовые пьянки мусульман во время Сабантуя. Хотя изначально внимание имперских охранителей привлёк факт нарушения сухого закона, однако всерьёз обеспокоились они из-за того, что в магометанских дионисиях активно участвовали члены крестьянских общин, до того момента придерживавшиеся шариатских норм, которые, как известно, употребление спиртного совсем не приветствуют. Соответственно, культурные коды тех, кто пил на Сабантуе, должны были испытать существенную деформацию, которая осталась незамеченной жандармами. Можно сказать, что пьяных татар в провинциальной России следовало опасаться гораздо больше, нежели трезвых, поскольку этот вид подданных был неизвестен. Великая война вообще не только ускорила так или иначе решение «домашнего задания» для российских либералов, она создавала совершенно невыносимые гуманитарные формы, среди которых «конные матросы», напавал сразившие Ф. И. Шаляпина, были ещё далеко не самыми экзотическими. Чего стоил, например, brutальный эротизм в эстетике Маты Хари, символом которого в России становится шуба-клош из каракуля [Калед... 2017]: инфляция жизни вызвала и обесценение личности. Вот настоящий источник этой странной бравады, игры со

³ В законченном виде явленная обществу в 1938 г. Книгой книг большевизма.

⁴ Вопрос о том, почему этот консенсус оказался неспособен к развитию и модификации следует задавать специалистам по нацистроительству и, во всяком случае, рассматривать за пределами данного нарратива.

смертью, позволявшей ощутить вкус жизни, когда вопрос, стоит ли один день всей жизни, даже не ставился, потому что речь шла лишь о том, подарит ли тебе судьба этот миг. Эти люди-мгновения, чьи обнаженные нервы обуглились до полного бесчувствия, не вписывались ни в одну из ниш имперской социальной структуры, да и в традиционной общественной организации места для них тоже не находилось. И эти непонятные новые мусульмане уже пришли и жили среди обычных людей, имманентно создавая некую новую культурную ауру с неизвестными, а потому пугающими параметрами, однако, удостоверившись в патриотических настроениях подданных мусульман [НА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1605. Л. 42, 108, 108 об.], власти не стали углубляться в выяснение причин мамадшского загула¹. Тем более, что жандармов не хватало даже для серьезной борьбы со шпионами и революционерами. В 1917 г. география праздничных возлияний на Сабантуе расширилась, а к концу года даже татарские барышни кое-где не гнушались опрокинуть стопку-другую. По данным жандармов, в городах они даже принялись осваивать древнейшую профессию [НА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1611. Л. 12, 68-71; Оп. 1. Д. 34. Л. 107-133]. Мужчины же взяли за правило взбадривать себя горячительными напитками [НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 1611. Л. 59]. Сами по себе случаи публичного и открытого пьянства можно расценить как парадоксальные факты исламской повседневности, но не менее удивительной представляется реакция обществ и мулл на происходящее, точнее — отсутствие этой самой реакции. То обстоятельство, что мусульманское духовенство не выступило с решительным порицанием такого поведения, свидетельствует не только о массовом, но и глубинном характере процессов социальной деформации в исламских сообществах, не находивших в себе сил подвергнуть порицанию пьющих женщин и мужчин.

Ещё одним индикатором кризиса социально-культурной архитектуры мусульманской деревни является отход женщин на промыслы. Великая война вообще открыла перед женщинами завораживающие карьерные перспективы [Чайковский... 2017]. Поэтому неудивительно, что, не дожидаясь

¹ Именно магометане Мамадышского уезда Казанской губернии приняли первыми «восхвалять Диониса».

исхода социально-политических диспутов и жандармских разысканий, татарские крестьянки того же Мамадышского уезда уже с весны 1915 г. работали на пристанях, погрузке леса, причём, судя по жандармским отчётам, зарабатывали очень неплохо [НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1088. Л. 20об.]. Кроме того женщины, преимущественно вдовы и солдатки, трудились на строительстве железной дороги [НА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1555. Л. 16об.]. Примечательно, что получаемое вознаграждение (1руб. 80 коп. в день, т. е. на 30 коп. больше, чем мужик-подёнщик с лошадей) позволяло солдаткам не обращать — в некоторых случаях нарочито — внимания на ограничения норм этики выживания, а также игнорировать мирские притязания на признательность и компенсацию затраченных трудовых ресурсов. Однако эмансипация поволжских мусульманок отнюдь не была плодом их мечтаний. Изменения своего статуса и динамику окружения они рассматривали как явление временное. Так, в донесении унтер-офицера Ивана Акутина, наблюдавшего в 1915 г. за положением дел в Чебоксарском уезде, указывается: «Солдатские жёны отказываются выходить из общины до конца войны» [НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1089. Л. 21об., 22].

Мнится, однако, что полученный за время войны опыт гендерной автономии едва ли мог остаться под спудом. Освобождение мусульманок, их социальное равноправие и правосубъектность, всё ещё составлявшие предмет теоретических дискуссий, становились элементом структур повседневности вне зависимости от степени отрефлексированности этих новелл.

Для движения женщин-мусульманок было характерно отсутствие сегментации социально-гражданских и правовых идей, сочетание исламской идентичности и противоречие айатам Корана. В целом исламский феминизм оставался немногочисленным, но энергичным течением джадидистской традиции, активизировавшимся в годы Великой войны, а особенно после падения монархии в России. Между тем, вне зависимости от институционализированного (или, по крайней мере, отрефлексированного) феминистского движения во время Первой мировой войны происходит эмансипация женщин в исламских общинах Среднего Поволжья, обусловленная решительным изменением социально-экономического статуса некоторых женщин-мусульманок. По-

казательно, что если организованные формы исламского феминизма за время Красной смуты деградировали, то спонтанная эмансипация, напротив, получила заметный толчок, и хотя наиболее заметной она оказалась всё же в городах, но наличие деревенских эмансипе можно квалифицировать в качестве показателя глубинной природы процессов социокультурной динамики, опосредованных интенцией генезиса национальной идентичности, набравшей силу в российском обществе в начале прошлого века, тем более что вопиющее противоречие шариатским нормам, оказавшееся неразрешимой теоретической проблемой, легко снималось в рамках структур моральной экономики села.

Эти, в общем-то, автономные тренды в исламском феминизме лишь исторически не оказались в состоянии конфликтной коммуникации. Позднее оба направления были деструктурированы советской властью, целенаправленно выступавшей против джадидистского феминизма. Советская версия гендерного равноправия также далеко превосходила программу бытовой эмансипации, намеченную в годы Великой войны. Однако подобное положение дел не решало вопросы гендерного равноправия в исламской общине, а снимало их посредством ликвидации уммы как социального института.

Участие мусульманок в процессах модернизации и интенсификации российской экономики, обусловленных Великой войной, приобрело массовый характер, что, в свою очередь, опосредовало формирование маргинальной социокультурной среды, где конфессиональная самоидентичность отступала на периферию сознания, в то время как гражданская ещё не сформировалась. Именно поэтому одним из центров движения исламского феминизма оказался регион Средней Волги, российская провинция, где были не слишком развиты интеллектуально-философские практики, зато присутствовали мощные традиции интеркультурной коммуникации, джадидистского просвещения и этноконфессиональной толерантности.

Хотя исламский феминизм для отечественной и зарубежной историографии остаётся скорее эпатажирующим образом, нежели социально-политическим течением, заслуживающим пристального внимания исследователей; начало XX в., вероятно, можно определить в качестве некоей услов-

ной границы, за которой начинается отсчёт систематической борьбы женщин-мусульманок в России за гражданские и социальные права.

Этот уникальный сюжет отечественной истории может служить как свидетельством высокой степени развития трендов модерна в российском обществе, так и примером того, в какие причудливые формы порой облекался социальный прогресс, железной поступью которого прикрывались политические акторы, стремившиеся мобилизовать общественные силы на реализацию своих умозрительных утопий. То обстоятельство, что это движение не выступало в качестве единой политической силы, равно как и деструкция всех его направлений в годы советской власти, отнюдь не могут служить доказательством недостаточного влияния движения исламских феминисток на ход и итоги социально-политических процессов 1917 г.

Благодарности

Публикация осуществлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 15-31-12034.

Источники

НА РТ — Национальный архив Республики Татарстан.

Литература

Всероссийский съезд мусульманок [электронный ресурс] // URL: <http://www.idmedina.ru/books/regions/?1564> (дата обращения: 25.08.2017).

Калед. Каракулево безумие // Петроградские Ведомости. Цит. по: Каракулево сумасшествие и безумие бомбежек // Российская газета // «Родина» [электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2017/01/11/rodina-gazety.html> (дата обращения: 25.08.2017).

Курцев А. Н. Беженцы первой мировой войны в России // История. Исторические статьи, опубликованные в ведущих научных журналах [электронный ресурс] // URL: <http://historystudies.org/2012/07/kurcev-a-n-bezhency-pervoj-mirovoj-vojni-v-rossii> (дата обращения: 20.08.2017).

Чайковский В. Женщина на железнодорожной службе // Журнал для женщин. 1917. март // 1917. Свободная история [электронный ресурс] // URL: <https://project1917.ru/groups/308>. (дата обращения: 25.08.2017).

Sources

NA RT – *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan]:

References

Vserossiyskiy s'ezd musul'manok. Dvizhenie musul'manok Rossii za prava zhenshchin v 1917 g. – Vserossiyskiy s'ezd musul'manok [All-Russia Muslim Women's Congress. Russian Muslim movement for women's rights in 1917]. Medina Publ., Available at: www.id-medina.ru/books/regions/?1564 (accessed: 25 August 2017) (In Russ.).

Kaled. *Karakulevoe bezumie* [The karakul frenzy] *Petrogradskie Vedomosti. Tsit. po: Karakulevoe sumasshestvie i bezumie bombezhek Rossiyskaya gazeta «Rodina»* (Petrogradskiye Vedomosti. With reference to: Karakul madness and folly bombing. *Rodina* Russian gazette).

Available at: <https://rg.ru/2017/01/11/rodina-gazety.html> (accessed: 25 August 2017) (In Russ.).

Kurtsev A. N. *Bezhentsy pervoy mirovoy voyny v Rossii* [Refugees of World War I in Russia]. *Istoriya. Istoricheskie stat'i, opublikovannye v vedushchikh nauchnykh zhurnalakh* [History. Historical articles published in leading scientific journals]. Available at: <http://historystudies.org/2012/07/kurcev-a-n-bezhency-pervoj-mirovoj-voyny-v-rossii> (accessed: 20 August 2017) (In Russ.).

Chaykovsky Vs. *Zhenshchina na zheleznodorozhnoy sluzhbe* [Women on the railway service]. *Zhurnal dlya zhenshchin, mart 1917 Svobodnaya istoriya* (Women's Magazine. March, 1917. Free History). Available at: <https://project1917.ru/groups/308> (accessed: 25 August 2017) (In Russ.).

УДК 94

МОДЕРНИЗАЦИЯ DE ФАКТО: СТРУКТУРНЫЕ ДЕФОРМАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ В ПРЕДДВЕРИИ ВТОРОЙ РУССКОЙ СМУТЫ

Дмитрий Иванович Люкшин¹

¹ кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Российская Федерация). E-mail: 1dlyuksh@kpfu.ru

Аннотация. В статье формулируется проблема критериев российской модернизации, ускоренной военными нуждами 1914–1917 гг., а равно — последствий ускорения. Предлагается ряд индикаторов уровня модернизации социума к началу 1917 г., ставится вопрос соответствия скорости развития промышленности социокультурной структуре российского общества. Особое внимание уделяется феминизму в Поволжском регионе, в частности, такому явлению как исламский феминизм. Показано, что идеи женского равноправия не получили в мусульманской среде большой популярности, однако сам факт их наличия может быть истолкован как индикатор кризиса традиционной социальной организации российских магометан. Одной из инновационных форм стали женские съезды, работа которых способствовала включению лозунгов гендерного равенства в повестку дня общероссийского мусульманского движения. Пережив короткий период бурного роста, женское движение в умме испытало противодействие мужчин-мусульман, полагавших выступление женщин несвоевременным. Сворачиванию социальной активности мусульманок способствовали и другие факторы. Автор приходит к выводу: хотя исламский феминизм для отечественной и зарубежной историографии остаётся, скорее, эпатажирующим образом, нежели социально-политическим течением, заслуживающим пристального внимания исследователей, начало XX в., вероятно, можно определить в качестве некоей условной границы, за которой начинается отсчёт систематической борьбы женщин-мусульманок в России за гражданские и социальные права. Решение объективных задач духовного раскрепощения женщин в границах исламской традиции, насильно снятое с повестки дня в начале XX в., оказалось вновь актуальным для начала XXI в., когда классический ислам столкнулся с проблемой радикальных субкультур и экстремистских движений, идеология которых оказалась востребована женской аудиторией.

Ключевые слова: Вторая русская смута, исламский феминизм, крестьянство, крестьянский вопрос, маргиналы, модернизация, рабочий вопрос, Россия, феминизм.

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 32, Is. 4, pp. 27–34, 2017
 DOI 10.22162/2075-7794-2017-32-4-27-34
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 930.2:94(470.57) «1917/1920»

Little-Known Sources on the History of the Russian Revolution and Civil War in the Regions

Zukhra R. Sabirova¹, Gulnara Kh. Abdrafikova²

¹ Ph. D. in History (Cand. of Historical Sc.), Senior Research Associate, Department of Contemporary History of Bashkortostan, Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Center of the RAS (Ufa, Russian Federation). E-mail: timerbulat2009@mail.ru

² Ph. D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Senior Research Associate, Department of Literary Studies, Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Center of the RAS (Ufa, Russian Federation). E-mail: gulnara1273@bk.ru

Abstract. The article examines bibliographically rare autobiographical works (some of them being manuscripts) by the distinguished Bashkir social, political and cultural activist, historian Karim A. Idelguzhin, who rose from the rank of record clerk in the Tsarist army to that of Soviet public official. In terms of the regional Bashkir historiography, K. Idelguzhin's works remain understudied which is partly due to the fact those had been written in the Arabic script. During the post-perestroika period, when lots of once classified archive funds were made accessible, thus significantly enlarging the thematic range of research studies, data about most popular social and political activists of the first third of the 20th century — such as A. Validov, A. Inan, M. Murtazin — were introduced into scientific discourse; the works of the latter were published. After access was granted to personal funds of public figures who represented different political movements, the data were mirrored in multiple journal, newspaper, and book publications. One such publication is the series called 'Bashkortostan in the 20th century. Historical Portraits'. However, numerous papers and manuscripts are still there awaiting to be examined. The article studies Karim Idelguzhin's works notable for breadth of mental outlook resulting from the author's experiences in different positions and ranks. The papers deal with the history of establishment of Bashkortostan's autonomy, the manning and equipping of Bashkir national military units, issues of children's education and school system development, problems of Bashkir language development, culture, most of the materials being largely supplemented with interesting and rare photos. The uninvestigated layer of Arabic script sources is nowadays scattered through diverse archives, libraries, rare book collections. Even when it came to the already published works by K. Idelguzhin, the researchers had to search for them in the central state archives and libraries. The researchers have discovered a total of 9 books and over 10 articles, thus introducing them into scientific discourse and significantly contributing to the fullness of the 1920s national historiography, which shall also facilitate thematic widening for further studies on the history of the region.

Keywords: Arabic script sources, Southern Ural, Bashkir SSR, Russian Revolution, Russian Civil War, Bashkir People's Commissariat of Education.

Начало XX в. было насыщено драматическими, порою трагическими для любого народа Российского государства, событиями. Немало свершений и достижений было в их жизни. Сегодня, в год 100-летия российской революции, само время заставляет нас взглянуть на судьбу народов через призму истории. Если обратиться к общей изученности истории каждого народа, населяющего Россию, то можно сделать вывод, что имеется большой объем работ по различным направлениям в исторической науке. Однако все еще имеются проблемы, по которым не вышло ни одного обобщающего труда. Таковыми являются проблемы изучения источников, написанных или изданных на *тюрки* арабской вязью (башкирский язык на арабской вязи).

Возвращаясь к периоду революций и гражданской войны, обращаем внимание, что многие народы России в период строительства нового советского государства обрели новую графическую систему письма или перешли на кириллицу. Так, например, калмыки обладали своей письменностью и богатой старописьменной литературой [Сабилова 2014: 244–247]. Однако в первой трети XX в. калмыцкий язык пережил неоднократную смену алфавита, вида письма (с вертикального на горизонтальный) и графики написания (с «ясного письма» на кириллицу, потом на латиницу и снова на кириллицу) [Баянова 2012: 50–55; Номинханов 1976: 52–54].

Башкиры в первой трети XX в. с арабографичной письменности перешли на латиницу, а затем на кириллицу. Со временем количество знающих и читающих на *тюрки* значительно уменьшилось. Теперь данный факт является преградой для изучения арабографичных письменных памятников Южного Урала, изданных или оставшихся рукописными. В то время как мы можем почерпнуть в них много сведений, иных взглядов и выводов, иного видения. Это и газеты, журналы или беллетристика, монографии, статьи: в каждом из этих источников мы можем найти материал, который еще не видела широкая научная аудитория.

В первой четверти XX в. население Урала стало не только наблюдателем или современником революционных изменений, перерождения государства, но и непосредственным их участником. Как царское правительство, так и новое советское рассматривали Урал как средоточие стратегических ресурсов — промышленных предприятий, природных ископаемых, людских — и как перспективный тыловой район. Клубок общественно-политических и социально-

экономических проблем, возникавших на почве национально-культурных противоречий, нагнетал агрессию. Потому закономерно, что основной театр действий после революции переместился именно сюда.

Российская революция повлияла на общественно-политическое развитие всех народов, населявших регион. Местное население проявляло активность: экономические, социальные, политические, культурные проблемы обсуждались на благотворительных вечерах и собраниях, в читальнях, на страницах периодической печати. Свобода слова открыла дорогу к ним средним и низшим слоям общества, купцам, интеллигенции, военным, рабочим и крестьянам, служащим [Рахматуллина, Казанчиев 2009: 7–22]. На арабской графике издавались газеты и журналы «Маглумат махкамаи шаргия» [Абдрафикова 2015: 240–241], «Шура», «Мугаллим», «Вақыт», «Тормош» и др. [Рахматуллина 2001: 113–118]. Немалую лепту внесли и женщины региона при подготовке этих публикаций [Сулейманова 2008: 120]. В свою очередь, эти периодические издания печатали переводы краеведческих работ П. И. Рычкова, венгерского ученого Вамбери и др. [Рахматуллина 2009: 64]. Конечно, кто-то возразит, что это уже вторичные источники, поскольку представляют не только эмпирический, но и аналитический материал. Но ценность их заключается в том, что они написаны «от первого лица», т. е. участниками событий. Авторами статей в газетах и журналах были известные поэт М. Гафури, краевед, *кади* Х. Мухамедов-Габяши, религиозный и общественный деятель Р. Фахретдинов [Абдрафикова 2015: 13–15], идеологи и историки востоковеды А.-З. Валидов и А. Инан [Рахматуллина 2009: 63–65]. Они же открыли новый этап арабографичного слова на Урале, монографий с беллетристическими чертами. Говоря о причинах рождения такого большого пласта арабографичных письменных источников на Урале, нельзя не указать на то, что революционные изменения развили в народах России сильную гражданскую позицию.

Изучение рукописных сочинений известных людей является давней традицией в мировой науке. Выявление, изучение, сохранение таких памятников является важной задачей археографов, текстологов, историков и филологов. Крупный пласт этих источников не видел своего широкого читателя. Эта проблема в научной литературе Урала и Башкортостана до сих пор еще не изучена, о комплексном подходе к ней и говорить не приходится. В большинстве

работ проведена транслитерация отдельных текстов или приведены части текстов в качестве ссылок (М. Х. Надергуловой, Н. И. Ишемгуловой, М. М. Кульшариповой, С. Ф. Касимовой, А. Ярмуллиной, Г. Х. Абдрафиковой, А. Г. Салиховой). Огромный массив арабографичных изданий и рукописей все еще ждет систематизации, анализа, достойной транслитерации, перевода и ввода в научный оборот. Отдел литературоведения совместно с отделом восточных рукописей Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (ИИЯЛ УФИЦ РАН) в последние годы ведет кропотливую работу по подготовке к изданию трудов известного теолога, историка и общественно-го деятеля Ризаитдина Фахретдинова. На наш взгляд, в будущем это позволит историкам значительно обогатить свои знания и видение повседневной действительности первой трети XX в.

К таким же содержательным работам относятся статьи и книги Карима Идельгужина, прошедшего путь от преподавателя медресе «Галия» до наркома просвещения БАССР [НА РБ. Ф. 122. Оп. 36. Д. 1033. Л. 1–5; Сабинова 2017: 132–141]. В региональной историографии его работы упущены из виду. В какой-то степени такое отношение можно оправдать именно графикой издания и письма — арабографичной. Но вызывает недоумение невнимание к его работам, опубликованным в центральных государственных изданиях, например в журнале «Культурная революция» (печатный орган Башнаркомпроса) и «Просвещение национальностей» (печатный орган ЦК Союза работников просвещения СССР). Здесь видятся две позиции. Во-первых, в постперестроечное время, когда многие засекреченные фонды были открыты и значительно расширилась тематика исследований, историки ввели в научный оборот сведения о наиболее популярных активистах общественно-политической жизни страны первой трети XX в.: А. З. Валидове, А. Инане, М. Л. Муртазине. Были изданы их избранные труды. Во-вторых, когда стали открываться личные фонды деятелей, принадлежавших к разным политическим лагерям, они нашли отражение в журнальных, газетных и книжных публикациях. Одной из них является серия «Башкортостан в XX столетии. Исторические портреты», которая готовится силами отдела новейшей истории Башкортостана ИИЯЛ УФИЦ РАН, однако привлекаются к участию как сотрудники всего института, так и сторонние исследователи [Башкортостан в XX столетии 2006; 2007; 2010; 2017].

Авторы статей в этой серии дают не только максимально полные биографические данные, но и анализируют их деятельность. Но все же множество трудов и рукописей таких деятелей пока ждут обработки, и здесь попытки ранжирования по «величине» личности лишь вредят делу. Те, кто имеют близкое соприкосновение в своей работе с их биографиями, выступлениями, деятельностью и публикациями, согласятся, что каждый из них был самостоятельным, зрелым, грамотным, авторитетным человеком. Поэтому наше обращение к трудам Карима Идельгужина достаточно мотивировано. Они отличаются широтой мироощущения, цельные и законченные, являют собой результат опыта и анализа, приобретенного на различных должностях и постах. Это и работы об истории образования автономии Башкортостана, формировании башкирских национальных военных частей, вопросах воспитания детей и развития системы школ, проблемах развития башкирского языка, культуре, сопровождаемые в большинстве своем интересными редкими фотографиями. Говоря о прикладном значении работ К. А. Идельгужина для языковедов, к примеру, можно обратить внимание на использование им фарсизмов, архаизмов и диалектизмов. Но эти работы не только не были опубликованы (за исключением некоторых), но и не транслитерированы на башкирский, русский и другие языки, либо были засекречены или изъяты из широкого пользования.

Сейчас гуманитарные науки вышли на новый уровень работы: стало актуальным проводить междисциплинарные исследования, выявлять взаимосвязи истории и фольклора, истории и литературы, а также использовать в историческом исследовании методы и методологию других наук и дисциплин. Именно такой подход позволяет нам решить проблемы изучения указанных источников.

Карим Абдуллович Идельгужин родился 2 октября 1895 г. в крестьянской семье в деревне Мрясово Кыпчакской волости Оренбургской губернии (ныне — Новосергиевский район Оренбургской области). Он — односельчанин другого известного лидера башкирского национального движения, историка Сагита Мрясова. Деревня получила свое название от первопоселенца Мряса Аюкасова [Исянгулов 2011: 192].

В 1912–1914 гг. Карим Идельгужин учился в медресе «Галия», далее работал преподавателем. В 1914–1917 гг. служил в русской армии, участвовал в Первой мировой войне. Февральская революция застала его на Западном фронте. Среди товарищей

по оружию он пользовался авторитетом, был избран членом армейского комитета [Давлетшин 1994: 135]. После он вернулся в родную деревню и занимается за политико-просветительской деятельностью, организовывал Советы в Ток-Чуранской волости, работал военным комиссаром волости. Летом 1918 г. с. Мрясово заняли дувовцы. Они арестовали К. Идельгужина, но вскоре освободили по настоянию члена Башкирского правительства С. Мрясова, который и предложил ему вступить в Башкирское войско [Давлетшин 1994: 135]. Здесь в 1918–1919 гг. К. Идельгужин служил в звании унтер-офицера. С октября 1918 г. был писарем штаба 2-го Башкирского кавалерийского полка имени Г. С. Идельбаева. В это же время являлся сотрудником газеты «Башкортостан хэбэрлэре».

С апреля 1919 г. К. Идельгужин являлся уполномоченным Башревкома в 20-й Пензенской стрелковой дивизии 1-й Армии РККА. После подписания «Соглашения...» Башкирского Правительства с Центральной Советской властью была образована Автономная Башкирская Советская республика, созданы местные кантревкомы. В период перехода Башкирского правительства на сторону советской власти К. А. Идельгужину было поручено вести агитационно-разъяснительную работу среди солдат. Под его руководством в феврале 1919 г. на сторону Советов переходит 4-й Башкирский полк [НА РБ. Ф. 122. Оп. 36. Д. 1033. Л. 3–4]. Этому периоду своей жизни он посвятил следующие свои труды: книги «Башкирские войска на Актюбинском фронте» (1918, арабица), «Сборник исторических документов и воспоминаний о башкирской красной армии» (1929, неизвестно), «Башкирское движение в 1917, 1918, 1919 гг.» (1926, арабица), «Кем был Худайбердин Ш.» (1935, арабица); статья «Создание Башкирской автономии и переход на сторону Советов» (1925, арабица), очерки по экономике и культуре Башкирии до октября 1917 г. для сборника «Революция и Башкортостан» (издание Башистпарта, 1928, неизвестно), исторические очерки по народному образованию Башкирии до 1917 г. (1934, кириллица).

Монографии К. Идельгужина «Башкирское движение в 1917, 1918, 1919 гг.» (вышла по одним данным в 1926 г., по другим — в 1927 г., возможно, и то, и другое верно, если книга вышла дважды — в Уфе и в Москве, мы взяли наиболее полный московский вариант; книга является библиографической редкостью) на башкирском языке, предшествовала ей его же статья «Создание Башкирской автономии и переход на сторо-

ну Советов», вышедшая в 1925 г. в журнале «Башкорт аймагы» [Идельгужин 1925: 1–14]. Именно в ней Карим Абдуллович поднял темы инициативы создания отдельной башкирской автономии и причин перехода башкир на сторону советской власти. Здесь всего 5 пунктов — первый башкирский съезд, второй башкирский съезд, объявление башкирской автономии, I Башкирский курултай, подготовка башкирского войска к переходу на сторону Советов. В вводной части статьи сразу же просматривается его отношение к событиям: он конкретно связывает переход башкир на сторону Советов с возможностью реализации башкирской автономии. Излагая предысторию перехода башкир на сторону Советов, он обращает внимание на то, что мусульманская буржуазия в 1917 г. пыталась воспользоваться революционным настроением масс и под лозунгом объединения всех тюркских народностей стремилась увлечь их религией и «отвлечь от социальной стороны проблемы» [Идельгужин 1925: 1]. В этот период, как известно, башкирское национальное движение сплотилось в большей степени на социально-экономической почве (земельный, лесной, социальный гнет). Он понимает и указывает на изначальную невозможность для башкирского народа реализоваться в составе общемусульманского движения [Идельгужин 1925: 1–14; Сабирова 2017: 138–139]. Остальные книги по истории революции остались рукописными. Так, на рукопись подготовленной им для серии «Жизнь замечательных людей» книги «Кем был Худайбердин Ш.» была наложена резолюция: «Направить автору на исправление согласно рецензии и рекомендовать автору коренным образом переработать ту часть оригинала, которая касается деятельности Худайбердина как большевика руководителя Баш. парторганизации. Желательно при переработке этой части брошюры привлечь работников истпарта». Можно предположить, что К. А. Идельгужин был несогласен с этим замечанием, поэтому рукопись книги «осталась на полке». Во время Революции и Гражданской войны, особенно, как пишет Н. Г. Зарипов, с зимы и до осени, башкирское население подверглось истреблению как красными, так и белыми [Зарипов 2001: 93–112]. В такой ситуации необходимо было, сохраняя терпение и мужество, продолжать строительство нового государства, где бы и башкирскому краю нашлось свое место [Рахматуллина 2009: 23–38]. Поэтому, на наш взгляд, этот период жизни и деятельности К. Идельгужина в Гражданской войне пока недооценен.

Советскому периоду истории он посвятил следующие работы: книги «Что дала революция башкирскому крестьянству» (1925, арабица), «Почему переходим на новый алфавит» (1927, арабица), «Культурная работа в колхозах» (на баш. яз.), очерк «10 лет на культурном фронте» (1929, неизвестно), статьи «Народное просвещение в Башкортостане» (1929, арабица, на баш. яз.), «Социалистическое соревнование и просветители» (1929, латиница, на баш. яз.), «Социалистическое соревнование на культурном фронте» (1929, латиница, на баш. яз.), «В полосе подъема» (1930, кириллица). Опыт работы на ответственных должностях позволил ему со всей скрупулезностью, а главное, именно с практической точки зрения подойти к проблеме проведения культурной революции на селе. Занимая должность народного комиссара просвещения, он много печатается в журналах. Сначала он дает краткий экскурс в историю народного образования в Башкирии в статье «Из истории народного просвещения в Башкортостане» (на баш. яз.). В следующих работах он, прежде всего, обращает внимание читателя на следующие слова В. И. Ленина из статьи «Новая экономическая политика и задачи политпросветов»: «На войне можно победить в несколько месяцев, а культурно победить в такой срок нельзя, по самому существу дела тут нужен срок более длинный <...> недостаточно безграмотность ликвидировать <...> Нам нужно громадное повышение культуры». Внимательно изучив труды В. И. Ленина и особое отношение к участию крестьян в сельскохозяйственной кооперации, о котором В. И. Ленин писал в статье «О кооперации», К. Идельгужин излагает свое видение этой проблемы по воплощению в жизнь: «1. Во-первых, школа должна быть такой, чтобы вмещать всех детей школьного возраста. 2. Колхозники должны вплотную участвовать в этой работе, помогая ежедневной работе школ, создавать необходимые для нее условия. 3. Воспитательная работа школы должна показывать, что коллективное хозяйство идет намного впереди, чем единоличное хозяйство. 4. По укреплению колхозов, конечно, на повестке дня должен быть поставлен вопрос о строительстве отдельных зданий школ. Поначалу для мелких колхозов строительство школ будет невозможно <...> Поэтому возможно проведение учебы в одной школе для колхозов, отстоящих друг от друга на расстоянии 5–6 километров, главное, были бы желание и активность» [Идельгужин 1931: 11, 18]. Касаясь вопроса трудового воспитания детей в колхозном хозяйстве, он уточняет,

что «именно поэтому дети не только едоки, а товаропроизводители, и должны не только понять, что есть материальная культура, но и научиться ею пользоваться» [Идельгужин 1931: 19]. Учитывая их вклад в простейшую, но очень важную работу в колхозе, он считает: «Именно поэтому эти дети не простые производители, а культурные производители», их труд должен оплачиваться отдельно, но аккумулироваться в школьном фонде. Есть в работе К. Идельгужина и разделы, посвященные печати и самокритике, организации политпросвета в колхозах, борьбе с религией, не обошел он и проблеме борьбы с пьянством [Идельгужин 1931: 42, 58, 70, 73].

Мало известной стороной творчества Карима Абдулловича являются театральные произведения, поставленные совместно с различными известными театральными деятелями. В 1922–1924 гг. на подготовительных курсах при Башкирском институте народного образования в Оренбурге, в период его директорства, студенты участвовали в любительских спектаклях «Ашкадар» и «Степняк Яркей» по мелодрамам М. А. Бурангулова в постановке А. Альмашева и К. Идельгужина. Этой стороне его жизни и деятельности посвящены работы К. Идельгужина «Как отражены школьное строительство и типы преподавателей в творчестве Афзала Тагирова» (1935, рукопись, неизвестно), «15 лет работы Башкирского государственного театра» (1935, неизвестно).

Кроме вышеописанного, в 1934 г. он подготовил «Башкирский словарь — 800 слов». В начале 1936 г. была опубликована его статья «О коммунистическом воспитании детей в семье», в которой использовались цитаты В. И. Ленина и И. В. Сталина, якобы в искаженном виде переведенные на башкирский язык [Идельгужин 1936]. Этот номер, по всей очевидности, был изъят из хранилищ библиотек. Поэтому судить о ее содержании, к сожалению, нет возможности.

Таким образом, в результате проводившейся в течение ряда лет работы нам удалось определить, что творчество К. А. Идельгужина составляет примерно 9 книг и более 10 статей, из которых 1 книга издана на башкирском языке в латинской графике, остальные — в латинской и арабской графике — ни разу не издавались на кириллице. Одна книга вышла в неполном виде на башкирском языке в республиканском журнале «Агидель» с существенными погрешностями и без необходимых комментариев. Единственное, что переведено на русский язык и опубликовано в различ-

ных сборниках документов, — это его выступления на республиканских съездах и совещаниях разных периодов [Языки и народы 2008: 127, 153–154].

Некоторые работы сохранились только в рукописном виде, некоторые мы знаем лишь по названию, но не имеем в наличии текста (рукописного или печатного, известно лишь, что при жизни они были сданы в печать) — это словарь, сборник документов, критическая статья о театре, статья о творчестве Афзала Тагирова [НА РБ. Ф. 122. Оп. 36. Д. 1033. Л. 5–5об.], остальные представляют собой библиографическую редкость. Вышесказанное еще раз подталкивает нас к систематизации трудов известного партийного и общественного деятеля К. Идельгужина: транслитерации, переводу на русский язык и объединению всех работ в одном издании с соответствующими приложениями, указателями и комментариями. Одна книга и несколько статей уже транслитерированы полностью. Сейчас ведется работа над их переводом на русский язык. При текстологическом изучении источника авторский коллектив придерживался основных научных принципов археографического исследования письменных памятников. Выполнение проекта стало возможным благодаря богатому опыту работы исполнителей с арабографичными рукописями и навыкам их чтения, хорошему знанию старотюркского и литературных норм современного башкирского языка, умению работать с архивными фондами, арабскими и персидскими словарями, так как язык текстов сильно усложнен словами из арабского и персидского языков. При транслитерации все эти слова были сохранены в текстах, поэтому был составлен словарь иноязычных заимствований с переводом слов на современный башкирский язык. В то же время были сохранены авторский стиль и колорит языка того времени.

Общий объем обрабатываемой и переводимой информации составит более 500 страниц текста. Это существенно расширит проблемное поле будущих исследований по истории края. Работы авторитетного исследователя насыщены фактами политического, социального, этнографического, экономического плана. Они значительно обогащают историографию отечественной истории первой трети XX в. по многим аспектам. В этом и заключается их ценность, в частности для истории. С практической точки зрения, это издание может быть использовано при написании учебных пособий по истории Башкортостана для вузов, подготовке диссертационных работ

(историков, политологов, культурологов, этнографов и т. д.), публикации обобщенных трудов по истории края.

Источники

НА РБ — Национальный архив Республики Башкортостан.

Литература

- Абдрафикова Г. Х.* Арабографичная периодическая печать и журнал «Маглюмат» // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов: Труды X Всерос. съезда востоковедов. Кн. 2. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. С. 240–241.
- Абдрафикова Г. Х.* Творческое наследие Р. Фахретдинова как источник духовной культуры народов России и мусульманского Востока // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7–2 (49). С. 13–15.
- Башкортостан в XX столетии. Исторические портреты. Вып. I / отв. ред. Р. Н. Сулейманова. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2006. 192 с.
- Башкортостан в XX столетии. Исторические портреты. Вып. II / отв. ред. Р. Н. Сулейманова. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2007. 216 с.
- Башкортостан в XX столетии. Исторические портреты. Вып. III / отв. ред. Р. Н. Сулейманова. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. 152 с.
- Башкортостан в XX столетии. Исторические портреты. Вып. IV / отв. ред. Р. Н. Сулейманова. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. 168 с.
- Баянова А. Т.* Первые калмыцкие буквари как источник духовной культуры калмыков // Вестник Калмыцкого университета. 2012. № 3 (15). С. 50–55.
- Давлетшин Р. А.* Башкирское национально-освободительное движение в лицах: К. А. Идельгужин // История края и судьбы людей. Уфа: [б. и.], 1994. С. 133–139.
- Зарипов А. Б.* Юго-восточный Башкортостан: 1917–1922 гг. Уфа: Башкир. гос. ун-т, 2001. 213 с.
- Идельгужин К.* Колхоздарза культура эштәре (Культурная работа в колхозах). Уфа: Башглавиздат, 1931. 80 с.
- Исянгулов Ш. Н.* Из истории деревни Мрясово Оренбургской области // Наследие веков. Вып. 2. Материалы Региональной научно-практической конференции «Историческое краеведение в Башкортостане: история и современность», посвящ. 100-летию со дня рождения краеведа-археолога А. П. Шокурова. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. С. 191–197.
- Идельгужин К. А.* О коммунистическом воспитании детей в семье // Культурная революция. 1936. № 8 (45). С. 11–25.
- Идельгужин К. А.* Создание Башкирской автономии и переход на сторону Советов // Башкорт аймағы (Башкирский край). 1925. №1. Октябрь. С. 1–14.
- Номинханов Ц.-Д.* Очерк истории калмыцкой письменности. М.: Наука, 1976. 140 с.
- Рахматуллина З. Р.* Культура и духовная жизнь башкирского народа в начале XX в. // Труды Института истории, языка и литературы

- Уфимского научного центра Российской академии наук. Вып. III. Башкиры в Башкортостане в XX столетии: Исторические очерки. Уфа: Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, 2009. С. 52–70.
- Рахматуллина З. Р. Проблема развития печати тюркских народов Башкортостана в начале XX века // *Философская и общественно-политическая мысль Башкортостана в XX столетии: мат-лы регион. науч. конф. / отв. ред. Д. Ж. Валеев*. Уфа: Гилем, 2001. С. 113–118.
- Рахматуллина З. Р., Казанчиев А. Д. Общественно-политическая жизнь в Башкортостане в революционный период // *Труды Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук. Вып. III. Башкиры в Башкортостане в XX столетии: Исторические очерки*. Уфа: Гилем, 2009. С. 7–22.
- Сабирова З. Р. Башкиро-калмыцкие взаимосвязи в исторической мозаике Урало-алтайского региона: по материалам Научной библиотеки УНЦ РАН // *Урал-Алтай: через века в будущее: мат-лы VI Всеросс. тюркол. конф. с Междунар. участием*. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 244–247.
- Сабирова З. Р. От революционных ожиданий к постреволюционной действительности // *Башкортостан в XX столетии. Исторические портреты*. Вып. IV / отв. ред. Р. Н. Сулейманова. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. С. 132–141.
- Сулейманова Р. Н. Женский вопрос в 1917 г.: региональный опыт. Уфа: Белая Река, 2008. 216 с.
- Языки и народы Республики Башкортостан. Государственные языки: история и современность. Сб. док-тов и мат-лов. Ч. 2. Уфа: Уфим. полиграфкомбинат, 2008. 309 с.
- References**
- Abdrafikova G. Kh. *Arabografichnaya periodicheskaya pechat' i zhurnal «Maglyumat»* [Arab graphic periodicals and the magazine of «Maglumat»]. *Rossiya i Vostok: vzaimodeystvie stran i narodov: Trudy X Vseros. s'ezda vostokovedov. Kn. 2.* [Proc. of The 10th All-Russia Congress of Orientalists. Ch. 2]. Ufa, Institute of History, Language and Literature (RAS) Press, 2015, pp. 240–241 (In Russ.).
- Abdrafikova G. Kh. *Tvorcheskoe nasledie R. Fakhretdinova kak istochnik dukhovnoy kul'tury narodov Rossii i musul'manskogo Vostoka* [The artistic heritage of R. Fakhretdinov as a source of spiritual culture of Russia and the Muslim peoples of the East]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* (Philological Sciences. Questions of Theory and Practice), 2015, No. 7–2 (49), pp. 13–15 (In Russ.).
- Bashkortostan v XX stoletii. Istoricheskie portrety. Vyp. II / Otv. red. R. N. Suleymanova* [Bashkortostan in the 20th century. Historical portraits. Issue 2. Ed. by R. Suleymanov]. Ufa, Institute of History, Language and Literature (RAS) Press, 2007, 216 pp. (In Russ.).
- Bashkortostan v XX stoletii. Istoricheskie portrety. Vyp. III / Otv. red. R. N. Suleymanova* [Bashkortostan in the 20th century. Historical portraits. Issue 3. Ed. by R. Suleymanov]. Ufa, Institute of History, Language and Literature (RAS) Press, 2010, 152 p. (In Russ.).
- Bashkortostan v XX stoletii. Istoricheskie portrety. Vyp. IV / Otv. red. R. N. Suleymanova* [Bashkortostan in the 20th century. Historical portraits. Issue 4. Ed. by R. Suleymanov]. Ufa, Institute of History, Language and Literature (RAS) Press, 2017, 168 p. (In Russ.).
- Bashkortostan v XX stoletii. Istoricheskie portrety. Vyp. I / Otv. red. R. N. Suleymanova* [Bashkortostan in the 20th century. Historical portraits. Issue 1. Ed. by R. Suleymanov]. Ufa, Institute of History, Language and Literature (RAS) Press, 2006, 192 p. (In Russ.).
- Bayanova A. T. *Pervye kalmytskie bukvari kak istochnik dukhovnoy kul'tury kalmykov* [First Kalmyk ABC-books as sources of spiritual culture of Kalmyks]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta* (Bulletin of the Kalmyk State University), 2012, No. 3 (15), pp. 50–55 (In Russ.).
- Davletshin R. A. *Bashkirskoe natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v litsakh: K. A. Idel'guzhin* [The Bashkir national liberation movement: personalities. K. A. Idelguzhin]. *Istoriya kraia i sud'by lyudey* [A history of the region and human destinies]. Ufa, 1994, pp. 133–139 (In Russ.).
- Zaripov A. B. *Yugo-vostochnyy Bashkortostan: 1917–1922 gg.* [South-Eastern Bashkortostan: 1917–1922]. Ufa, Bashkir State Univ. Press, 2001, 213 p. (In Russ.).
- Idelguzhin K. A. *Kul'turnaya rabota v kolkhozakh* [Cultural work in kolkhozes]. Ufa, 1931 (In Russ.).
- Idelguzhin K. A. *O kommunisticheskom vospitanii detey v sem'e* [About the Communist family education]. *Kul'turnaya revolyutsiya* (Cultural Revolution), 1936, No. 8 (45), pp. 11–25 (In Russ.).
- Idelguzhin K. A. *Sozdanie Bashkirskoy avtonomii i perekhod na storonu Sovetov* [Creating the Bashkir autonomy and joining the Soviets]. *Bashkort aymazy (Bashkirskiy kray)* (Bashkir region), 1925, No. 1, October, pp. 1–14 (In Russ.).
- NA RB — *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Bashkortostan. Lichnoe delo K. A. Idel'guzhina* [Idelguzhin K.A. A personal data file]. F. 122. Op. 36. D. 1033. Pp. 1–5 (In Russ.).
- Nominkhanov Ts.-D. *Ocherk istorii kalmytskoy pis'mennosti* [An overview of the history of the Kalmyk script]. Moscow, Nauka Publ., 1976, 140 p. (In Russ.).
- Rakhmatullina Z. R. *Kul'tura i dukhovnaya zhizn' bashkirskogo naroda v nachale XX v.* [Culture and spiritual life of the Bashkir people in the early 20th century]. *Trudy Instituta istorii, yazyka i literatury Ufinskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Vyp. III. Bashkiry v Bashkortostane v XX stoletii: Istoricheskie ocherki* (Proc. of the Institute of History, Language and Literature. Iss. 3. Bashkirs in Bashkortostan: the 20th century). Ufa, Institute of History, Language and Literature (RAS) Press, 2009, pp. 52–70 (In Russ.).

- Rakhmatullina Z. R. *Problema razvitiya pechati tyurk-skikh narodov Bashkortostana v nachale KhKh veka* [Turkic peoples of Bashkortostan: development of the print media in the early 20th century]. *Filosofskaya i obshchestvenno-politicheskaya mysl' Bashkortostana v XX stoletii. Mat. region. nauch. konf. Otv. red. D. Zh. Valeev* (Proc. of Scientific conf. – Philosophical and Political Thought of Bashkortostan in the 20th Century). Ufa, Gilem Publ., 2001, pp. 113–118 (In Russ.).
- Rakhmatullina Z. R., Kazanchiev A. D. *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' v Bashkortostane v revolyutsionnyy period* [Social and political life in Bashkortostan during the revolutionary period]. *Trudy Instituta istorii, yazyka i literatury Ufmskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Vyp. III. Bashkiry v Bashkortostane v XX stoletii: Istoricheskie ocherki* (Proc. of the Institute of History, Language and literature. Iss. 3. Bashkirs in Bashkortostan: the 20th century. Historical essays). Ufa, Gilem Publ., 2009, pp. 7–22 (In Russ.).
- Sabirova Z. R. *Bashkiro-kalmytskie vzaimosvyazi v istoricheskoy mozaike Uralo-altayskogo regiona: po materialam Nauchnoy biblioteki UNTs RAN* [Bashkir-Kalmyk relations ...]. *Ural-Altay: cherez veka v budushchee: Mater. VI Vseross. tyurkol.konfer. (s mezhdun. uchastiem)* (Proc. of the 6th Int. Sci. conf. – Ural-Altai: through the Centuries into the Future). Ufa, Institute of History, Language and Literature (RAS) Press, 2014, pp. 244–247 (In Russ.).
- Sabirova Z. R. *Ot revolyutsionnykh ozhidaniy k post-revolutsionnoy deystvitel'nosti* [From revolutionary expectations to the post-revolutionary reality]. *Bashkortostan v XX stoletii. Istoricheskie portrety. Vyp. IV. Otv. red. R. N. Suleymanova* (Bashkortostan in the 20th century. Historical portraits. Issue 4. Ed by R. Suleymanov). Ufa, Institute of History, Language and Literature (RAS) Press, 2017, pp. 132–141 (In Russ.).
- Suleymanova R. N. *Zhenskiy vopros v 1917 g.: regional'nyy opyt* [Women's issue in 1917: regional experience]. Ufa, Belaya Reka Publ., 2008, 216 p. (In Russ.).
- Yazyki i narody Respubliki Bashkortostan. Gosudarstvennye yazyki: istoriya i sovremennost'. Sb. dok. i mat. Ch. 2* [Languages and peoples of the Republic of Bashkortostan. State languages: history and modernity. Collected materials and documents. Part 2]. Ufa, Ufa Poligrafkombinat Publ., 2008, 309 p. (In Russ.).

УДК 930.2+94(470.57)

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РЕГИОНАХ

Зухра Рамилевна Сабирова¹, Гульнара Хависовна Абдрафикова²

¹кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел новейшей истории Башкортостана, Институт истории, языка и литературы, Уфимский научный центр РАН (Уфа, Российская Федерация). E-mail: timerbulat2009@mail.ru

²кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, отдел литературоведения, Институт истории, языка и литературы, Уфимский научный центр РАН (Уфа, Российская Федерация). E-mail: timerbulat2009@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена представляющим библиографическую редкость арабографичным (в некоторых случаях рукописным) трудам авторитетного башкирского общественно-политического и культурного деятеля, историка Карима Абдулловича Идельгужина, прошедшего путь от писаря в царской армии до советского государственного деятеля. Авторы обращаются к трудам Карима Идельгужина, отличающимся широтой мироощущения и представляющим собой результат опыта, приобретенного за время работы на различных должностях и постах. Это работы об истории образования автономии Башкортостана, о формировании башкирских национальных военных частей, о вопросах воспитания детей и развития системы школ, о проблемах развития башкирского языка, о культуре, сопровождаемые в большинстве своем интересными редкими фотографиями. Этот неизведанный слой арабских графических источников разбросан по различным архивам, библиотекам, коллекциям редких книг в библиотеках. Даже опубликованные работы К.Идегульжина исследователи были вынуждены искать в центральных государственных архивах и библиотеках. Всего исследователями обнаружено около 9 книг и более 10 статей, их введение в научный оборот позволит значительно обогатить историографию отечественной истории 1920-х годов во многих аспектах и существенно расширить проблемное поле будущих исследований по истории региона.

Ключевые слова: арабские графические источники, Южный Урал, Башкирская ССР, революция, гражданская война, башкирское Национальное Управление образования.

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 32, Is. 4, pp. 35–42, 2017
 DOI 10.22162/2075-7794-2017-32-4-35-42
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94 (470. 342)

The Role of Contractual Relations in the Formation of the Russian Federative State

Alim I. Tetuev¹

¹ Ph. D. in History (Doct. of Historical Sc.), Associate Professor, Leading Research Associate, Humanities Research Institute — Affiliated Institution of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS (Nalchik, Russian Federation). E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Abstract. The article deals with the formation and development of the model of federalism. The academic novelty is that it comprehensively studies three stages in the development of the Russian federative state: the political-transformational, constitutional-contractual, and stabilizing ones. Analysis of the first stage (1990–1995) shows that due to the signed Treaty of Federation and its inclusion in the Constitution of the Russian Federation, centrifugal trends that could threaten the unity of the country were avoided.

At the second stage (1995–2000), according to article 78 of Russia's Constitution there were signed approximately 50 treaties On Delimitation of Competences and Mutual Delegations of Authority between Government Bodies of the Russian Federation and Those of Russia's Federal Subjects. The documents were signed due objective reasons: federal subjects of Russia differ both in terms of their legal status and their ethnic composition, which is aggravated by varied socio-economic, climatic and other features.

Meanwhile, analysis of the bilateral treaties between the federal center and Russia's regions, their constitutions and charters revealed their non-conformity to certain provisions of the Constitution of the Russian Federation. In particular, the Constitution of the Kabardino-Balkar Republic (1997) proclaimed national sovereignty — despite the fact that according to the Constitution of Russia republics were not sovereign. Similar discrepancies could once be found in constitutions of some other federal subjects. At the same time, no balance of interests was observed, and the general situation in the sphere of federative relations was unstable in the early 1990s.

Thus, at the third stage (2000–2005) an administrative reform was implemented to consolidate the Russian statehood.

The federal laws — On Principles and Order for the Delimitation of Competences and Powers between Government Bodies of the Russian Federation and Those of Russia's Federal Subjects (24 June 1999), On Introduction of Amendments and (Additional) Provisions to the Federal Law On General Principles for the Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of Russia's Federal Subjects (6 October 1999) — systemized and elaborated the procedure of contractual delimitation of competences and powers. The laws set forth that the existing treaties were to be brought into line with the federal legislation and further ones to be approved by special federal laws. The enacted laws demand that government and local authorities faithfully execute article 71 of the Constitution of Russia which determines the exclusive competences of the Russian Federation. The competences can be transferred neither to federal subjects or local municipalities otherwise than through definite amendments to Russia's Constitution.

Besides, eight federal districts were established headed by plenipotentiary representatives of the President. Their goal was to bring regional laws into line with the Russian Constitution and federal legislation. Within a short period, over three and a half thousand legislative acts of federal subjects were brought to conformity with the main law of the country which strengthened the positions of the federal center, consolidated the federation, and unified the legal framework nationwide.

Keywords: Russian Federation, model of federalism, federal subjects, treaties, delimitation, delegation, constitution, laws, sovereignty, non-conformity, federal districts.

Исследование российской модели федерализма и дальнейших путей его развития является актуальной проблемой и имеет важное научно-практическое значение. Опыт федеративных и национальных отношений в Российской Федерации, накопленный в постсоветский период, имеет свои особенности. Изменения в общественно-политической жизни страны оказывали влияние на развитие федеративных отношений между федеральным центром и ее субъектами. В этой связи исследователи Н. М. Беленко, В. А. Жидких и другие условно выделяют три этапа федеративного развития России: политико-трансформационный, конституционно-договорной, стабилизационный [Беленко 2006: 19, 20; Жидких 2009: 30, 33, 34].

Первый этап (1990–1995 гг.) — переходный от советской государственности к федеративному государству с республиканской формой правления.

Первый этап в национально-государственном строительстве начался в конце XX в. В Декларации о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г. было признано необходимым существенно расширить права автономий. Обретение бывшими автономными республиками государственного суверенитета, преобразование почти всех автономных областей (кроме Еврейской) в республики, стремление областей и краев к самостоятельности — эти, как и другие, факторы настоятельно требовали реформирования государственного устройства России.

Необходимо отметить, что движение к суверенитету наряду с позитивным началом (укрепление самостоятельности народов и децентрализация в разумных пределах функций государственной власти и управления), содержало стремление к экономическому и политическому обособлению, более или менее выраженному сепаратизму.

Л. Ф. Болтенкова справедливо утверждает, что в этих условиях появилась опасность распада России, но подготовлены три проекта федерального договора о разгра-

ничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами и органами власти регионов трех категорий: а) республик, б) краев и областей и городов Москвы и Санкт-Петербурга, в) автономных областей и автономных округов. Они были объединены Федеративным договором, подписанным 87 субъектами Российской Федерации 31 марта 1992 г. Республики Татарстан и Чечено-Ингушетия в этой процедуре не участвовали [Болтенкова 1994: 15–39].

10 апреля 1992 г. VI Съезд народных депутатов России одобрил подписанный Федеративный договор и постановил включить его содержание как составную часть в Конституцию России. Однако и после этого Федеративный договор продолжал существовать как самостоятельный конституционно-правовой акт. После того как Федеративный договор был ратифицирован всеми сторонами, в мире заговорили о том, что появилось новое государство — Российская Федерация.

Таким образом, с принятием Федеративного договора (договоров) и Конституции Российской Федерации (12 декабря 1993 г.) Россия вступила в новый этап федеративных отношений. Ее федеративное устройство стало опираться на конституционно-договорную основу, что позволило наполнить его более конкретным содержанием.

Конституция Российской Федерации сохранила упомянутые шесть категорий субъектов Федерации, унаследованных от советского периода: «Российская Федерация состоит из республик, краев и областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов — равноправных субъектов Российской Федерации» [Конституция Российской Федерации 1993: 13–14].

В Конституции Российской Федерации достаточно четко обозначены вопросы, касающиеся целостности государственной власти и распределения предметов ведения и полномочий: «Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Феде-

рации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляется настоящей Конституцией, Федеративными и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий». Статьи 71 и 72 дают полную картину разграничения полномочий в рамках федеративных отношений. Статья 78 также является своего рода гарантом взаимодействия органов власти и обеспечения общих интересов Российской Федерации, поскольку «федеральные органы исполнительной власти по соглашению с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации могут передавать им осуществление части своих полномочий, если это не противоречит Конституции Российской Федерации и федеральным законам» [Конституция Российской Федерации 2013: 15–17].

Подписание Федеративного договора и принятие Конституции Российской Федерации в условиях нарастания сепаратистских настроений в ряде регионов имело огромное значение для сохранения государственного единства России. К сожалению, не все субъекты Российской Федерации поддержали Договор. Республики Татарстан и Чечня отказались подписать Федеративный договор и пошли на резкое ухудшение отношений с Центром.

Итогом диалога между федеральным Центром и Республикой Татарстан стало подписание Договора «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан (15 февраля 1994 г.)». Р. Г. Абдулатипов отмечает, что Договор был подписан под весьма сильным давлением на федеральный Центр в условиях обострения политической ситуации в стране, роста сепаратистских тенденций и стремления руководства страны найти выход из сложившейся ситуации путем компромиссов с наиболее радикально настроенными лидерами республик [Абдулатипов 2000: 589–593]. Уступками политического характера со стороны федерального Центра следует также считать подписанные им в 1994 г. договоры с Башкортостаном, Республикой Саха (Якутия) и некоторые другие.

Второй (1995–2000 гг.) — конституционно-договорной этап развития федеративных отношений.

В ходе второго этапа были подписаны не совсем продуманные соглашения, приведшие к неравенству в отношениях между субъектами Российской Федерации. Это привело к суверенизации.

Следует отметить, что для подписания двусторонних договоров федерального Центра с субъектами Российской Федерации на основе статьи 78 Конституции РФ были и другие объективные причины. Это, прежде всего, то, что ни Конституция Российской Федерации, ни Федеральные законы не могли учесть специфику каждого из 89 субъектов Российской Федерации, которые, как известно, кроме различий в государственно-правовом статусе, серьезно отличаются по национально-этническому составу, территории, уровню социально-экономического развития, климатическим и иным особенностям. В этих условиях важно было соблюсти баланс, разумные пределы договорных отношений, постараться не переходить грани, за которыми наступает неконституционность подобных отношений и договоров, их оформляющих.

По сведениям А. А. Горошенко, к началу 1999 г. в Российской Федерации таких договоров было подписано в общей сложности около пятидесяти, а также сотни соглашений к ним [Горошенко 2001: 96]. Их анализ с точки зрения конституционности ставит целый ряд вопросов, касающихся как формы, так и содержания этих договоров. Практика показывает, что договоры по-разному определяют соотношение федерального закона и договора.

Так, Договор «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Кабардино-Балкарской Республики» (подписан 1 июля 1994 г.) признает за республикой статус государства, и поэтому приоритет отдается республиканскому законодательству и договору. В Договоре «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Северная Осетия-Алания» (подписанном 23 марта 1994 г.) приоритетным является федеральное законодательство [Конституции, уставы и договоры на Северном Кавказе 1998: 255–260; Мархгейм 2000: 23–24].

Вместе с тем, 8 положений Договора с Кабардино-Балкарской Республикой выхо-

дят за пределы федерального конституционного разграничения предметов ведения — перераспределение вопросов совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в ведение субъекта Федерации. Так, в пункте «Х» статьи 3 этого договора определено, что в число полномочий Кабардино-Балкарской Республики входит «введение на территории республики чрезвычайного положения в соответствии с федеральным конституционным законом». Как отмечает В. Ф. Калина, договор подписывался в отсутствие федерального закона, поэтому подобная постановка вопроса ставит федеральные органы *a priori* в положение, когда субъектами федерации диктуются условия государству в целом [Калина 2000: 245].

Указанный договор также переносит ряд предметов совместного ведения в компетенцию Кабардино-Балкарской республики. К их числу относятся установление системы органов государственной власти, защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение законности и правопорядка, осуществление мероприятий по обеспечению общественной безопасности. Некоторые предметы исключительного ведения Федерации в соответствии с договором отнесены к совместному ведению Российской Федерации. Это касается защиты государственной и территориальной целостности, налоговой, денежно-кредитной и ценовой политики. Важным этапом в реформировании органов государственной власти республик Северного Кавказа явилось принятие конституций.

После подписания указанных договоров с субъектами Российской Федерации эти несоответствия усилились, а ряд регионов получил особые льготы. При этом не был соблюден баланс интересов, и ситуация в области федеративных отношений в России к началу 1999 г. была нестабильной [Определение ... 2000].

После принятия конституций и уставов субъектов усилились центробежные тенденции. Так, в новой Конституции Кабардино-Балкарской Республики (принята 1 сентября 1997 г.) были зафиксированы общие результаты системной политической трансформации советской политической автономии в «суверенное демократическое правовое государство в составе Российской Федерации» (ст. 1). Несмотря на то, что в соответствии с Конституцией Российской

Федерации республики не являются суверенными, Конституция КБР провозгласила государственный суверенитет одной из ключевых основ конституционного строя республики, и защита его была отнесена к важнейшим функциям государства (ч. 3 ст. 5) [Конституция Кабардино-Балкарской Республики 1997: 3, 4].

Конституция КБР зафиксировала, что по отношению к Российской Федерации республика выступает как государство, обладающее всей полнотой государственной власти вне предметов ведения РФ и полномочий РФ по предметам совместного ведения. Статьи 69, 70–72 Конституции республики определяют предметы ведения КБР, предметы совместного ведения и предметы ведения РФ. Ст. 74 предусматривает, что КБР участвует в решении вопросов, отнесенных к ведению Российской Федерации; способствует осуществлению полномочий РФ на своей территории; координирует деятельность предприятий, учреждений и органов федерального подчинения по вопросам, относящимся к ее ведению [Конституция Кабардино-Балкарской Республики 1997: 19–24].

Третий этап (2000–2005 гг.) — проведение административной реформы в целях укрепления российской государственности.

В связи с тем, что аналогичные противоречия были и в некоторых других субъектах, Указом Президента Российской Федерации от 3 июня 1996 г. была поставлена задача определить порядок приведения действующих и вновь принимаемых актов субъектов Федерации в соответствие с Конституцией РФ и федеральными законами. В качестве механизма такого приведения в соответствии называется контроль общих судов и Конституционного Суда.

27 июня 2000 г. принято Постановление Конституционного Суда Российской Федерации о приведении регионального законодательства в соответствие с Конституцией РФ и федеральным законодательством. Таким образом, продекларированный в конституциях ряда республик-субъектов РФ суверенитет оказался «вне закона» [Определение ... 2000].

Так, по данным Управления Министерства юстиции Российской Федерации по КБР признаны не действующими и не подлежащими применению 28 норм Конституции КБР, которые нарушали Конституцию Российской Федерации. Отменены нормы,

затрагивающие статус КБР как суверенного государства. Среди прочих, переставших действовать статей, — «установление порядка и условий приобретения в собственность, а также владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водами и другими ресурсами». В Конституции КБР эти нормы включены в ведение КБР, а в Конституции Российской Федерации отнесены к совместным. То же самое было с введением в республике режима чрезвычайного положения, организацией мобилизационной подготовки народного хозяйства, размещением воинских частей. Противоречили Конституции РФ и положения о назначении руководителей республиканских подразделений различных федеральных структур. Министерством юстиции республики сделано 145 экспертных заключений, в которых выявлены несоответствия федеральному законодательству [Газета Юга: 2000].

Для устранения указанных нарушений 23 декабря 2000 г. был принят закон КБР «О признании недействующими и не подлежащими применению отдельных норм Конституции КБР». В результате в 66 нормативно-правовых актах КБР внесены изменения и дополнения, некоторые из них были признаны утратившими силу, в том числе 24 закона КБР [Газета Юга: 2000; Газета Юга: 2001].

В мае 2003 г. конституционное собрание приняло новую редакцию Конституции КБР, которая соответствует Конституции Российской Федерации [Конституция Кабардино-Балкарской Республики 2003].

С принятием Федерального закона от 24 июня 1999 г. «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации» была систематизирована и усовершенствована процедура договорного разграничения предметов ведения и полномочий. Согласно этому закону, новые договоры о разделении полномочий подлежали ратификации в парламенте, а существующие договоры должны были быть приведены в соответствие с федеральным законодательством [Абдулатипов 2000: 613–616].

С вступлением в силу Федерального закона от 6 октября 1999 г. «О внесении изменений и положений в Федеральный закон „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполни-

тельных органов государственной власти субъектов Российской Федерации“» он становится первичным инструментом правовой регламентации этой сферы отношений и предполагает значительное сужение поля договорного регулирования. Закон следует конституционным требованиям организации публичной власти в России, которые предполагают неукоснительное соблюдение органами государственной власти и местного самоуправления ст. 71 Конституции Российской Федерации, устанавливающей предметы исключительного ведения Российской Федерации. Эти предметы не могут быть переданы в ведение субъектов Российской Федерации или в сферу совместного ведения с Российской Федерацией иначе, чем через внесение изменений в Конституцию Российской Федерации.

Важнейшим позитивным результатом договоров о разграничении предметов ведения и полномочий при всех известных недостатках и издержках, юридических коллизиях, политических баталиях, спорах и дискуссиях специалистов является то, что они реально противодействовали угрозе распада Российской Федерации.

Однако следует признать, что в ходе договорной «эпопеи» порой были подписаны не совсем продуманные соглашения, приведшие к неравенству в отношениях между субъектами Российской Федерации. Об этом говорит и тот факт, что к маю 2005 г. из 42 субъектов, имевших такие договоры, 28 субъектов их уже расторгли, в том числе Кабардино-Балкарская Республика и Республика Северная Осетия–Алания [Путин 2002: 21]. В этой связи уместно напомнить слова Президента Российской Федерации В. В. Путина в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации (2002 г.), где он указывал «...на необходимость утверждения договоров федеральным законом» [Путин 2002: 21].

Только в таком случае участники договорного процесса придут к пониманию того, что федерализм — это прежде всего конструктивное сотрудничество, а не борьба за главенство между федеральным центром и субъектами.

Л. А. Тихомирова справедливо утверждает, что на современном этапе развития федеративных отношений России и ее субъектов возникает необходимость укрепления сотрудничества между центрами и регионами, совершенствования механизма разгра-

ничения предметов ведения и полномочий, а также взаимодействия и координации федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации. В таких условиях определяющая роль должна отводиться договорному порядку регулирования отношений России и ее субъектов, не подменяющему положения Конституции России и не изменяющему конституционное распределение компетенции между федерацией и ее субъектами. Согласно основам конституционного строя, договорная форма регулирования федеративных отношений приобретает важное значение не только в развитии, но и в существовании современного российского демократического федеративного правового государства [Тихомирова 2011: 169–170].

В целях повышения эффективности деятельности федеральных органов государственной власти и совершенствования контроля за исполнением их решений Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. были созданы семь федеральных округов и институт представителей Президента в федеральных округах [Абдулатипов 2000: 640–645]. Указом Президента Российской Федерации от 19 января 2010 г. из Южного федерального округа был выделен новый, восьмой по счету, Северо-Кавказский федеральный округ, в который вошли Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская республика, Карачаево-Черкесская республика, Республика Северная Осетия–Алания, Чеченская республика и Ставропольский край. Задачей федеральных округов стало приведение местных законов в соответствие с Конституцией страны и федеральным законодательством. В короткий срок более 3,5 тыс. нормативных актов субъектов Федерации были приведены в соответствие с Основным законом страны. Это позволило усилить роль Центра на местах, укрепить федеративное устройство, возродить единое законодательное пространство страны [Россия ... 2017].

Становление и развитие российского федерализма, как мы знаем, происходило при наличии определенных противоречий, прежде всего, между стремлением народов к самоорганизации и объективными процессами интеграции российского общества. Именно с подписанием в марте 1992 г. Федеративного договора и его включением в Конституцию Российской Федерации уда-

лось избежать центробежных тенденций и распада России.

Отмечая в целом позитивную роль формирования и развития вертикальных связей, необходимо дать оценку и горизонтальным связям, составляющим живую, постоянно изменяющуюся ткань федеративных отношений. Не административная централизация «по вертикали», а плотность и устойчивость экономических, социальных, культурных отношений, связывающих субъекты Федерации между собой, являются наиболее надежной гарантией «неделимости» государства.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №16-01-00126 «Этнокультурные и этнополитические процессы на Северном Кавказе в период системной трансформации российского общества: особенности и основные тенденции».

Источники

- Газета Юга [электронный ресурс] // URL: <http://www.gazeta.yuga.ru/> (дата обращения: 01.09.2017).
- Конституции, уставы и договоры на Северном Кавказе. Ростов н/Д: СКАГС, 1998. С. 255–260.
- Конституция Кабардино-Балкарской Республики. Нальчик, 2003. 53 с.
- Конституция Кабардино-Балкарской Республики: Принята Парламентом КБР 1 сентября 1997 г. Нальчик, 1997. 50 с.
- Конституция Российской Федерации. Гимн Российской Федерации. Новосибирск: Норматика, 2013. 32 с.
- Определение ... 2000 — Определение Конституционного Суда РФ по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции РФ отдельных положений конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия–Алания и Республики Татарстан от 27.06.2000 №92–0 [электронный ресурс] // URL: www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default. (дата обращения: 05.03.2017).

Литература

- Абдулатипов П. Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. М.: Славянский диалог, 2000. 656 с.
- Беленко Н. М. Становление и развитие федеративных отношений в России (90-е гг. XX –

- начало XXI вв.): автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2006. 43 с.
- Болтенкова Л. Ф. и др. Федеративный договор. Документы. Комментарии. М.: Республика: Совет Федерации Федерал. Собр. Рос. Федерации, 1994. 127 с.
- Жидких В. А. Российский федерализм: эволюция, проблемы и перспективы развития: автореф. дисс. ... д-ра полит. наук. М., 2009. 53 с.
- Калина В. Ф. Принципы федерализма на российской почве // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 1. С. 235–251.
- Мархгейм М. В. Конституционные основы Российского федерализма. Ростов н/Д: Изд-во Северо-Кавказской академии гос. службы, 2000. 49 с.
- Путин В. В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. М.: [б. и.], 2002. 46 с.
- Тихомирова Л. А. Договорное регулирование отношений Российской Федерации и ее субъектов: теоретико-правовой аспект // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 1. С. 167–171.
- Торошенко А. А. Конституционность договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации // Федерализм в России. Казань: Ин-т истории АН Татарстана, Казанский ин-т федерализма, 2001. С. 95–98.
- Россия ... 2017 — Россия в начале XXI в. [Электронный ресурс] // URL: www.ru-history.com/index.php?view (дата обращения: 05.03.2017).
- Sources**
- Gazeta Yuga* [Southern Gazette] (In Russ.).
- Konstitutsii, ustavy i dogovory na Severnom Kavkaze* [Constitutions, Charters and Treaties in the North Caucasus]. Rostov-on-Don, North Caucasus Academy of Public Administration Press, 1998, pp. 255–260 (In Russ.).
- Konstitutsiya Kabardino-Balkarskoy Respubliki* [Constitution of the Republic of Kabardino-Balkaria]. Nalchik, 2003, 53 p. (In Russ.).
- Konstitutsiya Kabardino-Balkarskoy Respubliki Prinyata Parlamentom KBR 1 sentyabrya 1997 g.* [Constitution of the Republic of Kabardino-Balkaria. Adopted by the Parliament of KBR on 1 September 1997]. Nalchik, 1997, 50 p. (In Russ.).
- Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Gimn Rossiyskoy Federatsii* [Constitution of the Russian Federation. Russian National Anthem]. Novosibirsk, Normatika Publ., 2013, 32 p. (In Russ.).
- Opreделение Konstitutsionnogo Suda RF po zaprosu gruppy deputatov Gosudarstvennoy Dumy o proverke sootvetstviya Konstitutsii RF ot del'nykh polozheniy konstitutsiy Respubliki Adygeya, Respubliki Bashkortostan, Respubliki Ingushetiya, Respubliki Komi, Respubliki Severnaya Osetiya–Alaniya i Respubliki Tatarstan ot 27.06.2000 № 92–0* [Russian Federation Constitutional Court determination upon the request of a group of the State Duma Deputy on the verification of compliance of the Constitution of the Russian Federation with certain provisions of the Constitution of the Republic of Adygea, Republic of Bashkortostan, the Republic of Ingushetia, the Komi Republic, Republic of North Ossetia–Alania, the Republic of Tatarstan, 27 June 2000 № 92–0]. Available at: www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default (accessed: 05 March 2017) (In Russ.).
- References**
- Abdulatipov R. G. *Natsional'nyy vopros i gosudarstvennoe ustroystvo Rossii* [The National question and the Russian state system]. Moscow, Slavyanskiy Dialog Publ., 2000, 656 p. (In Russ.).
- Belenko N. M. *Stanovlenie i razvitie federativnykh otnosheniy v Rossii (90-e gg. – nachalo XXI vv.). Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Formation and development of federal relations in Russia (1990s–early 21st centuries). A Ph. D. thesis abstract]. Moscow Univ. for the Humanities Press, 2006, 43 p. (In Russ.).
- Boltenkova L. F. et al. *Federativnyy dogovor. Dokumenty. Kommentarii* [Federal Treaty. Documents. Comments]. Moscow, Respublika Publ., 1994, 127 p. (In Russ.).
- Zhidkikh V. A. *Rossiyskiy federalizm: evolyutsiya, problemy i perspektivy razvitiya. Avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk / V. A. Zhidkikh* [Russian Federalism: evolution, problems and prospects. A Ph. D. thesis abstract]. Moscow, Institute of Socio-Political Research (RAS) Press, 2009, 53 p. (In Russ.).
- Kalina V. F. *Printsipy federalizma na rossiyskoy pochve* [Principles of federalism in Russia]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* (Socio-Humanitarian Knowledge), 2000, No. 1, pp. 235–251 (In Russ.).
- Markhgeym M. V. *Konstitutsionnye osnovy Rossiyskogo federalizma* [Foundations of the Constitutional system of Russian Federalism].

- Rostov-on-Don, North Caucasus Academy of Public Administration Press, 2000, 49 p. (In Russ.).
- Putin V. V. *Poslanie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii* [The President's message to the Federal Assembly of Russian Federation]. Moscow, 2002, 46 p. (In Russ.).
- Tikhomirova L. A. *Dogovornoe regulirovanie otnosheniy Rossiyskoy Federatsii i ee sub"ektov: teoretiko-pravovoy aspekt* [Contractual regulation of relations between the Russian Federation and its constituent entities: theoretical and legal aspects]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* (Bulletin of Economics, Law and Sociology), 2011, No. 1, pp. 167–171 (In Russ.).
- Torshenko A. A. *O Konstitutsionnosti dogovorov o razgranichenii predmetov vedeniya i polnomochii mezhdru organami gosudarstvennoy vlasti Rossiyskoy Federatsii i organami gosudarstvennoy vlasti sub"ektov Rossiyskoy Federatsii* [On the constitutionality of treaties on the delimitation of the subjects of jurisdiction and authority between the bodies of state authority of the Russian Federation and the state authorities of the subjects of the Russian Federation]. *Federalizm v Rossii* [Federalism in Russia]. Kazan, Institute of History (Tatarstan Acad. of Sc.) Press, 2001, pp. 95–98 (In Russ.).
- Rossiya v nachale XXI v.* [Russia in the early 21st century]. Available at: www.ru-history.com/index.php?view (accessed: 5 March 2017) (In Russ.).

УДК 94 (470. 342)

РОЛЬ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАТИВНОГО ГОСУДАРСТВА

Алим Инзрелович Тетуев¹

¹ доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований — филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН (Нальчик, Российская Федерация). E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена одной из наиболее актуальных научных проблем — формированию и развитию российской модели федерализма. Научная новизна обусловлена тем, что комплексно исследованы три этапа развития российского федеративного государства: политико-трансформационный, конституционно-договорной, стабилизационный. Анализ первого этапа (1990–1995 гг.) показывает, что благодаря подписанию Федеративного договора и его включению в Конституцию Российской Федерации удалось избежать центробежных тенденций и опасности возможного распада России. Во время второго, конституционно-договорного, этапа (1995–2000 гг.) развития федерации на основе статьи 78 Конституции РФ было подписано около пятидесяти договоров «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной субъектов РФ». Вместе с тем, анализ двусторонних договоров федерального центра с субъектами РФ, конституций и уставов регионов, выявил несоответствие их отдельным положениям Конституции Российской Федерации. Отмечается, что в целях укрепления российской государственности на третьем этапе (2000–2005 гг.) была проведена административная реформа. Кроме того, были учреждены 8 федеральных округов, задачей которых стало приведение местных законов в соответствие с Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством. В короткий срок более 3,5 тыс. нормативных актов субъектов Федерации были приведены в соответствие с Основным законом страны. Это позволило усилить роль Центра на местах, укрепить федеративное устройство, восстановить единое законодательное пространство страны.

Ключевые слова: Российская Федерация, модель федерализма, субъекты, договоры, разграничение, делегирование, конституция, законы, суверенитет, несоответствие, федеральные округа.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 32, Is. 4, pp. 43–48, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-32-4-43-48
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 39

The Kalmyk Places of Worship: Mount Bogdo

Tatyana I. Sharaeva¹

¹ Ph. D. in History (Cand. of Historical Sc.), Senior Research Associate, Department of History, Ethnology and Archaeology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: sharaevati@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the traditional beliefs and contemporary state of ritual practices related to Mount Bogdo – a natural place of worship – among the Kalmyks. The paper suggests that the ethnic objects of worship divided into landscape (natural) and man-made ones reflect the syncretism of religious convictions of the Kalmyks comprising elements of both pre-Buddhist beliefs and Buddhism as such. The research notes that after the ancestors of the Kalmyks arrived in the Lower Volga steppes from Central Asia, they found themselves in alien surroundings and, thus, needed some new places to worship. So, they started selecting such landscape objects — to designate them as sacred — that resembled those left behind in their ancestral lands, due to which the culture-specific basis was retained under the new conditions. According to the Kalmyk traditional view of the world, rising grounds — like mounts in Central Asian territories — were considered to link the Upper and Lower worlds, places that secured the circulation of life. This is evident from life-cycle rites: any mount (a hill or rising ground) in its upright projection was perceived as both a fertility center bestowing powers and multiple progeny, and a grave site. Moreover, mounts and rising grounds were viewed upon by the Kalmyks as anthropomorphic deities which was mirrored in the terms to denote their parts similar to names of human body parts. The work concludes that any rising ground or hill is still locally perceived by the Kalmyks as a place of some deity's stay supposed to act as protector of a certain kin community and their living territory. In a wider sense, any hill or rising ground is traditionally considered to be a place of the White Old Man's (Kalm. *Tsayan Aav*) residence — a universal protector-deity of all ethnic Kalmyk communities. The White Old Man's cult and the related Kalmyk cult of *ova* replaced the ancient beliefs about mountains as sacred symbols and their protector-deities in the new territories with differing landscapes. At the same time, the long and wide presence of Buddhism among the Kalmyks resulted in the emergence of somewhat syncretic forms to comprise elements of ancient beliefs which can be traced in folk rites performed in cult places. The paper suggests that Mount Bogdo was chosen by the Kalmyks as a landscape place of worship due to the reasons as follows: the highest geographic location in the steppes, its unusual form and color, the ability to 'emit' some specific sounds in windy weather. The choice was also determined by the fact the people had come from highlands, thus, giving rise to tales and legends according to which the mount had been transported as a sacred center from ancestral territories; corresponding calendar and life-cycle rites. Though the cult of Mount Bogdo is actually based on ancient beliefs, it is nowadays closely tied with the Buddhist tradition. In the context of the emerging ethnic and religious self-actualization trends with pilgrimage as a social institution, as well as due to the development of Kalmykia's tourist cluster, Mount Bogdo has become place of regular public resort.

Keywords: places of worship, Kalmyks, religion, landscape objects, rites of worship.

В современном калмыцком обществе отмечается возрастающий интерес к традиционной культуре, религии и этнической идентичности, что связано с процессами, происходящими за последние десятилетия на территории национальных республик в составе Российской Федерации, обусловленными политическими, экономическими, религиозными и культурными изменениями в обществе в целом и распадом общности «советский народ».

Калмыки — этнос, чьи предки — ойраты — пришли в степи Северного Прикаспия в XVII в. Сложение нового, калмыцкого, этноса связано уже с новыми территориями. Все исторические события в жизни калмыцкого народа на новой территории взаимосвязаны с историей Российского государства. Развитие культуры и религии происходило длительное время в иноэтничном и поликультурном окружении. Тем не менее калмыки сохранили свою этническую идентичность, культуру и религию.

Для определения сущности религии калмыков применимо понятие «религиозный синкретизм», которое употребляется в значении «смешение», «сочетание». Синкретизм религии калмыков заключается в сосуществовании добуддийских верований и буддизма. Добуддийские верования калмыков — «...это комплекс представлений о природе и человеке, и обрядов, организующих их взаимоотношения, сформировавшийся к моменту распространения буддизма. В добуддийских верованиях в различной степени сохранились элементы, истоки которых были связаны с ранними формами религии — тотемизмом, промысловым культом, погребальным культом и культом предков, шаманством и др. В них также прослеживается влияние разных этнических культур, участвовавших в формировании калмыцкой культуры» [Бакаева 2009: 7]. В процессе своего распространения среди калмыков буддизм не заменял существовавшие до него различные народные верования и представления, картину мира, а приспособился, включал элементы традиционного мировоззрения, ассимилировал народные представления и обрядность, вырабатывая особую форму существования и распространения. Исследователями не раз отмечался «развитый культ различных божеств как буддийского пантеона, так и добуддийские культы, имевшиеся в религиозной практике у данного народа и вошедшие в число почитаемых божеств» [Митиров 1987: 60].

С синкретизмом религии калмыков взаимосвязаны и культовые объекты у калмыков, являющиеся ландшафтными и антропогенными комплексами. Часть культовых объектов была связана с распространением буддизма, как, например, субурганы (ступы), хурулы (буддийские храмы), другие же имели в основе своего возникновения добуддийские истоки, но канва обрядности и представления о них часто были переплетены с религиозной традицией и участием буддийских священнослужителей в различных обрядах. Возникновение ландшафтных культовых объектов связано, в первую очередь, с мировоззренческими представлениями калмыков и национальной картиной мира. Освоение новой территории «потребовало» формирование «своего» сакрального пространства в иных природно-ландшафтных и климатических условиях. Антропогенные комплексы связаны в большинстве с усилением позиций буддизма и развитием культового строительства, объекты которого существовали до 30–40-х гг. XX в. С 90-х гг. XX в. начинается новый виток в развитии культовых объектов, что связано с процессами возрождения буддизма у калмыков.

Ландшафтные культовые объекты калмыков возникали как ядро культурной специфики в новых условиях, базировались на неразрывной связи духовной культуры народа с ареалом проживания. Поиск опорных сакральных мест на новой осваиваемой территории способствовал возникновению новых ландшафтных культовых объектов: «Пространство, освоенное этносом, является пространством, в котором центр обозначает сакральную территорию и представляет наиболее почитаемый объект» [Бакаева 2012: 36]. К ним как к «интегральным образам» родной земли исследователи относят водный источник, гору и дерево [Содномпилова 2007: 125]. В калмыцкой традиции таковыми являются местность с целебными источниками в балке Уласта-Сала близ п. Овата Целинного района Республики Калмыкия, гора Богдо на территории Ахтубинского района Астраханской области, одинокое дерево вблизи п. Хар-Булак Целинного район Республики Калмыкия. Каждое из них имеет свою историю возникновения. Так, появление источников связывают с легендой о месте снисхождения Белой Тары и Зеленой Тары. Направляясь в Тибет, богини, выбрав хорошее место, сошли на землю, чтобы отдохнуть. Когда они продолжили свой путь, на том месте, где они побы-

вали, забил родник чистой воды, выросли деревья. Люди, увидевшие чудо, позвали священнослужителей, которые провели молебен, обряд «*ова тэклһн*» в честь этих божеств. С тех пор это место носит название Овата, что в переводе означает «место, где есть ова». До 30-х гг. XX в. в балке Уласта проводились большие молебны; надолго прерванная традиция возобновилась только в 90-х гг. XX в. [Киштанова 1999: 3].

Одинокое дерево около п. Хар-Бурук в местности с лечебными родниками было посажено, согласно легендам, буддийским монахом П. Джунгруевым в 1846 г. после возвращения из Тибета. Из своего путешествия монах привез семена тополя, но только одно из них проросло. На срезе веток, якобы, видна пятиконечная звезда, которая указывает на сакральную символику дерева [ПМА].

Легенды о горе Богдо связывают ее происхождение с историей перекочевки калмыков с исторической родины на территорию России. Считается, что на ней обитает главное божество всех калмыков — *Цаһан аав* (Белый старец), хозяин земли, водных источников, животного мира, повелитель времени и возраста, дарователь жизни и потомства.

Гора, водный источник и дерево относятся к основным маркерам освоенного сакрального пространства, которое у калмыков формирует понятие *һазр-усн* 'земля-вода'. Локальные варианты этих представлений о маркерах территории связываются с одиноко стоящими деревьями, лечебными водными источниками и курганами на определенной местности. Находясь на территории проживания определенного рода, они являются сакральными локусами родовой территории, местом проведения календарной обрядности и обитания локальных «хозяев» местности (*һазр-усна эзн*). Идеальным считается расположение этих трех объектов вблизи друг друга.

Поклонение родовой местности и природе в целом способствовало возникновению культа курганов *ова*: «Ова — абстрактное воплощение родовой горы — в условиях откочевки из мест исконных родовых кочевий ойратов (предков калмыков) стало универсальным сакральным местом» [Бакаева 2009: 98]. Курганы *ова* являлись моделью горы, уменьшенной его копией. Как отмечал У. Э. Эрдниев, «калмыки продолжали обожествлять горы, камни, которые, по их мнению, имели своих божеств-хозяев

— эзен <...> В степи, в открытых местах, где нет гор и сколько-нибудь заметных холмов, этот обряд проводился как «ова тэхе» — поклонение духам местности — на вершине насыпных холмов, каменных куч и курганов, которыми столь богата калмыцкая степь. Мужчины выезжали к курганам, обычно расположенным на возвышенности, на вершине самого высокого из них забивали палку и ставили вылепленное из теста изображение белого старика (цаган авва), олицетворяющего духа хозяина местности. В совершении этого древнего обряда участвовало и ламаистское духовенство» [Эрдниев 1985: 230].

Поклонение Белому старцу как хозяину территории проживания калмыков имело важное значение в канве летнего праздника *Үр Саp*. В этот день непременно осуществляли обряд жертвоприношения на кургане, расположенном на родовой территории, для достижения благополучия в трех мирах: человеческом, животном и растительном. Т. Б. Бадмаева к древнему пласту обрядовых действий на курганах относит танец «Цацал», в котором принимали участие молодые парни и девушки. По данным исследователя, «группа юношей и девушек, держащих в обеих руках чаши с молоком, медленно поднималась по склону невысокого кургана, остановившись на вершине, они несколько раз обходили ее по кругу слева направо, затем, взяв чашу в левую руку и подняв ее повыше, медленно поворачивались вокруг своей оси и брызгали пальцами правой руки молоко по направлению каждой из четырех сторон света на юг, на запад, на север, на восток. Затем следовали различные перестроения в группе танцующих, опять они останавливались, разбрызгивали молоко и т. д. Танец завершался таким же медленным спуском по склону кургана» [Бадмаева 1992: 79]. Обрядовые действия в данном танце базируются на представлении о горе или кургане — возвышенном месте, связующем звене между верхним и нижним мирами, месте, где можно получить жизненную силу и чадородие. Возвышенности сами по себе воспринимались калмыками антропоморфными божествами. В соответствии с данными представлениями различали следующие их «части тела»: *хамр* — нос, выступ, *толһа* — голова, *зо* — поясничная часть спины, *хэврһ* — ребро, *таша* — бок, *шиир* — голень, отроги возвышенности, *сер* — холка, *ора* — макушка, темя, вершина [Очир-Гаряев 1980: 138].

Обряды поклонения курганам *ова* как замене горы играют важную роль в обрядах жизненного цикла. Так, например, захоронения у подножия курганов практиковались до 30-х гг. XX в. Первоначально для этого выбирались те курганы, у подножия которых было достаточно камней, чтобы закрыть ими захоронение, позднее стали производить впускные погребения у подножий курганов, следуя главному правилу — курган должен находиться на родовой территории. О сакральном отношении к возвышенным местам у калмыков говорит тот факт, что вариантом грунтового захоронения избиралось место «на возвышенности, ближе к небу» [Шараева 2011: 165–166]. Согласно традиционному мировоззрению монгольских народов, гора в вертикальной проекции связана с верхним и нижним мирами, что обусловило восприятие ее как порождающего центра и места захоронения одновременно. Горы, находящиеся на родовой территории, считались местом, обеспечивающим постоянный круговорот представителей рода. Как отмечают исследователи, «...тела умерших сородичей, отданные на сохранение горе, могут, не подвергаясь разрушению, сохранить свою целостность. Целостность — главным образом костяка — необходимое условие для возвращения души умершего обратно в состав родного коллектива» [Пространство ... 2008: 144].

В культуре калмыков курганы — это замена гор, гористой местности, с которой ассоциируются представления о родине предков. В песнях торгутов Монголии и Китая бытует песня, являющаяся своеобразным гимном, выполняющим роль этнического маркера, — «Торгуд нутг минь», в которой воспоминания о родине связываются с представлениями о высоких складчатых горах, постоянно покрытых туманом, и широких просторах родной территории [Бакаева 2009б: 78–80]. Упоминаемые в песенном фольклоре калмыков горы Алтая как маркер родины, по мнению Б. А. Бичеева, — «не просто географическое понятие, а сакральный маркер, этнический код, мифологически и идеологически насыщенный геополитический образ своей страны» [Бичеев 2005: 33]. На новой территории, в пределах степных просторов России, для калмыков консолидирующим культовым местом и этническим маркером родины стала гора Богдо. В настоящее время она находится на территории Богдинско-Баскунчакского заповедника Ахтубинского района Астрахан-

ской области. В Прикаспийской низменности это единственная настоящая гора, возвышающаяся на 150 м над уровнем моря, а ее подножие значительно ниже уровня моря. Гора Богдо находится на южном берегу соленого озера Баскунчак. С каждым годом она увеличивается примерно на 1 мм, потому что внутри ее находится соляной купол. Гора имеет необычный окрас — одна из ее сторон имеет красный цвет, что связано с большой концентрацией минералов.

Свое второе название «Поющая гора» она получила из-за наличия большого количества пещер, каменных ниш и столбов, углублений, что делает юго-западный склон горы похожим на соты. При попадании ветра в эти пустоты образуются различные звуки, сила и интенсивность которых зависят только от ветра.

Выбор горы Богдо в качестве ландшафтного культового места обусловлен рядом причин: самый высокий географический объект на обширных степных просторах, необычные форма и окрас поверхности, напоминающие горные поверхности запада монгольских территорий — родины предков калмыков, умение горы «издавать» особые звуки при дуновении ветра, что также указывает на особенности горного рельефа родины предков, привычной когда-то местности. Об обожествлении и значении горы Богдо в жизни калмыков писали многие исследователи традиционного быта калмыков: «На вершине Богдо Ула была сооружена пирамидальная насыпь из камней, которой поклонялись проходившие мимо нее калмыки, оставляя там какие-нибудь предметы — пищу, монеты и т. д.» [Эрдниев 1985: 230]. Существует несколько версий легенды о появлении этой горы и озера у ее подножья. Согласно одной из версий, «гора Богдо прежде стояла на реке Яик (Урал). Но двое калмыцких священников задумали перенести ее на Волгу. После продолжительного поста и молитвы они подняли гору на свои плечи и понесли. Но когда святые были уже близ Волги, случилось несчастье. Один из них поддался влиянию злого духа и осквернил себя дурным помыслом. Грешник тотчас лишился сил и тяжестью горы был вдавлен в землю, которую оросил своей кровью, отчего одна сторона горы сделалась красной. Второй никак не мог в одиночку сдвинуть гору с места, и она осталась там, где и поныне стоит. В одну из своих поездок на этом месте как-то остановился Далай-лама. Устроив здесь привал, он по-

обедал и остатки соленой похлебки вылил на землю. Из этой-то соли и образовалось постепенно озеро Баскунчак. А гора Богдо стала велика от того, что Далай-лама на ней ночевал» [Семь звезд 2004: 205]. Есть и другие версии о появлении горы Богдо, но все они подобны вышеописанному варианту легенды и связаны с тем, что она была перенесена на это место; красный цвет одной стороны связывают с цветом крови жертвы этой горы; образование озера и вытянутую форму горы — с именем Далай-ламы, якобы посетившего эту гору, что и является знаком ее сакральности в буддийской традиции.

За последнее время с ростом значения этнической идентичности и религии, а также развитием туристического бизнеса в Калмыкии и института паломничества, посещение горы Богдо у калмыков носит регулярный характер. Отправившиеся на гору Богдо не только осматривают великолепные и живописные окрестности с вершины горы, но и принимают участие в обряде совершения подношения огню под руководством буддийского священнослужителя. Для этого на юго-восточном склоне в одном из ущелий есть постоянное место для совершения обрядовых действий. Прибывшие привозят с собой необходимые молочные продукты, лампы, благовония, сладости. Из самостоятельных действий, выполняемых туристами и паломниками, отметим символическое воздвижение *ова* на вершине кургана и подвешивание ритуальных цветных лент. На вершину горы поднимаются все, хотя традиционно на такие горы и курганы запрещено подниматься женщинам. Эта традиция, например, строго соблюдается представителями этнической группы *орхахн* при посещении кургана *Кермн толха*, где воздвигнуто общее для данной группы *ова*. В воздвижении посвященного памяти ушедших в Джунгарию в 1771 г. и оставшихся на Волге наших предков *Ижл холын ова* 'Ова на реке Волге', состоявшегося в мае 2011 г., также принимали участие только мужчины.

Таким образом, развитие культовых объектов у калмыков имеет свою историю. Культовые объекты, среди которых выделяются ландшафтные и антропогенные, отражают синкретизм религии калмыков, включающий элементы добуддийских верований и буддизма. Проведение в прошлом и в настоящее время обрядов культа *ова* связано с представлениями о родине предков, горе как сакральном маркере территории, взаи-

мосвязи ее с мирами различных уровней. Культ *ова* у калмыков заменил собой на новой территории с иным ландшафтно-природным комплексом представления о горах как сакральных символах.

Гора Богдо, обожествление которой связано у калмыков, в первую очередь, с проекцией представлений о сакральных центрах, является культовым объектом калмыков и местом постоянного паломничества. Имея в основе более древние представления, поклонение горе Богдо связано в настоящее время с буддийской традицией.

Литература

- Бакаева Э. П. Сакральные коды культуры калмыков. Элиста: ИКИАТ, 2009а. 158 с.
- Бакаева Э. П. Торгуты Монголии: этнический состав и этнические маркеры // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 1. Элиста: КИГИ РАН, 2009б. С. 69–86.
- Бакаева Э. П. Сакральные места Калмыкии: к проблеме сохранения наследия // Буддизм в России и на Западе: исторический опыт и современные реалии. Элиста: НПП «Джангар», 2012. С. 31–42.
- Бадмаева Т. Б. Калмыцкие танцы и их терминология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. 96 с.
- Бичеев Б. А. Дети Неба — Синие Волки. Мифолого-религиозные основы формирования этнического сознания калмыков. Элиста: КалмГУ, 2005. 199 с.
- Киштанова М. Степная легенда // Известия Калмыкии. 1999. 22 янв. С. 3.
- Митиров А. Г. Об особенностях ламаистской культовой практики Калмыков // Вопросы истории ламаизма в калмыкии. Элиста: КНИИФЭ, 1987. С. 58–70.
- Содномпилова М. М. Концепт Родина в культуре монгольских народов // Этнографическое обозрение. 2007. № 3. С. 124–134.
- Семь звезд: калмыцкие легенды и предания. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 415 с.
- Очир-Гаряев В. Э. Культ гор у монгольских народов // Вопросы сравнительной этнографии и антропологии калмыков. Элиста: КНИИИФЭ, 1980. С. 136–143.
- Пространство в традиционной культуре монгольских народов. М.: Вост. лит., 2008. 341 с.
- Шараева Т. И. Обряды жизненного цикла калмыков (XIX – нач. XXI в.). Элиста: НПП «Джангар», 2011. 223 с.
- Эрдниева У. Э. Калмыки: историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 282 с.

ПМА

Болдырев О. Т., 1930 г. р., калмык, этническая группа *богдахин*, подгруппа — *генж аав*.

References

- Bakaeva E. P. *Sakral'nye kody kul'tury kalmykov* [Sacred codes of Kalmyk culture]. Elista, Institute for Comprehensive Studies of Arid Territories Press, 2009, 159 p. (In Russ.).
- Bakaeva E. P. *Torguty Mongolii: etnicheskij sostav i jetnicheskie markery* [Torguts Mongolia: ethnic composition and ethnic markers]. *Problemy etnicheskoj istorii i kul'tury tjurko-mongol'skih narodov* [Problems of ethnic history and culture of the Turkic-Mongolian peoples]. Elista, Kalmyk Institute for Humanities (RAS) Press, 2009b, iss. 1, pp. 69–86 (In Russ.).
- Bakaeva E. P. *Sakral'nye mesta Kalmykii: k probleme sohraneniya nasledija* [Sacred places of Kalmykia: the issue of heritage conservation]. *Buddizm v Rossii i na Zapade: istoricheskij opyt i sovremennye realii* [Buddhism in Russia and in the West: Historical Experience and Modern Realities]. Elista, Dzhangar Publ., 2012, pp. 31–42 (In Russ.).
- Badmaeva T. B. *Kalmyckie tancy i ih terminologija* [Kalmyk dances and their terminology]. Elista, Kalmyk Book Publ., 1992, 96 p. (In Russ.).
- Bicheev B. A. *Deti Neba — Sinie Volki. Mifologo-religioznye osnovy formirovaniya etnicheskogo soznaniya kalmykov* [Children of the Heaven — Blue Wolves. Mythological and religious foundations of the formation of the ethnic consciousness of Kalmyks]. Elista, Kalmyk State Univ. Press, 2005, 199 p. (In Russ.).
- Kishtanova M. *Stepnaja legenda* [The Steppe Legend]. *Izvestija Kalmykii* (News of Kalmykia), 22 January 1999, No. 11, p. 3 (In Russ.).
- Mitirov A. G. *Ob osobennostjah lamaistskoj kul'tovoj praktiki Kalmykov* [Specific features of Lamaist cult practices of the Kalmyks]. *Voprosy istorii lamaizma v Kalmykii* (Lamaism in Kalmykia: historical issues). Elista, Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics Press, 1987, pp. 58–70 (In Russ.).
- Sodnompilova M. M. *Koncept Rodina v kul'ture mongol'skih narodov* [The Motherland Concept in the Culture of Mongolian Peoples]. *Jetnograficheskoe obozrenie* (Ethnographic Review), 2007, No. 3. pp. 124–134 (In Russ.).
- Sem' zvezd: kalmyckie legendy i predaniya* [The Seven Stars: Kalmyk legends]. Elista, Kalmyk Book Publ., 2004, 415 p. (In Russ.).
- Ochir-Garyaev V. E. *Kul't gor u mongol'skih narodov* [The cult of mountains. Among Mongolian peoples]. *Voprosy sravnitel'noj jetnografii i antropologii kalmykov* [Issues of comparative ethnography and anthropology of the Kalmyks]. Elista, 1980, pp. 136–143 (In Russ.).
- Prostranstvo v tradicionnoj kul'ture mongol'skih narodov* [Space in the traditional culture of Mongolian peoples]. Moscow, Vost. Literat. Publ., 2008, 341 p. (In Russ.).
- Sharaeva T. I. *Obrjady zhiznennogo cikla kalmykov (XIX — nach. XXI v.)* [Life-cycle rites of the Kalmyks (the 19th–early 21st century)]. Elista, Dzhangar Publ., 2011, 223 p. (In Russ.).
- Erdniev U. E. *Kalmyki: istoriko-jetnograficheskie ocherki. 3-e izd., pererab. i dop* [The Kalmyks: historical and ethnographic essays. 3rd ed.]. Elista, Kalmyk Book Publ., 1985, 282 p. (In Russ.).

Author's Field Data

Boldyrev O. T., born 1930, Kalmyk, Bogdakhin ethnic group, subgroup — Genj Aav.

УДК 39

КУЛЬТОВЫЕ ОБЪЕКТЫ КАЛМЫКОВ: ГОРА БОГДО

Татьяна Исаевна Шараева¹

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел истории, этнологии и археологии, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: sharaevati@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются традиционные представления и современное состояние обрядности калмыков, связанные с горой Богдо — культовым ландшафтным объектом. Культовые объекты подразделяются на ландшафтные и антропогенные, они отражают синкретизм религии калмыков, включающий элементы добуддийских верований и буддизма. Массово проводившиеся в прошлом и сохраняющиеся в настоящее время обряды культа *ова* связаны с представлениями о родине предков, горе как сакральном маркере территории, взаимосвязи ее с мирами различных уровней. Культ *ова* у калмыков заменил собой на новой территории с иным ландшафтно-природным комплексом представления о горах как сакральных символах. Гора Богдо, обожествление которой связано у калмыков, в первую очередь, с проекцией представлений о сакральных центрах, является культовым объектом калмыков и местом постоянного паломничества. Имея в основе более древние представления, поклонение горе Богдо связано в настоящее время с буддийской традицией.

Ключевые слова: культовые места, калмыки, религия, ландшафтные объекты, обряды поклонения.

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 32, Is. 4, pp. 49–69, 2017
 DOI 10.22162/2075-7794-2017-32-4-49-69
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 391

The *Tsegdeg* Dress of Kalmyk and Oirat Women: Semantics of Its Fashion and Decorative Elements (Ancient Signs in the Semiotic System of the Garment)

Elza P. Bakaeva¹

¹ Ph. D. in History (Doct. of Historical Sc.), Associate Professor, Deputy Director, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: bakaevaep@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the symbolism of belt decorative elements and peculiarities of fashion typical for the *tsegdeg* sleeveless dress that had once been a compulsory garment of married women in the culture of Western Mongols (Oirats) and Kalmyks, as well as among some other Turco-Mongols. The semantics of *tsegdeg* is considered as a multilayer one.

First of all, it manifests itself in the garment's cutout which semantically denoted a fertile woman. At the same time, the garment was supposed to act as a limiting symbol which is evident from its fashion, decorative parts (wide strips comprising both passementaries and *zeg* rainbow color tread embroideries), and the fact it was to be worn with a *terlg* underwear dress. The semantics of belt decorative elements of *tsegdeg* among the Oirats and Kalmyks, such as valves and loops called *bel*, is – in the author's opinion – connected with childbearing as the main function of the woman. The *bel* loop or a part of the decorative element that acts as the former can be semantically compared to a hole, slit, or passage. The custom of tying kerchiefs (white or sole-colored ones) to *bels* indicates that here a kerchief symbolizes a 'container', 'womb' which is illustrated by registered beliefs of Western Buryats – kin people of Oirats and Kalmyks – that kerchiefs provide connection with ancestors and traditions. The paper also concludes the word stems from the term with the meaning of 'limiting' (from the Mong. **cege* + affix *-dg* denoting a recurring action), and is related to the Kalmyk custom of putting a special bridle on a killed swan, while Turkic peoples of South Siberia in similar situations dress the bird in *chegedeg* – a sleeveless garment.

Keywords: Oirats, Kalmyks, clothes, dress, *tsegdeg*, symbolism.

Современные этнокультурные процессы в российском обществе демонстрируют порой разнонаправленные векторы развития, что ярко проявляется в возрождении интереса к народному костюму на фоне значительной утраты в социуме знаний о его этнической специфике, функциях, символике. Такие процессы наблюдаются, в частности, в Калмыкии, где в настоящее время проводятся фестивали этномоды, показы «этнических» коллекций костюмов; современные тенденции в развитии этнически ориентированной моды активно пропагандируются в социальных сетях¹. Подобные тенденции отмечались исследователями одежды как в XX в., так и в первых десятилетиях XXI в.: «...традиционный костюм, выйдя из повседневно-го обихода к концу 1960-х гг., продолжает активно функционировать в качестве „одежды избранных“. Костюмы в этническом стиле начинают использоваться творческой интеллигенцией как оппозиция массовой одежде. Элементы народного костюма становятся маркерами „народности“ и выполняют функцию средства противопоставления носителя такой одежды людям „далеким от народа“ <...> В последнее время народный костюм становится незыблемым атрибутом неоязычников или реконструкторов². В первом случае костюм отнюдь не всегда соответствует традиции, а скорее является плодом фантазий на тему <...>, зато для реконструкторов соблюдение канонов — дело чести» [Добровольская 2015: 291–292]. Так, в современных этнокультурных процессах проявляются этническая, престижная и эстетическая функции костюма, а на региональном уровне также в определенной мере осуществляется рыночная конкуренция между производителями. Как и в любом тексте культуры, в таком элементе традиционной культуры, как народный костюм, неизбежно появление трансформаций (в зависимости от целей и задач производителей и потребителей). В Калмыкии ныне фиксируется тенденция к неоархаике³ (в

¹ См.: [Дизайнерская студия «Иньглан»; Калмыцкие дизайнеры представят свои коллекции...] и др.

² Под реконструкторами автор понимает людей, занимающихся воссозданием быта, ремесел, традиций, в том числе боевых, конкретной эпохи конкретного государства [Добровольская 2015: 291].

³ Примером обращения к архаике и создания образов «высокой моды», имеющих отношение к этностиллю, может служить публикация «Дизайнеры Элисты воссоздали костюмы древних ойратов [Дизайнеры Элисты ...] — анонс фестиваля этномоды.

терминологии В. Е. Добровольской — «неоязыческая» [Добровольская 2015: 292]), продиктованная попытками конструирования ойратской (западномонгольской) этнической идентичности (в основном среди молодого поколения калмыков⁴), и тенденция к реконструированию традиционного народного костюма, но адаптированного к современному стилю одежды⁵. Вместе с тем, наблюдается и третья тенденция, заключающаяся в стилизации фантазийных работ художников по ткани, поиски воссоздания народного стиля которых порой получают отвлеченный характер «восточного» стиля, не соотносимого с этническими традициями конкретного народа.

В связи с вышеизложенным особое значение, кроме научного, приобретают вопросы изучения семантики народного костюма, которые в условиях неизбежных трансформаций должны учитываться при создании современного этнического стиля в одежде конкретного народа.

Каждая из функций народного костюма⁶ осуществляется в рамках семиотической системы, которую представляет собой народный костюм, составляющий целостность в единстве знаков, определяющих реализацию функций.

Трансформация основных характеристик традиционного этнического костюма и утрата традиционных представлений о символике отдельных его элементов неизбежно меняют в целом значение костюма: изменение текста (его знаков), который представляет собой вещь, приводит к изменению функций, в том числе — этнической. Именно такие знаки, иногда кажущиеся незначительными компонентами, и составляют в со-

⁴ Эта тенденция проявляется в демонстрации «ойратских» костюмов лидерами движения за ойратскую идентичность.

⁵ Данная тенденция ярко проявляется в деятельности Союза женщин Иньглан и ателье «Иньглан» [Дизайнерская студия «Иньглан»].

⁶ П. Г. Богатырев предложил выделять национальную, сословную, утилитарную, социально-половую, возрастную, эстетическую, моральную, эротическую функции и акцентировал внимание на наличие аспектов в народном костюме: праздничный, религиозный, обрядовый, профессиональный, региональный [Богатырев 1971: 297–366]. И. В. Кузнецов перечисляет функции сезонной сменяемости, половой и возрастной стратификации, имущественных различий, буднично-праздничную, производственную, субэтническую, конфессиональную, этническую, ритуально-мифологическую, эстетическую, престижную, эротическую [Кузнецов 1995: 233].

вокупности семиотическую систему, которая, как и любая система, может развиваться во времени, оставаясь собой при условии сохранности ее главных составляющих.

В данной статье предпринимается новая попытка анализа семантики кроя и декора женского платья типа *цегдг*¹, которое является одним из символов народного костюма калмыков и ойратов.

Платье-безрукавка, известное в калмыцкой культуре как *цегдг*, характерно для традиционной материальной культуры целого ряда народов тюрко-монгольского круга, прежде всего ойратов (дербетов, торгутов, хошуттов, олёттов, баитов, мингатов, захчинов, алтайских урянхайцев), бурят, халха-монголов, тувинцев, южных алтайцев (алтай-кижи, теленгитов, телеутов), хакасов², причем у большинства народов этот предмет одежды замужних женщин имеет сходные названия [Бакаева 2015а: 76]. *Цегдг* (варианты названия у разных народов — *цэгдэг*, *чегедек*, *чедек*, *уужа*, *хубайси* и др.) — символ статуса замужней женщины и обязательный элемент ее костюма, является частью комплекса из двух платьев (нижнее платье *терлг* и верхняя безрукавка *цегдг*), причем замужние женщины обязаны были носить безрукавку и поверх зимней одежды (шубы).

Широкий круг распространения указанного типа одежды среди большого ряда тюрко-монгольских народов косвенно свидетельствует о древности женской безрукавки (что предполагает и наличие общего семантического значения); обязательный характер его использования замужними женщинами, в том числе ношения его поверх зимней шубы — о большей актуальности его знаковой функции, нежели «вещной»³. Вместе с тем, функционирование в разных, хотя и родственных, культурах могло обусловить появление специфических знаков и функций.

¹ В зависимости от контекста в статье упоминаются разные варианты названия этого предмета одежды в культуре тюрко-монгольских народов, и все названия выделены курсивом. При общем упоминании предмета используется калмыцкий термин *цегдг*.

² Сходный предмет одежды — *сангыях* — имеется и в культуре якутов.

³ Причем, к примеру, у калмыков в XX в. в условиях внедрения в жизнь городского платья весьма популярными именно среди женщин (не девушек) являлись жилеты, крой которых и характер использования которых отдаленно напоминал традиционные безрукавки.

В исследованиях, посвященных символике женской безрукавки типа *цегдг*, имеется несколько интерпретаций. Прежде всего, символика безрукавки *цегдг* / *цэгдэг* определяется ее ролью как знака половозрастной и социальной стратификации. Особенности покроя безрукавок, как известно, обусловлены кочевым образом жизни, а именно верховой ездой [Небольсин 1852: 52–59; Эрдниев 1970: 145]. Согласно точки зрения, предложенной бурятским исследователем Д. С. Дугаровым, ее символика связана с древним культом птицы-прародительницы и тюрко-монгольскими верованиями тотемистического характера; соответственно безрукавка (у бурят называемая *хубайси* (у хонгодоров), *хубайхи* (у булагатов), *дэгэлэй* (у эхиритов), *уужа* (у хори), а у ряда других народов — *цэгдэг* / *чегедек*) рассматривается как ритуальное облачение, обозначающее крылья птицы-прародительницы [Дугаров 1983а; 1983б]. О такой символике алтайских безрукавок свидетельствует наименование плечевой части канаттар⁴ («крылья») [Алтайцы 2014: 238]. Согласно другой интерпретации, этот предмет одежды замужней женщины символизирует покорность и верность супругу, что отражено в бытующей среди ойратов СУАР КНР легенде [Сарангэрэл 2008: 11] и подтверждается статьями монголо-ойратского свода законов 1640 г., согласно которым бежавшему с поля боя воину надевали женскую безрукавку [Их цааз 1981: 15]. По мнению С. Б. Самбуевой, традиционное женское платье символически является эквивалентом «мирового древа», «мировой оси», а безрукавка — его защитой, оберегом [Самбуева 2000: 8–11].

Для анализа вопроса о символике женской безрукавки, характерной для культуры ряда тюрко-монгольских народов, необходимо рассматривать костюм как вид семиотической системы. Этот подход был предложен в свое время П. Г. Богатыревым в его работе «Функции национального костюма в Моравской Словакии» [Богатырев 1971; первое издание Bogatyrev 1937] и успешно применен в ряде работ [см., например: Кузнецов 1995].

Как видно, в работах по исследуемому вопросу высказывались весьма разные мнe-

⁴ Вместе с тем, исследователи отмечают отличия в безрукавках алтайцев. Теленгитский *чегедек* (*чедек*), который, согласно В. П. Дьяконовой [2001: 92–93], наиболее близок безрукавке ойратов-дербетов, отличается от *чегедек* алтай-кижи, который не имел твердой основы плеч (канат) [Кичекова 2008: 265].

ния, что не предполагает взаимное исключение. Как отмечает А. К. Байбурин, «семиотический статус вещей отражает конкретное соотношение „знаковости“ и „вещности“ и соответственно символических и утилитарных функций. Его „величина“ прямо пропорциональна „знаковости“ и обратно пропорциональна „вещности“» [Байбурин 1981: 216]. Кроме того, определение семиотического статуса вещей, по мнению ученого, также во многом зависит от позиции исследователя, который отдален от исследуемого объекта во времени, пространстве и культурном контексте: «Другими словами, семиотический статус одной и той же вещи может существенно изменяться во времени, быть различным для разных этнических объединений и изменяться в зависимости от ситуации» [Байбурин 1981: 217].

Постоянно осуществляемая деятельность человека по классификации вещей и определению их знаковости не могла не определить и различное содержание, разную символику и семиотический статус вещей, в том числе анализируемого нами

предмета одежды в культуре ряда тюркомонгольских народов. Вместе с тем, для данного предмета характерен ряд основных признаков, среди которых — крой и элементы декора.

Исследователи отмечают, что *цегдг* у отдельных народов имеет большее сходство в крое, чем у других, для культуры которых также характерен этот предмет одежды. Так, по мнению В. П. Дьяконовой, *чегедек* (который был распространен именно у южных алтайцев — алтай-кижи, теленгитов и телеутов) у теленгитов (называвших его *чедек*) имеет общий крой с дербетским и в историко-типологическом плане более близок западно-монгольскому *цэгдэг*, нежели *чегедек* алтайцев других этнических групп [Дьяконова 2001: 92–93]. Но все же, на наш взгляд, в целом сходство названий и функций определено сходством кроя безрукавки *цегдг* (относящейся к южносибирскому типу одежды [Прыткова 1961: 227–328]). Приведем примеры кроя *цегдг* калмыков, *чегедек* алтайцев, *цэгдэг* дербетов Монголии.

Рис. 1, 2. Старинный калмыцкий *цегдг* (Национальный музей Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова, инв. № 210)

¹ Дербеты — один из ойратских (западно-монгольских) народов Монголии.

Приведенный на фото *цегдг* (инв. № 210) — один из предметов, переданных из Государственного музея Татарской АССР (ныне — Национальный музей Республики Татарстан) в Калмыцкий республиканский краеведческий музей им. Н. Н. Пальмова (ныне — Национальный музей Республики Калмыкия), возобновивший свою работу сразу после восстановления автономии Калмыкии¹ в 1957 г. Ветхое состояние безрукавки из голубого шелка с отделкой желтого цвета и шитье с использованием ручных швов (не машинных) — свидетельство его изготовления в XIX – начале XX в., что и подтверждается архаичностью кроя. В более поздних *цегдг*, принятых в фонды музея от пожилых калмычек после обращения республиканских властей к населению о помощи в формировании коллекции, зачастую *цегдг* выполнен в виде сарафана² (с нераспашной нижней частью), что не соответствует его архаичным формам.

Крой изображенного на приведенных фото *цегдг* отрезной, нижняя часть состоит из двух не сшитых между собой прямоугольных широких и длинных полотнищ ткани, присборенных (складки на полах начинаются, если считать в традиционной системе мер, на расстоянии *нег альхн*³ (10–11 см) и расположены от центра в сторону спинки; складок также нет и по сторонам от разреза сзади) на уровне прикрепления к верхней части, которая скроена из цельного куска ткани без плечевых швов. Плечевые части довольно широкие (15 см, примерно *нег арх сөм*⁴), а со стороны спины вырез проймы настолько глубокий, что в наиболее узкой части спинки ее ширина составляет всего 11 см (в традиционной мере длины пример-

но одну ладонь, *нег альхн*). По всем краям *цегдг* на голубую шелковую ткань нашита отделка из желтой парчи шириной 2,5 см⁵, вдоль которой нашита также узкая декоративная тесьма. Традиционно крой *цегдг* предполагает наличие плотной подкладки из хлопчатобумажной ткани в верхней части, а по краю нижней части — подбортка шириной около 5 см⁶. *Цегдг* не имеет застежек, впереди имеются недлинные (15 см) веревочки *бүч* для завязывания, заканчивающиеся короткими (3 см) кистями из зеленой, красной, желтой ниток⁷. Особенностью рассматриваемого экспоната из Националь-

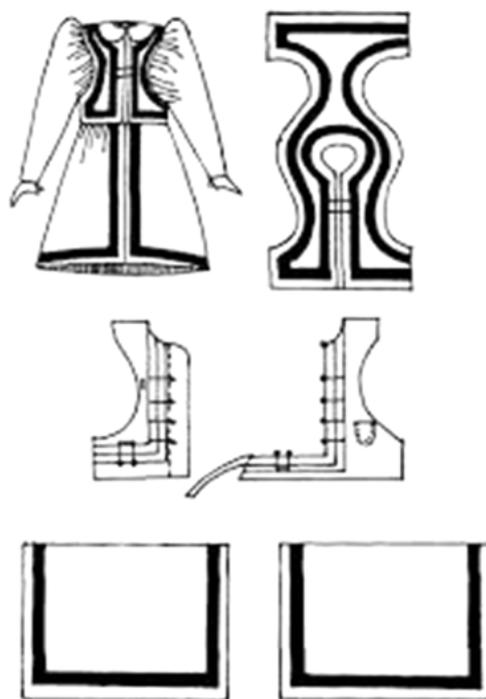

Рис. 3. «Свадебный дэрбэтский костюм» [Викторова 1977: 187], состоящий из нижнего платья *тэрлэг* и верхнего платья-безрукавки *цегдэг*

ного музея Республики Калмыкия является наличие пяти клапанов, четыре из которых вшиты по линии соединения нижних полотнищ, один — чуть выше по центру юбочной части со стороны спины. Размеры клапанов

¹ Калмыцкий народ, подвергшийся незаконной депортации, находился в ссылке в восточных районах СССР в 1943–1957 гг. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27.12.1943 Калмыцкая АССР была ликвидирована. Автономия Калмыкии была восстановлена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 09.01.1957 об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР. 29.07.1958 КАО была преобразована в Калмыцкую АССР.

² Соответственно были внесены изменения в крой нижнего платья с рукавом, которое практически превратилось в кофту.

³ *Альхн* — ладонь; расстояние, равное ширине ладони.

⁴ *Ахр сөм* — расстояние между концом большого пальца и концом указательного пальца со сложенными двумя фалангами.

⁵ В традиционной мере — примерно равно ширине двух пальцев *хойр хурһн*.

⁶ В традиционной мере — примерно равно ширине трех пальцев *хурви хурһн*.

⁷ Завязка с кистью в традиционной мере длины составляет *нег сөм* — расстояние от конца большого пальца до конца указательного, т. е. примерно 18 см.

на музейном экспонате разнятся¹, что свидетельствует о применении традиционных мер длины при раскрое и шитье.

Сравним крой дербетского *цэгдэг* из Государственного музея Востока, схему которого приводит Л. Л. Викторова: нижняя часть состоит из двух полотнищ, пришитых к верхней части со сборками по бокам, спереди и сзади юбочная часть *цэгдэг* не сшита и остается свободно распахивающейся. Края полочек и нижней части богато украшены орнаментом, как и на *тэрлэг*, орнамент *зэг* делали «из нашивных цветных шнурков, позументов, тамбурного шва» [Викторова 1977: 188]. Отличие дербетского *цэгдэг* из Государственного музея Востока от безрукавки из Национального музея Республики Калмыкия состоит в наличии на верхней части спереди подобия двух застежек [см. рис.: Викторова 1977: 188], но на некоторых калмыцких *цэгдэг* также делали ложные застежки.

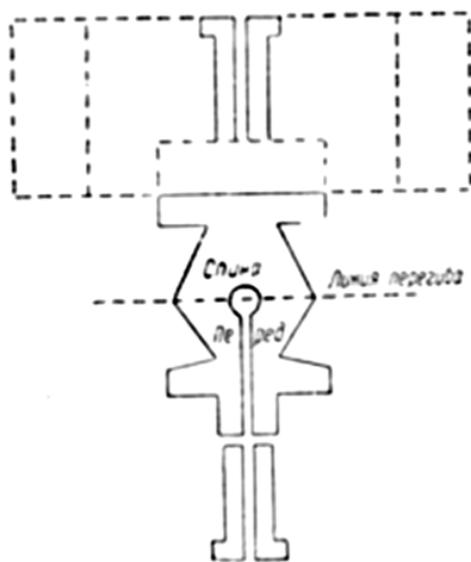

Рис. 4. Схема покроя *чегедек* алтайцев [Потапов 1951: 29]

Крой сходного с дербетским алтайского *чегедека* Л. П. Потапов описал как сложный [Потапов 1951: 28–29]. По его данным, особенности кроя состоят в следующем:

¹ Передние клапаны — 12х7 см и 13х7 см, боковые клапаны — 12,5х7 см, 13х7 см, центральный клапан на спине — 13,5х7 см. В традиционных мерах длины это примерно соответствует ширине 4 пальцев руки *дөрвн хурһн* (или *нег бэрм* — расстоянию между крайними точками сжатых в кулак пальцев) и расстоянию *ахр сэм*.

«полы сходящиеся, спинка отрезная, от отреза вниз сборки, сзади (посередине) разрез до подола». Сложность состояла в процессе изготовления *чегедек*, во время которого первый этап состоял в подготовке плотной основы для верхней части, для чего два полотна старой ткани склеивали тестом и сушили; второй этап — в крое из подготовленной проклеенной основы спинки и переда, особенностями которых являлись широкие плечи, суженные максимально к талии, затем ткань расширялась к бедрам; третий этап — в отделке верхней части декором. И только на четвертом этапе, после изготовления остова верхней части, сверху на него нашивали темную ткань (синего или черного цвета, обычно типа бархата или плиса), а с внутренней стороны — подкладку, одновременно вшивая по нижней линии с множеством сборок два больших полотнища юбочной части. Если к верхней части обязательно пришивали подкладку, то нижние полотнища ее не имели, края подшивались с подбортами. Примечательно, что спинку могли раскроить симметрично передней части, а затем ее половинки сшивали, тогда как передние части верха оставляли несшитыми. Верхняя часть алтайского *чегедек* украшалась декором из полосы парчи и одиннадцати парных полосок из скрученных нитей цветов радуги, такой же широкой полосой декора отделялись все края *чегедека* [Потапов 1951: 28–29]. Замужняя женщина носила *чегедек* постоянно (зимой — поверх шубы) и без него не показывалась старшим мужчинам в роду мужа, и снимала его женщина, только овдовев, когда ее одеждой становилось платье *чуба* (монг. название *терлек*, покроем несколько сходен с *тэрлэг* ойратов, но с коротким рукавом) [Потапов 1951: 30]. По данным полевых исследований Б. Ю. Кичековой, в процессе изготовления традиционной безрукавки после подготовки основы и отделки ее декором к ней не просто пришивали, а иногда приклеивали сам *чегедек* [Кичекова 2010: 170].

Таким образом, покроем *цэгдэг* калмыков, *цэгдэг* монгольских дербетов, *чегедек* алтайцев в целом весьма сходен. При этом у каждого народа основной покроем имел варианты², выразившиеся в ширине подо-

² При изучении литературы необходимо учитывать, что особенности описания кроя одежды могут быть определены особенностями стиля изложения исследователей. Так, приведенные выше описания совершенно отличны от сле-

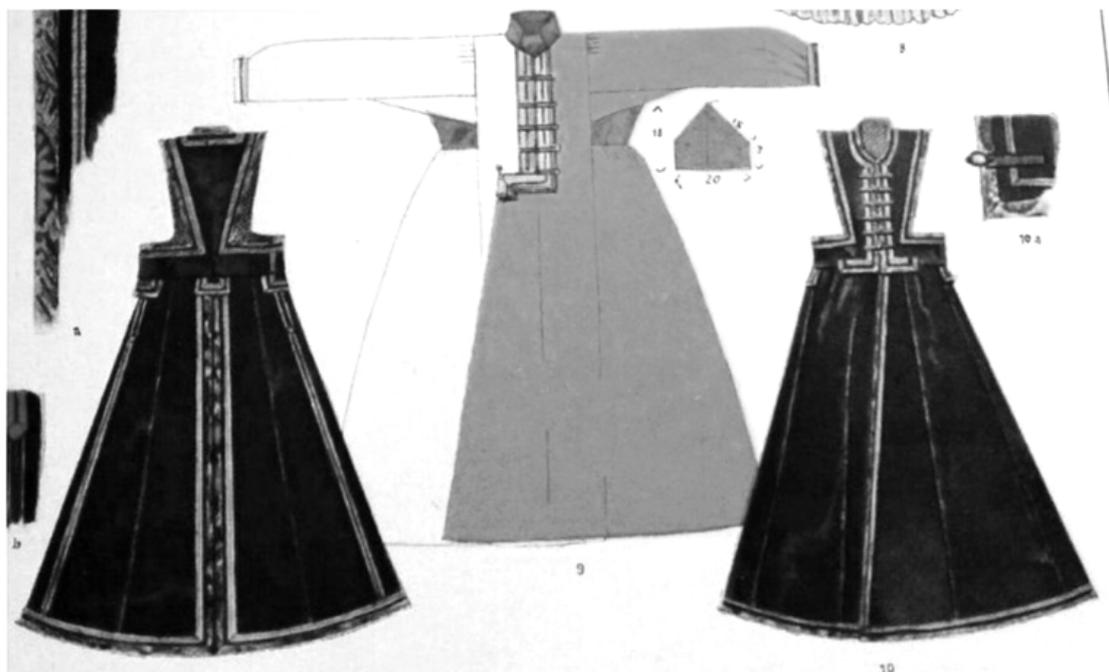

Рис. 5. Терлг и цегдг калмыков. Иллюстрация из книги [Bossert 1937]

ла и плечевой части, декоре, линиях выреза пройм, а у калмыков в XX в. появились и нераспашные *цегдг*.

Цэгдэг олётов Монголии имеет отличие в виде косо срезанных краев нижней части короткой безрукавки. Монгольский этнограф Т. Дисан приводит две версии такого кроя олетского короткого (*богино*) *цэгдэг*¹: 1) косо срезанные края нижней части условно обозначали соски вымени кобылиц; 2) такой знак отличия олётов установил хойтский князь Амурсана [Дисан 2012: 136]. Эта информация свидетельствует о семантике олётской женской безрукавки как образа копытного животного. Вместе с тем, как отмечалось выше, Д. С. Дугаров считает: *цэгдэг* символизирует крылья птицы-прародительницы, а символика рукава нижнего платья *тэрлэг* связана с копытным живот-

дующего упоминания *чегедека*: «Популярными типами верхней плечевой одежды данного периода были полушубки и кафтаны. Обычно они имеют длину до низа бедра. Особое место среди них занимают образцы со свисающим сзади выступом-фалдой <...> Летняя одежда с подобной фалдой (чегедек) еще недавно носилась замужними алтайками» [Алексеева 2008: 13].

¹ Короткую безрукавку олёты шили из черной ткани с небольшим разрезом сзади, застежкой с 6 пуговицами и обязательными элементами: с левой стороны один платочек, с правой стороны — принадлежность для шитья *зүүвч* и *хэвч* (футляры для наперстка и игл).

ным, в целом же комплект женской одежды символизировал синкретическое животное «лебедя-маралуху» [Дугаров 1983б: 47].

Ранее нами на основе анализа орнамента *зег* сделано предположение [Бакаева 2017], что *зег* может быть семантически связан с *зэгт аба* — облавной охотой и символизировать на женском костюме захваченное животное: поскольку в целом платье замужней женщины символизировало животное (зверя), а рукав — соответственно ногу копытного животного, то верхнее платье (безрукавка) могло предстать в качестве символа «укрощения» этого животного. В этом контексте обратим внимание на то, что в целом выкройка *цэгдэг* и *чегедек*, особенно ее верхняя часть вместе с отделкой, с учетом того, что основа традиционно изготавливалась на земле и проклеивалась для придания ей твердости, внешне имеет некоторое сходство с неким «приспособлением для удержания», как бы разновидностью «уздечки».

Обычай надевать особую уздечку на убитого лебедя известен калмыкам, которые считали, что охотой на этих птиц могли заниматься только люди «белой кости»², если же простолюдин выстрелил в лебедя, ему следовало обязательно сослаться на

² Потому П. И. Небольсин писал, что на лебедей охотятся с балабанами [Небольсин 1852: 155].

приказ нойона или зайсанга (иначе, считалось, в его семье случится большая беда¹) и отвезти тушку к своему князю: «Убитого лебедя взнуздали в особо сделанную узду². Привезенный в таком виде в подарок лебедь кладется в передней части кибитки на сундуке. Охотника обычно щедро одаривали. Большею частью давали лошадь. Весть о подарках быстро распространялась по всей степи. Об этом говорили везде, притом много и долго. Нойон или зайсанг, получивший лебедя, делался центром всеобщего внимания» [Душан 2016: 195].

«Лебедь считался „цаһан төрлэтэ“ и „цаһан төрлэтэ“ (төрл гисн үгэс) — „с белым терликом и „с родственниками белой кости“ <...> Прежде всего, лебедь считался птицей, связанной с „белой костью“, а с другой стороны, — представляющей в белом одеянии из перьев» [Бакаева 2009: 113]. Архаические представления о лебедь-прародительнице отражены в легенде о происхождении цоросских князей; С. Ю. Неклюдов считает, что запреты на охоту на лебедя и почести убитому лебедю связаны с шаманскими верованиями [Неклюдов 1988: 248].

Представления о парном комплекте одежды и семантике костюма замужних женщин, на наш взгляд, отражены в калмыцком парном термине «хувцн-хунр», где первое слово означает ‘одежда’ (и так обозначали платье типа *терлг*, носимое повседневно и известное в литературе как *хутцан* [Эрдниев 1970]), а во втором прослеживается корень *хун* ‘лебедь’ + аффикс *-нр*, применяемый при образовании множественного числа существительных («имена существительные, оканчивающиеся на согласные *ш*, *д*, *ч*, *х* и т. д. и обозначающие профессию и степень родства, принимают аффикс *-нр*) [Илишкин, Муниев 1977: 736]; выделено мной. — Э. Б.). Такое значение второй ча-

сти парного выражения *хувцн-хунр* можно соотнести с народными представлениями калмыком о том, что лебедь имеет родственников с «белой костью», — *цаһан төрлэтэ*; оно подтверждает и символику *цегдг* как одеяния лебедя.

Таким образом, обычай надевания особой узды на убитого лебедя и значение второй части парного выражения *хувцн-хунр* могут являться еще одним свидетельством семантики декора на *цегдг* либо в целом этого платья-безрукавки как «уздечки», символа связывания, подчинения.

В связи с калмыцким обычаем подношения убитого лебедя зайсангу или нойону приведем сходные обычаи у тюркских народов Южной Сибири.

Л. П. Потапов, выделяя три группы форм и видов почитания лебедя (лебедь как божество или дух верхнего мира; лебедь как женское божество-прародительница ряда родов и племен; лебедь как дух-помощник шамана), упоминает обычай хакасов, тувинцев, телеутов и других народов «везти убитого лебедя „в гости“ к родственниками матери или жены, обозначаемого древним тюркомонгольским термином *торгуй*. Убивший лебедя мужчина нёс его „в гости“ под мышкой правой руки, головой вперёд» [Потапов 1991: 83]. Кроме того, у бурят и тувинцев бытовали онгоны в виде лебедей, что находит соответствие находкам изображений лебедя в пазырыкских курганах скифского времени на Алтае [Потапов 1991: 83]. Н. А. Алексеев со ссылкой на Л. П. Потапова приводит сведения о тувинском роде *хуу* ‘лебедь’, представители которого дарили убитого лебедя при сватовстве: «Пришедший с убитым лебедем сватать невесту отказа не получал, настолько сильна была традиция, связанная с верой в лебедя как предка и покровителя рода» [Алексеев 1980: 114]. У хакасов разных этнических групп также зафиксирован обычай дарения убитого лебедя, при этом «тотемом у бельтиров кроме лебедя считалась птица *кысхылык*. Охотник, добыв эту птицу, ехал с ней свататься, и ему взамен птицы отдавали девушку, т. е. поступали так же, как и при „дарении“ лебедя» [Алексеев 1980: 114]. В. Я. Бутанаев и Ч. В. Монгуш приводят сведения об обычае саянских тюрков «*хуу үлгүзі*» (‘закон лебедя’): «Охотник, добывший лебедя, отправлялся с ним в гости к богатому родственнику по жене (*төргін*). Он надевал на лебедя рубашку, подпоясывал шелковым поясом и повязывал

¹ Т. Г. Борджанова (Басангова) со ссылкой на раннюю работу У. Д. Душана [1931: 32] приводит сведения, согласно которым считалось, что после убиения лебедя в семье простолюдина в течение трех дней умрет близкий человек [Борджанова 2007: 107].

² Примечательно, что особенностью одного из видов лебедей — лебедь-шипунa — является своеобразная «уздечка» — шишкообразный нарост черного цвета у основания красного клюва. Такой нарост-«уздечка» появляется уже в конце зимы первого года жизни и постепенно растет. Вероятно, что особенность внешнего вида лебедя также могла отразиться на мифологических воззрениях на эту птицу.

на шею красный шелковый платок. Поездка в гости к богатому родственнику (по линии жены) для получения в подарок вместо лебеда лошадей именовалась „хуу абыры“ — долговая помощь лебеда или „хуу төргин“ — поездка к „женской родне“ лебеда» [Бутанаев, Монгуш 2005: 97]. Обмен лебеда на девушку прослеживается в обычае тувинцев-тоджинцев, которые на убитого лебеда «надевали *чегедек*, украшали его бусами, серьгами и т. п. <...> взамен лебеда просили невесту, или оленя, или что-либо другое, в чем особенно нуждались в это время. Последнее было, может быть, своеобразным откупом от неугодного сватовства» [Алексеев 1980: 115].

Таким образом, сравнительные материалы по культурам тюркских народов южной Сибири свидетельствуют о мифоритуальной связи невесты и лебеда, а также о взаимозаменяемости в обряде этой птицы и копытного (коня, оленя). В свете сопоставительных материалов обычаев подношения убитого лебеда представителям «белой кости» и отдарка в виде коня у калмыков может быть представлен как трансформированная поздняя форма обряда сватовства и / или «поездки к женской родне лебеда». Надевание на такого лебеда рубашки и платка у хакасов, *чегедека* и женских украшений — у тувинцев-тоджинцев свидетельствует о семантике безрукавки типа *цегдг* как «одежды лебеда» и одновременно символа его удержания («уздечки»).

Этимологическое значение ‘граница, предел, конец’ у термина *цегдг* предположила С. С. Харькова от монг. **čege* [Харькова 2004: 61]: **čege* + аффикс — *дг*, обозначающий ‘многократно повторяющееся во времени действие’ [КРС 1977: 753]. Такое значение сопоставимо с возможной этимологией названия *цегдг* от *цэглэх* ‘прекращать, прерывать; оканчивать; умерять, ограничивать, соблюдать меру’ [БАМРС, 4 2002: 289] и подтверждает вывод о символическом значении безрукавки, которую ойраты надевали женщине как знак покорности мужу, а также для наказания и выражения всеобщего презрения мужчине, бежавшему с военных действий [Сарангэрэл 2008: 10, 11]. А если обратиться к тюркской основе термина *чегедек*, то можно сделать вывод, что в основе может быть *ček* ‘тянуть, затягивать, завязывать’ [ДТС 1969: 143], что также связано с семантикой удержания, связывания.

По мнению А. К. Байбурина, в различном определении знакового содержания у одной и той же вещи проявляются особенности этнической культуры и трансформации статуса вещи во времени и пространстве [Байбурин 1981: 217]. Исходя из этой позиции, обратимся к рассмотрению символики безрукавки типа *цегдг* через анализ отдельных декоративных элементов.

Как отмечал У. Э. Эрдниев в ставшем классическим труде «Калмыки», «безрукавка украшалась больше терлига: по краям нагрудного и заднего разрезов, а также рукавных пройм, подолов и вокруг шеи и поясной части обшивалась блестящей парчой (чимкяри), параллельно ей украшалась вышивкой из тоненьких гарусных ниток самых разнообразных цветов; далее, несколько отступая, шли узкие позументы. Кроме всего прочего, по обоим бокам нашивались особые «бели» (петли) и клапаны ложных карманов вокруг поясной части и спереди украшенные позументами. На левой стороне грудного разреза исключительно для красоты пришивались четыре блестящих пуговицы овальной формы, а на противоположной стороне — ложные петли¹, одежда эта застегивалась только у поясной части на шелковые бючи — шнурки с кистями (цациг); полы свободной спускались вниз, оставляя открытой грудь» [Эрдниев 1970: 145–146]. Таким образом, главными декоративными элементами *цегдг* являются широкая полоса отделки по краям, включающая орнаментальную вышивку и нашивку позументов, и поясные накладки. Как показано выше, анализ символики орнамента *зег* (выполнявшегося в технике прикрепа плетеной веревочки-шнура) и упоминание в монголо-ойратских законах 1640 г. о наказании бежавшим с поля боя воинам в виде одевания безрукавки *цегдг*, а также обычай надевания

¹ Символика пуговиц и петель исследователями традиционной культуры часто рассматривается как символика мужского (пуговица) и женского (петля) начал. Так, «в алтайском языке, по данным В. И. Вербицкого, петля на одежде называлась *топчының тыжызы*, в буквальном переводе „жена пуговицы“» [Традиционное мировоззрение... 1988: 119]. Е. А. Орлова на этом основании приходит к выводу, что ряды пуговиц и петель на алтайском украшении — нагруднике *тошток* (аналогичном отделке платьев *терлг* у калмычек) «в символической форме изображает соединение мужского и женского начал, которое должно давать начало новой жизни» [Орлова 2016: 174].

на лебедя (представлявшегося как птица, имеющая родство с людьми, прародительница) уздечки позволяет предположить, что происхождение представлений о *цегдг* как символе покорности связано с архаической семантикой удержания, захвата, восходящей к охотничьей практике, в которой использовались волосяные веревки *зег* [Бакаева 2017].

Обратим теперь внимание на декоративные элементы, располагающиеся на поясной части. Речь идет о накладных декоративных квадратной формы элементах, изготовленных из той же ткани, что и сам *цегдг*, на подкладке, представляющих своеобразные «клапаны», которые пришивали на передних полах *цегдг*, по центру спины и по бокам. Подобных «клапанов» обычно было пять.

Рис. 6. Калмычка в традиционном костюме

Название этих накладных клапанов, названных У. Э. Эрдниевым «ложными карманами», и петель «бели» упоминается И. А. Житецким, который писал о том, что на *цегдг* в поясной части нашивают «„бель“ и „хаптога“, род карманных клапанов, из которых первые два (по обеим концам сходящихся пол) соединены, а также задние два „бель“, а остальные нашиты отдельно. На „цегдыке“ их может быть больше и меньше. Сзади у „цегдыка“ около четверти от „бель хаптога“ идет продольный разрез» [Житецкий 1893: 11]. Наименование И. Житецким «бель хаптога» без упоминания петли позволяет предположить, что исследователь обозначал клапаны двойным термином. Согласно У. Э. Эрдниеву же, «бель» назывались петли, которые нашивали по бокам [Эрдниев 1970: 146]; *хавтха* — обозначение плоского кармана [КРС 1977: 562]. Так же называет петли «бель» на женском костюме и У. Д. Душана [2016: 141].

В «Калмыцко-русском словаре» слову *бел* даны два значения: '1) подошва, подножие; 2) одноцветный платок (который пожилые женщины-калмычки носят на правом боку)' [КРС 1977: 93]. В «Большом монгольско-русском словаре» перечисляются несколько значений слова *бэл*, среди которых: 'I фонд, состояние; II косогор, подножие, склон горы; III 1) талия, спина; середина; туловище, 2) подвески прибора у пояса для ножа, трубки и т. п., 3) гипотенуза; IV бэл бие сам, самолично' [БАМРС, I 2001: 310].

Как видно, имеется некоторое противоречие. И. Житецкий понимал под «бель» и «хаптога» «род карманных клапанов», У. Э. Эрдниев и У. Д. Душан называют «бель» петлю, а по данным словаря *бел* — подвешиваемый на боку однотонный платок, а петля называется *бүтү, зэңдэ, төөмдэ* [РКС 2002: 296], *бүтүмэж* [Русско-калмыцкий... 2014: 233]. На наш взгляд,

наименование петли «бель» обусловлено ее функцией: именно к этим петлям калмычки подвязывали платки, а также за них закрепляли наконечники *шиврлг*. Вместе с тем, как будет показано далее, понятие *бел* в калмыцкой культуре включает и сами петли, и подвязываемые к ним платки.

У монголов термином *бэл* именуется подвеска у пояса и соответствующая часть тела. Обращение к «Древнетюркскому словарю» показывает, что *bel* обозначает: 'I. поясница, II. холм'; значение слова *belä* — 'I блять (об овцах), II зашнуровывать, увязывать в люльке (кочевого типа)' [ДТС 1969: 93]. Калмыцкое *белкүсн* 'поясница, талия' подтверждает изначальное значение *бел* 'поясница' [КРС 1977: 329]. В термине *белкүсн* прослеживаются два корня, и слово можно попытаться этимологизировать в плане *бел+күсн / күсм* — от выделяющейся на женской одежде отделки позументами поясной части (*күсм* 'лента, кант, позумент, галун') [КРС 1977: 329] — тем более, что в раннем русско-калмыцком словаре анонимного автора XVIII в. слову «поясница» соответствует *busiliur* (*буслур*) [Русско-калмыцкий... 2014: 258] (от общемонгольского *бус* 'пояс, кушак, ремень' [БАМРС, 1 2001: 306]). Если наше предположение верно, то в этом случае проявляется символическая значимость украшений поясной части на женском платье, что определено в целом семантической значимостью пояса и производительного низа в мифоритуальных воззрениях.

Еще один пример символики пояса и статуса женщины. Как известно, в монгольском обществе (и у восточных, и у западных монголов) «беспоясными» называли женщин, так как женская одежда не имела пояса. Как отмечает Л. Л. Викторова, обычное название женщины *бусгуй* «употреблялось даже чаще, чем *эмэгтэй* — „женщина“». Еще в 30-е годы нашего века лозунг „Да здравствует Международный женский день!“ переводился буквально так: „Всего мира беспоясых хороший день пусть будет подниматься!“ (*Бухэ дэлхэйн бусгуйчуудиг сайн өдөр мандаха болтугай!*)» [Викторова 1977: 188]. Соответственно женщина с поясом семантически приравнивалась к не-женщине. К таковым относились у калмыков молодые девушки, обязательной принадлежностью которых являлся пояс; в ритуальном аспекте считались утратившими свой женский статус и вдовы, хотя внешне отличитель-

ным знаком обычно являлось лишь неношение *цегдг* и одевание просторной распашной одежды старшего поколения *лавиг*.

В словаре Мукаддимат-ал-адаб дана старая форма слова, обозначающего вдову — *belbüsün, belbüsün eme (belbüsün bolba* 'стала вдовой') [Поппе 1938: 116]. В русско-калмыцком словаре анонимного автора XVIII в. слову *вдова* также соответствует калмыцкое *belbesün* [Русско-калмыцкий... 2014: 64] (=современное *белвсн*). В слове *belbüsün* прослеживается два корня: *bel-* означает поясницу, а — *büs* — пояс, аффикс — *sün* — словообразовательный аффикс причастия. Таким образом, можно предположить этимологию слова «вдова» *belbüsün* как 'подпоясанная на талии, пояснице', — что, вероятно, в контексте монгольского обычая замужним женщинам не носить пояс. От этого слова происходит новое монгольское *бэлэвсэн* 'вдова, вдовец'. Наличие в термине аффикса *-сн (-сэн)*, образующего причастия, означает, что он образован от основы *бэл* (поясница), и другое значение слова *бэлэвсэн* 'белая отметина на концах задних конечностей (о масти лошадей)' [БАМРС, 1 2001: 313] можно рассматривать как свидетельство того, что этимология слова *белвсн* означает 'отмеченная' [предположительно поясом], а поясница как часть тела особенно важна в осмыслении тела женщины. Данные словаря XVIII в. дают сведения о том, что *belbesun* (соврем. *белвсн*, этимологически 'перепоясанная на пояснице') означало вдову, а слово *белвсн* *ere* было образовано в калмыцком языке путем прибавления слова *эре / эр*¹, означающего 'мужчина, мужской'; при этом понятие «вдовый» прямо отражало представления об отсутствии женского начала у вдовы: *eme ugeu* (*эме² уга*) — букв. 'нет женского'.

Все вышесказанное свидетельствует о значимости поясницы и декора в ее области в одежде монгольских народов, в том числе калмыков, и об архаической символике этих элементов.

Рассмотрим предметы, связанные с понятием *бэл / бел*: сначала платки *бел*, кото-

¹ В «Русско-калмыцком словаре анонимного автора XVIII в.» читаем: муж, самец — *ere, эр* [Русско-калмыцкий... 2014: 185], в современном «Калмыцко-русском словаре»: «*эр* — 1) мужчина, 2) самец [КРС 1977: 700–701].

² Здесь же в словаре дано значение слова *эм* 'женщина, баба' [Русско-калмыцкий... 2014: 124].

рые подвешивали калмыки к петлям у пояса, затем — украшения *бели* / *бэл* у родственных калмыкам народов и их семантику.

Символику платков в женском костюме анализировала Т. И. Шараева, которая пришла к выводу о том, что платки, носившиеся пожилыми калмычками подвешенными к поясу до последнего времени и воспринимавшиеся как имеющие утилитарное значение, имели также сакральное значение: «Символика *бэл*¹ с платочками на одежде замужних женщин связана с представлением о женщине как хранительнице домашнего очага, матери, покровительнице, связующем звене и между разными родами, породнившимися через свадебные обряды, и между предками и потомками» [Шараева 2015: 179]. Исследователь приводит сведения о том, что у родственных калмыкам дербетов Монголии по одной версии белые платки, которые женщина носила вместе с другими платками на *бэл*, дарили ей во время свадьбы матери новобрачных, по другой версии — белый платок невеста перед выходом из дома передавала отцу и получала от него новый платок [Шараева 2015: 177] — в обоих случаях платок символизировал связь поколений, что подтверждается мнением информантов: дербеты подвешивали к *цэгдэг* четыре или восемь однотонных платков, и это обозначало предков по двум линиям, «таким образом, женщина, выйдя замуж, т. е. в ином статусе, находилась под покровительством предков, как своих, так и мужа» [Шараева 2015: 177]. У калмыков белые платки носили на поясе как девушки, так и замужние женщины, и есть отдельные сведения о том, что платок у девочки на поясе означал, что она просватана [Шараева 2015: 179]. Около платков к петлям подвешивали игольники, ключи и др.

Таким образом, у калмыков «*бел*» стали называться как носившиеся женщинами у пояса подвешенными белые платки, символизировавшие их статус, а также связь поколений и покровительство предков, так и петли, к которым они крепились. Изначальное значение *бел* как поясницы, символически связанной с поясным отделом и деторождением, определило применение этого термина и к поясным украшениям женского костюма.

¹ Т. И. Шараева, вслед за У. Э. Эрдниевым и У. Д. Душаном, называет *бель* / *бэл* петли на *терлг* и *цэгдэг* [Шараева 2015: 176].

Декоративные клапаны на *цэгдэг* замужних калмычек, которые назывались У. Э. Эрдниевым «ложными клапанами», И. А. Житецким «хаптога» (т. е. *хавтха* — плоскими карманами), имеют сходство с формой составного украшения к *чегедеку* алтайцев, которое прикреплялось по бокам и именовалось *бэл*. Такое *бэл* у алтайцев состояло из сшитого из ткани изделия квадратной формы и металлических подвесок к нему. Тканевая часть *бэл* изготавливалась на основе сложенной несколько раз и проклеенной тестом материи (что обеспечивало сохранение формы), которую обшивали шелком, с внешней стороны расшитым узорами из цветных нитей. В нижней части к такому подквадратной формы изделию пришивали петли, в которые обычно вставляли ремешок от подвесного металлического украшения в виде сложной пряжки, включавшей верхнюю прямоугольную и нижнюю овальную часть, — к последней подвешивали бусы, ключи, огнива, игольники, а также мешочки с пуповинами детей, а во время погребального обряда — кусок белой ткани [Дьяконова 2001: 94–95]. Н. О. Тадышева называет *белјүүш* металлическое украшение, подвешивавшееся сбоку на *чегедек* (к которому привязывали платок (выделено мной. — Э. Б.), связку ключей, кисет *калта*, зашитые в кусочки кожи пуповины детей, по которым всегда можно было узнать их количество и пол) [Тадышева 2016: 115], и также отмечает обильность аппликаций, составляющих декоративную полосу вдоль краев безрукавок. По сведениям, собранным этим исследователем, в прошлом алтайцы сначала пуповину заворачивали в ткань, а спустя некоторое время (до года) мать шила специальный мешочек из кожи овцы для пуповины (если родилась девочка, то мешочек был ромбовидный или треугольный, если мальчик — то в форме сосуда (но были и другие варианты); кроме пуповин, в мешочки складывали раковины каури, кусочки перламутра, зерна ячменя, благовония и др. [Тадышева 2016: 116]. Н. А. Алексеев также приводит сведения о том, что тюркские народы южной Сибири называли *бел* как кожаные мешочки, в которых хранились пуповины детей (причем к мешочкам подвешивали на ремешках раковины каури, серебряные монеты, кисти), так и составные металлические украшения в виде соединенных прямоугольной и овальной частей с подобными подвесками-мешочками [Алексеев 1980: 152–154].

Рис. 7.

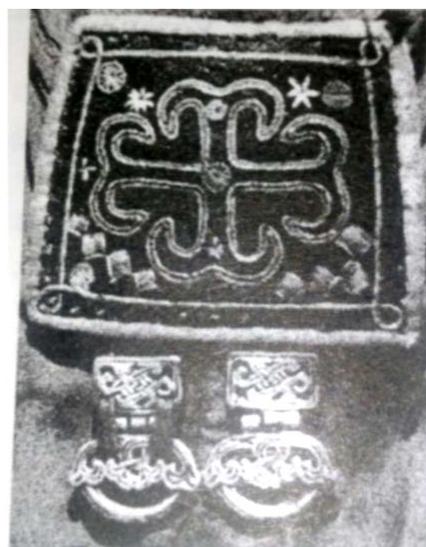

Рис. 8.

Рис. 9.

Рис. 7. Дербетка в национальном костюме. По бокам — цветные платки

Рис. 8. *Бэл* на чедеке теленгитов [Дьяконова 2001: 94]

Рис. 9. Металлическая бляха типа *бэл* [Кубарев 2007]

Рис. 10. *Бэл* алтайцев [Потапов 1951]

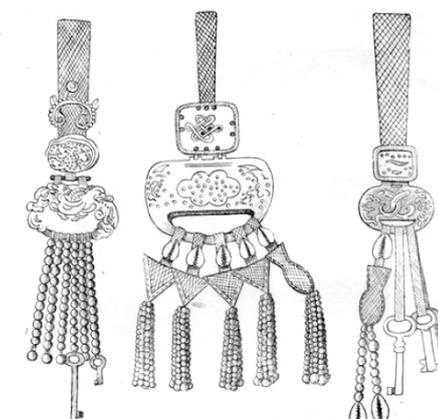

Рис. 35. Женское поясничное украшение *бэл*.
Рис. 36. Женское поясничное украшение с «лупниками» девочек.
Рис. 37. Женское поясничное украшение с «лупником» мальчика.

Рис. 10

У ойратов Западной Монголии *бэл* называлось металлическое украшение, подвешивавшееся к *цэгдэг* при помощи шнура, который пристегивался на пуговицу к петле, расположенной на уровне подмышки (на пройме). К такому металлическому украшению, также состоявшему из двух частей, ойраты

подвязывали цветные платки [Баасанхүү, Батмөнх 2010: 64–111]. У халха-монголов к безрукавкам на уровне пояса впереди прикрепляли 4-угольные пластинки, а по бокам — «украшения *ташяный бэл* в виде блях с ремешком для подвязывания платков» [Вяткина 1960: 189].

Таким образом, в разных этнических культурах *бел* / *бэл* представляло собой украшение на женской безрукавке типа *цегдг* / *цэгдэг* / *чегедек* (с овальной или круглой частью, сходной с петлей и выполняющей ее функцию), к которому среди других «женских» предметов подвешивали платки. Последнее, видимо, обусловило появление в калмыцком языке наименования *бел* самих платков, подвешивавшихся к *цегдг*, и следует считать правым И. А. Житецкого, который называл «бель хаптога» украшения в виде клапанов на *цегдг*, у которых располагались и петли. Сложность конструкции (шарниры) и узорчатых форм металлических подвесок-блях на *бэл*, которые алтайцами в основном приобретались у китайских и монгольских торговцев [Дьяконова 2001: 94], позволяют сделать вывод о том, что *бэл* в виде украшения из ткани (в прошлом, вероятно, из кожи¹) являет ранний его вариант².

В культуре народов, среди которых была распространена безрукавка типа *цегдг*, имелись характерные черты³, отличающие этот

¹ Об этом свидетельствует обычай уплотнения ткани путем проклеивания.

² Вместе с тем, металлические *бэл* ученые связывают с древнетюркской эпохой, и даже более — выделяют хронологические их варианты: «у народов, где используются такие же женские подвесные украшения (монголы, буряты), украшения с волнообразной овальной рамкой, имеющие древнетюркские прототипы, можно считать типологически более ранними, а со сплошной орнаментированной пластиной — более поздними» [Савинов 2013: 41]. К примеру, на бурятской безрукавке *дэглэ* (или *дэгэлэй*) имелось украшение на линии пояса в виде металлических подвесок *оноо*, состоявших из прямоугольных фигурных пластин, к которым подвешивались круглые пластины, закреплявшиеся на кожаной основе [Банаева 2010: 18].

³ Так, по устному сообщению С. П. Тюхтеновой, которой выражаем признательность, только у теленгитов бытовало представление о том, что «клапаны» на *чегедеке* символизировали рыбы плавники и носили безрукавку для того, чтобы рыбы были легкими («как рыба в воде»). В целом «рыбная» символика характерна для «женской темы». Так, у бурят О. В. Шагланова описывает подвески в виде рыб и пластины с чешуйчатым орнаментом на уровне груди и гениталий и связывает их семантику с кормлением детей и зачатием, так как «образ рыб оказывается близким к хтонической природе женщины» [Шагланова 2005: 16]. Плавники — основной движительный орган у рыб, подобно крыльям птиц, что отражено в следующем: плавники и крылья (перья)

тип в этническом и субэтническом вариантах: отличались некоторые черты покроя и декора. Однако в целом тип платья определялся его функциональным назначением и семантикой, имевшей мифоритуальное происхождение.

В целом можно сделать вывод, что семантика *бэл* / *бел* прежде всего связана с деторождением как главной функцией женщины. «Ложные клапаны» на калмыцком *цегдг* и подвесные *бэл*, как у алтайцев на *чегедеке*⁴, символически «приоткрывают» или, наоборот, «прикрывают» вход / проход на уровне поясницы, что относится уже к «производительному низу». Сама петля *бел* / *бэл* или часть украшения, выполняющая ее роль, семантически сопоставима с прорезью, прорехой, проходом. Символику декоративных петель и пуговиц на *цегдг* также следует возводить к архетипическому сочетанию петля / женское, пуговица / мужское.

Традиция подвешивания к *бэл* платков (а у калмыков и платки, подвешенные к петле *бел*, носили то же название), семантика которой раскрывается в обычае алтайцев обязательно проделывать это во время погребения, указывает на значение платка (белого или однотонного) как символа «вместилища», «утробы», что иллюстрируется представлениями о связи платков с предками и западно-бурятским обычаем дарения жениху белого мешочка с разрезом, который назывался так же, как и платок⁵ — *аршуур*, и хранился в течение всей жизни [цит. по: Содномпилова 2013: 157].

у монголов обозначались одним термином *живэр* [БАМРС, 2 2001: 163]. «Рыбная» тема, как и «птичья», таким образом, определена символической *цэгэдэг* / *чегедек* как одеяния женщины-матери.

⁴ При этом можно сопоставить двухсоставный металлический *бэл*, включающий прямоугольную верхнюю пластину и подвешенную к ней выполняющую роль «петли» овальную часть (к которой прикрепляли платки, мешочки с пуговицами и др.), с «клапанами» на калмыцком *цегдг*, рядом с которым нашивали петли.

⁵ Калм. *альчур* [КРС 1977: 39], монг. *алчуур* [БАМРС, 1 2001: 81] — платок. В монгольско-русском словаре дается устаревшее выражение *аяны алчуур* — платок без кистей для обтирания пота с лица и рук (носимый за поясом) [БАМРС, 1 2001: 81]. Слово *аяны* имеет значение «дорожный, походный; попутный», а в выражении *аяны хаалга* «боковые ворота» раскрывается и значение «боковой, расположенный на боку» [БАМРС, 1 2001: 197].

Взаимозаменяемость ткани и мешочка для пуповины, подвешиваемой на *бэл* у алтайцев [Тадышева 2016: 116] также может быть свидетельством семантики платков, подвешиваемых у пояса, как «оболочек», мешочков для некоего содержимого, связанного с детьми, — как у женщин, так и (о чем свидетельствует западно-бурятский обычай) у мужчин. Таким образом, в платье-безрукавке замужней женщины «акцентированы те зоны макро- и микрокосма, которые обладают потенциалом рождения новой жизни» [Орлова 2016: 174].

Знаковыми являются обычаи ойратов подвешивать к *цэгдэг* несколько платков, что связывается с покровительством предков, и обычаи других народов подвешивать к *бэл* мешочки с пуповинами детей.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что *бел* в виде тканевой накладки или клапана, а также петли, в семантическом плане является знаком «входа», прикрытым магическими оберегами («защита предков, по числу платков»). Об этом же свидетельствует и наименование в одном из бурятских диалектов накосного украшения *саажса*, вместо которого стали подвешивать к платью платки, словом *заяши* [Банаева 2010: 17] — ‘создатель; тот, кто предопределяет судьбу’ [БАМРС, 2 2001: 219].

В покрое распашной безрукавки типа *цегдг* также имеет большое значение наличие разреза на подоле сзади, что, к примеру, информантами-алтайцами прямо связывается с женским началом и способностью к деторождению. «Сакрально-символическая суть разреза на *чегедеке* объясняет негативное отношение старшего поколения алтайцев к ношению женщинами и девушками юбок с разрезом сзади. Считается, что если надеть наряд замужних женщин раньше времени, то можно отпугнуть свое счастье» [Кузнецова 2014: 161].

Как показал анализ, символика платья-безрукавки *цегдг* / *цэгдэг* многослойна. Прежде всего, она проявляется в крое платья, которое семантически маркировало женщину, способную к деторождению. Одновременно такое платье являлось знаком удержания, о чем свидетельствуют его крой, отделка (декор в виде широких полос, сочетающих нашивки позументом с вышивкой типа *зег* / *зэг* нитями цветов радуги) и сочетаемость с нижним платьем

типа *терлг*. Кроме того, семантика поясных подвесок и украшений платья-безрукавки определена их месторасположением и связана с детородной функцией женщины и покровительством предков, дарующих благополучие, что, прежде всего, выражается в одаривании «душами» детей. В этом аспекте символика платков может быть связана с представлениями об оболочке, вместилище «душ» детей: платки в западно-монгольской (ойратской) традиции и мешочки с пуповинами детей в алтайской традиции являются типологичными знаками.

И. В. Кузнецов сформулировал общетеоретические выводы о том, что функции одежды в совокупности составляют единство на формальном уровне и на уровне семантики их знаков, но изначальные две функции, вещностная и знаковая, в процессе развития культуры множатся в соответствии с развитием функций одежды, что обусловило и изменение знаков и текста культуры. Происхождение одежды ученый связал с задачей древнего человека «решить основную, волнующую его задачу примирения жизни и смерти с помощью последовательных медиаций: первобытный охотник убивает животное-жертву и передевается в это животное, пытаясь примириться с убийством, приведшим к пугающей его новой смерти, а также сохранить целостность человека и культуры <...>. В результате распада первоначально целостной структуры прежде нерасчлененное состояние одежды сохранилось только в ритуале <...>. В текстах космогонического ритуала и основного мифа закодирована информация не только о космогонии, но также о происхождении явлений культуры, включая, видимо, одежду» [Кузнецов 1995: 233–234].

В семантике костюма замужней женщины у ойратов и калмыков, как и соседних с ними народов, мы обнаруживаем именно такие древнейшие знаки, которые свидетельствуют об архаическом происхождении этого комплекса одежды, связанном как с мифами о тотемном животном, так и с синкретическими представлениями более позднего периода. Символика отдельных элементов костюма замужней женщины, в частности платья *цегдг*, отражает традиционные воззрения предков ойратов и калмыков о мире и человеке.

Литература

- Алексеев Н. А.* Ранние формы религии тюркоязычных народов южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. 318 с.
- Алексеева Т. П.* Динамика конструкции и декора алтайского национального костюма: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. Барнаул, 2008. 22 с.
- Алтайцы: Этническая история. Традиционная культура. Современное развитие / редколл. Н. В. Екеев (отв. ред.), Н. М. Екеева, Э. В. Енчинов. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2014. 464 с.
- Байбурун А. К.* Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология. Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXXVII. Л.: Наука, 1981. С. 215–226.
- Бакаева Э. П.* К исследованию семантики женского костюма ойратов и калмыков (историографический аспект) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015а. № 3. С. 74–83.
- Бакаева Э. П.* О семантике традиционного женского костюма и орнамента в культуре ойратов и калмыков // Восток (Oriens). 2017. № 6. С. 61–75.
- Бакаева Э. П.* Сакральные коды культуры калмыков. Элиста: ИКИАТ, 2009. 159 с.
- [БАМРС] — Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 1. А–Г. М.: Academia, 2001. 520 с. Т. 2. Д–О. М.: Academia, 2001. 536 с. Т. 3. Ё–Ф. М.: Academia, 2001. 440 с. Т. 4. Х–Я. М.: Academia, 2002. 532 с.
- Банаева В. А.* Женские украшения предбайкальских бурят // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. Вып. 124. С. 13–20.
- Баасанхүү А., Батмөнх Б.* Монголын ойрадудын соёл. Улан-Батор: Ганн Принт ХХК, 2010. 385 х.
- Богатырев П. Г.* Функции национального костюма в Моравской Словакии // *Богатырев П. Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 297–366.
- Борджанова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.
- Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В.* Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2005. 200 с.
- Викторова Л. Л.* Монгольская одежда // Одежда народов Зарубежной Азии. Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXXII. Л.: Наука, 1977. С. 169–197.
- Вяткина К. В.* Монголы Монгольской Народной Республики (мат-лы историко-этнографической экспедиции Академии наук СССР и Комитета наук МНР 1948–1949 гг.) // Восточно-Азиатский этнографический сборник. Т. LX. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 159–257.
- Дизайнеры Элисты воссоздали костюмы древних ойратов [электронный ресурс] // URL: <https://casp-news.ru/news/russia/dizaynery-elisty-vossozdali-kostyumu-drevnikh-oyratov> (дата обращения: 27.08.2017).
- Дисан Т. Өөлд* // Монгол улсын угсаатны зүй. II боть. Улаанбаатар: Монсудар, 2012. С. 107–166.
- Добровольская В. Е.* Народный костюм и современная одежда: знаковые функции в прошлом и настоящем // Функционально-структуральный метод П. Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора. М.: Госин-т искусствознания, 2015. С. 284–292.
- [ДТС] — Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, Ленинградск. отд., 1969. 677 с.
- Дугаров Д. С.* Лебедь в орнаменте женского костюма тюрко-монгольских народов // Советская этнография. 1983а. № 5. С. 104–113.
- Дугаров Д. С.* Орнитозооморфная символика женского костюма некоторых тюрко-монгольских народов // Материальная и духовная культура калмыков. Элиста: КНИИИ-ФЭ, 1983б. С. 36–52.
- Душан У. Д.* Избранные труды / сост. В. В. Батыров, Т. И. Шараева: отв. ред. Э. П. Бакаева. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 376 с.
- Душан У.* Хальмг улсин йорлһн, сежлһн болн му бэрц бээдл. М.: Нац. изд-во национальностей СССР, 1931. 157 х.
- Дьяконова В. П.* Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). Горно-Алтайск: Горно-Алтайское респ. кн. изд-во «Юч-Сюмер», 2001. 224 с.
- Илишкин И. К., Муниев Б. Д.* Краткий грамматический очерк калмыцкого языка // Калмыцко-русский словарь. М.: Русс. яз., 1977. С. 727–764.
- Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. М.: Наука, 1981. 148 с.
- Житецкий И. А.* Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893. 74 с.
- Кичекова Б. Ю.* Верхняя одежда алтайцев // Древности Сибири и Центральной Азии.

2010. № 03 (15). Сб. науч. тр. / под ред. В. И. Соёнова. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2010. № 3(15). 176 с. [электронный ресурс] // URL: <http://e-lib.gasu.ru/Drev/archive/03/19.pdf> (дата обращения: 27.08.2017).
- Кичекова Б. Ю.* Отражение традиционного мировоззрения алтайцев в национальной одежде // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Народы и религии Евразии. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2008. № 2. С. 260–270.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русс. яз., 1977. 768 с.
- Кубарев Г. В.* Теленгитские погребения южного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIII. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2007. С. 292–297.
- Кузнецов И. В.* Одежда армян Понта. Семиотика материальной культуры. М.: Вост. лит., 1995. 294 с.
- Кузнецова Ж. В.* Этническое самосознание и ментальность южных алтайцев в контексте реалий предметного мира // Регионология. 2014. № 1 (86). С. 155–165.
- Неклюдов С. Ю.* Ойрат-калмыцкая мифология // Мифы народов мира. Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1988. С. 247–248.
- Небольсин П. И.* Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: Тип. К. Крайя., 1852. 190 с.
- Орлова Е. А.* Сакральные функции традиционной женской одежды телеутов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2016. Т. 15. № 7. Археология и этнография. С. 169–177.
- Поппе Н. Н.* Монгольский словарь Мукаддимат Ал-Адаб. Труды Института востоковедения XIV. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 452 с.
- Потапов Л. П.* Элементы религиозных верований в древнетюркских генеалогических легендах // Советская этнография. 1991. № 5. С. 79–86 [электронный ресурс] // URL: <http://kronk.spb.ru/library/potapov-lp-1991a.htm> (дата обращения: 27.08.2017).
- Прыткова Н. Ф.* Верхняя одежда // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 227–328.
- [РКС] — Я изучаю калмыцкий. Малый русско-калмыцкий словарь. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 510 с.
- Русско-калмыцкий словарь анонимного автора, XVIII в.: / транслит. Н. М. Мулаева, Н. Ч. Очирова; сост. В. В. Куканова, Н. М. Мулаева; отв. ред. Е. В. Бембеев, В. В. Куканова [электронное издание]. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 570 с.
- Савинов Д. Г.* Впускные погребения Юго-Восточного Алтая (к этнокультурной истории теленгитов // Этничность. 2013. № 2(4). С. 6–51.
- Самбуева С. Б.* Символика традиционного бурятского женского костюма: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000. 16 с.
- Сарангэрэл.* О «цэгдэг» и почитании невесткой родственников мужа // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 3. С. 10–13.
- Содномпилова М. М.* Традиционная одежда монгольских народов в ритуале и как инструмент социализации // Известия Иркутского государственного университета. 2013. № 2. С. 152–165.
- Тадышева Н. О.* Символика женских украшений в традиционной культуре алтайского населения Республики Алтай // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2016. № 5 (43). С. 114–117.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1988. 225 с.
- Харькова С. С.* Наименования видов одежды в монгольских языках (К вопросу об этимологии) // Монголоведение. Вып. 3. Элиста: КИГИ РАН, 2004. С. 48–64.
- Шагланова О. В.* Символика женских украшений восточных бурят: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2005. 20 с.
- Шараева Т. И.* Семантика платка в традиционной женской одежде у калмыков // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов: сб. науч. тр. Вып. 3. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 165–185.
- Эрдниева У. Э.* Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. из-во, 1970. 312 с.
- Bogatyrev P. G.* Funkcie kroja na Moravskom Slovensku. Turciansky Sv. Martin, 1937. 76 s.
- Bossert H. Th.* Bossert H. Th. Das Ornament Werk / Published by Ernst Wasmuth GMBH, Berlin, 1924. 36 pages + 120 plates.

Электронные ресурсы

Дизайнерская студия «Иньглян» [электронный ресурс] // <https://vk.com/club132285258>; <https://www.facebook.com/studiainglyan> (дата обращения: 20.03.2017).

Дизайнеры Элисты воссоздали костюмы древних ойратов // Каспийские новости. 13 апреля 2017 [электронный ресурс] // <https://casp-news.ru/news/russia/dizaynery-elisty-vossozdali-kostyumu-drevnikh-oyratov> (дата обращения: 13.04.2017).

Калмыцкие дизайнеры представят свои коллекции на фестивале этнической моды в Элисте [электронный ресурс] // <http://riakalm.ru/news/culture/6521-kalmytskie-dizajnery-predstavlyat-svoi-kollektsii-na-festivale-etnicheskoj-mody-v-eliste> (дата обращения: 20.03.2017).

References

- Alekseev N. A. *Rannie formy religii tjurkojazychnyh narodov juzhnoj Sibiri* [Turkic peoples of Southern Siberia: early forms of religion]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980, 318 p. (In Russ.).
- Alekseeva T. P. *Dinamika konstrukcii i dekora altajskogo nacional'nogo kostjuma. Avtoref. dis. ...kand. Iskusstvovedenija* [The Altaian national costume: dynamics of design and décor. A Ph. D. thesis abstract]. Barnaul, 2008, 22 p. (In Russ.).
- Altaitsyy: *Etnicheskaja istorija. Tradicionnaja kul'tura. Sovremennoe razvitie edkoll. N. V. Ekeev (otv. red.), N. M. Ekeeva, Je. V. Enchinov* [The Altaians: ethnic history. Traditional culture. Modern development. Ed. by N. V. Ekeev et al.]. Gorno-Altaysk, Surazakov Research Institute Press, 2014, 464 p. (In Russ.).
- Bayburin A. K. *Semioticheskij status veshhej i mifologija* [Semiotic status of things and mythology]. *Material'naja kul'tura i mifologija. Sbornik Muzeja antropologii i jetnografii. T. XXXVII* [Material culture and mythology. Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography. Vol. 37]. Leningrad, Nauka Publ., 1981, pp. 215–226 (In Russ.).
- Bakaeva E. P. *K issledovaniju semantiki zhenskogo kostjuma oyratov i kalmykov (istoriograficheskij aspekt)* [To the study of semantics of the Oirat and Kalmyk women's costume (historiographical aspect)]. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS), 2015a, No. 3, pp. 74–83 (In Russ.).
- Bakaeva E. P. *O semantike tradicionnogo zhenskogo kostjuma i ornamenta v kul'ture oyratov i kalmykov* [On the semantics of the traditional female costume and ornament in the culture of the Oirats and Kalmyks]. *Vostok (Oriens)* (East), 2017, No. 6, pp. 61–75 (In Russ.).
- Bakaeva E. P. *Sakral'nye kody kul'tury kalmykov* [Sacred codes of Kalmyk culture]. Elista, Institute for Comprehensive Studies of Arid Territories Press, 2009, 159 p. (In Russ.).
- BAMRS — *Bol'shoy akademicheskij mongol'skorusskij slovar'. Otv. red. G. Ts. Pyurbeev* [Great Academic Mongolian–Russian Dictionary. Edit. by G. Pyurbeev. 4vol]. Moscow, Academia Publ., vol. 1 (A–Г), 2001, 520 p.; vol. 2 (Д–О), 2001, 536 p.; vol. 3 (Ө–Ф), 2001, 440 p.; vol. 4 (Х–Я), 2002, 532 p. (In Russ. and Mong.).
- Banaeva V. A. *Zhenskie ukrashenija predbaikal'skih burjat* [The ornaments of Western Buryats residing in the western Baikal territory]. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* (Proceedings of the Russian State Pedagogical University), 2010, iss. 124, pp. 13–20 (In Russ.).
- Baasanhüü A., Batmөнh B. *Mongolyn ojratudyn sojol* [Culture of Mongolian Oirats]. Ulaanbaatar, Gann Print Publ. Ltd., 2010, 385 p. (In Mong.).
- Bogatyrev P. G. *Funkcii nacional'nogo kostjuma v Moravskoj Slovakkii* [Functions of a national costume in Moravian Slovakia]. Bogatyrev P. G. *Voprosy teorii narodnogo iskusstva* [Questions of the theory of folk art]. Moscow, 1971, pp. 297–366 (In Russ.).
- Bordzhanova T. G. *Obrjadovaja poezija kalmykov (sistema zhanrov, pojetika)* [Ritual poetry of the Kalmyks (system of genres, poetics)]. Elista, Kalm. Book Publ., 2007, 592 p. (In Russ.).
- Butanaev V. Ja., Mongush Ch. V. *Arhaicheskie obychai i obrjady sajanskih tjurkov* [Turkic peoples of the Sayan: archaic customs and traditions]. Abakan, Katanov Khakass State Univ. Press., 2005, 200 p. (In Russ.).
- Viktorova L. L. *Mongol'skaja odezhda* [Mongolian clothing]. *Odezhda narodov Zarubezhnoj Azii. Sbornik Muzeja antropologii i jetnografii. T. XXXII* (Clothing of the peoples of Asia. Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography), Leningrad, Nauka Publ., 1977, pp. 169–197 (In Russ.).
- Vyatkina K. V. *Mongoly Mongol'skoj Narodnoj Respubliki (materialy istoriko-etnograficheskogo ekspedicii Akademii nauk SSSR i Komiteta nauk MNR 1948–1949 gg.)*. [Mongols of the Mongolian People's Republic (proceedings of the historical-ethnographic expedition of the USSR Academy of Sciences and Science Committee of Mongolian Republic, 1948–1949)]. *Vostochno-Aziatskij jetnograficheskij sbornik. T. LX* (East Asian Ethnographic Collection. Vol. 60). Moscow, 1960, pp. 159–257 (In Russ.).
- Dizajnery Elisty vossozdali kostjumu drevnih oyratov* [Elista designers recreated the costumes of ancient Oirats]. Available at: <https://casp-news.ru>.

- ru/news/russia/dizaynery-elisty-vossozdali-kostyummy-drevnikh-oyratov (In Russ.).
- Disan T. *Øøld* [Olots]. *Mongol ulsyn ugsaatny zyj. II bot'* (Mongolian ethnography. Vol. 2). Ulaanbaatar, Monsudar Publ., 2012, pp. 107–166 (In Mong.).
- Dobrovolskaya V. E. *Narodnyj kostjum i sovremennaja odezhda: znakovye funkcii v prošlom i nastojashhem* [Folk costume and modern clothing: sign functions in the past and present]. *Funkcional'no-struktural'nyj metod P. G. Bogatyreva v sovremennyh issledovanijah fol'klora* (P. G. Bogatyrev's functional-structural method in modern studies of folklore). Moscow, State Institute of Art Studies Press, 2015, pp. 284–292 (In Russ.).
- DTS — *Drevnetjurkskij slovar'*. Red. V. M. Nadeljaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shherbak [Ancient Turkic dictionary. Ed. by V. M. Nadelyaev et al.]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 677 p. (In Russ.).
- Dugarov D. S. *Lebed' v ornamente zhenskogo kostjuma tjurko-mongol'skih narodov* [The swan in the ornament of the female costume of the Turkic-Mongolian people]. *Sovetskaja etnografija* (Soviet Ethnography), 1983a, No. 5, pp. 104–113 (In Russ.).
- Dugarov D. S. *Ornitozoomorfnaia simbolika zhenskogo kostjuma nekotoryh tjurko-mongol'skih narodov* [Ornithozoomorphic symbolism of the female costume of some Turkic-Mongolian peoples]. *Material'naja i duhovnaja kul'tura kalmykov* [Material and spiritual culture of the Kalmyks]. Elista, 1983b, pp. 36–52 (In Russ.).
- Dushan U. D. *Izbrannye Trudy. sost. Batyrov V. V., Sharaeva T. I. Otv. red. Bakaeva E. P.* [Selected Works. Compiled by Batyrov V. V., Sharaeva T. I. Ed. by Bakaeva E. P.]. Elista, Kalmyk Institute for Humanities (RAS) Press, 2016, 376 p. (In Russ.).
- Dushan U. *Khal'mg ulsyn yorlyn, tseerlyn, sejlyn boln mu berts* [Adverse customs and superstitions of the Kalmyk people]. Moscow, 1931 (In Kalm.).
- Dyakonova V. P. *Altajcy (materialy po etnografii telengitov Gornogo Altaja)* [The Altaians (materials on the ethnography of the Telengits of Gorny Altai)]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altaysk Book Publ., 2001, 224 p. (In Russ.).
- Ilishkin I. K., Muniev B. D. *Kratkij grammatičeskij očerok kalmyckogo jazyka* [A brief grammatical sketch of the Kalmyk language]. *Kalmycko-russkij slovar'* (Kalmyk-Russian Dictionary). Moscow, Russkij Jazyk Publ., 1977, pp. 727–764 (In Russ.).
- Ih Caaz («Velikoe ulozhenie»). *Pamjatnik mongol'skogo feodal'nogo prava XVII v.* [The Great Code. A monument of the Mongolian feudal law of the 17th century]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 148 p. (In Russ.).
- Kichekova B. Ju. *Verhjnaja odezhda altajcev* [Outer clothing of Altaians]. *Drevnosti Sibiri i Central'noj Azii 2010 № 03 (15). Sb. nauch. trudov. pod red. V. I. Sojonova* (Antiquities of Siberia and Central Asia. 2010. № 03 (15). Collected scientific papers. Ed. by V. I. Sojonov). Gorno-Altaysk, Gorno-Altaysk State Univ. Press, 2010, No. 3(15), 176 p. Available at: // <http://e-lib.gasu.ru/Drev/archive/03/19.pdf> (In Russ.).
- Kichekova B. Ju. *Otrazhenie tradicionnogo mirovozzrenija altajcev v nacional'noj odezhde* [Reflection of the Altaian traditional outlook in national clothes]. *Mirovozzrenie naselenija Juzhnoj Sibiri i Central'noj Azii v istoričeskij retrospektive. Narody i religii Evrazii* (The world outlook of the population of Southern Siberia and Central Asia in historical retrospect. People and religions of Eurasia). Barnaul, Altai State Univ. Press, 2008, No. 2, pp. 260–270 (In Russ.).
- Kalmycko-russkij slovar'*. Pod red. B. D. Munieva [Kalmyk–Russian dictionary ed. by B. D. Muniev]. Moscow, Russkij Jazyk Publ., 1977, 768 p. (In Russ.).
- Kubarev G. V. *Telengitskie pogrebenija juzhnogo Altaja* [Telengit burials of Southern Altai]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* (Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories). Novosibirsk, Institute of Archeology and Ethnography (RAS) Press, 2007, vol. 13, pp. 292–297 (In Russ.).
- Kuznetsov I. V. *Odezhda armjan Ponta. Semiotika material'noj kul'tury* [Pont Armenians' clothing. Semiotics of material culture]. Moscow, Vost. Literatura Publ., 1995, 294 p. (In Russ.).
- Kuznetsova Zh. V. *Etničeskoe samosoznanie i mental'nost' juzhnyh altajcev v kontekste realij predmetnogo mira* [Ethnic identity and mentality of the Southern Altaians in the context of realities of the objective world]. *Regionologija* (Regionology). 2014, No. 1 (86), pp. 155–165 (In Russ.).
- Neklyudov S. Yu. *Ojrat-kalmyckaja mifologija* [Oirat-Kalmyk mythology]. *Mify narodov mira. T. 2* [Myths of the World. Vol. 2]. Moscow, Sov. Entsiklop. Publ., 1988, pp. 247–248 (In Russ.).
- Orlova E. A. *Sakral'nye funkcii tradicionnoj zhenskij odezhdy teleutov* [Ritual functions of traditional Teleut women's clothing]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Istorija. Filologija* (Bulletin of Novosi-

- birsk State University. Ser. History. Philology), 2016, vol. 15, No. 7, pp. 169–177 (In Russ.).
- Poppe N. N. *Mongol'skij slovar' Mukaddimat Al-Adab* [Mongolian dictionary Mukaddimat Al-Adab]. *Trudy Instituta vostokovedenija XIV* (Transactions of the Institute of Oriental Studies). Moscow, Leningrad, USSR Acad. of Sc. Press, 1938, 452 p. (In Russ.).
- Potapov L. P. *Elementy religioznych verovanij v drevnetjurkskih genealogicheskikh legendah* [Elements of religious beliefs in ancient Turkic genealogical legends]. *Sovetskaja etnografija* (Soviet Ethnography), 1991, No. 5, pp. 79–86. Available at: <http://kronk.spb.ru/library/potapov-lp-1991a.htm> (In Russ.).
- Prytkova N. F. *Verhnjaja odezhdha* [Outerwear]. *Istoriko-etnograficheskij atlas Sibiri* [Historical and Ethnographic Atlas of Siberia]. Moscow, Leningrad, USSR Acad. of Sc. Press, 1961, pp. 227–328 (In Russ.).
- Ya izuchaju kalmyckij. *Malyj russko-kalmyckij slovar'* [I learn Kalmyk. Small Russian–Kalmyk Dictionary]. Elista, Kalmyk Book Publ., 2002, 510 p. (In Russ.).
- Russko-kalmyckij slovar' anonimnogo avtora, XVIII v.: translit. Mulaeva N. M., Ochirova N. Ch.; sost. Kukanova V. V., Mulaeva N. M.; otv. red. Bembeev E. V., Kukanova V. V.* [Russian–Kalmyk Dictionary of an anonymous author of the 18th Century. Translit by Mulaeva N. M., Ochirova N. Ch.; compiled by Kukanova V. V., Mulaeva N. M.; editor Bembeev E. V., Kukanova V. V.]. Elista, Kalmyk Institute for Humanities (RAS) Press, 2014, 570 p. (In Russ.).
- Savinov D. G. *Vpusknye pogrebenija Jugo-Vostochnogo Altaja (k etnokul'turnoj istorii telengitov* [Outlet Burials in the South-Eastern Altai: The Ethno-Cultural History of the Telenghites]. *Etnichnost'* (Ethnicity), 2013, No. 2 (4), pp. 36–51 (In Russ.).
- Sambueva S. B. *Simvolika tradicionnogo burjatskogo zhenskogo kostjuma. Avtoref. dis.... kand. ist. Nauk* [Symbolism of the traditional Buryat women's costume. A Ph. D. thesis abstract]. Ulan-Ude, 2000, 16 p. (In Russ.).
- Sarangerel. *O «cjegdjeg» i pochitanii nevestkoj rodstvennikov muzha* [About 'tsegdeg' and veneration of the husband's relatives by the daughter-in-law]. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities), 2008, No. 3, pp. 10–13 (In Russ.).
- Sodnompilova M. M. *Tradicionnaja odezhdha mongol'skih narodov v rituale i kak instrument socializacii* [Traditional clothing of the Mongolian peoples in the rituals and as a tool of socialization]. *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* (Proceedings of the Irkutsk State University), 2013, No. 2, pp. 152–165 (In Russ.).
- Tadysheva N. O. *Simvolika zhenskih ukrashenij v tradicionnoj kul'ture altajskogo naselenija Respubliki Altaj* [The Symbolism of Women's Adornments in the Traditional Culture of the Altai Population of the Altai Republic]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* (Bulletin of Tomsk State University. History). 2016, No. 5 (43), pp. 114–117 (In Russ.).
- Kharkova S. S. *Naimenovanija vidov odezhdy v mongol'skih jazykah (K voprosu ob etimologii)* [The names of types of clothing in the Mongolian languages (the question of etymology)]. *Mongolovedenie. Vyp. 3* (Mongol Studies. Iss. 3). Elista, Kalmyk Institute for Humanities (RAS) Press, 2004, pp. 48–64 (In Russ.).
- Shaglanova O. V. *Simvolika zhenskih ukrashenij .vostochnyh burjat. Avtoref. dis.... kand. ist. nauk* [Symbolism of women's adornments of the Eastern Buryats. A Ph. D. thesis abstract]. Ulan-Ude, 2005 (In Russ.).
- Sharaeva T. I. *Semantika platka v tradicionnoj zhenskoj odezhdhe u kalmykov* [Semantics of a scarf in traditional women's clothing among the Kalmyks]. *Problemy etnicheskoi istorii i kul'tury tjurko-mongol'skih narodov. Sb. nauch. trudov. Vyp. 3.* (Problems of ethnic history and culture of the Turkic-Mongolian peoples. Scientific papers collection). Elista, Kalmyk Institute for Humanities (RAS) Press, 2015, pp. 165–185 (In Russ.).
- Erdniev U. E. *Kalmyki. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Kalmyks. Historical and ethnographic essays]. Elista, Kalmyk Book Publ., 1970, 312 p. (In Russ.).
- Bogatyrev P. G. *Funkcie kroja na Moravskom Slovensku* [Functions attributed to cutouts of garments in Moravian Slovakia]. Turciansky Sv. Martin Press, 1937, 76 p. (In Slovak).
- Bossert H. Th. *Das Ornament Werk* [The ornament work]. Berlin, Ernst Wasmuth GMBH Publ., 1937. 43 p. + 120 plates (In Germ.).

Internet Sources

- Dizajnerskaya studiya «In'glyan»* [Inglyan Design Studio]. Available at: <https://vk.com/club132285258>; <https://www.facebook.com/studiainglyan> (accessed: 20 March 2017) (In Russ.).
- Dizajnery Elisty vossozdali kostyummy drevnikh oyratov* [Designers of Elista recreated ancient Oirat costumes]. *Kaspiyskie novosti* [The Caspian News]. 13 April 2017. Available at: <https://casp-news.ru/news/russia/dizajnery-elisty->

vossozdali-kostyumu-drevnikh-oyratov (accessed: 13 April 2017) (In Russ.).
Kalmytskie dizaynery predstavlyat svoi kolleksii na festivale etnicheskoy mody v Eliste [Kalmyk designers shall introduce their collections at

the Elista Ethnic Fashion Festival]. Available at: <http://riakalm.ru/news/culture/6521-kalmytskie-dizajnery-predstavlyat-svoi-kollekt-sii-na-festivale-etnicheskoy-mody-v-eliste> (accessed: 20 March 2017) (In Russ.).

УДК 391

О СЕМАНТИКЕ КРОЯ И ДЕКОРА ЖЕНСКОГО ПЛАТЬЯ ТИПА *ЦЕГДЕГ* У КАЛМЫКОВ И ОЙРАТОВ (древние знаки в семиотической системе костюма)

Эльза Петровна Бакаева¹

¹ доктор исторических наук, доцент, заместитель директора, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: bakaevaep@yandex.ru

Аннотация. В статье автор анализирует вопросы символики поясного декора и особенностей кроя женского платья-безрукавки *цегдег/цэгдэг* (калм. *цегдг*), которое в культуре западных монголов (ойратов) и калмыков, а также ряда тюрко-монгольских народов являлось обязательным элементом костюма замужней женщины. Семантика платья *цегдег* рассматривается как многослойная. Автор связывает ее с этимологией термина, означающего «ограничивающее» (от монг. **cege*+ аффикс *-дг*, обозначающий «множественно повторяющееся во времени действие»), а также связывает с обычаем надевания на убитого лебедя у калмыков особой узды, а у тюрков южной Сибири — с надеванием на него такой безрукавки чегедек. Семантика поясного декора на *цегдег* у ойратов и калмыков в виде клапанов и петель, называемых *бел/бэл*, по мнению автора, связана с деторождением как главной функцией женщины. Петля *бел/бэл* или часть украшения, выполняющая ее роль, семантически сопоставима с прорезью, прорехой, проходом. Традиция подвешивания к *бел/бэл* платков указывает на значение платка (белого или однотонного) как символа «вместилища», «утробы», что иллюстрируется представлениями о связи платков с предками и обычаями, зафиксированными у родственных калмыкам и ойратам западных бурят.

Ключевые слова: ойраты, калмыки, одежда, женское платье, *цегдег*, символика.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 32, Is. 4, pp. 70–77, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-32-4-70-77
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 39

Traditional Leisure-Time Activities in the Cultural and Communicative Environment of Mordvinian Ethnic Medicine

Svetlana D. Tribushinina ¹

¹ Junior Research Associate, Department of Ethnography and Ethnology, Humanities Research Institute Affiliated to the Government of the Republic of Mordovia (Saransk, Russian Federation). E-mail: tribushinina85@mail.ru

Abstract. Nowadays special attention is paid to studies on the role of leisure-time activities in the preservation of ethnic customs and traditions. Culture comprises the diverse fields of human activity and historical achievements – from economy to household aspects, including social, material, and spiritual spheres of human life. The spiritual one, in its turn, comprises the field of folk knowledge which is a sub-system of traditional culture. Ethnic medicine contains important and vast knowledge accumulated by the Mordvins. Yu. Bromley characterized ethnic medicine as a set of healing methods and means applied by a certain people. L. Nikonova notes that ethnic medicine also comprises methods of how to stay healthy, sanitary-hygienic standards, and disease prevention measures. Thus, in the realm of ethnic medicine leisure-time activities act as a means to prevent diseases and strengthen health with positive emotional effects. When it came to arrange such activities, the Mordvins gave attention not only to healthfulness but also to communicative opportunities. Communication is a universal way, form, and means of cultural activities, being based on processing and transmission of information obtained by mankind. The communicative function of culture is to accumulate, store, and transmit experience, knowledge, customs, traditions, etc. Leisure-time activities comprise holidays, games, gatherings, circle dances, theatre performances, etc.

The paper concludes that folk leisure-time traditions play a significant role in health preserving and disease prevention for the Mordvin people. Active leisure-time arrangements facilitate the physical development of children and youth, the emotional uplift being essentially health-beneficial. For adult Mordvins those were means to diversify their activities, that somewhat added to psychological comfort. The emotional life of the ethnos was influenced by magic elements of holidays and games. Leisure-time activities also served to impart folk knowledge upon younger generations and develop skills required in adult life.

Keywords: communication, ethnic medicine, Mordvins, leisure-time activity, holiday, rite, game, circle dance.

В настоящее время большое внимание уделяется изучению роли досуга в процессе сохранения этнических традиций и обычаев народов в сфере культуры. Культура включает в себя всю общность исторического развития человечества от экономики до бытовых сторон жизни, социальную, материальную и духовную деятельность людей. К духовной относят область народных знаний, представляющих собой одну из подсистем традиционной культуры. Немаловажными являются знания в сфере этномедицины, где мордва накопила большое количество информации. Ю. В. Бромлей обозначал этномедицину как «совокупность методов и средств лечения, используемых в быту тем или иным народом» [Бромлей 1996: 3–18]. Л. И. Никонова отмечает, что к народной медицине относятся также способы сохранения организма здоровым, санитарно-гигиенические нормы, профилактика заболеваний [Никонова 1993; 1995; 2000; 2010а; 2010б; 2013а; 2013б].

Одной из фундаментальных потребностей человека является потребность в отдыхе, расслаблении, переключении внимания с одного предмета на другой. Грамотное распределение времени труда и отдыха играет большую роль в сфере сохранения здоровья. Потребность в отдыхе обусловлена биологической природой человеческого организма, его физиологией, а также разного рода психологическими и социальными нагрузками. Отдых может быть реализован через полное физиологическое расслабление. Л. И. Никонова отмечает, что в летнюю пору полевых работ мордва отдыхала по два часа в день после обеда [Никонова, Кандрина, Щанкина 2010: 38]. Полноценному отдыху способствуют также активные формы досуга, такие как занятие физическими спортивными упражнениями, творческой деятельностью. С. М. Машевская выделяет две основные функции досуга: функцию регенерации, восстановления сил человека, поглощаемых трудом, и функцию духовного и физического обогащения, развития личности [Машевская 2014: 18]. Отдых сближается с рекреацией, биологической активностью, направленной на восстановление физического, физиологического и психологического потенциала, потраченного в процессе трудовой и однообразной деятельности.

В области этнической медицины досуг выступает как средство профилактики за-

болеваний и улучшения физической формы человека, оказывая положительное влияние также на эмоциональную сферу. При организации досуга мордва также уделяла внимание не только целительным свойствам отдыха, но и его коммуникативным возможностям. Одним из универсальных путей, форм и способов в области культурной деятельности является коммуникация. Она основана на обработке и трансляции информации, приобретенной человечеством в процессе его жизнедеятельности. Коммуникативная функция культуры заключается в накоплении, хранении и передаче опыта, знаний, традиций, обычаев и др. [Федоров 2005: 145]. Досуг включает в себя праздники, игры, посиделки, хороводы, театральные действия и др.

М. М. Бахтин определял праздники как «первичную форму человеческой культуры» [Бахтин 1990: 13]. Они выполняют важные рекреативную и коммуникативную функции. И. М. Снегирев писал: «Само слово „праздник“ выражает упразднение, свободу от будничных трудов, соединенную с веселием и радостью» [цит. по: Снегирев 1837: 5]. Праздники у мордвы подразделялись на сезонные, связанные с земледелием и скотоводством, семейные и церковные. В прошлом все праздники имели обрядовое значение. В эти дни проводились моления (м. *оскс*, э. *озкс*), посвященные языческим богам, одной из мотиваций этих действий являлось то, что люди испытывали страх перед высшими силами, с которыми были не в состоянии справиться, и это приносило психологический дискомфорт. Традиционная обрядность праздников мордвы изучалась исследователями, П. И. Мельниковым, В. И. Ауновским, А. А. Шахматовым, М. Е. Евсевьевым и др. Такие ученые, как Г. А. Аванесова, Г. А. Корнишина, рассматривают магическую составляющую праздников и игр как средство обеспечения хорошего урожая, материального и духовного благополучия, благотворно влияющего на эмоциональный фон человека, освобождая его от страха, усталости [Аванесова 2006: 16; Корнишина 2000: 3].

Психотерапевтический эффект оказывал определенный традиционный порядок проведения праздничных ритуалов. Первым на эту функцию ритуальных действий указал Э. Дюркгейм. Он считал, что они создают условия для психологического комфорта бытия, способствуют восстановлению

физических и душевных сил: «Праздник празднуется, потому что его праздновали предки, потому что с ними людей связывает высоко почитаемая традиция и потому что это им дает хорошее моральное самочувствие» [цит. по: Васильев 2014: 151]. Н. Г. Юрченкова отмечает, что многие обряды приобретали христианскую форму, но при этом не теряли языческую особенность [Юрченкова 2006]. Рождество (м. *Роштува*, э. *Роштова*), Новый год, Пасха (м. *Оцю ши*, э. *Инечи*) и другие христианские праздники соединяли в себе молитвы православным святым и моления мордовским богам, которые в сознании мордвы часто отождествлялись. Сезонные мордовские праздники-обряды проводились до начала XX в. Даты проведения традиционных праздничных мероприятий совпадали с православным календарем или приурочивались к важным сельскохозяйственным событиям. В советские годы происходила постепенная утрата как магическо-ритуальной функции, так и религиозных основ, и обряды превратились в досуговые мероприятия: Новый год, проводы зимы, весны, встреча лета, сбор урожая и др. Мордва отмечает Новый год, Масленицу, Пасху, Троицу, Ивана Купала, Ильин день, Покров и др. Однако их празднование в мордовских семьях сегодня практически не отличается от русских. В настоящее время ведется активная работа по восстановлению значения традиционных мордовских праздников. Например, в день Святой Троицы во многих мордовских селах проводится традиционный мордовский праздник «*Акшакелу*», посвященный одному из священных деревьев мордвы — березе. В Рузаевском районе этот праздник проводится в с. Палаевка, Мордовская Пишля, Левжа, Перхляй, Трускляй, Сузгарье [Новости культуры]. В Республике Мордовия организуются также новые праздничные мероприятия, призванные познакомить местное население и гостей с мордовскими национальными традициями и обычаями, национальной пищей и т. д. В Рузаевском районе с 2015 г. проводится Фестиваль мордовской культуры «*Кургоня*», на котором представлены блюда мордвы-мокши. Праздничный концерт сопровождается традиционными мордовскими хороводами и национальными спортивными играми. Его проведение обусловлено попыткой как сохранить культурное наследие мордвы, так и обеспечить отдых и восстановление физиче-

ских и душевных сил населения. Праздники у мордвы всегда сопровождались активными играми, хороводами, спортивными состязаниями, театрализованными действиями, приемами традиционной жертвенной пищи. Первоначально обряды исполняли все члены общины, каждая возрастная группа выполняла свою роль в ритуальном действе. С течением времени происходила трансформация обрядов в игровые формы. Этот процесс стал причиной снижения возраста участников некоторых видов досуговой деятельности.

Одной из составляющих праздников были хороводы (м. *хоровод*, э. *тейтерь / морамокужо*). В. А. Ауновский писал, что мордва-мокша «в большие праздники, в особенности в послеобеденное время <...> составляет довольно замысловатые хороводы» [Ауновский 1869: 96]. Хороводы составляли в основном молодые люди на весенне-летние праздники, такие как Троица (*Акшакелу*), проводы весны, Ивана Купала и др. Во время хоровода участники общались между собой, делились положительными эмоциями. Эти танцевальные действия иногда выступали в качестве одного из способов передачи информации. Этномедицинская тематика отражалась в хороводе *сиярат* («вшивые»). Первоначально в основе этого представления лежала комическая пантомима, изображающая человека с насекомыми в одежде. В. С. Брыжинский пишет, что в 1930-е гг. *сиярат* становится пропагандой чистоты и опрятности, борьбы с инфекционными заболеваниями [Брыжинский 2009: 121]. Во время хоровода участники несли рисунок страшного насекомого, которое называлось «тиф» или «зараза». Таким образом, в нем находит отражение древнее верование мордвы о насекомых как причине некоторых заболеваний. Представление о нем можно почерпнуть из мордовского фольклора. Мокшанская сказка «*Маштыкс*» («Лихорадка») рассказывает о двенадцати девушках-лихорадках (м. *маштыкс*), которые превращались в насекомых [Устно-поэтическое творчество мордовского народа 1966: 189].

На физическом здоровье положительно сказывались активные формы досуга (игры, спортивные развлечения и т. д.). Игры (м. *налхкома*, э. *налксема, налхксема*) как вид непродуктивной деятельности, суть которой не в конечной цели, результате, а в самом процессе, были присущи детям и мо-

лодежи. Они закаляли детский организм, так как проводились в основном на свежем воздухе, способствовали развитию силы, ловкости, сноровки. Н. Ф. Беляева приводит в своих трудах принципы воспитания детей у мордвы, основанные, в том числе, и на умелом применении досуга для физического, духовного и нравственного развития молодого поколения [Беляева 1995; 2001]; А. А. Шахматов, В. С. Брыжинский описывают различные виды игр. В. С. Брыжинский рассматривает детские игры также как источник информации о традициях, обычаях, основах трудовой деятельности, способ тренировки навыков взрослой жизни [Брыжинский 2009: 8]. Ученый делил игры на четыре типа: весенние и летние игры; подвижные и спортивные игры; театрализованные или ролевые; игры в закрытых помещениях. Первый тип игр был направлен на передачу детям знаний предыдущих поколений, в том числе о полезных свойствах природных средств. В летней хороводной игре «*Кода бояртяксить*» («Как бояре ходят») одной из тем изображаемых пантомим является тема «Как *сияры* («вшивые») ходят, как они гуляют?». Участники должны изобразить человека, зараженного педикулезом, при этом максимально высмеивая больного [Брыжинский 2009: 243]. Подобные элементы игр являются пропагандой соблюдения санитарно-гигиенических норм. Второй тип игр способствовал физическому развитию молодого поколения («*Бабанькиресэ*» («Бабушкин клубок»), «*Минекпандось*» («Наша гора») и др.). Театрализованные игры позволяли детям проигрывать стандартные бытовые ситуации, с которыми им предстоит столкнуться в будущем («В куклы», «*Кшуманнесэ*» («В редьку»), «*Каргт*» («Журавли»). Игры, проводимые в закрытых помещениях поздней осенью и зимой, были преимущественно настольными, в процессе игры развивались логическое мышление (словесные игры, загадывание загадок), мелкая моторика рук («*Кевняса*» («В камушки»), «*Чики*»).

Во время праздников мордва проводила спортивные состязания. Она состязалась в традиционной стрельбе из лука, метании топора, деревянного мяча, камня или гири на дальность, беге, поднятии бревна и др. Самые сильные представители мордовского этноса соревнуются в перетягивании каната и палки, перетягивании с захватом руки или

пальца, борьбе на поясах, поднятии бревна (лошади) [Мигунов 2010: 44].

Укреплению здоровья способствовал такой вид досуга, как плавание в открытых водоемах. Плавать мордва училась с раннего детства. Этот вид свободного времяпрепровождения повсеместно популярен до настоящего времени. Зимние виды досуга у мордвы связаны с катаниями на ледянках, «скамейках» и лыжах с горки. Горки строили в каждом селе. А. А. Серов отмечает, что эти виды досуга считались одним из средств борьбы с недугами [Серов 2007: 177]. Также мордва часто проводила время на катке. Сейчас в селах и городах Республики Мордовия организуют горки, заливаются общественные открытые катки.

В реализации коммуникативной функции досуговой деятельности мордва опиралась на организацию посиделок молодежи, в которых принимали участие молодые женщины, девушки и парни. Посиделки описывали В. А. Ауновский [1869], Н. Масленников [1916], А. А. Шахматов [1910], М. Е. Евсевьев [1966] и др. Девушки начинали посещать посиделки с 16–17 лет. Разрешение на участие в посиделках свидетельствовало о достижении девушкой детородного возраста, готовности к семейной жизни. Посиделки выполняли функцию смены вида деятельности для полноценного отдыха от бытовых обязанностей. Также здесь молодые люди общались со сверстниками, выбирали подходящего партнера для создания семьи. Посиделки чаще всего организовывали на праздники или зимними вечерами. М. Е. Евсевьев описывал посиделки, устраиваемые молодыми людьми в честь Вермавы (матери Вербы). На них было принято просить у божества здоровья для девушек. На моленье приглашалась старушка, которая читала специальные молитвы, готовились кушанья — пельмени с рыбой и каша [Евсевьев 1966: 365]. А. А. Шахматов также писал про посиделки молодежи. Участники собирались в какой-нибудь из изб, молодые женщины и девушки пряли лен и посконь, вышивали, парни играли на балалайках и гармониях, работа и песни часто перемежались танцами. Иногда на посиделки нанимали музыканта — «трубочника» [Шахматов 1910]. Здесь молодые люди обменивались своим опытом, хвастались умениями и талантами. На посиделках приняты были словесные игры, такие как отгадывание за-

гадок. Проводились состязания по качеству загадок и скорости отгадывания. Загадки не только развивали логику, память, эрудицию, но и выполняли роль трансляторов народных знаний. В данной разновидности фольклора встречались тексты, связанные с народной медициной. В основном, они давали представление об анатомии человека, встречаются загадки, дающие некоторое представление об акушерстве. Акушерские сведения содержит такая загадка: «*Нильгемонь неделят ащи пьакстафста, / Кафта кизот эряй повфтафста*» 'Сорок недель сидит запертым / Два года живет в люльке' (ломанць 'человек'). Здесь содержится информация о периоде беременности — сорок недель [Устно-поэтическое ... 1968: 71]. Анатомия человека представлена рядом загадок о частях тела человека. Например, популярны были загадки про глаза: м. «*Панда ала сенем эрхконянт*» [Устно-поэтическое ... 1968: 73], э. «*Пандо ало кавто сэнэ эркинеть*» [Устно-поэтическое ... 1968: 171] 'Под бугром / горой синие озера / два синих озера'. Эта загадка также дает представление об антропологических особенностях мордвы. В. Н. Майнов указывал, что у мордвы-эрзи преимущественно «глаза голубые, и притом светлых тонов» [Майнов 1883: 147–148].

Присутствовали тексты, содержащие в себе предупреждение об опасных свойствах предметов, которые могут привести к травмам: «*Лангкс ванозь мазыня, кундасак — неволят (пнят)*» 'Смотреть на него — красиво, в руки возьмешь — обожжешься' (горящий уголь) [Устно-поэтическое ... 1968: 148]; «*Кядьта кядьс якай, Вер полдай*» 'Из рук в руки ходит, кровь проливает' (нож) [Устно-поэтическое ... 1968: 81].

Таким образом, народные досуговые традиции играют большую роль в сфере сохранения здоровья и профилактики заболеваний мордовского народа. Активные формы досуга способствуют физическому развитию детей и молодежи, эмоциональному подъему, который благотворно влияет на здоровье. Для взрослого мордовского населения они выполняли также форму перемены вида деятельности, обеспечивая психологический комфорт. На эмоциональную сферу этноса влияла магическая составляющая праздников и игр. Досуг служил также средством передачи народных знаний подрастающему поколению, отработке необходимых во взрослой жизни навыков.

Литература

- Аванесова Г. А.* Культурно-досуговая деятельность: Теория и практика организации: уч. пос. для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2006. 236 с.
- Ауновский В. А.* Этнографический очерк мордвы-мокши (1869 г.) // Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 год. Симбирск: Тип. Симбирского Губернского Правления, 1869. С. 87–107.
- Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Худ. лит., 1990. 543 с.
- Беляева Н. Ф.* Народные традиции воспитания детей у мордвы // Мордва: историко-культурные очерки / отв. ред. В. А. Балашов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. С. 277–297.
- Беляева Н. Ф.* Традиционное воспитание детей у мордвы / под ред. д-ра ист. наук, проф. В. И. Козлова. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2001. 260 с.
- Бромлей Ю. В.* Народная медицина как предмет этнографических исследований // Советская этнография. 1996. № 5. С. 3–18.
- Брыжвинский В. С.* Мордовские народные игры. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2009. 272 с.
- Брыжвинский В. С.* Народный театр мордвы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1985. 168 с.
- Васильев А.* Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма // Социологическое обозрение. 2014. Т. 3. № 2. С. 141–167.
- Евсевьев М. Е.* Избранные труды. В 5-ти т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. Т. 5. 552 с.
- Корнишина Г. А.* Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, формы бытования. Саранск: МГПИ им. М. Е. Евсевьева, 2000. 150 с.
- Майнов В. Н.* Результаты антропологических исследований среди мордвы-эрзи // Записки ИРГО по отделению этнографии. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. 559 с.
- Масленников Н.* Из быта села Кученяева, Алатырского уезда Симбирской губернии (1916 г.) // Известия общества археологии, истории, этнографии при Императорском Казанском университете. Казань: [б. и.], 1916. Т. 29. Вып. 4. С. 188–195.
- Машевская С. М.* Социология досуга: Учебное пособие. Шуя: Изд-во Шуйского филиала ФГБОУ ВПО «ИвГУ», 2014. 103 с.
- Мигунов П. В.* «Олимпийские игры» мордвы «Тюштянь налксемат — тюштянь налкхсемат // Центр и периферия. 2010. № 1. С. 40–51.

- Никонова Л. И. Мордва Владимирской области / Л. И. Никонова, Т. В. Аксенова, Т. Н. Охотина, М. М. Фадеева, Е. Г. Чибирева; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой. Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2013. 184 с.
- Никонова Л. И. Мордва Дальнего Востока / Л. И. Никонова, Л. Н. Щанкина, Н. Н. Авдошкина, В. П. Савка; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой. Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2010. 312 с.
- Никонова Л. И. Мордва Саратовской области / Л. И. Никонова, С. А. Махалов, Т. Н. Охотина, В. П. Савка, Л. Н. Щанкина. под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой. Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2013. 252 с.
- Никонова Л. И. Мордва Циркумбальского района и Республики Хакасия / Л. И. Никонова, Л. Н. Щанкина, Т. В. Гармаева; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой. Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2010. 268 с.
- Никонова Л. И. От Адама и Евы до наших дней. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2000. 171 с.
- Никонова Л. И. Тайны мордовского целительства. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. 168 с.
- Никонова Л. И. Традиционные способы сохранения здоровья мордвы: дисс. ... канд. ист. наук. Саранск, 1993. 231 с.
- Никонова Л. И., Кандрина И. А., Щанкина Л. Н. Традиционная культура сохранения здоровья народов, проживающих в Республике Мордовия: историко-этнографический аспект. Саранск, Пенза: Социосфера, 2010. 527 с.
- Новости культуры [электронный ресурс] // URL: <http://культурарузаевскогорайона.рф> (дата обращения: 10.06.2017).
- Серов А. А. Традиционные формы досуга как средство межнационального общения // Вестник Саратовского социально-экономического университета. 2007. № 17 (3). С. 177–179.
- Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды М.: Университетское изд-во, 1837. Вып. 1. 246 с.
- Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. Т. 3. Ч. 1. 384 с.
- Фёдоров А. А. Введение в теорию и историю культуры: словарь. М.: Флинта: МПСИ, 2005. 464 с.
- Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1910. 848 с.
- Юрченкова Н. Г. Мифология мордовского народа: уч. пособие. Саранск: Красный Октябрь, 2006. 152 с.

References

- Avanesova G. A. *Kul'turno-dosugovaya deyatel'nost'. Teoriya i praktika organizatsii: uch. pos. dlya studentov vuzov* [Cultural and recreational activities. Theory and practice of organization: a textbook for university students]. Moscow, Aspekt Press, 2006, 236 p. (In Russ.).
- Aunovsky V. A. *Etnograficheskiy ocherk mordvymokshi (1869 g.)* [An ethnographic essay of the Moksha Mordvins]. *Pamyatnaya knizhka Simbirskoy gubernii na 1869 god* (The Memorial Book of Simbirsk Governorate: 1869). Simbirsk, Simbirsk Governorate Administration Press, 1869, pp. 87–107 (In Russ.).
- Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednekov'ya i Renessansa. 2-e izd* [Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Khud. Lit. Publ., 1990, 543 p. (In Russ.).
- Belyaeva N. F. *Narodnye traditsii vospitaniya detey u mordvy* [Folk Mordovian upbringing traditions]. *Mordva: istoriko-kul'turnye ocherki / otv. red. V. A. Balashov* (The Mordvins: Historical and Cultural Essays. Ed. By V. A. Balashov). Saransk, Mordovian Book Publ., 1995, pp. 277–297 (In Russ.).
- Belyaeva N. F. *Traditsionnoe vospitanie detey u mordvy pod red. d-ra ist. nauk prof. V. I. Kozlova* [Folk Mordovian upbringing traditions. Ed. by prof. V. I. Kozlov]. Saransk, Mordovian Book Publ., 2001, 260 p. (In Russ.).
- Bromley Yu. V. *Narodnaya meditsina kak predmet etnograficheskikh issledovaniy* [Folk medicine as a subject of ethnographic research]. *Sovetskaya etnografiya* (Soviet Ethnography), 1996, No. 5, pp. 3–18 (In Russ.).
- Bryzhinsky V. S. *Mordovskie narodnye igry* [Mordovian folk games]. Saransk, Mordovian Book Publ., 2009, 272 p. (In Russ.).
- Bryzhinsky V. S. *Narodnyy teatr mordvy* [Mordvinian Folk Theater]. Saransk, Mordovian Book Publ., 1985, 168 p. (In Russ.).

- Vasilyev A. *Voploshchennaya pamyat': kommemorativnyy ritual v sotsiologii E. Dyurkgeyma* [The embodied memory: a commemorative ritual in sociology of E. Durkheim]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* (Sociological Review), 2014, vol. 3, No. 2, pp. 141–167 (In Russ.).
- Evseviev M. E. *Izbrannye trudy. V 5 t.* [Selected works. In 5 vol.]. Saransk. Mordovian Book Publ., 1966, vol. 5, 552 p. (In Russ.).
- Kornishina G. A. *Traditsionnye obychai i obryady mordvy: istoricheskie korni, struktura, formy bytovaniya* [Traditional customs and rites of the Mordvins: historical roots, structure, forms of existence]. Saransk, Mord. State Pedagogical Univ. Press, 2000, 150 p. (In Russ.).
- Maynov V. N. *Rezul'taty antropologicheskikh issledovaniy sredi mordvy-erzi* [The results of an anthropological research among the Erzya Mordvins]. *Zapiski IRGO po otdeleniyu etnografii* (Proceedings of Russian Imperial Geographical Society: Ethnography). St. Petersburg, A. Suvorin Publ., 1883, 559 p. (In Russ.).
- Maslennikov N. *Iz byta sela Kuchenyaeva, Alatyrskogo uezda Simbirskoy gubernii (1916 g.)* [Kuchenyaevo village of Alatyrsky County (Simbirsk Governorate): sketches of everyday life (1916)]. *Izvestiya obshchestva arkheologii, istorii, etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete* (News of the Society of Archeology, History, Ethnography at the Imperial Kazan University). Kazan, 1916, vol. 29, iss. 4, pp. 188–195 (In Russ.).
- Mashevskaya S. M. *Sotsiologiya dosuga: Uch. Posobie* [Sociology of leisure-time activities: a textbook]. Shuya, Ivanov State Univ. Press, 2014, 103 p. (In Russ.).
- Migunov P. V. «*Olimpiyskie igry*» mordvy «*Tyushtyan' nalksemat — tyushtyan' nalkhksemat*» [The Mordvinian Olympic Games ...]. *Tsentr i periferiya* (Center and Periphery), 2010, No. 1, pp. 40–51 (In Russ.).
- Nikonova L. I. *Mordva Vladimirskoy oblasti: L. I. Nikonova, T. V. Aksenova, T. N. Okhotina, M. M. Fadeeva, E. G. Chibireva; pod red. d-ra ist. nauk, prof. V. A. Yurchenkova, d-ra ist. nauk, prof. L. I. Nikonovoy* [The Mordvins of Vladimir Oblast: L. I. Nikonova, T. V. Aksenova, T. N. Okhotina, M. M. Fadeeva, E. G. Chibireva; ed. by prof. V. A. Yurchenkova, prof. L. I. Nikonova]. Saransk, Humanities Research Institute (Government of Mordovia) Press, 2013, 184 p. (In Russ.).
- Nikonova L. I. *Mordva Dal'nego Vostoka. L. I. Nikonova, L. N. Shchankina, N. N. Avdoshkina, V. P. Savka; pod red. d-ra ist. nauk, prof. V. A. Yurchenkova, d-ra ist. nauk, prof. L. I. Nikonovoy* [The Mordvins of the Far East: L. I. Nikonova, L. N. Shchankina, T. V. Aksenova, T. N. Okhotina, M. M. Fadeeva, E. G. Chibireva; ed. by prof. V. A. Yurchenkova, prof. L. I. Nikonova]. Saransk, Humanities Research Institute (Government of Mordovia) Press, 2010, 312 p. (In Russ.).
- Nikonova L. I. *Mordva Saratovskoy oblasti: L. I. Nikonova, S. A. Makhlov, T. N. Okhotina, V. P. Savka, L. N. Shchankina. pod red. d-ra ist. nauk, prof. V. A. Yurchenkova, d-ra ist. nauk, prof. L. I. Nikonovoy* [The Mordvins of Saratov Oblast: L. I. Nikonova, S. A. Makhlov, T. N. Okhotina, V. P. Savka, L. N. Shchankina; ed. by prof. V. A. Yurchenkova, prof. L. I. Nikonova]. Saransk, Humanities Research Institute (Government of Mordovia) Press, 2013, 252 p. (In Russ.).
- Nikonova L. I. *Mordva Tsirkumbal'skogo rayona i Respubliki Khakasiya / L. I. Nikonova, L. N. Shchankina, T. V. Garmaeva; pod red. d-ra ist. nauk, prof. V. A. Yurchenkova, d-ra ist. nauk, prof. L. I. Nikonovoy* [The Mordvins of Tsirkumbalsky District of Khakassia: L. I. Nikonova, L. N. Shchankina, T. V. Garmaeva, ed. by V. A. Yurchenkova, prof. L. I. Nikonova]. Saransk, Humanities Research Institute (Government of Mordovia) Press, 2010, 268 p. (In Russ.).
- Nikonova L. I. *Ot Adama i Evy do nashikh dnei* [From Adam and Eve to the present days]. Saransk, Mordovian State Univ. Press, 2000, 171 p. (In Russ.).
- Nikonova L. I. *Tayny mordovskogo iselitel'stva* [Mordovian healing secrets]. Saransk, Mordovia Book Publ., 1995, 168 p. (In Russ.).
- Nikonova L. I. *Traditsionnye sposoby sokhraneniya zdorov'ya mordvy: dis. ... kand. ist. nauk* [Traditional health preservation methods of the Mordvins. A Ph. D. thesis]. Saransk, 1993, 231 p. (In Russ.).
- Nikonova L. I., Kandrina I. A., Shchankina L. N. *Traditsionnaya kul'tura sokhraneniya zdorov'ya narodov, prozhivayushchikh v Respublike Mordoviya: istoriko-etnograficheskiy aspekt* [Traditional health preservation culture of peoples residing in the Republic of Mordovia: historical and ethnographic aspects]. Saransk, Penza, Sotsiosfera Publ., 2010, 527 p. (In Russ.).
- Novosti kul'tury. Kul'tura Ruzaevskogo rayona* [News of culture. Culture of Ruzaevsky District]. Available at: <http://kul'turaruzaevskogorayona.rf> (accessed: 10 June 2017) (In Russ.).

- Serov A. A. *Traditsionnye formy dosuga kak sredstvo mezhnatsional'nogo obshcheniya* [Traditional leisure-time activities as a means of interethnic communication]. *Vestnik Saratovskogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta* (Bulletin of Saratov Socio-Economic University), 2007, No. 17 (3), pp. 177–179 (In Russ.).
- Snegirev I. M. *Russkie prostonarodnye prazdniki i suevernye obryady* [Russian folk festivals and superstitious rites]. Moscow, Moscow University Press, 1837, iss. 1, 246 p. (In Russ.).
- UPTMN — *Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda* [Oral-poetic compositions of the Mordovian people]. Saransk, Mordovian Book Publ., 1966, vol. 3, part 1, 384 p. (In Russ.).
- Fedorov A. A. *Vvedenie v teoriyu i istoriyu kul'tury: slovar'* [Introduction to the theory and history of culture: a dictionary]. Moscow, Flinta Publ., 2005, 464 p. (In Russ.).
- Shakhmatov A. A. *Mordovskiy etnograficheskiy sbornik* [A Mordvinian ethnographic collection]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Press, 1910, 848 p. (In Russ.).
- Yurchenkova N. G. *Mifologiya mordovskogo naroda: uch. posobie* [Mythology of the Mordvinian people. A textbook]. Saransk, Krasnyy Oktyabr Publ., 2006, 152 p. (In Russ.).

УДК 39

ТРАДИЦИОННЫЙ ДОСУГ В КУЛЬТУРНО-КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЭТНОМЕДИЦИНЫ МОРДВЫ

Светлана Дмитриевна Трибушина¹

¹ младший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Саранск, Российская Федерация). E-mail: tribushinina85@mail.ru

Аннотация. В настоящее время большое внимание уделяется изучению роли досуга в процессе сохранения этнических традиций и обычаев народов в сфере культуры. Культура включает в себя всю общность исторического развития человечества от экономики до бытовых сторон жизни, социальную, материальную и духовную деятельность людей. К духовной относят область народных знаний, представляющих собой одну из подсистем традиционной культуры. Немаловажными являются знания в сфере этномедицины, где мордва накопила большое количество информации. Ю. В. Бромлей обозначал этномедицину как совокупность методов и средств лечения, используемых в быту тем или иным народом. Л. И. Никонова отмечает, что к народной медицине относятся также способы сохранения организма здоровым, санитарно-гигиенические нормы, профилактика заболеваний. В области этнической медицины досуг выступает как средство профилактики заболеваний и улучшения физической формы человека, оказывая положительное влияние также на эмоциональную сферу. При организации досуга мордва также уделяла внимание не только целительным свойствам отдыха, но и его коммуникативным возможностям. Одним из универсальных путей, форм и способов в области культурной деятельности является коммуникация. Она основана на обработке и трансляции информации, приобретенной человечеством в процессе его жизнедеятельности. Коммуникативная функция культуры заключается в накоплении, хранении и передаче опыта, знаний, традиций, обычаев и др. Досуг включает в себя праздники, игры, посиделки, хороводы, театральные действия и др.

Ключевые слова: коммуникация, этномедицина, мордовцы, досуг, праздник, ритуал, игра, хоровод.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 32, Is. 4, pp. 78–91, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-32-4-78-91
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 902

Burials of Khazar Archers from Dyuker Mound Group

Evgeny G. Burataev¹

¹ Junior Research Associate, Department of History, Archaeology and Ethnology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: burataev1981@mail.ru

Abstract. Within the diverse materials discovered during archaeological surveys in the territory of Kalmykia, burials of early medieval nomads are of utmost interest. Certain features of the burial ceremony, submound pits, backing niches, splendid burial accessories, accompanying livestock burials (horses and sheep) help date some of the burials to the Khazar period. The article considers three burials that in terms of ritual can be referred to the archaeological culture of the Khazar Khaganate. ‘Khazar’ mounds are the ones with burial chambers placed within four-cornered pits. It is noteworthy that so far most of such few burials of horsemen have been found in the Kalmyk steppe.

The burials were discovered in 1982 during rescue excavations along the route of the Principal Kalmyk Channel. The mound group was named ‘Dyuker’. The field works over, no archaeological survey report was submitted to the Field Studies Department of Institute of Archaeology (RAS) that exercised academic control over the excavations to facilitate high methodological standards. Nowadays the report is just a manuscript containing neither photographs nor schemes.

With evidence from the manuscript part of the 1982 archaeological survey report, the work identifies three burials as those of the Khazar period and describes the burial facilities (submound pits, graves), the burials as such, and accompanying accessories analysis of which made it possible to conclude about the social status and professional activities of the buried individuals. The paper also studies the mutual spatial arrangement of human and animal remains within the graves and provides a situational layout of the burial field. Moreover, findings from the burials have been identified, partially restored and taken pictures of in the depository of Kalmykia’s National Museum.

The performed work attempted to eliminate the historiographic gap in studies of Khazar monuments within the mentioned burial site. The survey outcomes shall facilitate deepening of our knowledge about the Khazars and their culture.

Keywords: Khazars, mounds, submound pit, Kalmykia, archaeology.

Археологические памятники Волго-Манычских степей, в основном совпадающих с территорией современной Республики Калмыкия, являются ключевыми в целом ряде проблем изучения древней истории Восточноевропейских степей. В эпоху раннего средневековья эта территория входила

в домен Хазарского каганата, и поэтому археологические памятники, открытые здесь, рассматриваются как принадлежащие этническим хазарам. К сожалению, количество погребений хазарского времени остается до сих пор малочисленным. В своей сводке Е. В. Круглов отметил, что из порядка

2 000 исследованных курганов на территории Волго-Маньчских степей 38 можно связать с эпохой Хазарского каганата [Круглов 1990: 159]. В число учтенных погребений вошли три погребения из курганной группы *Дюкер*. Погребения были известны исследователю по тексту рукописи, так как полевой отчет в Отдел полевых исследований Института археологии РАН (ОПИ ИА РАН)¹ автором раскопок сдан не был. В архиве КалмНЦ РАН хранится рукописная часть отчета, без чертежей и фотографий [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29].

Судя по описанию курганов и погребений в рукописи отчета, полевая документация во время раскопок велась. Фото пленки и полевые чертежи найти не удалось, но автором статьи выявлены находки в фондах Национального музея Республики Калмыкии, а также антропологические материалы (кости человека и животных) в фондохранилище КалмНЦ РАН из указанных хазарских погребений курганной группы *Дюкер*. Прделанная поисковая работа позволила подготовить публикацию трех погребений хазарского времени, в двух из которых найдены костяные обкладки луков.

В 1982 г. археологическая экспедиция Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии и экономики (КНИИИФЭ) под руководством Е. В. Цуцкина вела раскопки археологических объектов в зоне I-й очереди строительства Калмыцко-Астраханской рисовой оросительной системы на территории Октябрьского района Калмыцкой АССР. Курганная группа *Дюкер* располагалась в 6,5 км к югу от п. Джангар Октябрьского района Калмыцкой АССР. Свое название группа получила от построенного в 2 км к ЮЮЗ от пересечения Калмыцкого магистрального канала (КМК) Главного сбросного коллектора, именуемого в гидростроительстве «дюкером».

По описанию текста отчета была проведена реконструкция расположения курганов по отношению друг к другу, чтобы примерно составить представление о характере расположения курганной группы *Дюкер* на местности (рис. 1). Курганы группы располагались в виде четырех очень плотных скоплений по обеим сторонам магистрального канала, прокопанного по линии Север-

ро-Запад — Юго-Восток. Три скопления располагались с восточной стороны, одно (четвертое) — с западной стороны канала.

Первое скопление — из пяти небольших курганов (№№ 20, 21, 18, 19, 17), расположенных почти в одну линию на расстоянии друг от друга. Ко второму скоплению относятся три небольших кургана, расположенных в виде полудуги, также разреженно (№№ 11, 15, 16). Третье скопление состояло из 13 курганов, расположенных на близком расстоянии друг от друга, в виде плотного скопления (№№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14). Среди них выделялся размерами курган 10, диаметром — 21,5 м, высотой — 0,65 м.

Четвертое, наиболее многочисленное скопление, находилось на расстоянии в 260 м от первых трех и состояло из 11 курганов (№№ 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32). Самым крупным среди них был курган 27, представлявший собой два кургана со слившимися насыпями. Диаметр обеих насыпей был почти одинаковым — 34 м, 31 м. В двух насыпях открыто 11 разновременных погребений.

В целом, курганная группа *Дюкер* насчитывала 32 насыпи, 8 из которых оказались холмиками естественного происхождения. Из 32 объектов, как сказано выше, 25 оказались курганами, сооруженными в период с 3 тыс. до н. э. по XIV в. н. э. В исследованных курганах открыто 47 погребений, из них только 3 датированы автором как хазарские: это основное погребение № 1 кургана 15 и два впускных погребения — № 6 кургана 27 и № 5 кургана 31 [НА КалмНЦ. РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29]. Насыпи этих погребений расположены во втором (к. 15 п. 1) и четвертом (к. 27 п. 6; к. 31 п. 5) скоплениях курганов группы. Курган 15 с единственным погребением располагался немного в стороне от двух других погребений хазарского времени.

Курган 15 располагался во втором скоплении, у северного края группы *Дюкер*. По данным отчета центр кургана 15 удален на 47 м к северо-востоку от центра кургана 16. Насыпь кургана 15 округлой формы с размерами 17 м по линии Север-Юг и 19 м по линии Восток-Запад. Высота насыпи 0,30 м. Поверхность была хорошо задернована и имела четкие очертания. Вершина кургана уплощена.

В насыпи кургана был прослежен квадратной формы ровик, заглубленный в мате-

¹ Научный совет ОПИ ИА РАН рассматривает все научные отчеты о проведении археологических работ на территории России.

рик, в котором были найдены пять черепов лошади. Дно ровика находилось на глубине от -9 см до -27 см в материке. Наиболее отчетливо ровик прослежен в северном и южном секторах. Северный ровик имел размеры 18 м по линии Восток–Запад и 9 м по линии Север–Юг. Южный ровик меньших размеров — 19 м по линии Восток–Запад и 6 м по линии Север–Юг. Таким образом, можно реконструировать, что квадратный ровик имел стороны длиной 18 – 19 м.

В заполнении северо-восточного участка ровика было найдено три черепа лошадей. Череп, встреченный в северо-западной части, лежал на основании верхней челюсти сводом вверх мордой к западу. Свод черепа находился на глубине 48 (-16) см. Череп, лежавший в юго-восточной части, располагался на левой стороне, мордой на юг. Правая сторона находилась на уровне — 59 (-27) см. Посреди них лежал череп на основании верхней челюсти сводом вверх, мордой к ЮЮЗ. Уровень верхней точки черепа составлял 41 (-9) см.

В заполнении западной части ровика на уровне — 56 (-23) см были найдены остатки черепа, обращенного мордой на север, и ребра лошади.

Южнее, в $0,80$ м от этого скопления костей, на верхней челюсти лежал еще один череп лошади сводом вверх и мордой к ССВ. Вокруг него было несколько лошадиных ребер и часть лопатки. Данное скопление костей залегало на уровне 59 (-27) см. Примечательно, что все пять черепов лошадей из подкурганного ровика были без нижних челюстей. В кургане открыто одно погребение, датированное хазарским временем.

Погребение № 1. Основное.

В центре пространства, ограниченного подкурганном ровиком, в юго-западном секторе кургана обнаружено могильное пятно прямоугольной формы. Длина пятна — $2,16$ м, ширина — $0,7$ м. Длинной осью пятно ориентировано по линии В–З с незначительным отклонением по часовой стрелке.

Длинные северная и южная стенки входной ямы — прямые. Восточная и западная стенки слегка вогнуты наружу и имели округлые углы в местах соединения с длинными стенками. Вдоль южной стенки входной ямы был сделан подбой овальной формы, ориентированный так же, как и входная яма. Длина подбоя — $2,30$ м, ширина — $0,80$ м. От входной ямы подбой отделяется

ступенькой высотой $0,14$ м. Дно входной ямы находилось на уровне 170 (-138) см, подбоя — 192 (-160) см. Потолок подбоя находился на высоте $0,60$ м от дна подбоя.

На дне подбоя лежал скелет взрослого человека на спине вытянуто с разворотом на правую сторону головой к западу. Череп — на правом боку, лицевой частью обращен к югу, к стене подбоя. Верхняя точка черепа на уровне 178 (-146) см. Левая рука плечевой костью обращена вдоль корпуса, согнута в локте под прямым углом и предплечьем и лежит поперек туловища. Кости левой кисти не сохранились. Правая рука плечевой костью ориентирована перед грудью и согнута до предела в локте так, что предплечье оказалось параллельным плечевой кости. Кисть правой руки находилась под подбородком. Позвоночный столб слегка выгнут в верхней части в сторону спины. Корпус слегка развернут вправо, и ребра левой стороны грудной клетки слегка перекрывали правые.

Кости таза лежат также с разворотом вправо. Правая нога была слегка согнута в тазобедренном и коленном суставе, лежала на боку. Стопа носком обращена вниз и вперед относительно скелета. Уровень залегания костей стопы — 181 (-149) см. Левая нога была поджата, т. е. согнута под прямым углом в тазобедренном суставе, и под острым углом в коленном. Кости левой стопы располагались у внутренней средней части правых берцовых, носком вниз.

Во входной яме, на ступеньке, лежали череп и кости конечностей лошади. Расположение костей свидетельствует о том, что в могилу была положена шкура лошади с черепом и конечностями.

Череп лошади лежал в западном конце ступеньки по оси входной ямы сводом вверх и мордой на запад. Уровень свода черепа — 153 (-121) см. В ротовой полости черепа лошади — остатки железных удиц.

Рядом, с правой стороны затылка черепа лежали перекрещенные кости передних ног. Кости ноги, лежащей внизу на уровне 170 (-138) см, были ориентированы по оси ямы копытом на запад. Кости ног, лежащие выше на уровне 171 (-139) см, были ориентированы по диагонали ямы копытом на северо-запад. У верхних частей передних ног лежали два фрагмента железного стремена.

Кости задних конечностей лошади лежали в восточной части подбоя и, видимо, сползли туда со ступеньки. Располагались

вдоль ступеньки в 20 см к югу от нее на уровне 182 (–150) см. Кости задних ног, как и передние, перекрещены: одна кость ориентирована по оси ямы копытом на запад. Вторая лежала поперек, по диагонали ямы, копытом на Северо-Запад наклонно, так, что копыто находилось на уровне 167 (–136) см, а верхняя часть ниже на отметке 181 (–149) см.

В восточной части подбоя, отчасти захватывая край ступеньки вместе с костями нижних конечностей ног лошади, были положены череп и кости овцы. Состав и расположение костных останков свидетельствует о том, что в могилу была положена полная шкура овцы с черепом и конечностями. Череп овцы лежал сводом вверх на уровне 167 (–135) см на самом краю ступеньки на нижней челюсти, мордой на запад. Основание черепа находилось в 45 см к западу от восточной стенки могилы.

Между черепом овцы и восточной стенкой могилы на краю ступеньки лежали кости передних конечностей овцы параллельно друг другу, ориентированные по оси ямы на уровне 168 (–136) см копытами на запад.

Кости копытной части ноги, расположенные с северной стороны, лежали поодаль в 10 см к северо-западу и дальше вглубь ступеньки. Это свидетельствует о том, что первоначально кости животных, найденные в восточной части подбоя, лежали на ступеньке, а затем сползли в подбой.

Кости задних конечностей овцы лежали ниже, на уровне 76 (–144) см в 10 см южнее костей передних ног овцы. Ориентированы кости задних ног также вдоль оси ямы, копытами на запад, под небольшим углом друг к другу. Копыта залегали под костью задней ноги лошади.

В могиле найдены следующие предметы:

1. Сосуд черноглиняный (рис. 3), плоскодонный, с выпуклым туловом и небольшим отогнутым венчиком, украшенным защипами, стоял на уровне 194 (–162) см у северного края скопления костей в 20 см к СВ от черепа человека. Край венчика в одном месте обломан в древности.

2. Лезвие железного ножа, которое лежало на кости ноги овцы между деовой плечевой костью и основанием ступеньки подбоя на уровне 185 (–153) см. Длина ножа — 17 см, ширина — 2 см. На черешковой части длиной 4 см сохранились следы дерева. Поверхность лезвия имеет два вздутия

окислов. Черешком нож обращен к левой плечевой кости.

3. Костяные обкладки лука, находившиеся у южной стенки подбоя в его восточной половине. У средней части южной стенки подбоя перпендикулярно к ней на уровне 187 (–165) см лежали двойные обкладки оконечности лука, концевой частью обращенные к стене (рис. 4). У внутреннего сгиба левого колена вдоль берцовых костей лежали обкладки средней части лука (рис. 5). У пяточной кости левой стопы по диагонали подбоя лежали обкладки другой оконечности лука на уровне 189 (–167) см. Разрезами обкладки обращены друг к другу. Расстояние между основаниями концевых обкладок 0,70 см. Срединные обкладки лежали посредине длины между концевыми обкладками. Немного в стороне от ног, поперек правой берцовой кости, лежала еще одна деталь костяных обкладок лука. Узкой частью обкладка направлена к южной стенке подбоя.

4. Костяная подвеска, лежавшая снаружи у левого локтя, в 6 см на север. Размеры подвески — 2,5x1,5 см. Диаметр отверстия — 0,5 см.

5. Железный наконечник стрелы с остатками древка, лежавший на груди человека острием к черепу. Длина стрелы — 6 см, ширина — 3 см. Длина обломка древка 3,5 см.

Кроме инвентаря, в погребении были найдены остатки заупокойной пищи в виде костей животных:

1. Позвонки и крестец лошади в анатомическом порядке находились у западной стенки подбоя в ЮЗ углу.

2. Часть позвоночного столба и ребро овцы находились также в естественном сочленении.

3. Ребра лошади там же, за головой погребенного. Одно ребро лежало на сосуде, другое — у затылка черепа человека, касаясь его, четыре ребра лежали под костью ноги лошади поперек подбоя.

4. Кость ноги лошади, вероятно, сползшая со ступеньки, лежала за черепом человека.

5. Кость ноги ягненка, которая лежала за пяточной костью левой стопы, в 5 см на север, рядом с костяной обкладкой лука, на дне подбоя.

Курган 27 находился в четвертом скоплении курганов группы *Дюкер*. Курган удален на 36 м к юго-западу от центра кур-

гана 23 и на 48 м к ЮЮЗ от центра кургана 29. Курган 27 представляет собою комплекс из двух слившихся между собою насыпей (слившимся курганам был присвоен один общий номер 27). Насыпи обоих курганов сильно расползшиеся и по размерам почти идентичны. Расстояние между центрами насыпей составляет 25 м. Поверхность хорошо задернована и покрыта редкой полынной растительностью. К погребению хазарского времени имеют отношение обнаруженные в насыпи восточного кургана следы подкурганного ровика. След подкурганного ровика хорошо был замечен в профиле бровки восточного кургана. В плане ровик имел округлые очертания, охватывая центральную часть кургана. На отдельных участках ровик имел прямые отрезки, образуя на стыках заметные углы. Ширина ровика на различных участках колеблется: от 1,75–2 м до 0,75 м. Глубина так же варьировалась: в северной части — до 1,23 м от «0», в восточной — до 1,7 м, в южной части — до 1,18 м, в западной — до 1,35 м от «0».

В заполнении ровика встречены скопления костей животных и отдельные фрагменты керамики. Тип керамики и вид животных в полевом отчете не указаны, что затрудняет привязку ровика к какому-либо погребению. Дело в том, что к хазарскому времени отнесено погребение № 6. Сооружение подкурганного ровика прослежено в восточной части кургана 27, а рассматриваемое нами погребение было открыто в западной части, где следы подкурганного ровика найдены не были. Всего в двух (восточной и западной) насыпях открыто 11 погребений, сооруженных в период катакомбного, срубного, сарматского и позднекочевнического времени. Из них в восточной насыпи открыто 6 погребений (п. 2; 3; 4; 5; 8; 11), древнейшее из них — погребение № 8 катакомбной культуры бронзового века. В западной насыпи — 3 погребения (п. 6; 7; 9), из них погребение № 7 — срубной культуры. К западной насыпи привязаны еще 2 погребения, совершенные в перешейке между насыпями (п. 1; п. 10), где погребение № 1 — срубной культуры. Согласно отчету, сооружение подкурганного ровика связано с погребением № 8 [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29].

Погребение 6. Впускное

Обнаружено под центральным колом западного кургана. Входная яма отчетливо выделялась в профиле центральной бровки

с северной стороны. В плане входная яма имела овальную форму длиной 1,95 м и шириной 0,55 м. Длинной осью входная яма ориентирована по СЗЗ–ЮЮВ.

Дно входной ямы находилось на глубине –228 см от уровня «0» и –168 см от уровня погребенной почвы.

Подбой был сделан в юго-западной стенке входной ямы. В плане он имел форму, близкую к овальной. Его длина — 2,20 м, ширина — 0,3 м в средней части. Ориентирован подбой длинной осью так же, как и входная яма, по оси СЗЗ–ЮЮВ.

Внешняя стенка подбоя выпуклая, внутренняя, ограниченная ступенькой, и слегка вогнута. Дно подбоя ниже уровня дна входной ямы на 0,45 м.

В засыпи входной ямы встречены кости ноги крупного животного и позвонки овцы. Вход в подбой был закрыт деревянными плашками, поставленными вертикально с наклоном верхней части в сторону подбоя.

На дне подбоя был обнаружен скелет мужчины зрелого возраста, лежащий на спине, вытянуто, головой на ЮЮВ, лицевой частью вверх. Череп погребенного имел монголоидные черты и хорошо развитую глабеллу. Нижняя челюсть была полуоткрыта. Корпус располагался прямо на спине, левая и правая его части симметричны относительно друг друга. Левая рука ориентирована плечевой частью вдоль корпуса, слегка согнута в локте, предплечье отведено в сторону от туловища. Кисть выпрямлена и лежала ладонью вниз.

Правая рука плечевой частью ориентирована вдоль корпуса, слегка согнута в локте так, что основание предплечья располагалось над средней частью тазовых костей. Под костями шейных позвонков найдена губчатая кость, видимо, нарост позвоночника.

Кости таза располагались развернуто, симметрично по линии ориентировки скелета. Кости ног вытянуты параллельно друг другу так, что колени и стопы соприкасались.

Описание инвентаря

1. Сосуд с отогнутым, орнаментированным пальцевыми зажимами венчиком (рис. 6), стоял между юго-восточной стенкой подбоя и черепом погребенного, устьем наклонно к черепу.

2. Нож железный располагался внутри сосуда в вертикальном положении.

3. Наконечники стрел, железные, отмечены между костями левого предплечья и левым крылом таза. Один из наконечников был ориентирован в сторону головы умершего, ориентировку остальных наконечников установить не удалось.

4. Обкладки лука (костяные) располагались на скелете. В области верхней части груди и на левой берцовой кости располагались двойные костяные оконечности лука длиной около 20 см, обращенные прорезью внутрь друг к другу. На верхней части правой бедренной кости, параллельно ей, лежали двойные костяные обкладки средней части лука длиной 17 см (рис. 7). Внутренней стороной обкладки были обращены наружу, к северу. Расстояние между концами крайних обкладок 1,15 см. Срединные обкладки располагались на одинаковом расстоянии от концевых обкладок.

5. Деревянный предмет в виде бруска, квадратного в сечении. Найден за черепом в 6 см от него.

6. Деревянное блюдо прямоугольной формы на трех ножках, длинной осью ориентированное по СВ–ЮЗ, стояло на дне подбоя в северо-восточном углу, справа от черепа погребенного. Размер сохранившейся части блюда 40x23 см.

7. Фрагмент железного предмета в виде расщепленного надвое стержня лежал в 5 см на север от правого колена.

8. Фрагменты расслоившегося железного предмета находились у северо-западной стенки подбоя на дне.

9. Фрагмент железного предмета лежал в 45 см на север от правого колена.

10. Остатки деревянного предмета в виде плоской дощечки находились у правой ступни с севера (седло?).

11. Плашки плоские лежали вдоль северо-западной стенки подбоя ближе к северному углу. Видимо, остатки перекрытия.

12. Пряжка железная прямоугольная, лежала севернее в 6 см от средней части правой бедренной кости.

13. Бляшка бронзовая из засыпи подбоя (рис. 9).

14. Бляшка из металла, покрытого голубоватыми окислами, обнаружена под нижней челюстью (рис. 10).

15. Стремена лежали плашмя друг на друге между правым крылом таза и северо-восточной стенкой подбоя. Стремя дужкой ориентировано на северо-запад, другое — на ЮЮЗ.

16. Под дужкой стремени обнаружено костяное навершие, округлой формы с небольшими гранями (рис. 8).

17. Кусочек фольги из металла, покрытого голубоватыми окислами.

18. Фрагмент железного предмета из области груди.

19. Фрагменты дерева по обеим сторонам позвоночника.

20. Остатки ткани, между правой плечевой костью и туловищем.

21. Фрагмент железного предмета, лежал под основанием левой берцовой кости.

22. Фрагмент железного предмета в стенке северного угла подбоя.

23. Часть железных кольчатых удил под стременем.

24. Фрагмент деревянного гребня.

25. Остатки черешков стрел.

26. Фрагмент железного предмета, лежал рядом с черепом ягненка в 5 см на восток.

27. У северо-восточной стенки подбоя, ближе к северо-западной стенке, на уровне –372 (–212) см отмечены следы кожи.

На дне подбоя, от черепа ягненка в направлении на запад, сохранился след деревянной плашки.

Наряду с предметами в могилу была положена заупокойная пища:

1. Крестец лошади: лежал на деревянном блюде с северо-восточной стороны края блюда.

2. Часть позвоночного столба овцы: лежала параллельно оси подбоя в средней части того же блюда.

3. Позвонки овцы: лежали у черепа погребенного, на южном крае блюда, лежали.

4. Череп овцы: лежал около блюда, с западной стороны, вплотную у правой плечевой кости погребенного, мордой на СВВ, на левой стороне лежал.

5. Кость ноги овцы: лежала на дне могилы у правого локтя погребенного, горизонтально, копытом на северо-запад, лежала.

6. Черепа хорьков лежали между северным краем блюда и северо-восточной стенкой подбоя.

7. Один череп суслика лежал на блюде, другой — в 17 см севернее правого локтя погребенного на дне ямы. Рядом, в 7 см южнее от него, ближе к правому локтю погребенного лежали две нижние челюсти суслика. Черепа хорьков и сусликов черного цвета, как будто обугленные.

8. Кости ягненка: обнаружены в разных местах подбоя в северо-западной половине: у правого тазобедренного сустава, в западной стенке подбоя.

9. Кости ноги овцы: лежали в средней части подбоя горизонтально, поперек осевой линии подбоя под спиной погребенного копытом к ЮЮЗ.

10. Кости ноги овцы: лежали под берцовыми костями погребенного у западного угла подбоя горизонтально, поперек осевой линии подбоя, копытом на ЮЮЗ.

11. Череп ягненка: лежал на дне подбоя, в 20 см севернее правого колена погребенного, на правом боку, мордой на юг.

12. Кость ноги овцы: находилась у черепа ягненка в 5 см к северо-западу горизонтально по линии Восток-Запад.

Курган 31 располагался в четвертом скоплении группы *Дюкер* и был одним крайних в этой части могильника. Его центр удален на 33 м к северо-востоку от центра кургана 39 и на 23 м к западу от центра кургана 32.

Насыпь кургана 31, сильно расползшаяся, округлой в плане формы, диаметром 16 м, высотой 0,30 м от уровня современной поверхности. Поверхность кургана покрыта редкой растительностью.

Подкурганый ровик прослеживался в западном секторе кургана. В восточном секторе, несмотря на целенаправленные поиски, в плане ровик визуально не наблюдался. Лишь в профиле восточной стенки центральной бровки были видны разрезы ровика.

В западном секторе северная часть ровика в центральной бровке с северной стороны проходила между отметками 1,65 м на С от «0» и 2,5 м на С от «0». Дно ровика в этом месте достигало уровня 68 (–38) см. Ровик полосой шириной 0,85 м проходит на запад и в 2,25 м к западу от центральной оси кургана под тупым углом поворачивает на юго-запад. Юго-западная часть ровика имеет ширину 0,60 м и длину по внутренней стенке 3,5 м. Уровень дна его в разрезе западной стенки профиля западной бровки достигает — 101 (–71) см.

Южная часть подкурганного ровика была видна в западной стенке центральной бровки между отметками 3,25 м на Юг от «0» до отметки 4 м на Юг от «0». Ровик шириной 0,70 м проходил полосой на СЗЗ, расширяясь на отметке 0,95 м в СЗЗ части. Протяженность ровика от центральной оси кургана составляет 4,80 м. В СЗЗ части ро-

вик слегка загибается к северу, к юго-западному концу северной части ровика, но не сливается с северной частью ровика. Разрыв в ровике составляет 0,60 м. Дно ровика в его разрезе западной стенки профиля центральной бровки достигает уровня 171 (–141) см, в восточной стенке профиля западной бровки уровень дна ровика составляет 88 (–58) см.

В юго-западном конце северной части ровика на дне на глубине 107 (–77) см найдена расположенная в анатомическом порядке часть позвоночного столба овцы и хвостовая часть с крестцом, лежавшие горизонтально по линии СЗЗ-ЮВВ.

Внутри пространства, ограниченного подкурганым ровиком, обнаружено 6 погребений, датированных автором эпохой бронзы, и одно погребение хазарского времени. Хазарским временем датировано погребение № 5.

Погребение № 5. Впускное.

Находилось в юго-западном секторе кургана, у его центра в 0,60 м к ЮЗ от «0». Пятно входной ямы длиной 2,05 м, шириной 0,6 м в восточной и 0,42 м в западной части было ориентировано длинной осью по линии СЗЗ-ЮВВ. Северо-северо-восточная и юго-юго-западная стенки — прямые. ЮВВ стенка — округлая, причем северо-западный угол имеет более округлые очертания. СЗЗ стенка имеет прямой западный угол и сильно округлый северный. Поэтому форма входной ямы в плане несколько трапециевидная.

Дно входной ямы находилось на уровне 203 (–173) см. Вдоль ЮЮЗ стенки был сделан подбой, дно которого находилось на одном уровне с дном подбоя. Длина подбоя 2,15 м, ширина в средней части — 0,70 м. Высота потолка — 0,5 м от уровня дна.

На дне подбоя вытянуто на спине головой на СЗЗ лежал скелет взрослого человека. Череп лежал на затылке, лицевой частью вверх на уровне 198 (–168) см. Нижняя челюсть была полуоткрыта. Корпус располагался на спинной части, в основании был подвинут вправо, к стене подбоя.

Левая рука слегка согнута в локте, локтевой сустав находился немного в стороне от корпуса, основание предплечья и кисть лежали на тазобедренном суставе. Правая рука располагалась вдоль корпуса.

Кости таза лежали прямо. Кости ног вытянуты параллельно друг другу. Стопы сближены между собой, но не соприка-

сались. Они располагались на уровне 199 (–169) см.

На дне входной ямы лежал костяк лошади. Череп лошади лежал в северо-западной части подбоя на левой стороне мордой на СЗЗ. Уровень правой стороны черепа — 199,5 (–169,5) см. В зубах находились Х-видные железные удила. Длина псалиев — около 25 см.

В юго-восточной части входной ямы лежали кости ног лошади. Передняя нога располагалась по диагонали входной ямы копытом на северо-запад. Основание верхней части костей ноги располагалось на уровне 211 (–181) см. Вторая передняя нога лежала рядом, ближе к северо-восточному углу ямы, на боковой поверхности, углом согнута под тушу и копытом обращена к ССВ стенке. На ней лежали кости задней ноги основанием на уровне 203 (–173) см. Нога была ориентирована по линии СВ–ЮЗ, копытом на северо-восток. Южнее, в 10 см на том же уровне, лежала вторая, ориентированная по оси ямы задняя нога лошади, копытом на СЗЗ. Копыто ее лежало на верхней части передней ноги лошади.

В 15 см к СВВ от копыта задней ноги лошади лежал позвонок хвоста лошади. Остальные кости хвоста лошади встречены в восточной части входной ямы при исследовании дна могилы.

Южнее черепа лошади в 3 см лежали череп и кости конечностей овцы. Череп ориентирован на северо-запад. Черепная крышка находилась на уровне 199 (–169) см. Передняя нога овцы находилась в 13 см к юго-востоку от черепа, ориентирована по линии Северо-Запад — Юго-Восток, копытом на юго-восток. Вторая передняя нога располагалась у левого колена погребенного по линии ССЗ–ЮЮВ, копытом на ЮЮВ. Задние ноги находились в юго-восточной части подбоя на уровне 209 (–179) см, между левыми берцовыми костями человека и копытом задней ноги лошади. Задняя нога, лежащая с южной стороны, ориентирована по линии Восток–Запад копытом на восток. Задняя нога овцы лежала с северной стороны и была согнута под прямым углом. Длинной костью ориентирована по линии Северо-Запад–Юго-Восток, нижней частью к юго-востоку, копытом на северо-восток.

Между левым предплечьем и передней ногой овцы в средней части могилы на границе подбоя и входной ямы в анатомическом порядке лежал позвоночный столб

ягненка с изгибом к предплечью. В верхней части позвоночного столба сохранились ребра и правая лопатка. Череп ягненка лежал рядом с северной стороны у передней ноги овцы, на правой стороне, мордой к СВВ. Кости правой стороны черепа ягненка находились на уровне 206,5 (–176,5) см. Восточнее, между позвоночным столбом ягненка и второй передней ногой овцы, вдоль левой бедренной кости, лежали в беспорядке кости конечностей ягненка. Одна из них встречена в 45 см севернее в средней части дна входной ямы.

В могиле встречен следующий инвентарь.

1. Сосуд (пл. 1): лепной, черноглиняный, с отогнутым венчиком, орнаментирован пальцевыми защипами, стоял на уровне 203 (–173) см, вплотную к левой стороне черепа человека в северо-западной части могилы.

2. Лезвие железного ножа и кости: найдены в сосуде.

3. Стремя железное, в обломках: лежало на дне средней части могилы (рис. 11).

4. Остатки деревянного седла: лежали в средней части дна входной ямы.

5. Фрагменты железного предмета: лежали на дне входной ямы в ЮЮВ половине.

Помимо костяков животных во входной яме, в могилу была положена заупокойная пища:

1. Позвонки овцы: рядом с сосудом в СЗЗ части дна входной ямы. Два из них находились в сочлененном состоянии.

2. Кость ноги овцы с альчиком: прилежала к сосуду с северо-восточной стороны, тазобедренным суставом обращена на северо-запад.

3. Основание позвоночного столба овцы с копчиком: располагалось по оси могилы от сосуда вдоль левой плечевой кости погребенного до локтевого сустава. Копчиком ориентировано к ЮЮЗ, передней частью на северо-запад, упираясь в сосуд.

4. Часть позвоночного столба овцы: лежала с северной стороны позвоночного столба погребенного.

5. Крестец лошади: лежал по оси могилы на левой плечевой кости человека, своей передней частью к локтевому суставу погребенного.

6. Позвонки лошади: находились под верхней частью позвоночного столба овцы.

Рассмотрим погребальный обряд публикуемых погребений.

Наибольший интерес представляет курган 15, возведенный в хазарское время. В насыпи кургана был устроен углубленный в материк подкурганый ровик, в центре которого находилось единственное в этом кургане погребение. В заполнении ровика найдено скопление пяти лошадиных черепов без нижних челюстей. Могила подбойная, со ступенькой, на которой лежали кости коня, все эти признаки являются наиболее характерной этнокультурной особенностью хазарских погребений Волго-Манычских степей [Плетнева 1981: 171].

Выраженный подкурганый ровик найден и при исследовании кургана 31, впускное погребение № 5 было также сооружено в пространстве ограниченным подкурганым ровиком. В заполнении ровика обнаружены следы тризны (?) — кости овцы.

В отличие от перечисленных погребений погребение, № 6 кургана 27 не имело подкурганного ровика. Данное погребение отличается рядом особенностей: хотя погребение не имело связанного с ним подкурганного ровика, однако следы такового обнаружены в восточном кургане, напомним, что курган 27 состоял из двух слившихся между собой насыпей (расстояние между центрами насыпей составляло 25 м); имелось перекрытие, отделявшее подбой от входной ямы; отсутствовал костяк коня во входной могиле, кости лошади (крестец) встречены в качестве заупокойной пищи; положение погребенного — головой на юго-восток. Но набор предметов аналогичен с набором из других двух погребений. По разнообразию и числу находок инвентарь погребения выглядит несколько богаче других погребений в нашем ряду.

Положение погребенных во всех могилах вытянуто на спине, головами на северо-запад (к. 31 п. 5); юго-восток (к. 27 п. 6); запад (к. 15 п. 1). По мнению С. А. Плетневой, это может говорить о том, что погребенный — мужского пола. Об этом также свидетельствует инвентарь погребений: воинов хоронили с оружием. В женских и детских захоронениях погребенные в большинстве случаев лежат скорченно на правом или левом боку [Плетнева 1981: 69].

Комплекс могильного инвентаря выделенных погребений в целом аналогичен между собой и представляет некий стандартный набор вещей. Рассмотрим предметы, входившие в этот комплекс.

Два погребения (к. 27 п. 6; к. 15 п. 1) имели в инвентаре глиняные сосуды. Оба сосуда ручной лепки, без орнамента, имеют плоское дно, выпуклые бока, отогнутый наружу венчик, орнаментированный пальцевыми вмятинами (защипами). Обжиг неровный, цвет поверхности — желто-серый, пятнистый (рис. 3, 6). Сосуды описанного типа широко распространены на территории всей салтово-маяцкой культуры [Плетнева 1967: 104].

Из железных предметов, к сожалению, можно выделить лишь стремя. Остальные находки из железа (наконечники стрел, стремя, удила) в настоящий момент представляют собой отдельные, бесформенные фрагменты предметов и реставрации не подлежат. Находки стремян встречены во всех трех захоронениях, однако из интересующих нас погребений до наших дней дошло лишь одно стремя. Это стремя из погребения № 5 кургана 31. По классификации Г. А. Федорова-Давыдова, их можно отнести к типу Б II, с узкой плоской подножкой на трех прутьях, характерный контур — арочный. Они встречаются в памятниках салтовской культуры VIII–X вв. [Федоров-Давыдов 1966: 11–14]. Холодное оружие погребений представлено железными ножами, которые были положены неподалеку или были, видимо, воткнуты в сопроваждавшую умершего пищу.

Конфигурация срединных и концевых костяных обкладок на лук указывает на наличие сложносоставного лука в исследуемых погребениях. На территории Восточной Европы появление такого лука связано с приходом племен скифов. Проанализировав аналогичные накладки, Е. В. Круглов в своей выборке делает вывод о типологическом положении сложных луков между хуннским и тюркским луком [Круглов 1990: 160]. Обкладки лука найдены на берцовых, пяточных костях и в районе колен погребенных, т. е. первоначально лук был положен на умершего. Стрелы располагались на груди погребенных, как это было в погребениях № 1 кургана 15 и № 6 кургана 27, где наконечники стрел отмечены между костями левого предплечья и левого крыла таза. Острие стрелы в обоих случаях было направлено на череп человека. В погребении № 5 кургана 31 следов обкладок лука, как и находок наконечников стрел, прослежено не было. Находки данного типа вооруже-

ния могут говорить о том, что умершие при жизни были лучниками, наличие стремян и костяков коня в могилах может свидетельствовать о конных лучниках. К тому же, ни в одном погребении не найдено сабель или мечей, хотя сабли были типичным оружием степного воина. Очевидно, либо сабля была очень дорогим видом оружия и положить ее в могилу позволила бы себе не каждая семья, либо клинок просто передавался по наследству. К тому же, инвентарь рассмотренных погребений в целом особым богатством не отличался. Таким образом, погребенных вполне возможно назвать конными лучниками, занимавшими среднее положение в своем обществе.

На сегодняшний день к перечисленным Е. В. Кругловым памятникам хазарского времени также можно отнести одно поселение Башанта I, Башанта II, материал которого относится к салтово-маяцкой культу-

ре [Круглов 1990: 167; Очир-Горяева и др. 2006: 24], и грунтовый могильник близ села Джалыково Лаганского района Республики Калмыкия (рис. 2). Судя по карте распространения хазарских памятников, можно отметить, что раннесредневековых памятников рассмотренного нами типа исследовано довольно много. Однако все же большая часть территории республики остается неисследованной, к тому же выделенные погребения были открыты в результате сплошных раскопок спасательного характера. Значимость региона для дальнейшего исследования хазарской культуры была подчеркнута С. А. Плетневой в «Очерках хазарской археологии», где исследователь приводит в пример находку рунического письма, прочерченного на лобных костях быка [Плетнева 2000: 205]. Таким образом, перспектива дальнейшего изучения хазарских древностей видится нам вполне реальной.

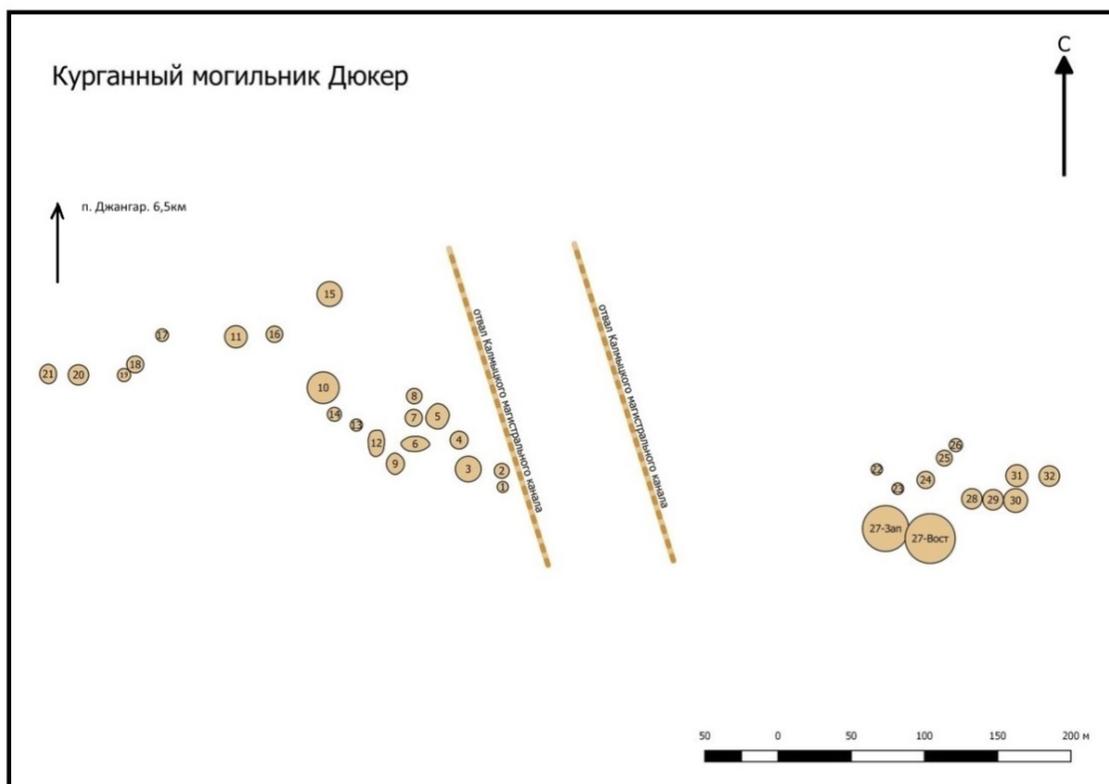

Рис. 1. План могильника Дюкер. 1982 г.

Рис. 2. Карта распространения памятников хазарского времени: Три Брата I, к. 13, к. 18.; Три Брата II, к. 7; Элиста III, к. 23 п. 2; Восточный Маныч IV, к. 19; Кермен Толга 1970, к. 1 п. 11а; Купцын Толга, к. 14; Гува I, к. 8; Ханата, к. 9 п. 1; Большой Царын, к. 2, к. 5 п. 4, 9; Зергента I, к. 3 п. 1; Адрг, к. 5; Кермен Толга 1979, к. 4, к. 1; Джангар, к. 3 п. 5; к. 25 п. 9; к. 31 п. 2; Иджил I, к. 1; Эвдык I, к. 2 п. 4; Дюкер, к. 15; к. 27 п. 6; к. 31 п. 5; Кююкн Толга, к. 3. п. 1; к. 6 п. 1.; Джангар, к. 6; п. 1; Джалыково, грунтовый могильник, п. 1; п. 4; п. 5; п. 6; поселение Башанта I, II

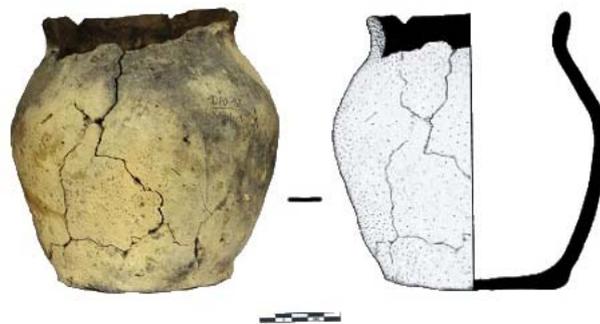

Рис. 3. Сосуд. Дюкер, курган 15, погребение 1

Рис. 4. Обкладки лука, концевые (кость). Дюкер, курган 15, погребение 1. Фото

Рис. 5. Обкладки лука, срединные (кость). Дюкер, курган 15, погребение 1. Фото

Рис. 6. Сосуд. Дюкер, курган 27, погребение 6

Рис. 7. Обкладки лука, срединные, концевые (кость). Дюкер, курган 27, погребение 6

Рис. 8. Навершие (кость). Дюкер, курган 27, погребение 6

Рис. 9. Бляшка (бронза). Дюкер, курган 27, погребение 6

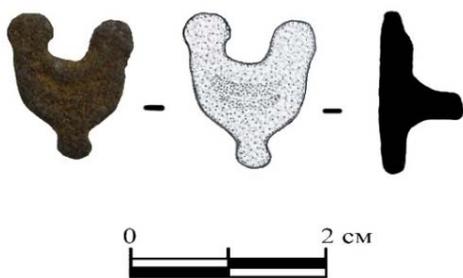

Рис. 10. Бляшка (металл?). Дюкер, курган 2, погребение 6

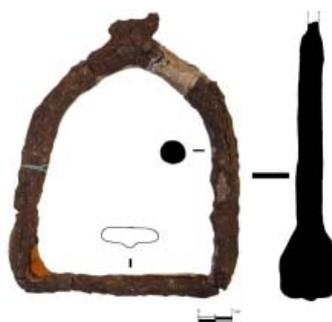

Рис. 11. Стремена. Дюкер, курган 31, погребение 5

Источники

Цуцкин Е. В. Отчет о работе археологической экспедиции Калмыцкого научно-исследовательского института // Научный архив КалмНИЦ РАН (НА КалмНИЦ РАН) Ф. 14. Оп. 2. Д. 29.

Литература

Круглов Е. В. О подкурганых захоронениях Калмыцко-Астраханских степей хазарского времени // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Сб. науч. тр. Элиста: Изд-во КалмГУ, 1990. С. 159–171.

Плетнева С. А. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 142. М.: Наука, 1967. 200 с.

Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 62–75.

Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. М.: Иерусалим, 2000. 249 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

Очир-Горяева М. А., Ситдииков А. Г., Кияшко Я. А., Нага Т. К изучению памятника эпохи раннего средневековья Башанта-II // Поволжская археология. 2016. № 4 (18). С. 3–36.

Очир-Горяева М. А. Спасательные работы на естественном холме у п. Джалыково Лаганского района Республики Калмыкия // Россия и Центральная Азия: историко-культурное наследие и перспективы развития. материалы Междунар. науч. конф. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 51–55.

Sources

NA KSC RAS — *Nauchnyy arkhiv KalmNTc RAN* [Scientific archive of Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. F. 14. Op. 2. D. 29 (In Russ.).

References

Kruglov E. V. *O podkurgannykh zakhoroneniyaKh Kalmytsko-Astrakhanskikh stepey khazarского*

vremeni [About kurgan burials of the Kalmyk-Astrakhan steppes, the Khazar period]. *Voprosy arkheologii yuga Vostochnoy Evropy* [Problems of archeology of the south of Eastern Europe]. Elista, Kalmyk State University Press, 1990, pp. 159–171 (In Russ.).

Pletneva S. A. *Ot kocheviy k gorodam (saltovomayatskaya kul'tura)* [From nomadic life to settlements (Saltovo-Mayak culture)]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (MIA)* (Materials and studies on archeology of the USSR), Moscow, Nauka Publ., 1967, No. 142, 200 p. (In Russ.).

Pletneva S. A. *Saltovo-mayatskaya kul'tura* [Saltovo-Mayak culture]. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [Steppes of Eurasia in the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 62–75 (In Russ.).

Pletneva S. A. *Ocherki khazarской arkheologii* [Essays on the Khazar archeology]. Moscow, Jerusalem Publ., 2000, 249 p. (In Russ.).

Fedorov-Davydov G. A. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov* [Nomads of Eastern Europe under the rule of the Golden Horde khans]. Moscow State University Press, 1966, 276 p. (In Russ.).

Ochir-Goryaeva M. A., Sitydikov A. G., Kiyashko Ya. A., Naga T. *K izucheniyu pamyatnika epokhi rannego srednevekov'ya Bashanta-II* [On the Study of the Early Medieval Site Bashanta-II]. *Povolzhskaya arkheologiya* (Volga Region Archeology), 2016, No. 4 (18), pp. 23–36 (In Russ.).

Ochir-Goryaeva M. A. *Spasatel'nye raboty na estestvennom kholme u p. Dzhalykovo Laganskogo rayona Respubliki Kalmykiya* [Rescue Excavation works in Lagan District of the Republic of Kalmykia] *Rossiya i Tsentral'naya Aziya: istoriko-kul'turnoe nasledie i perspektivy razvitiya. Mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. Elista*: [Proc. of the Int. Sci. Conf. — Russia and Central Asia: Historical and Cultural Heritage and Development Prospects (Elista)], Kalmyk Institute for Humanities (RAS) Press, 2008, pp. 51–55 (In Russ.).

ПОГРЕБЕНИЯ ХАЗАРСКИХ ЛУЧНИКОВ ИЗ КУРГАННОЙ ГРУППЫ ДЮКЕР

Евгений Гаврилович Буратаев¹

¹младший научный сотрудник, отдел истории, археологии и этнологии, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: burataev1981@mail.ru

Аннотация. В комплексе материалов, выявленных в результате изыскательских работ археологических экспедиций на территории Калмыкии, наибольший интерес вызывают погребения раннесредневековых кочевников. Отдельные черты погребального обряда, наличие подкурганного ровика, сооружение могил с подбойными нишами, достаточно богатый инвентарь могил, сопровождающие человека захоронения домашних животных (лошадь, овца), позволяют связывать некоторые погребения с хазарским временем. В статье рассмотрены три погребения, погребальный обряд которых можно отнести к культуре Хазарского каганата. Хазарскими принято считать курганы, под которыми погребальная камера располагалась внутри четырехугольного ровика. Примечательно то, что находки этих малочисленных погребений всадников обнаружены преимущественно в калмыцких степях.

Погребения были открыты в 1982 г. результате спасательных раскопок в зоне строительства Калмыцкого Магистрального канала. Группа курганов получила название «Дюкер». По окончании полевых работ отчет об археологических раскопках в Отдел полевых исследований Института археологии РАН, осуществляющий научный контроль над производством археологических раскопок и способствующий поддержанию высокого методического уровня их проведения, не поступил. На сегодняшний день этот отчет представляет собой рукописную часть, без фотографий и чертежей.

На основе рукописной части отчета археологических раскопок за 1982 г. нами выделены три погребения, датированных автором хазарским временем. В данной работе представлено описание погребальных сооружений (подкурганных ровиков, могил), описание самих погребений, комплекс погребального инвентаря, на основе которого сделан вывод о социальной принадлежности и роду занятий погребенных. Проведено изучение взаиморасположения костяков человека и животных в могилах. Сделан приблизительный ситуационный план могильника. Наряду с этим проведена работа по выявлению, частичной реставрации, фотофиксации и зарисовке находок из погребений в фондохранилище Национального музея Республики Калмыкия.

Проведенная работа является попыткой устранить источниковедческий пробел в изучении комплекса памятников хазарского времени указанного могильника. Результаты исследования погребений способствуют дальнейшему углублению представлений о хазарах и их культуре.

Ключевые слова: хазары, курганы, подкурганный ров, Калмыкия, археология.

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 32, Is. 4, pp. 92–101, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-32-4-92-101
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 902 / 903.2

Archaeological Collections of Palmov National Museum of Kalmykia Formed during Surveys of 1961–1972

Erdni A. Kekeev¹

¹ Research Associate, Department of History, Archaeology and Ethnology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru

Abstract. The article considers archaeological collections formed in the Palmov National Museum of Kalmykia between 1961 and 1972. The monuments explored from 1961 to 1972 can be classified in two groups as follows: burial sites from the southern side of the Ergeni Upland (Lola 1 and Lola 2, Arkhara, Elista, Gashun, and Kermen Tolga), and burial sites of the Kuma-Manych Depression (East Manych and Tachin Tsarang). The surveys were organized by the Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History (now – Kalmyk Scientific Center of the RAS), Kalmyk Republican Museum of Regional Studies (now – National Museum of Kalmykia) and Saratov State University, and directed by Uryubdzhur E. Erdniev (Elista) and Ivan V. Sinitsyn (Saratov). Having been compiled from elements of burial monuments, the collections primarily serve as sources on sacred beliefs of peoples that had inhabited the Volga-Manych steppes in different periods. Still, those can also clarify the technology level of tools, cult-objects, weapons, means of protection, horse harness produced from various materials (bronze, clay, wood, iron, stone, bone, copper, etc.). Due to the fact the objects had been burial implements they are in far better condition than massive fragmented materials from settlement monuments.

The collections are examined from a perspective of their value as a source for scholarly research, including with a view to create a permanent exhibition dedicated to archaeological monuments of the region.

The work evaluates the current state of the collections, their integrity and condition of identification marks. The inspection revealed that in some cases the integrity has been compromised and id-marks lost. Since in the absence of a ‘passport’ a finding loses its value as a scholarly source, the authors attempted to restore the data, which is largely due to the high level of in-office studies conducted both during and short after the field works. With evidence from data of survey reports containing detailed descriptions and photographs of the findings, they created a database of the collections that proved instrumental for restoring the majority of such ‘finding passports’.

Moreover, the structure of the collections and opportunities for the use of the items within a permanent exhibition of Kalmykia’s archaeological monuments have been studied. The analysis concludes that the bulk of the collections are burial implements of the Catacomb culture that date back to the Bronze Age. Items of the Early Bronze, Early Iron and Middle Ages are far fewer, their condition being unsatisfactory for decent description of the monuments. Burial monuments of the periods contained scarce implements, and some of the graves had been plundered in ancient times. Besides, those contained some iron items that are more subject to corrosion. Metal objects to be exhibited require the use of special restoration techniques.

The article concludes that for exhibiting some categories of the implements it is urgent to develop illustrative materials, provide for additional photographs and videos, as well as to restore some findings in the form of replicas, e. g., a Neolithic zoomorphic scepter (Arkharu Burial Site), wooden carts and wheels of the Bronze Age, their clay models (Elista and East Manych Burial Sites).

Keywords: archaeological monuments, barrow, burial site, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Ages, archaeological collections.

Национальный музей Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова (далее — НМ РК) был организован в 1921 г., но перестал функционировать в годы фашистской оккупации в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и насильственной депортации калмыцкого народа (1943–1957 гг.), когда музейные фонды были безвозвратно утрачены. Вновь музей был открыт после восстановления автономии Калмыкии, практически сразу были организованы экспедиции, задачей которых был сбор экспонатов [Очир-Горяева 2000]. Кроме того, музеем были организованы археологические раскопки, которые были проведены совместно с Калмыцким научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории и Саратовским государственным университетом. Спасательные археологические работы начались с раскопок Первого Лолинского могильника в 1961 г. Эти исследования положили начало многолетней совместной работе Ивана Васильевича Сеницына (г. Саратов) и Урюбджур Эрднеевича Эрднеева (г. Элиста).

В данной работе будут рассмотрены археологические коллекции, хранящиеся в фондах НМ РК, сформированные в период совместной работы И. В. Сеницына и У. Э. Эрднеева (1961–1972 гг.). Эти коллекции происходят из погребальных памятников и в первую очередь являются источником информации о сакральных представлениях населения Волго-Маньчских степей разных эпох. Их изучение также дает информацию об уровне развития производства орудий труда, предметов культа, оружия, средств боевой защиты, элементов конской упряжи, которые были изготовлены из различных материалов (бронза, глина, дерево, железо, камень, кость, медь и др.). Благодаря тому, что эти предметы являлись частью погребального инвентаря, они, в отличие от массового фрагментированного материала из поселенческих памятников, сохранились гораздо лучше.

В ходе выполнения данного исследования были решены две основные задачи: коллекции рассмотрены как источник научной информации и как источник экспонатов для археологической экспозиции.

В ходе работы проанализирована целостность самих коллекций, сохранность находок и их маркировки. В процессе исследования памятник, как правило, перестает существовать, потому археологические находки, наряду с научными отчетами, являются основными источниками информации о проведенных исследованиях. Для научного изучения предметов материальной культуры степень сохранности, материал и методика изготовления стоят на втором плане. Наиболее важной является информация о том, где, когда и как был обнаружен предмет, т. е. его контекст. Беспаспортная находка может стать частью музейной экспозиции, но не более, а в ряде случаев, когда безымянный предмет в значительной мере фрагментирован, он просто подлежит списанию как потерявший свою научную и практическую значимость.

Перед проведением анализа коллекций кратко опишем полевые археологические работы, в процессе которых были выявлены изучаемые находки. В отличие от довоенных исследований археологических памятников Калмыкии, проведенных под руководством профессора П. С. Рыкова в 1929–1937 гг., целью которых было ознакомление с памятниками археологии региона волго-маньчских степей, исследования И. В. Сеницына и У. Э. Эрднеева с самого начала носили спасательный характер [Очир-Горяева 2008: 37–41]. Памятники подвергались опасности разрушения, из-за этого могильники необходимо было исследовать полностью, без выделения каких-то отдельных объектов. Данное обстоятельство поменяло сам подход к организации работ, так как объем выполняемых раскопок увеличивался несколько раз, и заказчиком ставились жесткие временные рамки.

Требовалось заранее запланировать финансовые расходы и составить подробный план работы с указанием сроков, объемов, сумм и т. д. Благодаря проведенной Урюбджуром Эрдниевицем и Иваном Васильевичем организационной работе финансирование полевых археологических работ было произведено в положенный срок и в полном объеме. Масштабные раскопки были проведены на высоком методическом уровне, и результаты полевых исследований были введены в научный оборот [Кекеев 2016: 14–24].

Исследованные в период с 1961 по 1972 гг. памятники можно разделить на две группы: могильники южной части Ергенинской возвышенности (*Первый и Второй Лолинские, Архаринский, Элистинский, Гашунский и Кермен Толга*) и могильники Кумо-Маньчской впадины (группы *Восточный Маныч* и группа *Тачин Царанг*).

Первый период работ с 1961 по 1964 гг. был связан с лесопосадкой в округе г. Элиста и с постройкой железнодорожной ветки дороги Элиста–Дивное. Эти работы характеризуются постепенным нарастанием темпов работ — от 17 курганов (50 погребений) в 1961 г. до 37 курганов (123 погребения) в 1964 г. Были исследованы курганные группы: *Первый и Второй Лолинские, Архаринский и Элистинский* могильники [Синицын, Эрдниев 1963; 1966; 1971]. Второй период археологических раскопок с 1965 по 1967 гг. — работы по исследованию памятников в долине р. Восточный Маныч, здесь планировалось строительство дамбы и создание Чограйского водохранилища. Этот период отличается возросшими количественными показателями: за три полевых сезона исследовано 329 курганов (1 541 погребение) (табл. 1) [Синицын 1978; Синицын, Эрдниев 1979; 1981; 1982; 1985; 1987; 1991; Эрдниев 1982]. В период с 1968 по 1972 гг. были исследованы еще три могильника, эти раскопки являлись работами инициативного характера. Были исследованы курганные группы: *Кермен Толга* (44 кургана / 84 погребения), *Гашунский* (8 курганов / 10 погребений) и *Тачин Царанг* (21 курган / 55 погребений) [Очир-Горяева 2008: 81; Эрдниев 1981; 1982].

Всего за период 1961–1972 гг. исследовано 518 курганов и 2 021 погребение. Большая часть памятников относилась к энеолиту и бронзовому веку (1 680 погребений), меньшая часть датирована более поздними

эпохами (ранний железный век — 254 погребения и эпоха средневековья — 78 погребений), 9 погребений не удалось датировать. Все находки были изъяты, после камеральной обработки и написания научных отчетов переданы на постоянное хранение в НМ РК. Позже часть коллекций были передана в Государственный Исторический музей (Москва), где на их основе была создана постоянная экспозиция в зале «Бронзовый век».

Автором совместно с Е. Г. Буратаевым уже проведена работа по оценке сохранности археологических коллекций отдельных памятников [Буратаев 2016; Кекеев 2009, 2011, 2013, 2014; Кекеев, Буратаев 2015]. Рассматривая археологические коллекции как единое целое, можно выделить некоторые особенности, присущие именно коллекциям, сформированным в изучаемый период. Отличительной чертой этих коллекций является уровень камеральной обработки, проведенной с находками. Даже несмотря на возрастающий год от года объем работ, выполнено методичное шифрование находок, и иногда даже не читая маркировку, только видя стиль подписи, можно отнести находку именно к этим коллекциям. Но, к сожалению, часть находок потеряла свои «паспорта», в ряде случаев из-за того, что маркировка не была нанесена на саму находку, а бумажная бирка плохо сохранилась или утеряна, иногда маркировка на находке частично стерта. Это положение частично исправляется тем, что многие находки были отреставрированы: в основном, это касается глиняных сосудов. Реставрационная работа была проведена непосредственно во время раскопок или сразу по их окончании, и в отчете представлены фотографии уже восстановленных находок. Высокий методический уровень камеральной работы позволил сохранить эти коллекции в относительной целостности, кроме того, есть возможность восполнить нанесенный временем ущерб: благодаря тому, что большая часть находок подробно описана и сфотографирована, чаще всего нам удается восстановить утерянные «паспорта» находок.

Далее кратко рассмотрим коллекции отдельных могильников. Сначала — *Лолинские (Первый и Второй)* могильники, которые объединены нами в единый могильник в силу нескольких причин: первая — они являлись двумя частями одного большого курганного могильника и больших раз-

личий не имеют, вторая — часть находок нами идентифицирована как происходящие из могильника *Лола*, без указания номера группы, и выделена в коллекцию «Лола-?».

Коллекция *ЛОЛА-1 (Первый Лолинский могильник)* состоит из 36 находок. Это относящиеся к **бронзовому веку** изделия из бронзы (2 крюка, бусы, нож, подвеска, украшение, шило) и глины (15 сосудов и 2 курительницы), а также подвеска каменная, кольца костяные, бусы пастовые; датированные **ранним железным веком** остатки деревянного сосуда с бронзовыми скрепами, фрагментированный пест, несколько бесформенных предметов из дерева и бронзы.

Чуть меньшее количество предметов хранится в коллекции *ЛОЛА-2 (Второй Лолинский могильник)* — 26 единиц хранения: **бронзовый век** — 6 сосудов глиняных, 3 ножа бронзовых, 2 курительницы глиняные, камень-терочник, кольца костяные, бусы пастовые и украшения из раковины; один баночный сосуд датирован **срубным временем**; зеркало бронзовое — из погребения **периода существования Золотой Орды**.

Коллекция «*ЛОЛА-?*» состоит из 23 находок: **бронзовый век** — 4 сосуда глиняных, 2 шила бронзовых, бусы пастовые, выпрямитель древков стрел и наконечник копья бронзовый; **ранний железный век** — фрагменты сосуда деревянного со скрепами и миска глиняная; 13 предметов плохой сохранности **не поддаются точной датировке** (фрагменты керамики, железа, ткани, камня и т. д.).

Следующим могильником, исследованным в 1962–1963 гг., является курганная группа *АРХАРА* (Архаринский могильник), коллекция которого состоит из 90 единиц хранения: **энеолит** представлен фрагментами охры из погребения кургана 27, в котором был обнаружен знаменитый Архаринский скипетр; **бронзовый век** — изделия из бронзы (4 шила, бусы, наконечник стрелы, нож и фрагментированные предметы), из глины (37 сосудов и 3 курительницы), бусы из пасты и сердолика, кольца костяные, инструмент абразивный, пест каменный и пронизь; **ранний железный век** — изделия из глины (4 сосуда и пряслице), изделия из бронзы (лунница, подвеска и фибула), а также фрагменты кожи; **период существования Золотой Орды** — изделия из железа (фрагменты меча и ножа), бусы пастовые и стеклянные, кресало, фрагменты кожи;

5 единиц хранения остались **недатированными** — фрагменты глиняных, железных и костяных предметов

В 1964 г. был исследован могильник *ЭЛИСТА* (Элистинский могильник), его коллекция насчитывает 107 единиц хранения: **бронзовый век** — изделия из бронзы (3 ножа, 2 шила, наконечник стрелы), изделия из глины (64 сосуда, 4 курительницы, 3 воронки), изделия из камня (2 песта и выпрямитель древков стрел), бусы пастовые и трубочка костяная; **ранний железный век** — 4 сосуда глиняных, 2 рукояти ножа костяные, зеркало бронзовое и фрагменты предмета железного; **эпоха средневековья** — 2 сосуда глиняных, наконечники стрел железные, нож железный и стремя железное во фрагментах; часть находок из глины, железа, бронзы и камня остались **без датировки**.

Следующим объектом являются большие курганные группы, исследованные в 1965–1967 гг. в долине р. Восточный Маныч. Ввиду большого объема могильника и сложности его внутреннего устройства оценим сохранность его коллекций целиком. В коллекцию *ВОСТОЧНЫЙ МАНЫЧ* входит 561 единица хранения, большая часть датирована **бронзовым веком** — изделия из бронзы (2 шила), изделия из глины (310 сосудов, 82 курительницы, 3 пряслица и ковш), 6 пестов каменных, бусы из различных материалов, кольца костяные и альчики мелкого и крупного рогатого скота; **ранний железный век** — 2 зеркала бронзовых, изделия из глины (53 сосуда, 15 мисок, 6 стаканов-курительниц, фрагменты керамики), изделия из железа (3 меча, акинак, наконечники стрел, нож, фрагмент наконечника копья) и 2 оселка; **эпоха средневековья** — 3 стремени железных из разных погребений и кувшин глиняный. Часть предметов осталась без датировки.

Коллекция из курганного могильника *КЕРМЕН ТОЛГА* состоит из 26 единиц хранения: **бронзовый век** — 13 сосудов глиняных, пест и терочник каменные, бусы из разных материалов; **ранний железный век** — 4 сосуда и миска глиняные; остальные изделия из глины **не датированы**.

Находки из коллекции могильника *ГАШУНСКИЙ* в фондах НМ РК не обнаружены, местонахождение находок не известно.

Коллекция *ТАЧИН ЦАРАНГ* насчитывает 37 единиц хранения: **бронзовый век** — 6 сосудов глиняных, булавка молоточко-

видная костяная и бусы костяные; **ранний железный век** — зеркало бронзовое; **эпоха средневековья** — пуговица бронзовая, обкладки колчана костяные, сосуд глиняный, кольцо железное, фрагменты двух ножниц железных, фрагменты пряжки железной, фрагменты четырех стремян железных и фрагменты ткани; часть фрагментированных предметов из глины, железа остались **недатированными**.

Подводя итог рассмотрения изучаемых коллекций, следует отметить тот факт, что в соотношении археологических находок заметно преобладание доли глиняных сосудов из погребений катакомбной культуры бронзового века. Диспропорция среди находок различных культур имеет ряд причин: соотношение памятников разных эпох, различия в культуре погребального обряда, разные материалы и методики изготовления предметов и т. д. Эта тенденция прослеживается по всем рассматриваемым могильникам, так как во всех группах подавляющая часть погребений сооружена представителями катакомбной культуры. Вторым объяснением является тот факт, что погребения ямной культуры заметно беднее инвентарем, а более поздние погребения (ранний железный век и эпоха средневековья), хотя иногда и бывают насыщены находками, чаще всего бывают разграбленными. Кроме того, изделия из глины гораздо лучше сохраняются как во время нахождения под землей, так и после их извлечения, они непритязательны к условиям последующего хранения, тогда как изделия из металлов, особенно железа, под землей сохраняются гораздо хуже и после изъятия их подвергаются острой коррозии.

По итогам изучения археологических коллекций отдельных могильников выявлен факт нарушения целостности коллекций, часть предметов находится в ГИМе, часть утеряна, а часть утратила элементы маркировки. Исправлением сложившегося положения может стать работа по систематизации всей информации в единую базу данных. В эту БД будут включены все археологические коллекции из раскопок на территории Калмыкии. спроектированная структура БД позволит идентифицировать находки по размерным данным и изображению.

Помимо этого, в настоящее время в НМ РК нашей группой археологов проводится подготовительная работа по соз-

данию постоянной выставки, посвященной памятникам археологии Республики Калмыкия. На данном этапе необходимо оценить, насколько широко и глубоко возможно представить в будущей экспозиции эпохи от энеолита до средневековья. Эта работа требует рассмотрения предметов материальной культуры как комплекса экспонатов, представляющих ту или иную сферу жизнедеятельности представителей населения различных эпох. В данном случае необходимо соблюдать баланс между информативностью представленного материала и равномерным распределением различных категорий инвентаря. Например, как было сказано выше, среди археологических коллекций НМ РК преобладают глиняные сосуды катакомбной культуры бронзового века. С одной стороны, это обстоятельство дает возможность выбрать достаточное количество разнообразных экспонатов данного типа, но, с другой стороны, нужно учитывать необходимость сбалансированного освещения всех эпох, а не только катакомбной культуры. Предварительная оценка фондов необходима для составления общего представления об имеющихся коллекциях, которое даст возможность представить объем доступного для создания экспозиции материала. Углубленное изучение самих коллекций одновременно с извлечением необходимых данных из научных отчетов о проведенных раскопках позволит запланировать реставрацию отдельных предметов, необходимых для представления определенного типа инвентаря. Часть экспонатов, которые в силу разных причин не сохранились или вообще отсутствовали, будут воссозданы в виде реплик или экспонироваться в виде сопровождающего фото- и видеоматериала.

Рассмотрим изучаемые коллекции как источник создания экспозиций эпох от энеолита до средневековья. Коллекции предметов материальной культуры энеолита и раннего бронзового века крайне скудны: фрагмент охры из знаменитого погребения Архаринского могильника, 11 сосудов глиняных, фрагменты колец, изготовленных из трубчатых костей домашнего скота. Большая часть этих погребений вообще была безынвентарной, из-за чего информация о данном периоде должна быть дополнена иллюстративным материалом, а также желательнее создать реплики таких значимых находок, как зооморфный скипетр и диоритовые булавы.

Следующая группа коллекций относится к катакомбной культуре, она наиболее обширна, и количество экспонатов дает возможность широко представить ее в экспозиции. Коллекция представлена изделиями из глины, бронзы, камня, кости и т. д. При кажущейся на первый взгляд однообразности глиняной посуды сосуды довольно сильно отличаются друг от друга — цветом, формой, размерами, орнаментом. В силу своего изначально бытового предназначения сосуды не могут сильно отличаться формой и размерами от определенного стандарта, разнообразие цветов тоже не имеет большого диапазона ввиду уровня развития технологии производства. Мастера бронзового века действительно могли сделать сосуд уникальным с помощью орнамента, здесь его разнообразие ограничивается только фантазией автора. Кроме сосудов, в эту группу необходимо включить глиняные курительницы, обязательным элементом которых практически всегда был орнамент, покрывающий всю внешнюю поверхность. Орнамент разнообразен: от примитивной, еле заметной прочерченной линии до покрывающего всю поверхность орнамента из разнообразных геометрических узоров. Так как не существовало какого-то определенного стандарта в орнаментации изделий, каждый подобный экспонат является уникальным произведением искусства бронзового века. Другие категории инвентаря представлены заметно меньше, из-за его меньшего присутствия в погребальном обряде. При создании экспозиции о катакомбной культуре есть возможность подробно представить разнообразие орнамента глиняных сосудов, часть предметов из глины, кости и бронзы требует реставрации. Для представления некоторых категорий инвентаря будет необходимо воссоздание их в виде реплик, иллюстративного материала, сопровождающего экспозиции фото- и видеоматериала. Например, деревянные повозки, которые были обнаружены в процессе раскопок на территории Калмыкии, не сохранились в силу разных причин, и их необходимо представить в иллюстративном ряду.

Коллекции раннего железного века и эпохи средневековья, как было сказано выше, намного скромнее коллекции бронзового века, но также большая часть ее состоит из глиняных изделий (сосуды, кувшины,

миски, курительницы). Появляются экспонаты из железа и новые категории инвентаря, такие как оружие, средства боевой защиты, части конской упряжи и т. д. Именно изделия из металла сохраняются хуже всего, и их реставрация требует квалифицированного подхода, при котором нельзя обойтись без применения специализированного оборудования. В силу этих причин коллекция изготовленных из железа предметов не реставрирована и на данный момент не может показать тех технологий, возникновение и развитие которых происходило с эпохи раннего железного века. В экспозициях, посвященных этим эпохам, будет необходимо использовать гораздо больше реконструкций как самих предметов, так и сцен из жизни древнего населения.

Как известно, в степной зоне Евразии происходили неоднократные смены населения, каждая новая волна приносила с собой собственные сакральные представления, элементы которых сегодня мы можем реконструировать, изучая погребальные памятники. Обязательное присутствие предметов быта и вооружения в погребальном обряде не только дает возможность проследить изменения в сфере сакральных представлений, но и позволяет реконструировать историю развития материальной культуры.

Именно целостность археологических коллекций является ключевым элементом возможности ее последующего научного изучения. Высокий уровень камеральной работы в процессе работ 1961–1972 гг. позволил сохранить большую часть находок, все находки были зашифрованы, а так как большая часть коллекций была первично реставрирована, сфотографирована и описана, сегодня есть возможность восстановить утраченную маркировку у большей части депаспортизированных находок. Рассматривая коллекции как источник предметов для археологической экспозиции, следует отметить то, что на их основе возможно широко и глубоко представить катакомбную культуру бронзового века. Более ранние и поздние эпохи освещены слабо в силу общей скудности погребального инвентаря и его плохой сохранности: большую часть требуемых для более полного представления предметов необходимо будет реставрировать и реконструировать.

Табл. 1. Археологические памятники, исследованные на территории Республики Калмыкия в 1961–1972 гг. Количество памятников по сезонам

Год раскопок	Могильник	№№ курганов	Кол-во курганов	Кол-во погребений
1961–1964	<i>Лола-1-1961</i>	к. 1–3, к. 4 (погр. 1–6), к. 5–17	17	50
	<i>Лола-1-1962</i>	к. 4 (погр. 7–11), к. 18–24	7	21
	<i>Архара-1962</i>	к. 1–18	18	50
	<i>Архара-1963</i>	к. 19–38	20	45
	<i>Лола-2-1963</i>	к. 1–17	17	42
	<i>Элиста-1964</i>	к. 1–37	37	123
		Итого в 1961–1964 гг.	116	331
1965–1967	<i>Восточный Маныч (лб)–1-1965</i>	к. 1–61	61	237
	<i>Восточный Маныч (лб)–2-1965</i>	к. 1–44	44	223
	<i>Восточный Маныч (пб)–1-1965</i>	к. 1–29	29	146
	<i>Восточный Маныч (лб)–1-1966</i>	к. 1–49	49	181
	<i>Восточный Маныч (лб)–2-1966</i>	к. 1–83	83	204
	<i>Восточный Маныч (лб)–3-1966</i>	к. 1–33	33	295
	<i>Восточный Маныч (пб)–1-1967</i>	к. 1–30	30	255
	Итого в 1965–1967 гг.	329	1 541	
1968–1972	<i>Кермен Толга 1968–1970</i>	к. 1–44	44	84
	<i>Гашунский могильник-1971</i>	к. 1–8	8	10
	<i>Тачин Царанг-1972</i>	к. 1–21	21	55
	Итого в 1968–1972 гг.	73	149	
	ИТОГО В 1961–1972 гг.	518	2 021	

Литература

- Буратаев Е. Г.* Материалы из курганных групп Восточный Маныч в фондах Национального музея Республики Калмыкия // Полевые исследования. Вып. 3. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. С. 5–13.
- Кекеев Э. А.* О материалах археологических раскопок могильных групп Лола I и II, хранящихся в фондах Национального музея Республики Калмыкия (1961–1963 гг.) // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее. мат-лы Междунар. науч. конф. Ч. 1. Элиста: АПП «Джангар», 2009. С. 165–174.
- Кекеев Э. А.* Анализ археологического материала раскопок курганной группы «Восточный Маныч» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 70–74.
- Кекеев Э. А.* О материалах археологических раскопок из курганной группы Архара, хранящихся в фондах Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 4. С. 27–30.
- Кекеев Э. А.* Спасательные археологические раскопки курганной группы Восточный Маныч // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 2. С. 73–77.
- Кекеев Э. А.* Организация и проведение первых спасательных полевых археологических работ в Республике Калмыкия (1961–1967 гг.) // Полевые исследования. Вып. 3. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. С. 14–24.
- Кекеев Э. А., Буратаев Е. Г.* Спасательные раскопки курганной группы Восточный Маныч-1967 // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 4. С. 62–65.
- Очир-Горяева М. А.* Первый музей в Калмыцкой степи // Альманах-1999. Музеи Российской академии наук. М.: Научный мир, 2000. С. 181–187.

- Очир-Горяева М. А. Археологические памятники Волго-Маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Издат. дом «Герел», 2008. 298 с.
- Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 году (Труды Республиканского краеведческого музея. № 1). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1963. 60 с.
- Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962–1963 гг.). (Труды КНИИЯЛИ, КРКМ № 2). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 186 с.
- Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Элистинский курганный могильник. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. 139 с.
- Синицын И. В. Древние памятники Восточного Маньча. В 2 ч. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1978. Ч. 1. 130 с.; Ч. 2. 117 с.
- Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Древности Восточного Маньча // Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста: КНИИИФЭ, 1979. С. 25–94.
- Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Древности Восточного Маньча // Археологические памятники эпохи бронзы и средневековья. Элиста: КНИИИФЭ, 1981. С. 29–66.
- Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Древности Восточного Маньча // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста: КНИИИФЭ, 1982. С. 59–62.
- Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Древности Восточного Маньча // Древности Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1985. С. 43–78.
- Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Древности Восточного Маньча // Археологические исследования Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1987. С. 83–98.
- Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Древности Восточного Маньча // Материалы по археологии Калмыкии. Элиста: КИОН АН СССР, 1991. С. 4–21.
- Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Древности Восточного Маньча. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 173 с.
- Эрдниев У. Э. Гашунский могильник (раскопки 1971 года) // Археологические памятники эпохи бронзы и средневековья. Элиста: КНИИИФЭ, 1981. С. 70–77.
- Эрдниев У. Э. Курганный могильник Восточного Маньча (правый берег) // Археологические памятники Южных Ергеней. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. С. 6–52.
- Эрдниев У. Э. Могильник Кермен Толга // Археологические памятники Южных Ергеней. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. С. 53–112.

References

- Burataev E. G. *Materialy iz kurgannykh grupp Vostochnyy Manych v fondakh Natsional'nogo muzeya Respubliki Kalmykiya* [Materials from the East Manych Mound Groups in the Funds of the National Museum of the Republic of Kalmykia]. *Polevye issledovaniya* (Field Studies). Elista, Kalmyk Scientific Center (RAS) Press, 2016, pp. 5–13 (In Russ.).
- Kekeev E. A. *O materialakh arkheologicheskikh raskopok mogil'nykh grupp Lola I i II, khranyashchikhsya v fondakh Natsional'nogo muzeya Respubliki Kalmykiya (1961–1963 gg.)* [About materials of the archeological excavations of Arkhara barrow group stored in the funds of the N.N. Palmov National Museum of the Republic of Kalmykia]. *Mat-ly mezhd. nauch. konf-tsii «Edinaya Kalmykiya v edinoy Rossii: cherez veka v budushchee»*. Ch. 1. [Proc. of the Internat. scientif. conf. – United Kalmykia in United Russia: Through Centuries into the Future]. Elista, Dzhangar Publ., 2009, pp. 165–174 (In Russ.).
- Kekeev E. A. *Analiz arkheologicheskogo materiala raskopok kurgannoy gruppy «Vostochnyy Manych»* [Analysis of archaeological material of excavation of the «East Manych» mound group]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Inst. for Humanities of the RAS), 2011, No. 1, pp. 70–74 (In Russ.).
- Kekeev E. A. *O materialakh arkheologicheskikh raskopok mogil'nykh grupp Lola I i II, khranyashchikhsya v fondakh Natsional'nogo muzeya Respubliki Kalmykiya (1961–1963 gg.)* [About materials of the archeological excavations of Lola I and II barrow group stored in the funds of the N.N. Palmov National Museum of the Republic of Kalmykia]. *Mat-ly mezhd. nauch. konf-tsii «Edinaya Kalmykiya v edinoy Rossii: cherez veka v budushchee»*. Ch. 1. (Proc. of the Internat. scientif. conf. – United Kalmykia in United Russia: Through Centuries into the Future). Elista, Dzhangar Publ., 2009, pp. 27–30 (In Russ.).
- Kekeev E. A. *Spasatel'nye arkheologicheskie raskopki kurgannoy gruppy Vostochnyy Manych* [Rescuing Archeological Excavations of the Vostochnyi Manych Barrow Group]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Inst. for Humanities of the RAS), 2014, No. 2, pp. 73–77 (In Russ.).

- Kekeev E. A. *Organizatsiya i provedenie pervykh spatatel'nykh polevykh arkheologicheskikh rabot v Respublike Kalmykiya (1961–1967 gg.)* [Organization and performance of the first rescue archaeological excavations in the Republic of Kalmykia (1961–1967)]. *Polevye issledovaniya* (Field Studies). Elista, Kalmyk Scientific Center (RAS) Press, 2016, pp. 14–24 (In Russ.).
- Kekeev E. A., Burataev E. G. *Spasatel'nye raskopki kurgannoy gruppy Vostochnyy Manych-1967* [Rescuing Archeological Excavations of the Vostochniy Manych-1967 Barrow Group]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Inst. for Humanities of the RAS), 2015, No. 4, pp. 62–65 (In Russ.).
- Ochir-Goryaeva M. A. *Pervyy muzey v Kalmytskoy stepi* [The first museum in the Kalmyk steppe]. *Al'manakh-1999. Muzei Rossiyskoy akademii nauk* (Almanac–1999. Museums of the Russian Academy of Sciences). Moscow, Nauchnyy Mir Publ., 2000, pp. 181–187 (In Russ.).
- Ochir-Goryaeva M. A. *Arkheologicheskie pamyatniki Volgo-Manychskikh stepey (svod pamyatnikov, issledovannykh na territorii Respubliki Kalmykiya v 1929–1997 gg.)* [Archaeological sites of the Volga-Manych steppe (set of sites studied on the territory of the Republic of Kalmykia in 1929–1997)]. Elista, Gerel Publ., 2008, 298 p. (In Russ.).
- Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. *Arkheologicheskie raskopki v Kalmytskoy ASSR v 1961 godu (Trudy Respublikanskogo kraevedcheskogo muzeya. № 1)* [Archaeological excavations in the Kalmyk SSR in 1961 (Proceedings of the Republican Museum of Local Lore)]. Elista, Kalm. Book Publ., No. 1, 1963, 60 p. (In Russ.).
- Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. *Novye arkheologicheskie pamyatniki na territorii Kalmytskoy ASSR (po raskopkam 1962–1963 gg.)* [New archaeological monuments on the territory of the Kalmyk ASSR]. *Trudy KNIIYaLI, KRKM* (Proceedings of the Kalmyk Institute of History, Language and Literature, Kalmyk Republican Museum), No. 2, Elista, Kalm. Book Publ., 1966, 186 p. (In Russ.).
- Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. *Elistinskiy kurgannyi mogil'nik* [Elista Barrow Group]. Elista, Kalm. Book Publ., 1971, 139 p. (In Russ.).
- Sinitsyn I. V. *Drevnie pamyatniki Vostochnogo Manycha. V 2 ch.* [Ancient monuments of the Eastern Manych. In 2 vol.]. Saratov, Saratov State Univ. Press, 1978, part 1, 130 p.; part 2, 117 p. (In Russ.).
- Sinitsyn I. V. Erdniev U. E. *Drevnosti Vostochnogo Manycha* [Antiquities of the East Manych]. *Arkheologicheskie pamyatniki Kalmytskoy stepi* [Archaeological monuments of the Kalmyk steppe]. Elista, Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics (USSR Acad. of Sc.) Press, 1979, pp. 25–94 (In Russ.).
- Sinitsyn I. V. Erdniev U. E. *Drevnosti Vostochnogo Manycha* [Antiquities of the East Manych]. *Arkheologicheskie pamyatniki epokhi bronzy i srednevekov'ya* [Archaeological monuments: the Bronze and Middle Ages]. Elista, Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics (USSR Acad. of Sc.) Press, 1981, pp. 29–66 (In Russ.).
- Sinitsyn I. V. Erdniev U. E. *Drevnosti Vostochnogo Manycha* [Antiquities of the Eastern Manych]. *Drevnosti Kalmykii* [Antiquities of Kalmykia]. Elista, Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics (USSR Acad. of Sc.) Press, 1985, pp. 43–78 (In Russ.).
- Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. *Drevnosti Vostochnogo Manycha* [Antiquities of the Eastern Manych]. *Arkheologicheskie issledovaniya Kalmykii* [Archaeological studies of Kalmykia]. Elista, Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics (USSR Acad. of Sc.) Press, 1987, pp. 83–98 (In Russ.).
- Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. *Drevnosti Vostochnogo Manycha* [Antiquities of the East Manych]. *Materialy po arkheologii Kalmykii* [Materials on Kalmykia's archeology]. Elista, Kalmyk Institute of Social Sciences (USSR Acad. of Sc.) Press, 1991, pp. 4–21 (In Russ.).
- Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. *Drevnosti Vostochnogo Manycha* [Antiquities of the East Manych]. Elista, Kalm. Book Publ., 1987, 173 p. (In Russ.).
- Erdniev U. E. *Gashunskiy mogil'nik (raskopki 1971 goda)* [Gashun Mound Group (excavations of 1971)]. *Arkheologicheskie pamyatniki epokhi bronzy i srednevekov'ya* [Archaeological monuments: the Bronze and Middle Ages]. Elista, Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics (USSR Acad. of Sc.) Press, 1981, pp. 70–77 (In Russ.).
- Erdniev U. E. *Kurgannyi mogil'nik Vostochnogo Manycha (pravyy bereg)* [East Manych Mound Group (right bank)]. *Arkheologicheskie pamyatniki Yuzhnykh Ergeney* [Archaeological sites of Southern Ergeni]. Elista, Kalm. Book Publ., 1982, pp. 6–52 (In Russ.).
- Erdniev U. E. *Mogil'nik Kermen Tolga* [Kermen Tolga Burial Site]. *Arkheologicheskie pamyatniki Yuzhnykh Ergeney* [Archaeological sites of Southern Ergeni]. Elista, Kalm. Book Publ., 1982, pp. 53–112 (In Russ.).

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ
РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ им. Н.Н. ПАЛЬМОВА, СФОРМИРОВАННЫЕ
В ПЕРИОД АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК 1961–1972 гг.**

Эрдни Анатольевич Кекеев ¹

¹ научный сотрудник, отдел истории, археологии и этнологии, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются археологические коллекции, сформированные в Национальном музее Республики Калмыкия им. Н.Н. Пальмова в период с 1961 по 1972 гг. Памятники, исследованные с 1961 по 1972 гг., можно разделить на две группы: погребения юга Ергенинской возвышенности (*Лола 1 и Лола 2, Архара, Элиста, Гагун и Кермен Толга*) и погребения Кумо-Маньчской впадины (*Восточный Маньч и Тачин-Царанг*). Исследования были организованы Калмыцким научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (ныне — Калмыцкий научный центр РАН), Калмыцким республиканским краеведческим музеем (ныне — Национальный музей Республики Калмыкия) и Саратовским государственным университетом, они проводились под руководством У. Э. Эрдниева (г. Элиста) и И. В. Синицына (г. Саратов). Составленные из предметов погребальных памятников, коллекции служат, прежде всего, источниками по изучению религиозных верований народов, населявших волго-маньчские степи в разные периоды. Тем не менее их анализ также может дать возможность уточнить технологический уровень изготовления орудий, предметов культа, конской сбруи, изготовленной из различных материалов (бронза, глина, дерево, железо, камень, кость, медь и т. д.). Вследствие того, что предметы были обнаружены в погребениях, они находятся в гораздо лучшем состоянии, чем фрагментированные материалы из памятников поселения.

Коллекции рассматриваются с точки зрения их ценности как источника научных исследований, в том числе с целью создания постоянной экспозиции, посвященной археологическим памятникам региона. В работе оценивается текущее состояние коллекций, их целостность и состояние маркировки. Проверка показала, что в некоторых случаях целостность была нарушена и знаки маркировки были утеряны. Поскольку в условиях отсутствия «паспорта» находка утрачивает свою ценность как научный источник, авторы попытались восстановить данные. На основе данных отчетов об обследовании, содержащих подробные описания и фотографии полученных результатов, они создали базу данных коллекций, которая оказалась полезной для восстановления большинства таких «паспортов». Кроме того, изучена структура коллекций и возможности использования предметов в рамках постоянной экспозиции археологических памятников Калмыкии. В результате анализа сделан вывод о том, что основная часть предметов из этих коллекций относится к катакомбной культуре эпохи бронзы. Предметов раннего бронзового, раннего железного веков и периода средневековья гораздо меньше. Погребальные памятники того времени содержали скудные орудия труда, а некоторые из могил были разграблены в древности, а находящиеся в экспозиции требуют применения специальных реставрационных методик. В статье делается вывод, что для экспонирования некоторых категорий орудий труда необходимо разработать иллюстративные материалы, предоставить дополнительные фотографии и видеоматериалы, а также восстановить некоторые находки в виде реплик, например, неолитический зооморфный скипетр (из погребения *Архара*), деревянные повозки и колеса эпохи бронзы, их глиняные модели (погребения *Элиста* и *Восточный Маньч*).

Ключевые слова: археологические памятники, курган, погребение, бронзовый век, ранний железный век, эпоха средневековья, археологические коллекции.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 32, Is. 4, pp. 102–107, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-32-4-102-107
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.221.32

Interjectional Phraseological Units in the Shughni Language

Shervonsho M. Alamshoev¹

¹ Postgraduate Student, Institute for Linguistic Studies of the RAS (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: sh.alamshoev@mail.ru

Abstract. This article discusses interjectional phraseological units in the Shughni language which is one of the non-written Eastern Iranian languages spoken in Afghan and Tajik Badakhshan — in the Amu Darya headwaters region. The number of its speakers is estimated to be approximately 100–150 thousand people. The research is based on more than 5 000 phraseological units newly collected by the author within the period of 5 years in the territory of the Gorno-Badakhshan Autonomous Region of Tajikistan. Shughni phraseology has been studied in a few general articles only and, thus, requires further analysis in terms of semantics and grammar. The paper presents the first linguistic analysis of the voluminous materials. In addition to such types of phraseological units as verbal, adverbial, substantival, modal, adjectival, copulative ones and others, the collected materials also contain interjectional phraseological units that constitute approximately 3 to 7 % of the total scope. Interjectional phraseological units are semantically characterized by frequent reinterpretation, increasing emotional/evaluative connotations, expressive semantics and their application in the form of modal units in different contexts. Interjectional phraseological phrases express emotions, declaration of will and have emotional/evaluative figurative meanings. The diverse expressed emotions — enthusiasm, indignation, approval, surprise, annoyance, resentment, distrust, delight, excitement — serve to denote censure, warning, greeting, invitation and vows. Set phrases are used in the Shughni language to convey the will of the speaker and for other more general objectives. Most of them are idiomatic and stem from different historical periods being usually used in different communicative contexts to reflect emotional reactions of communicants. In different speech situations they perform modal functions based on the emotional evaluation of events. Some of them require broader cultural and historical comments. Each phraseological unit has a unique semantic structure; in terms of grammar, rarely do those differ from modern Shughni. Each phraseological unit has its own history of formation and adaptation to the Shughni language environment and requires to be considered separately. Ancient phraseological units have been well preserved in the Shughni language, moreover, for most of the speakers those are not loan ones. There are also common-Persian and foreign-language phrases (mostly Arabisms with few Turkisms).

Keywords: Pamir, endangered Pamir languages, Shughni language, Shughni phraseology, interjectional phraseological units.

Введение

Сегодня в мире более 6 000 языков находятся на грани вымирания, в результате будет потеряна пятая часть неопisanного культурного наследия всего человечества¹, а также ценные лингвистические факты, имеющие большое значение для науки о языке.

К группе исчезающих языков относятся и памирские языки. Одним из них является шугнанский язык, на котором еще говорят 140–150 тыс. чел., проживающих на территории Таджикского и Афганского Бадахшана. Несмотря на то, что имеются научные работы, посвященные лексике шугнанского языка и его диалектам (рушанский, бартангский, орошорский и вымерший барвазский), исследования, посвященные фразеологии, ограничиваются несколькими статьями.

Основная часть

История изученности шугнанской фразеологии

С 1962 г. были опубликованы работы ученых-памироведов Р. Х. Додыхудоева [1962], С. В. Хушеновой [1972], А. Каримовой [1972]; Т. Бахтибекова [1972]; М. М. Аламшоева [1985] и др. С. В. Хушенова в своей статье «О структурных типах фразеологических единиц» и других исследованиях приводит список структурно-синтаксических моделей различных видов шугнанских фразеологизмов. Она разделяет фразеологизмы на две основные группы: «К первой группе относятся такие фразеологические единицы, в основе которых лежат различные виды синтаксических словосочетаний, характерных для шугнанского языка. Вторую группу составляют предикативные фразеологизмы, возникшие на основе предложений [атрибутивные словосочетания]» [Хушенова 1972: 105]. В первую группу входят именные и глагольные (с точки зрения морфологического состава) фразеологизмы. С. В. Хушенова также разделяет фразеологические единицы (далее — ФЕ) на двучленные (сложные) и многочленные глагольные фразеологизмы.

Т. Бахтибеков в своей статье приводит примеры фразеологизмов шугнанского языка из материалов, собранных в 1969–1970 гг. во время экспедиций, организованных Институтом языка и литературы [Бахтибеков 1972: 127–137]. А. Каримова в своей работе

¹ Более детальную информацию можно найти на официальном сайте ООН [UNESCO's... 2017].

«Намунаҳои фразеологизмҳои соматикӣ забони рушонӣ» [1972: 119–126] анализирует некоторые общие свойства соматических фразеологизмов. Данные статьи затрагивают общие вопросы фразеологии. Материала по фразеологии было собрано немного. Несмотря на то, что и сейчас фразеологизмы употребляются в языковом обиходе, постепенно, из поколения в поколение, происходит утрата фразеологизированной лексики. Глобализация во всех ее проявлениях ускоряет исчезновение не только фразеологического слоя, но и самих языков. В последние годы увеличилось количество иммигрантов из Бадахшана в другие части Таджикистана, бывшие советские республики, Россию, а также в Европу и Америку. При этом носители уже больше не разговаривают на родном языке и ассимилируются с местным населением. В результате ухода носителей исчезает и шугнанский язык.

Отсюда вытекает необходимость документирования и анализа фразеологических единиц в шугнанском языке. Фразеологизмы являются сложной структурной частью любого языка, имеют свои закономерности, специфику, устойчивую систему исторической и современной информационной базы. Их строй неизменно связан с диахронным лексическим составом языка. Фразеологические единицы содержат важную информацию об исторических событиях и персонажах, несут в себе культурный код и дух народа.

Материалом исследования послужили более 7 500 фразеологизмов, собранных автором в течение 5 лет на территории Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана и Афганского Бадахшана. Сам автор является носителем исследуемого языка, что дает ему возможность проводить наиболее точный семантический анализ. Дополнительным материалом послужили фразеологизмы, включенные в краткий словарь Ш. Мирзоева и И. Каримова [2014], отчасти зафиксированные в примерах толкового словаря Д. Карамшоева [1988; 1991; 1999], «Отраслевого словаря» М. М. Аламшоева [2002; 2007] и в других научных и публицистических источниках, посвященных народным песням, сказкам, басням и др. Все данные были собраны и систематизированы автором в одну рабочую фразеологическую базу (более 7 500 ед.).

Объектом исследования являются междоменные фразеологические единицы.

Научные подходы к междометным фразеологизмам

Междометные фразеологизмы в разных языках исследованы лингвистами с точки зрения следующих позиций:

- как фразеологические единицы (В. Н. Телия, А. И. Молотков, Б. Татар, И. И. Чернышева, А. М. Чепасова, А. Д. Райхштейн, Д. О. Добровольский, А. В. Кунин, Т. Н. Федуленикова, В. Фляйшер и др.);
- как вторичные междометия (Г. Генцмер, Н. С. Валгина, Д. В. Зыблева, Н. В. Могутова, В. Юнг и др.);
- как коммуникативно-прагматические единицы (Е. В. Викторова, В. К. Шаронов, И. И. Прибыток и др.).

Среди шугнанских фразеологизмов выделяются междометные фразеологические единицы (далее — ФЕ). «Для междометной семантики характерно полное экспрессивное переосмысление, и поэтому ФЕ могут быть только идиоматизмами, а не идиофраземами или фразеоматизмами» [Кунин 1996: 331]. Они, «как и служебные, не обладают номинативной функцией, они не называют ни предметов, ни их признаков. Фразеологизмы этого подкласса, подобно междометным словам, выполняют эмотивную функцию, <...> они выступают как самостоятельные интонационно-обособленные речевые единицы» [Назарян 1987: 121].

Междометные фразеологические обороты рассматривались в русском, немецком, английском и французском языках [Шанский 1985; 1987; 1972; Молотков 1977: 167; Телия 1966]. Позднее лингвисты-ирановеды в ходе сравнительного анализа восточно-иранских языков стали изучать фразеологизмы, анализировать их отношение к частям речи [Рубинчик 1981; Юсупова 1966; и др]. Общепринятым мнением является то, что междометные фразеологические обороты выражают эмоции, волеизъявление [Баранов, Добровольский 2013]. Т. Кавуля в своей кандидатской диссертации проводила более детальный анализ свойств междометных фразеологизмов в современном русском языке и выявила переносные значения эмоционально-оценочного характера, которые имеют междометные фразеологические обороты [Кавуля 1987: 121].

Отдельные ученые отрицательно относятся к попытке отнесения фразеологизмов к лексико-грамматическим категориям. В. Ф. Рудов отмечает, что «большое расхож-

дение между фразеологическими выражениями и словом находим в следующем: все слова современного русского языка распределяются по грамматическим частям речи и имеют соответственно определенные грамматические категории (род, число, падеж, лицо, наклонение и т. п.). Фразеологические выражения не имеют такого распределения по частям речи. Они не входят ввиду своей грамматической и смысловой целостности ни в одну из частей речи как основная составная их часть, если не считать лишь употребление некоторых из них в роли некоторых частей речи, например наречия» [Рудов 1958: 107].

Междометные фразеологизмы

Междометные фразеологические обороты шугнанского языка выражают эмоции, чувства, волеизъявление, имеют переносные значения эмоционально-оценочного характера.

Семантика междометных фразеологизмов

Семантика междометных фразеологических единиц выражается при помощи различных фразеологических оборотов. Рассмотрим отдельные примеры фразеологических единиц:

1) для выражения различных эмоций и чувств (неудовольствие, досада, восторг, негодование, удивление, удовлетворение, боль, печаль из-за невозможности что-либо изменить):

Ku lak! ‘оставь!’, ‘хватит!’, ‘не продолжай!’, *букв.* ‘пожалуйста, оставь’; *vo iku!* ‘опять всё по-старому!’, ‘то же самое!’, ‘ничего не изменилось’, *букв.* ‘опять он(о)’; *ku wuc!* ‘быстрее!’, *букв.* ‘пожалуйста, двигайся’; *e-xidoya!* 1) ‘о боже!’, ‘чем я грешен’, ‘почему именно я’, 2) ‘невероятно!’, *букв.* ‘о Бог!’; *way dod, nān!* ‘больно!’, *букв.* ‘вой, отец, мама’; *way-way!* ‘боже!’, *букв.* ‘вай-вай!’, *xund-tīr!* ‘опять за старое!’, *букв.* ‘свой + послелог + (tīr)’, ‘на своем’; *čīr kini!* ‘что поделаешь!’, ‘значит, судьба’, *букв.* ‘что делаешь’;

2) для волеизъявления говорящего:

Va nūmi xidoy! ‘ради бога, сделайте что-л.’, *букв.* ‘во имя бога’; *šaf-šafmak!* ‘ближе к делу’, *букв.* ‘не делай шаф-шаф’.

3) в качестве приветствия при встрече:

salom-alek [assalom-u-alaykum!] ‘приветствую’, *букв.* ‘салам’; *xub tinj-at yasto, tinjiyo?* ‘все в порядке?’, ‘как Ваше здоровье?’, *букв.* идиома; *e-ee!* ‘неужели!’, ‘глазам не верю!’, ‘какие люди!’ (особенно при встрече). *букв.* ‘е-ее’ и др;

4) в формулах приглашения (традиционно формульное):

Xubet yađč! ‘подтверждение того, что гостю будут рады (при встрече гостя по дороге)!, букв. ‘как Вы пришли!’; *xuř omaded!* ‘добро пожаловать (в наш дом)!, букв. ‘радостно Вы пришли!’; *borak-allo!* ‘здорово!’, ‘молодец!’, ‘милости просим (ответ хозяину дома)!’, букв. идиома;

5) Употребляются в качестве клятвы: *ba xudo!* ‘клянусь богом’, ‘бог видит, что я правду говорю’, букв. ‘для бога’; *kūr sam!* ‘правду говоря’, букв. ‘слепой буду’, *xīr mi đēwd!* ‘клянусь огнем’, букв. ‘солнце меня сжигает, что...’, *tar rūz mā đīm* ‘клянусь, правду говорю’, ‘я умру, но это правда’, букв. ‘не дошел до дня’ и др;

6) общее согласие (несогласие): *yida turd!* ‘вот тебе’; *kulū!* ‘скажи, пожалуйста’; *tez-didi disga!* ‘пусть’, ‘давно бы так!’, букв. ‘быстрее так’; *xunān-ard tu-tu!* ‘оправдать себя’, ‘обманывать’, букв. ‘делать маме ту-ту’ и др.

Выводы

Из этих и других примеров можно сделать вывод, что междометные фразеологические единицы употребляются в разных коммуникативных контекстах и отражают эмоциональные реакции участников коммуникации. В разных речевых ситуациях они выполняют модальные функции, основанные на эмоциональной оценке событий. Большинство устойчивых сочетаний имеют идиоматический характер, часть из них требует большого культурологического комментария. Например, выражение *xīr mi đēwd!* букв. ‘солнце меня сжигает, что...’, ‘клянусь огнем’: первое выражение связано с тем, что *xīr* (‘солнце’) считалось священным; второе выражение «клянусь огнем» можно отнести к раннему поклонению «четырем элементам природы». Другие междометные фразеологические единицы сформировались в эпоху распространения ислама.

Древние фразеологизмы хорошо сохранились в шугнанском языке, кроме того, для большинства носителей они не являются заимствованиями. Каждый фразеологизм имеет собственную историю формирования и адаптации к шугнанской языковой среде и требует отдельного рассмотрения.

В приведенных примерах они выражают различные эмоции, чувства, оценку; используются в качестве приветствия, приглашения, клятвенного уверения в своей

искренности, грубого ответа, вежливого вопроса и ответа; выражают волеизъявление говорящего. Изучение шугнанских междометных идиом имеет большое значение как для фразеологии, так и для сохранения наследия бесписьменных языков.

Литература

- Аламишоев М. М.* Отраслевой словарь шугнанского языка (животноводство). СПб.: Наука, 2002. 166 с.
- Аламишоев М. М.* Роль сопоставительного анализа шугнанских фразеологических единиц при обучении русскому языку в таджикских школах // Вопросы памирской филологии. № 3. Душанбе: Дониш, 1985. С. 136–141.
- Аламишоев М. М.* Шугнанская животноводческая лексика в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении. Душанбе: Ин-т гуманитарных наук АН РТ, 2007. 237 с.
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Основы фразеологии (краткий курс). М.: Флинта: Наука, 2013. 312 с.
- Бахтибеков Т.* Образцы фразеологизмов шугнанского языка // Забони Помирӣ ва Фолклор (Памирские языки и фольклор). Душанбе: Дониш, 1972. С. 127–137.
- Додыхудоев Р. Х.* Материалы по исторической фонетике шугнанского языка. Душанбе: Тадж. гос. ун-т им. Ленина, 1962. 52 с.
- Кавуля Т.* Модально-междометные фразеологические единицы в современном русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Р/н/Д, 1987. 27 с.
- Карамшоев Д.* Шугнано-русский словарь: в 3-х т. Т. 1. М.: Наука, 1988. 576 с. Т. 2. М.: Наука, 1991. 614 с. Т. 3. М.: Наука, 1999. 568 с.
- Каримова А.* Дар бораи семантикаи фразеологизмҳои забони рушонӣ // Памироведение. Вопросы филологии. Душанбе: Ирфон, 1975. С. 88–94.
- Каримова А.* Оид ба структураи семантикии вохидҳои фразеологӣ // Вопросы памирской филологии. № 3. Душанбе: Ирфон, 1985. С. 129–137.
- Каримова А.* Намунаҳои фразеологизмҳои забони рушонӣ [Образцы соматической фразеологии рушанского языка] // Забони Помирӣ ва Фолклор [Памирские языки и фольклор]. Душанбе: Дониш, 1972. С. 119–127.
- Кунин А. В.* Курс фразеологии современного английского языка: учебник для ин-тов и факультетов иностр. яз. 2-е изд., перераб. М.: Высш. шк.; Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. 381 с.
- Мирзоев Ш.* Краткий словарь фразеологизмов шугнанского языка и их эквиваленты в русском языке. Душанбе: Дониш, 2014. 210 с.

- Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1977. 283 с.
- Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. М.: Высш. шк., 1987. 288 с.
- Рубинчик Ю.А. Основы фразеологии персидского языка. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981. 276 с.
- Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингво-культурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
- Хушенова С. В. К вопросу о разграничении слова и фразеологизма в памирских языках // Труды Самар. ун-та. Вып. 219. Самарканд: СамГУ, 1972. С. 16–22.
- Шанский Н.М. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография. : учебник / Н.М. Шанский, В.В. Иванов. 2-е изд., испр. и доп.. М.: Просвещение, 1987. 192 с
- Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Высшая школа, 1985. 160 с.
- Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка: уч. пос. для вузов по спец-ти «Рус. яз. и лит-ра». СПб.: Спец. лит., 1996. 192 с.
- Шанский М. Н., Зимин В. И., Филиппов А. В. Школьный фразеологический словарь русского языка. Значение и происхождение словосочетаний. М.: Дрофа, 2007. 382 с.
- Юсупова М. Синонимика и фразеологизму (Синонимика фразеологизмов) // Армугони олимони чавон. Душанбе: Дониш. 1966. С. 67–74.
- UNESCO's flagship activity in safeguarding endangered languages is the Atlas of the World's Languages in Danger [электронный ресурс] // URL: <http://www.unesco.org/new/en/culture/themes/endangered-languages> (дата обращения: 13.03.2016).
- livestock-breeding lexis: ethnolinguistic and comparative-historical aspects]. Dushanbe, Humanities Institute (Tajikistan's Acad. of Sc.) Press, 2007, 237 p. (In Russ.).
- Baranov A.N., Dobrovolsky D.O. *Osnovy frazeologii (kratkiy kurs)* [Fundamentals of phraseology: a brief introduction]. Moscow, Flinta – Nauka Publ., 2013, 312 p. (In Russ.).
- Bakhtibekov T. *Obraztsy frazeologizmov shugnanskogo yazyka* [Idioms of the Shughni language]. *Zaboni Pomirū va Folklor (Pamirskie yazyki i fol'klor)* [Languages and folklore of Pamir]. Dushanbe, Donish Publ., 1972, pp. 127–137 (In Russ.).
- Dodykhudoev R. Kh. *Materialy po istoricheskoy fonetike shugnanskogo yazyka* [Materials on Shughni historical phonetics]. Dushanbe, Tajik State University Press, 1962, 52 p. (In Russ.).
- Karamshoev D. *Shugnano-russkiy slovar': v 3-kh t.* [Shughni–Russian dictionary]. Moscow, Nauka Publ., vol. 1, 1988. 576 p.; vol. 2, 1991, 614 p.; vol. 3, 1999, 568 p. (In Russ. and Shughni).
- Karimova A. *Dar borai semantikai frazeologizm̄oi zaboni rushonū* [About semantics of phraseological units of the Rushani language]. *Pamirovedenie. Voprosy filologii* (Pamir studies. Questions of philology), Dushanbe, Irfon Publ., 1975, pp. 88–94 (In Tajik).
- Karimova A. *Namunaxoi frazeologizm̄oi zaboni rushonū* [Samples of somatic phraseology in Rushani]. *Zaboni Pomirū va Folklor* [Pamir languages and folklore]. Dushanbe, Donish Publ., 1972, pp.119-127 (In Tajik).
- Karimova A. *Oid ba strukturai semantikii voxid̄xoi* [About the semantic structure of (phraseological) units]. *Voprosy pamirskoy filologii* (Question of Pamir Philology journal), No. 3, Dushanbe, Irfon Publ., pp. 129–136 (In Tajik).
- Kavulya T. *Modal'no-mezhdometnye frazeologicheskie edinitsy v sovremennom russkom yazyke. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Modal-interjectional phraseological units in modern Russian. A Ph. D. thesis abstract]. Rostov-on-Don, 1987, 27 p. (In Russ.).
- Khushenova S. V. *K voprosu o razgranichenii slova i frazeologizma v pamirskikh yazykakh* [A word and a phraseological unit in the Pamir languages: revisiting the differentiation parameters]. Trudy Samar. un-ta (Transactions of Samarkand University), Samarkand, iss. 219, Samarkand University Press, 1972, pp. 16–22 (In Russ.).
- Kunin A. V. *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka: uchebnik dlya in-tov i fak-tov inostr. yaz. 2-e izd., pererab.* [Modern English Phraseology: a textbook for university students. 2nd ed., rev.]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ; Dubna, Feniks Publ., 1996, 381 p. (In Russ.).
- Mirzoev Sh. *Kratkiy slovar' frazeologicheskikh edinits shugnanskogo yazyka i ikh ekvivalenty*

References

- Alamshoev M. M. *Otraslevoy slovar' shugnanskogo yazyka (zhivotnovodstvo)* [Livestock-breeding dictionary of the Shughni language]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002, 166 p. (In Russ.).
- Alamshoev M. M. *Rol' sopostavitel'nogo analiza shugnanskikh frazeologicheskikh edinits pri obuchenii russkomu yazyku v tadjikskikh shkolakh* [The role of comparative analysis of Shughni phraseological units during Russian language classes in Tajik secondary schools]. Dushanbe, Donish Publ., *Voprosy pamirskoy filologii* (Questions of Pamir Philology journal), No. 3, 1985, pp. 136–141 (In Russ.).
- Alamshoev M. M. *Shugnanskaya zhivotnovodcheskaya leksika v etnolingvisticheskom i sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii* [Shughni

- v *russkom yazyke* [Brief Shughni–Russian Phraseological Dictionary]. Dushanbe, Donish Publ., 2014, 210 p. (In Shughni and Russ.).
- Molotkov A. I. *Osnovy frazeologii russkogo yazyka* [Fundamentals of Russian phraseology]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, 283 p. (In Russ.).
- Nazaryan A.G. *Frazeologiya sovremennogo frantsuzskogo yazyka* [Modern French phraseology]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1987, 288 p. (In Russ.).
- Ozhegov S. I. *O strukture frazeologii. Leksikologiya. Leksikografiya. Kul'tura rechi* [Structure of phraseology. Lexicology. Lexicography. Speech culture]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1974, pp. 182–219 (In Russ.).
- Rubinchik Yu.A. *Osnovy frazeologii persidskogo yazyka* [Fundamentals of Persian phraseology]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1981, 276 p. (In Russ.).
- Shansky N.M. *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka. Izd. 3-e, ispr. i dop.* [Modern Russian phraseology. 3rd ed., rev. and suppl.]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1985, 160 p. (In Russ.).
- Shansky N. M. *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka: uch. pos. dlya vuzov po spets-ti «Rus. yaz. i lit-ra»* [Modern Russian phraseology: a textbook for university students]. St. Petersburg, Spets. Lit. Publ., 1996, 192 p. (In Russ.).
- Shansky N.M. *Vvedenie. Leksika. Frazeologiya. Fonetika. Grafika i orfografiya. Uchebnik / N.M. Shanskiy, V.V. Ivanov. 2-e izd., ispr. i dop.* [Lexis, phraseology, phonetics, graphics and orthography: an introduction. A textbook, 2nd ed., rev. and suppl.]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1987, 192 p. (In Russ.).
- Shansky M. N., Zimin V. I., Filippov A. V. *Shkol'nyy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka. Znachenie i proiskhozhdenie slovosochetaniy. 10-e izd., ster.* [A Russian phraseological dictionary for schoolchildren. Meanings and etymology of word-combinations. 10th ed.]. Moscow, Drofa Publ., 2007, 380 p. (In Russ.).
- Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvo-kul'turologicheskiy aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguo-culturological aspects]. Moscow, Shkola 'Yazyki Russkoy Kul'tury' Publ., 1996, 288 p. (In Russ.).
- Yusupova M. *Sinonimikai frazeologizmu* [Synonymics of phraseological units]. *Armugoni olimoni chavon* [Young scientists]. Dushanbe, Donish Publ., 1966, pp. 67–74 (In Russ.).
- UNESCO's flagship activity in safeguarding endangered languages is the Atlas of the World's Languages in Danger. Available at: <http://www.unesco.org/new/en/culture/themes/endangered-languages> (accessed: 13 March 2016) (In Eng.).

УДК 811.221.32

МЕЖДОМЕТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ШУГНАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Аламшоев Шервоншо Мукбилшоевич¹

¹ аспирант, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: alamshoev@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются междометные фразеологические единицы в шугнанском языке. Шугнанский язык является одним из бесписьменных языков восточно-иранской семьи, на котором говорят на Афганском и Таджикском Бадахшане, у истока Амударьи. Число говорящих на этом языке — около 100–150 тыс. чел. Материалом исследования послужили более 7 500 фразеологизмов, впервые собранных автором в течение 5 лет на территории Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана Бадахшана. Междометные фразеологические единицы примерно составляют 3–7 % общего объема фразеологии. Для междометной семантики характерно частое переосмысление, наращивание эмоционально-оценочной коннотации, экспрессивной семантики, использование в качестве модальных единиц в различных контекстах. Междометные фразеологические обороты выражают эмоции, волеизъявление, а также имеют переносные значения эмоционально-оценочного характера. Эти обороты выражают различные эмоции (восторг, негодование, одобрение, удивление, досаду, возмущение, недоверие, возбуждение), служат для высказывания порицания, предупреждения, приветствия при встрече, приглашения, клятвы. Устойчивые выражения употребляются в шугнанском языке для передачи волеизъявления говорящего и других более общих целей. Встречаются общеперсидские и иноязычные фразеологизмы (в основном арабизмы и редко тюркизмы).

Ключевые слова: Памир, исчезающие памирские языки, шугнанский язык, фразеология, междометные фразеологические единицы.

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 32, Is. 4, pp. 108–133, 2017
 DOI 10.22162/2075-7794-2017-32-4-108-133
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.221.32

Compatibility of Mongolian Synthetic Word Forms: a Quantitative Aspect*

Sergey A. Krylov¹

¹ Ph.D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Leading Research Associate, Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russian Federation). E-mail: krylov-58@mail.ru

Abstract. The article attempts to measure the use of combined graphical word forms in Mongolian. The work applies quantitative methods developed in corpus linguistics. The calculations were made with evidence from the General Corpus of Mongolian. The paper identifies the most frequently used combinations constituted by two word forms (graphical word bigrams) and three word forms (graphical word trigrams). The analyzed materials are represented in the form of statistical tables. Tables 1a-1b deal with the frequencies of bigrams. The ranking list (table 1a) comprises 260 most frequently used bigrams the absolute frequency of which is over 83 instances, the relative one being equal to 76 ipm. The alphabetical lists (1б and 1в) show the frequency use of 1041 most frequently used bigrams, the absolute frequency of which exceeds 37 instances, the relative one being 33 ipm. Table 1б is arranged in alphabetical order (from the beginning to the end of a bigram), and table 1в – in reverse alphabetical order (from the end to the beginning of a bigram). Tables 2a-2b deal with the frequencies of trigrams. The ranking list (table 2a) contains 257 most frequently used trigrams the absolute frequency of which exceeds 1 instances, and the relative one is 15 ipm. The alphabetical lists (2б and 2в) illustrate the frequency use of 257 most commonly used trigrams with the absolute frequency over 1 instances and the relative one — 15 ipm. Table 2б is arranged in alphabetical order (from the beginning to the end of a trigram), and table 2в — in reverse alphabetical order (from the end to the beginning of a trigram).

Keywords: Mongolian language, corpus linguistics, quantitative methods in linguistics, compatibility of word forms, collocations, bigrams, trigrams, distributional analysis, linguostatistics, statistical methods in linguistics, structural-probabilistic models in linguistics.

В настоящей работе сделана попытка представить некоторые закономерности сочетаемости словоформ монгольского языка в количественном аспекте. В целях достижения максимальной наглядности изложение материала представлено в форме шести статистических таблиц.

Первые три таблицы посвящены частотности так называемых биграмм (точнее,

словесных графических биграмм). Вторые три таблицы посвящены частотности так называемых триграмм (точнее, словесных графических триграмм). Нетрудно убедиться, что в зону нашего внимания тем самым попадают прежде всего так называемые коллокации, то есть устойчивые сочетания.

1. Употребительность словесных графических биграмм (с частотностью выше 76 ipm)

Пояснение

В: биграмма (в квазиорфографической записи).

F_{Rel}: относительная частота вхождений данной биграммы в корпус «ГКМЯ-1а». Она измерена в ipm, т.е. instances per million (words).

F: общая частота вхождений данной биграммы в корпус «ГКМЯ-1а».

R: ранг данной биграммы в ранговом списке биграмм, упорядоченном по числу вхождений данной биграммы в корпус.

1а. Ранговый словарь биграмм

Пояснение

F_{Rel}: Пороговое значение этой величины для включения в словарь составило 76 ipm, то есть в словарь включены только те биграммы, относительная частота которых превышает 76 ipm.

F: Пороговое значение этой величины для включения в словарь составило 83 вхождения, то есть в словарь включены только те биграммы, абсолютная частота которых не менее 83 вхождений.

R: Максимальное значение этого параметра — 260, то есть всего в словарь включено 260 биграмм.

В	F _{Rel}	F	R	дараа нь	272.8	297	35	ямар нэг	189.2	206	68
шүү дээ	857.8	934	1	юм даа	269.1	293	36	байна даа	187.4	204	69
юм шиг	841.3	916	2	хүү минь	261.8	285	37	уг нь	182.8	199	70
байгаа юм	567.6	618	3	чингис	260.8	284	38	билээ гэж	178.2	194	71
юм бэ	566.7	617	4	хаан				хэзээ ч	172.7	188	72
ч үгүй	533.6	581	5	даа гэж	255.3	278	39	бие нь	170.8	186	73
юм уу	522.6	569	6	биз дээ	248.9	271	40	нэг хүн	169.9	185	74
юу ч	500.6	545	7	яах вэ	245.2	267	41	л дээ	169.0	184	75
байна уу	497.8	542	8	бас л	235.1	256	42	тэр нь	168.1	183	76
байна гэж	490.5	534	9	мөн л	230.5	251	43	гэж байна	167.2	182	77
ч гэсэн	476.7	519	10	энэ нь	228.7	249	44	ямар нэгэн	165.3	180	78
дээ гэж	460.2	501	11	хэн ч	225.0	245	45	гэж би	162.6	177	79
ер нь	428.0	466	12	гэж бодож	220.4	240	46	юм биш	162.6	177	80
ч юм	425.2	463	13	энэ чинь	217.7	237	47	нэг өдөр	158.9	173	81
бид хоёр	397.7	433	14	зарим нь	215.8	235	48	эцэст нь	157.1	171	82
нь ч	375.7	409	15	гэж үү	214.0	233	49	жилийн	156.1	170	83
та нар	363.7	396	16	юм шүү	214.0	233	50	өмнө			
болов уу	355.4	387	17	байна шүү	212.2	231	51	уу даа	154.3	168	84
байсан юм	351.8	383	18	байх нь	210.3	229	52	нэг хэсэг	153.4	167	85
уу гэж	350.9	382	19	шүү гэж	210.3	229	53	бас нэг	151.5	165	86
дээр нь	349.0	380	20	байх шиг	206.7	225	54	л байна	151.5	165	87
байгаа нь	338.9	369	21	өөрийн	205.7	224	55	хойноос нь	148.8	162	88
нэг л	337.1	367	22	эрхгүй				болох нь	147.9	161	89
ямар ч	333.4	363	23	нь би	205.7	224	56	байх гэж	147.0	160	90
нь тэр	323.3	352	24	би ч	202.1	220	57	нэг юм	146.0	159	91
нэг нь	319.6	348	25	тэр хоёр	199.3	217	58	ч бас	146.0	159	92
юм бол	317.8	346	26	нүд нь	197.5	215	59	үү гэж	145.1	158	93
юм гэж	311.4	339	27	гэсэн үг	196.6	214	60	тийм ээ	145.1	158	94
энэ бол	309.5	337	28	сэтгэл нь	195.6	213	61	байсан бол	144.2	157	95
юм байна	303.1	330	29	юу гэж	194.7	212	62	мөн ч	143.3	156	96
их л	294.8	321	30	гэж байгаа	193.8	211	63	» гэж	143.3	156	97
байдаг юм	283.8	309	31	нь нэг	193.8	211	64	эр хүн	142.4	155	98
вэ гэж	283.8	309	32	байн байн	192.9	210	65	гэлээ ч	141.4	154	99
нь энэ	283.8	309	33	гэж бодоод	192.9	210	66	хүү нь	141.4	154	100
гэхэд нь	282.9	308	34	байх юм	189.2	206	67	дэргэд нь	140.5	153	101

¹ Вообще говоря, устойчивость сочетаний можно и должно оценивать не только с помощью простейших оценок частотности их появления. Существуют более сложные меры оценки устойчивости – прежде всего такие, как «MI-тест» и «t-score», но мы пока что ограничиваемся для простоты самым непосредственно наблюдаемым параметром – а именно, частотой встречаемости; мерой устойчивости будет посвящена особая отдельная работа.

минь чи	137.8	150	102	бол гэж	104.7	114	157	гэж эрдэнэ	87.3	95	210
нь юу	137.8	150	103	л нэг	104.7	114	158	тэгээд л	87.3	95	211
гэж бодон	136.9	149	104	нэг мэдэхэд	104.7	114	159	яаж ч	87.3	95	212
орж ирээд	135.9	148	105	ч байж	103.8	113	160	хүн юм	86.3	94	213
сэтгэлд нь	135.9	148	106	чи бид	103.8	113	161	байгаа бо-	85.4	93	214
тэр хүн	135.9	148	107	байна гээд	101.0	110	162	лолтой			
л юм	135.0	147	108	дээ гээд	101.0	110	163	хэд хэдэн	85.4	93	215
гэдэг чинь	133.2	145	109	юм билээ	101.0	110	164	энэ үгийг	85.4	93	216
гэсэн юм	133.2	145	110	нь үгүй	100.1	109	165	яг л	85.4	93	217
л даа	133.2	145	111	та хоёр	100.1	109	166	аль хэдийн	84.5	92	218
бэ гэж	130.4	142	112	гээд л	99.2	108	167	байна энэ	84.5	92	219
юу вэ	128.6	140	113	гэж бодов	98.3	107	168	гэж боддог	84.5	92	220
болно гэж	127.7	139	114	одоо ч	98.3	107	169	морьтой	84.5	92	221
ер бусын	127.7	139	115	ч гэж	98.3	107	170	хүн			
царай нь	126.7	138	116	эх орон	98.3	107	171	байгаа биз	83.6	91	222
бүү мэд	125.8	137	117	ард нь	97.4	106	172	бид хоёрын	83.6	91	223
маргааш нь	125.8	137	118	байх даа	97.4	106	173	бие биеэ	83.6	91	224
болсон юм	124.0	135	119	орж ирэв	97.4	106	174	орж ирсэн	83.6	91	225
дотор нь	124.0	135	120	эх нь	97.4	106	175	та минь	83.6	91	226
нь бас	122.2	133	121	байна би	96.4	105	176	тийм ч	83.6	91	227
гэдэг нь	120.3	131	122	нь хоёр	96.4	105	177	байгаа бол	82.7	90	228
нэг ч	120.3	131	123	ч тэр	96.4	105	178	гэх вэ	82.7	90	229
ах дүү	119.4	130	124	юм би	95.5	104	179	минь би	82.7	90	230
ч биш	119.4	130	125	бас ч	94.6	103	180	явж байна	82.7	90	231
гэж нэг	117.6	128	126	яах юм	94.6	103	181	гэж зарлиг	81.7	89	232
байх вэ	116.6	127	127	би тэр	93.7	102	182	биз гэж	80.8	88	233
энэ үед	116.6	127	128	нь л	93.7	102	183	билээ дээ	80.8	88	234
биш үү	115.7	126	129	нь хүртэл	93.7	102	184	араас нь	79.9	87	235
тэр ч	115.7	126	130	хариуд нь	93.7	102	185	гэж асуув	79.9	87	236
хоёр хүн	115.7	126	131	юм энэ	93.7	102	186	гэж бодно	79.9	87	237
гэж бодсон	114.8	125	132	үл мэдэг	92.8	101	187	гэж тэр	79.9	87	238
нүдэнд нь	113.9	124	133	байх ёстой	92.8	101	188	энэ	79.9	87	239
миний хүү	113.0	123	134	нь мөн	92.8	101	189	бүхнийг			
чинь юу	113.0	123	135	байж билээ	91.8	100	190	юм гээд	79.9	87	240
болж байна	112.1	122	136	байхад нь	91.8	100	191	хүүхэд шиг	79.0	86	241
вэ дээ	111.1	121	137	минь энэ	91.8	100	192	хоёр нь	79.0	86	242
нэг их	111.1	121	138	яагаад ч	91.8	100	193	байна вэ	78.1	85	243
чи минь	111.1	121	139	нь их	90.9	99	194	бодож бай-	78.1	85	244
байсан нь	110.2	120	140	учир нь	90.9	99	195	на			
гэж хэлээд	110.2	120	141	гэсэн шиг	90.0	98	196	бол би	78.1	85	245
урьд өмнө	110.2	120	142	хоёр дахь	90.0	98	197	улам ч	78.1	85	246
энэ хоёр	110.2	120	143	энд тэнд	90.0	98	198	хажууд нь	78.1	85	247
юм алга	110.2	120	144	юм гэнэ	90.0	98	199	хар хүн	78.1	85	248
дэмий л	109.3	119	145	юм чинь	90.0	98	200	хэн нь	78.1	85	249
хүн шиг	109.3	119	146	байх	89.1	97	201	юм болов	78.1	85	250
үе үе	107.5	117	147	бөгөөд				байгаа даа	77.2	84	251
харин ч	107.5	117	148	болж бай-	89.1	97	202	би чамайг	77.2	84	252
үгүй ээ	106.5	116	149	гаа				биш харин	77.2	84	253
бүр ч	106.5	116	150	ч алга	89.1	97	203	одоо би	77.2	84	254
хүн гэж	106.5	116	151	шиг болов	89.1	97	204	бух өвгөн	76.2	83	255
энэ удаа	106.5	116	152	ёстой л	88.2	96	205	л гэж	76.2	83	256
өмнө нь	105.6	115	153	гарч ирээд	88.2	96	206	нь ямар	76.2	83	257
би энэ	105.6	115	154	ч яахав	88.2	96	207	орж ирлээ	76.2	83	258
болох юм	105.6	115	155	энэ хүн	88.2	96	208	ч мөн	76.2	83	259
нэг удаа	105.6	115	156	бусад нь	87.3	95	209	чухам юу	76.2	83	260

16. Прямой алфавитный частотный словарь биграмм

Пояснение

F_{Rel}: Пороговое значение этой величины для включения в словарь составило 33, то есть в словарь включены только те биграммы, относительная частота которых превышает 33 ирм.

F: Пороговое значение этой величины для включения в словарь составило 37, то есть в словарь включены только те биграммы, абсолютная частота которых не менее 37 вхождений.

R: Максимальное значение этого параметра — 1041, то есть в словарь включено 1041 биграмм.

В	F_{Rel}	F	R	байгаа биз	83.6	91	222	байна шүү	212.2	231	51
1935 он	52.4	57	513	байгаа билээ	45.0	49	666	байна энэ	84.5	92	219
аа гэж	71.6	78	289	байгаа биш	45.0	49	667	байсан байх	34.0	37	1014
аа тийм	52.4	57	514	байгаа бол	82.7	90	228	байсан билээ	36.7	40	902
аав минь	66.1	72	327	байгаа болол-	85.4	93	214	байсан бол	144.2	157	95
аав нь	63.4	69	359	той				байсан бо-	53.3	58	505
аав чинь	45.0	49	664	байгаа гэж	60.6	66	398	ловч			
аав ээж	58.8	64	420	байгаа даа	77.2	84	251	байсан боло-	35.8	39	941
авах гэж	48.7	53	580	байгаа мэт	40.4	44	775	хоор			
аж ахуйн	63.4	69	360	байгаа нь	338.9	369	21	байсан	63.4	69	362
ай даа	35.8	39	938	байгаа хүн	60.6	66	399	бөгөөд			
алга болж	36.7	40	894	байгаа хэрэг	48.7	53	582	байсан гэж	51.4	56	534
алга болов	40.4	44	772	байгаа шүү	43.2	47	713	байсан даа	35.8	39	942
аль болохоор	46.8	51	621	байгаа юм	567.6	618	3	байсан нь	110.2	120	140
аль вэ	34.9	38	974	байдаг билээ	60.6	66	400	байсан тул	36.7	40	903
аль нь	59.7	65	411	байдаг бол	36.7	40	898	байсан ч	61.5	67	386
аль хэдийн	84.5	92	218	байдаг гэж	36.7	40	899	байсан шүү	37.7	41	866
аль ч	36.7	40	895	байдаг нь	34.0	37	1012	байсан юм	351.8	383	18
ам нь	48.7	53	581	байдаг юм	283.8	309	31	байх аа	64.3	70	349
амьд мэнд	37.7	41	862	байж билээ	91.8	100	190	байх билээ	74.4	81	268
анх удаа	69.8	76	301	байж болно	56.0	61	457	байх бөгөөд	89.1	97	201
араас нь	79.9	87	235	байж болох	59.7	65	412	байх вэ	116.6	127	127
арай гэж	50.5	55	553	байж дээ	47.8	52	595	байх гэж	147.0	160	90
арай л	40.4	44	773	байж л	45.9	50	645	байх даа	97.4	106	173
арай ч	44.1	48	691	байж	38.6	42	830	байх ёстой	92.8	101	188
арай ядан	45.0	49	665	магадгүй				байх нь	210.3	229	52
арга буюу	63.4	69	361	байж мэднэ	68.9	75	307	байх тул	35.8	39	943
аргагүй л	43.2	47	712	байлаа гэвч	53.3	58	503	байх уу	40.4	44	776
ард нь	97.4	106	172	байлаа гэтэл	46.8	51	622	байх шиг	206.7	225	54
ард түмний	58.8	64	421	байлаа тэгээд	36.7	40	900	байх юм	189.2	206	67
ард түмэн	75.3	82	261	байлаа тэр	62.5	68	372	байхад нь	91.8	100	191
ардын жу-	37.7	41	863	байлаа энэ	65.2	71	335	байхгүй гэж	35.8	39	944
рамт				байлгүй дээ	41.3	45	747	байхгүй юу	45.0	49	668
ардын засаг	40.4	44	774	байн байн	192.9	210	65	бараг л	56.0	61	458
ардын за-	65.2	71	334	байна би	96.4	105	176	барьж аваад	45.0	49	669
сгийн				байна вэ	78.1	85	243	бас л	235.1	256	42
ардын нам	36.7	40	896	байна гэв	36.7	40	901	бас нэг	151.5	165	86
ах дүү	119.4	130	124	байна гэж	490.5	534	9	бас тэгээд	66.1	72	328
ах минь	34.9	38	975	байна гэнэ	37.7	41	865	бас ч	94.6	103	180
ах нь	57.9	63	438	байна гэсэн	34.0	37	1013	баяр хөөр	40.4	44	777
аягүй бол	50.5	55	554	байна гэхэд	50.5	55	556	би бас	44.1	48	692
багш аа	34.0	37	1011	байна гээд	101.0	110	162	би бол	47.8	52	596
багш нь	35.8	39	939	байна даа	187.4	204	69	би л	39.5	43	799
байв би	41.3	45	746	байна лээ	34.9	38	977	би нэг	62.5	68	373
байв тэр	38.6	42	829	байна та	38.6	42	831	би одоо	38.6	42	833
байв энэ	37.7	41	864	байна тэр	53.3	58	504	би өөрөө	38.6	42	832
байгаа байх	42.2	46	729	байна уу	497.8	542	8	би та	34.9	38	978

би түүний	41.3	45	748	болов энэ	34.0	37	1015	гэдэг хүн	47.8	52	599
би түүнийг	45.0	49	670	болох вэ	46.8	51	623	гэдэг чинь	133.2	145	109
би тэр	93.7	102	182	болох гэж	68.0	74	317	гэдэг юм	73.5	80	275
би ч	202.1	220	57	болох нь	147.9	161	89	гэж асуув	79.9	87	236
би чамайг	77.2	84	252	болох тул	36.7	40	906	гэж асуухад	43.2	47	716
би чамд	75.3	82	262	болох юм	105.6	115	155	гэж байгаа	193.8	211	63
би чинь	60.6	66	401	болохгүй гэж	39.5	43	802	гэж байдаг	43.2	47	717
би энэ	105.6	115	154	болсон	45.9	50	647	гэж байна	167.2	182	77
би юу	38.6	42	834	бөгөөд				гэж байсан	36.7	40	908
би ямар	40.4	44	778	болсон гэж	38.6	42	836	гэж бат	52.4	57	519
бид хоёр	397.7	433	14	болсон нь	55.1	60	474	гэж би	162.6	177	79
бид хоёрыг	48.7	53	583	болсон тул	52.4	57	515	гэж боддог	84.5	92	220
бид хоёрын	83.6	91	223	болсон хойно	45.0	49	672	гэж бодлоо	45.0	49	673
бид ч	37.7	41	867	болсон юм	124.0	135	119	гэж бодно	79.9	87	237
бие биедээ	36.7	40	904	босон харайж	43.2	47	714	гэж бодов	98.3	107	168
бие биеэ	83.6	91	224	бөгөөд тэр	56.9	62	446	гэж бодож	220.4	240	46
бие нь	170.8	186	73	бөгөөд энэ	50.5	55	555	гэж бодон	136.9	149	104
биз гэж	80.8	88	233	бус уу	43.2	47	715	гэж бодоод	192.9	210	66
биз дээ	248.9	271	40	бусад нь	87.3	95	209	гэж бодох	56.0	61	459
биз ээ	45.9	50	646	бух өвгөн	76.2	83	255	гэж бодоход	63.4	69	365
бий гэж	56.9	62	447	бүр ч	106.5	116	150	гэж бодохоос	50.5	55	557
билээ би	57.9	63	439	бүү мэд	125.8	137	117	гэж бодсон	114.8	125	132
билээ гэвч	40.4	44	779	бүү хэл	34.9	38	976	гэж дотроо	68.9	75	309
билээ гэж	178.2	194	71	бүх бие	34.0	37	1010	гэж дуу	71.6	78	290
билээ гэтэл	58.8	64	422	бүх юм	64.3	70	348	гэж дээ	42.2	46	731
билээ гээд	34.9	38	979	бүхэн нь	36.7	40	897	гэж зарлиг	81.7	89	232
билээ дээ	80.8	88	234	бэ гэж	130.4	142	112	гэж итгэлт	71.6	78	291
билээ одоо	40.4	44	780	ван хан	52.4	57	516	гэж намайг	40.4	44	781
билээ тэр	51.4	56	535	вий гэж	35.8	39	945	гэж нэг	117.6	128	126
билээ энэ	68.0	74	316	вэ гэвэл	37.7	41	868	гэж өвгөн	37.7	41	873
биш байгаа	48.7	53	584	вэ гэж	283.8	309	32	гэж санана	35.8	39	947
биш биз	39.5	43	800	вэ гэхэд	42.2	46	730	гэж сэтгэл	59.7	65	414
биш гэж	49.6	54	568	вэ дээ	111.1	121	137	гэж төмөр	39.5	43	803
биш дээ	54.2	59	488	вэ энэ	38.6	42	837	гэж тэр	79.9	87	238
биш үү	115.7	126	129	газар дээр	36.7	40	907	гэж үздэг	34.9	38	981
биш харин	77.2	84	253	газар нь	68.9	75	308	гэж үү	214.0	233	49
бодож байна	78.1	85	244	ганаа хүү	34.9	38	980	гэж хашгирав	36.7	40	909
бодож байсан	38.6	42	835	ганц нэг	38.6	42	838	гэж хашгиран	37.7	41	874
бол би	78.1	85	245	гар дээр	34.0	37	1016	гэж хэлж	46.8	51	624
бол гэж	104.7	114	157	гар нь	60.6	66	402	гэж хэлсэн	50.5	55	558
бол доо	72.6	79	283	гарч байгаа	37.7	41	869	гэж хэлэв	61.5	67	387
бол миний	65.2	71	336	гарч ирлээ	63.4	69	363	гэж хэлэх	47.8	52	600
бол одоо	47.8	52	597	гарч ирсэн	37.7	41	870	гэж хэлэхэд	35.8	39	948
бол тэр	47.8	52	598	гарч ирэв	56.9	62	449	гэж хэлээд	110.2	120	141
бол уу	62.5	68	374	гарч ирэхэд	37.7	41	871	гэж хэн	51.4	56	537
бол ч	39.5	43	801	гарч ирээд	88.2	96	206	гэж энэ	34.9	38	982
бол энэ	72.6	79	284	гарыг нь	35.8	39	946	гэж эрдэнэ	87.3	95	210
болдог юм	56.9	62	448	гол нь	67.0	73	320	гэж юу	37.7	41	875
болдоггүй юм	41.3	45	749	гурав дахь	59.7	65	413	гэж яваа	38.6	42	839
болж байгаа	89.1	97	202	гэвч би	44.1	48	693	гэлээ ч	141.4	154	99
болж байгааг	45.0	49	671	гэвч тэр	48.7	53	585	гэнэ билээ	56.9	62	450
болж байна	112.1	122	136	гэвч энэ	63.4	69	364	гэнэ шүү	36.7	40	910
болж дээ	41.3	45	750	гэгч нь	52.4	57	517	гэрийн дотор	34.9	38	983
боллоо гэж	62.5	68	375	гэдэг бол	52.4	57	518	гэрийн зүг	70.7	77	293
болно гэж	127.7	139	114	гэдэг газар	65.2	71	337	гэрийн эзэн	41.3	45	751
болно шүү	36.7	40	905	гэдэг нь	120.3	131	122	гэрт нь	41.3	45	752
болов уу	355.4	387	17	гэдэг үг	51.4	56	536	гэсэн бодол	49.6	54	569
				гэдэг үгийг	37.7	41	872	гэсэн боловч	45.0	49	674

LINGUISTICS

гэсэн мэт	35.8	39	949	дээр гарч	64.3	70	350	л гэсэн	50.5	55	564
гэсэн үг	196.6	214	60	дээр нь	349.0	380	20	л даа	133.2	145	111
гэсэн ч	45.9	50	648	дээр очиж	34.0	37	1020	л доо	56.0	61	463
гэсэн чинь	34.0	37	1017	дээрээс нь	66.1	72	330	л дээ	169.0	184	75
гэсэн шиг	90.0	98	196	ер бусын	127.7	139	115	л нэг	104.7	114	158
гэсэн юм	133.2	145	110	ер нь	428.0	466	12	л тэр	46.8	51	627
гэтэл бас	54.2	59	489	ердөө л	42.2	46	732	л хүн	46.8	51	628
гэтэл нэг	45.9	50	649	ёстой гэж	42.2	46	727	л энэ	65.2	71	338
гэтэл тэр	60.6	66	403	ёстой л	88.2	96	205	л юм	135.0	147	108
гэтэл энэ	63.4	69	366	ёстой юм	34.9	38	970	лам нар	56.0	61	464
гэх вэ	82.7	90	229	жилийн өмнө	156.1	170	83	лам нарын	40.4	44	787
гэх зэрэг	36.7	40	911	жишээ нь	35.8	39	950	луу гүний	68.9	75	311
гэх мэт	38.6	42	840	за би	34.9	38	987	люу лий	67.0	73	321
гэх нь	50.5	55	559	за за	61.5	67	389	магадгүй гэж	34.0	37	1021
гэх шиг	50.5	55	560	за та	39.5	43	804	мань эр	58.8	64	426
гэх юм	50.5	55	561	за тэгвэл	40.4	44	786	маргааш нь	125.8	137	118
гэхэд нь	282.9	308	34	за тэгээд	69.8	76	302	маргааш	63.4	69	368
гэхээс өөр	36.7	40	912	за тэр	37.7	41	877	өглөө			
гээд итгэлт	40.4	44	782	за чи	39.5	43	805	маш их	58.8	64	427
гээд л	99.2	108	167	за энэ	35.8	39	951	миний бие	46.8	51	629
гээд төмөр	34.0	37	1018	за яахав	52.4	57	521	миний хүү	113.0	123	134
гээд эрдэнэ	47.8	52	601	залуу нас	56.9	62	451	миний энэ	34.9	38	991
д нацагдорж	75.3	82	263	зарим нь	215.8	235	48	минь би	82.7	90	230
д нацагдор- жийн	73.5	80	276	зарлиг болов	72.6	79	285	минь гэж	75.3	82	264
да лооеэ	34.0	37	1019	зарлиг бол- руун	34.9	38	988	минь намайг	38.6	42	845
даа би	40.4	44	783	зогсож бай- гаа	46.8	51	626	минь та	42.2	46	733
даа гэж	255.3	278	39	зүгээр л	58.8	64	424	минь тэр	35.8	39	952
даа гээд	68.9	75	310	зүрх минь	46.8	51	625	минь чи	137.8	150	102
даах гэж	34.9	38	984	зүрх нь	74.4	81	269	минь энэ	91.8	100	192
даваан дээр	37.7	41	876	ийм л	70.7	77	294	минь ээ	56.0	61	465
дараа нь	272.8	297	35	ийм сайхан	34.9	38	989	монгол хүн	70.7	77	295
дарга нар	38.6	42	841	ийм юм	39.5	43	806	монгол	34.9	38	992
дахиад л	62.5	68	376	ийш тийш	72.6	79	286	морь нь	71.6	78	292
дахин дахин	68.0	74	318	ингээд л	47.8	52	603	морьтой хүн	84.5	92	221
доо гэж	56.0	61	460	ир гэж	47.8	52	604	мөн л	230.5	251	43
дор нь	45.0	49	675	ирж байгаа	45.0	49	676	мөн ч	143.3	156	96
дотор нь	124.0	135	120	ирж яваа	34.9	38	990	муу юм	49.6	54	571
дулаан хайр- ханы	40.4	44	784	ирлээ гэж	39.5	43	807	мэдэж байгаа	37.7	41	878
дунд сургу- уль	40.4	44	785	ирнэ гэж	43.2	47	719	мэдэж байна	54.2	59	491
дуу алдав	34.9	38	985	ирсэн нь	38.6	42	843	мэдэх билээ	43.2	47	720
дуу алдан	66.1	72	329	ирсэн юм	56.0	61	461	мэдэх вэ	45.0	49	677
дуу нь	58.8	64	423	ирэв үү	47.8	52	605	нааш цааш	38.6	42	847
дуугаар хэлэв	43.2	47	718	ирэх нь	58.8	64	425	над руу	62.5	68	378
дүү минь	50.5	55	562	ирэхэд нь	53.3	58	507	над шиг	56.0	61	466
дүү нар	53.3	58	506	их бага	45.9	50	650	нам гүм	52.4	57	522
дэмий л	109.3	119	145	их л	294.8	321	30	нар минь	48.7	53	586
дэргэд нь	140.5	153	101	их юм	56.0	61	462	нар нь	35.8	39	953
дээ би	61.5	67	388	л байгаа	50.5	55	563	нарны гэрэлд	38.6	42	848
дээ гэв	38.6	42	842	л байдаг	49.6	54	570	нас барсан	37.7	41	880
дээ гэж	460.2	501	11	л байлаа	54.2	59	490	нөгөө нь	53.3	58	508
дээ гэхэд	62.5	68	377	л байна	151.5	165	87	нөгөө талаар	54.2	59	492
дээ гээд	101.0	110	163	л байсан	63.4	69	367	нөгөө хоёр	47.8	52	606
дээ чи	36.7	40	913	л байх	73.5	80	277	нөгөө хүн	36.7	40	914
дээ энэ	51.4	56	538	л би	38.6	42	844	нөхөд нь	38.6	42	846
дээх гэж	52.4	57	520	л бол	60.6	66	404	нөхөр минь	39.5	43	808
дээгүүр нь	47.8	52	602	л гэж	76.2	83	256	нөхөр нь	49.6	54	572
								нутагт мал- чны	42.2	46	734

нүд нь	197.5	215	59	нь чухал	45.0	49	678	өглөө нь	64.3	70	347
нүдний нь	44.1	48	694	нь энэ	283.8	309	33	өглөө эрт	40.4	44	771
нүдэнд нь	113.9	124	133	нь ээ	68.0	74	319	өгсөн юм	44.1	48	690
нүүр нь	37.7	41	879	нь юм	57.9	63	441	өгье гэж	35.8	39	936
нүүрэнд нь	34.9	38	993	нь юу	137.8	150	103	өдий төдий	60.6	66	397
нь авч	55.1	60	475	нь ямар	76.2	83	257	өдөр бүр	54.2	59	487
нь аль	52.4	57	523	нэг бол	35.8	39	957	өдөр	35.8	39	937
нь аргагүй	65.2	71	340	нэг залуу	41.3	45	754	шөнөгүй			
нь байна	38.6	42	849	нэг их	111.1	121	138	өмнө нь	105.6	115	153
нь барьж	47.8	52	608	нэг л	337.1	367	22	өмнөөс нь	46.8	51	620
нь бас	122.2	133	121	нэг муу	46.8	51	633	өндөр дуу- гаар	38.6	42	828
нь би	205.7	224	56	нэг мэдэхэд	104.7	114	159	өөдөөс нь	57.9	63	436
нь бол	41.3	45	753	нэг нь	319.6	348	25	өөр аргагүй	57.9	63	437
нь болж	34.9	38	994	нэг нэг	47.8	52	610	өөр нэг	40.4	44	770
нь бүр	64.3	70	351	нэг өдөр	158.9	173	81	өөр хүн	42.2	46	728
нь вэ	64.3	70	352	нэг том	51.4	56	540	өөр юм	69.8	76	300
нь гарч	34.9	38	995	нэг удаа	105.6	115	156	өөр юу	68.0	74	315
нь гэвэл	52.4	57	524	нэг үе	59.7	65	416	өөрийн нь	51.4	56	533
нь гэж	61.5	67	390	нэг хоёр	39.5	43	810	өөрийн	205.7	224	55
нь дээр	73.5	80	278	нэг хүн	169.9	185	74	эрхгүй			
нь зөв	52.4	57	525	нэг хэсэг	153.4	167	85	өөрөө ч	48.7	53	579
нь илэрхий	59.7	65	415	нэг ч	120.3	131	123	өөрт нь	59.7	65	410
нь их	90.9	99	194	нэг юм	146.0	159	91	өчүүхэн ч	45.0	49	663
нь л	93.7	102	183	нэгэн зэрэг	40.4	44	788	руу нь	61.5	67	393
нь маш	34.0	37	1022	нэгэн өдөр	60.6	66	405	рүү нь	54.2	59	494
нь миний	57.9	63	440	нэгэн хэсэг	44.1	48	697	сайн байна	67.0	73	322
нь мөн	92.8	101	189	нэгэн цагт	56.9	62	452	сайн мэднэ	43.2	47	722
нь мэдээж	44.1	48	695	огтхон ч	36.7	40	917	сайн сайхан	34.0	37	1025
нь нулимс	39.5	43	809	одоо би	77.2	84	254	сайхан юм	65.2	71	342
нь нэг	193.8	211	64	одоо л	56.0	61	467	санаа алдаад	35.8	39	959
нь одоо	50.5	55	565	одоо тэр	44.1	48	698	санаа алдав	51.4	56	541
нь олж	36.7	40	915	одоо хүртэл	34.0	37	1023	санаа алдан	58.8	64	428
нь олон	49.6	54	573	одоо ч	98.3	107	169	санаа нь	56.0	61	468
нь орж	51.4	56	539	одоо энэ	36.7	40	918	санаанд нь	41.3	45	757
нь өөрийн	37.7	41	881	ой мод	35.8	39	958	санаж байна	40.4	44	790
нь сайн	46.8	51	631	ойн эмсийн	47.8	52	611	сая л	36.7	40	920
нь сайхан	36.7	40	916	олон жил	73.5	80	279	сонин юм	34.9	38	997
нь тодорхой	37.7	41	882	олон жилийн	45.9	50	652	сумын нутагт	57.9	63	443
нь тун	61.5	67	391	олон хүн	61.5	67	392	сууж байгаа	45.0	49	679
нь түүний	44.1	48	696	олон хүний	36.7	40	919	сууж байсан	48.7	53	587
нь түүнийг	35.8	39	955	олон юм	34.0	37	1024	сүүлд нь	34.9	38	996
нь тэр	323.3	352	24	оноос уран	53.3	58	509	сүүлийн үед	52.4	57	527
нь улаан	35.8	39	956	орж ирж	41.3	45	755	сэтгэл минь	34.0	37	1026
нь улам	55.1	60	476	орж ирлээ	76.2	83	258	сэтгэл нь	195.6	213	61
нь уу	46.8	51	632	орж ирсэн	83.6	91	225	сэтгэлд нь	135.9	148	106
нь үгүй	100.1	109	165	орж ирэв	97.4	106	174	сэтгэлийг нь	45.9	50	654
нь үл	65.2	71	339	орж ирэх	37.7	41	883	та бүхэн	44.1	48	699
нь үнэн	47.8	52	607	орж ирэхэд	52.4	57	526	та минь	83.6	91	226
нь үнэхээр	35.8	39	954	орж ирээд	135.9	148	105	та намайг	39.5	43	811
нь хар	45.9	50	651	орой дээр	45.9	50	653	та нар	363.7	396	16
нь хоёр	96.4	105	177	орой нь	41.3	45	756	та нарт	56.0	61	469
нь хүн	62.5	68	379	орон дээр	57.9	63	442	та нарыг	58.8	64	429
нь хүртэл	93.7	102	184	орон дээрээ	40.4	44	789	та нарын	67.0	73	323
нь хүрч	65.2	71	341	орон минь	37.7	41	884	та хоёр	100.1	109	166
нь хэдэн	54.2	59	493	оронд нь	53.3	58	510	та юу	34.0	37	1027
нь хэн	47.8	52	609	охин минь	53.3	58	511	тал нь	37.7	41	885
нь ч	375.7	409	15	охин нь	43.2	47	721	талаас нь	44.1	48	700
нь чи	38.6	42	850	өвгөн минь	36.7	40	893				

LINGUISTICS

талд нь	55.1	60	477	уу гэж	350.9	382	19	хоёр нүд	34.9	38	1005
тас няс	41.3	45	760	уу гэлтэй	45.9	50	655	хоёр нь	79.0	86	242
тийм биш	42.2	46	735	уу гэмээр	39.5	43	813	хоёр нэг	39.5	43	816
тийм л	46.8	51	634	уу гэхэд	48.7	53	589	хоёр хүн	115.7	126	131
тийм үү	54.2	59	495	уу гээд	48.7	53	590	хоёр ч	64.3	70	353
тийм ч	83.6	91	227	уу даа	154.3	168	84	хоёрын хоо- ронд	41.3	45	764
тийм ээ	145.1	158	94	уу үгүй	67.0	73	325	хойноос нь	148.8	162	88
толгой дээр	56.9	62	453	уу эсвэл	51.4	56	543	хоногийн	60.6	66	407
толгой нь	38.6	42	851	уул нь	40.4	44	793	дараа			
том том	63.4	69	369	уулын орой	40.4	44	794	хоол хийж	44.1	48	705
том хар	40.4	44	791	ухаан	35.8	39	962	хоолой нь	44.1	48	706
төдий л	66.1	72	331	жолоогүй				хө хө	49.6	54	576
төрсөн нутаг	41.3	45	759	учир нь	90.9	99	195	хөл нь	69.8	76	303
тун ч	67.0	73	324	үг дуугүй	40.4	44	769	хөөрхий	39.5	43	814
тус тус	35.8	39	960	үг хэлж	44.1	48	688	минь			
тухай ярьж	36.7	40	921	үгийг сон- соод	35.8	39	935	хувь заяа	61.5	67	394
түүний нь	41.3	45	758	үгүй ер	38.6	42	827	хүн амьтан	45.0	49	681
түүнээс хойш	60.6	66	406	үгүй га	37.7	41	860	хүн байна	59.7	65	418
тэгээд бас	49.6	54	574	үгүй хүү	34.9	38	973	хүн байсан	45.9	50	656
тэгээд би	34.9	38	998	үгүй чи	36.7	40	891	хүн байх	35.8	39	963
тэгээд л	87.3	95	211	үгүй энэ	63.4	69	358	хүн биш	74.4	81	271
тэгээд тэр	44.1	48	701	үгүй ээ	106.5	116	149	хүн бол	48.7	53	591
тэгээд ч	75.3	82	265	үгүй юу	44.1	48	689	хүн болж	44.1	48	704
тэр бол	65.2	71	343	үе үе	107.5	117	147	хүн бүр	55.1	60	479
тэр бүхнийг	34.9	38	999	үл мэднэ	37.7	41	861	хүн бүхэн	44.1	48	703
тэр вэ	37.7	41	886	үл мэдэг	92.8	101	187	хүн бэ	57.9	63	444
тэр дундаас	34.0	37	1028	үл таних	36.7	40	892	хүн гэдэг	45.0	49	682
тэр зүг	56.9	62	454	үнэхээр ч	41.3	45	745	хүн гэж	106.5	116	151
тэр л	59.7	65	417	үр хүүхэд	34.0	37	1009	хүн дээ	51.4	56	544
тэр минь	39.5	43	812	үү гэж	145.1	158	93	хүн нь	38.6	42	852
тэр нь	168.1	183	76	үү гэхэд	34.9	38	971	хүн нэг	45.0	49	683
тэр орой	40.4	44	792	үү гээд	34.9	38	972	хүн	34.0	37	1031
тэр өдөр	51.4	56	542	үү дээ	50.5	55	552	төрөлхтний			
тэр сайхан	35.8	39	961	үүнээс хойш	34.0	37	1008	хүн ч	66.1	72	332
тэр үед	63.4	69	370	үхүү гекүү	45.9	50	644	хүн шиг	109.3	119	146
тэр үү	45.0	49	680	ха ха	41.3	45	761	хүн шүү	72.6	79	287
тэр хоёр	199.3	217	58	хаана байна	46.8	51	636	хүн энэ	34.0	37	1032
тэр хоёрыг	36.7	40	922	хааяа нэг	41.3	45	762	хүн юм	86.3	94	213
тэр хоёрын	42.2	46	736	хажууд нь	78.1	85	247	хүрч ирээд	49.6	54	575
тэр хүн	135.9	148	107	хамаг бие	48.7	53	592	хүү минь	261.8	285	37
тэр хүний	47.8	52	612	хар хүн	78.1	85	248	хүү нь	141.4	154	100
тэр цагт	68.9	75	312	харж байна	34.0	37	1033	хүү хоёр	34.0	37	1029
тэр ч	115.7	126	130	харин би	41.3	45	763	хүү чинь	34.0	37	1030
тэр чинь	74.4	81	270	харин ч	107.5	117	148	хүүхэд шиг	79.0	86	241
тэр шөнө	48.7	53	588	харин чи	42.2	46	737	хэвтэж бай- гаа	54.2	59	496
уг нь	182.8	199	70	харин энэ	40.4	44	795	хэд дахин	62.5	68	380
удсан ч	34.9	38	1000	хариуд нь	93.7	102	185	хэд хоног	67.0	73	326
улам ч	78.1	85	246	хачин юм	37.7	41	889	хэд хоногийн	36.7	40	923
улс төрийн	55.1	60	478	хийж байгаа	66.1	72	333	хэд хэдэн	85.4	93	215
уран бүтээлээ	34.9	38	1001	хийсэн юм	38.6	42	853	хэдий нь	35.8	39	964
уран зохиол	46.8	51	635	хийх гэж	34.9	38	1002	хэдэн жил	54.2	59	497
уран зохио- лын	44.1	48	702	хичнээн ч	34.9	38	1003	хэдэн жи- лийн	54.2	59	498
урьд нь	37.7	41	887	хоёр бие	34.9	38	1004	хэдэн зуун	47.8	52	614
урьд өмнө	110.2	120	142	хоёр гурван	55.1	60	480	хэдэн өдрийн	42.2	46	738
утга зохио- лын	58.8	64	430	хоёр дахь	90.0	98	197	хэдэн удаа	36.7	40	924
уу аль	37.7	41	888	хоёр жил	39.5	43	815	хэдэн үг	46.8	51	637
				хоёр залуу	47.8	52	613				

хэдэн хүн	61.5	67	395	ч юу	36.7	40	927	энэ тухай	51.4	56	547
хэзээ ч	172.7	188	72	ч яах	53.3	58	512	энэ тэр	60.6	66	409
хэлж байгаа	34.0	37	1034	ч яахав	88.2	96	207	энэ тэрийг	58.8	64	434
хэлж байна	58.8	64	431	чам шиг	42.2	46	740	энэ удаа	106.5	116	152
хэлсэн нь	34.0	37	1035	чи бид	103.8	113	161	энэ учраас	55.1	60	485
хэлсэн үг	37.7	41	890	чи миний	50.5	55	566	энэ үг	44.1	48	710
хэлэх үү	73.5	80	280	чи минь	111.1	121	139	энэ үгийг	85.4	93	216
хэн бэ	68.9	75	313	чи намайг	74.4	81	272	энэ үед	116.6	127	128
хэн нь	78.1	85	249	чи ч	59.7	65	419	энэ хоёр	110.2	120	143
хэн нэгэн	44.1	48	707	чи чинь	68.9	75	314	энэ хүн	88.2	96	208
хэн ч	225.0	245	45	чи энэ	36.7	40	928	энэ ч	69.8	76	306
хэнд ч	70.7	77	296	чи юу	56.0	61	470	энэ чинь	217.7	237	47
хэрэг биш	38.6	42	854	чив чимээгүй	35.8	39	966	эр хүн	142.4	155	98
хэрэг гэж	36.7	40	925	чингис хаан	260.8	284	38	эр хүний	62.5	68	382
хэрэг үү	62.5	68	381	чингис хаанд	50.5	55	567	эр эм	48.7	53	593
хэрэг юу	34.0	37	1036	чинь би	69.8	76	304	эрдэнэ минь	36.7	40	931
хэрэгтэй гэж	43.2	47	723	чинь нэг	34.0	37	1038	эрэг дээр	51.4	56	548
хэрэгтэй юм	44.1	48	708	чинь одоо	38.6	42	857	эх нь	97.4	106	175
хэсэг дуугүй	51.4	56	545	чинь энэ	47.8	52	618	эх орноо	38.6	42	859
хэсэг зуур	47.8	52	615	чинь юу	113.0	123	135	эх орны	39.5	43	821
хэсэг нь	39.5	43	817	чих тавин	34.0	37	1039	эх орон	98.3	107	171
цааш нь	52.4	57	529	чулуун дээр	45.9	50	658	эхнэр нь	64.3	70	354
цаг ямагт	39.5	43	818	чухам юу	76.2	83	260	эцэг нь	58.8	64	435
цагаан сар	35.8	39	965	шив дээ	60.6	66	408	эцэг эх	72.6	79	288
царай нь	126.7	138	116	шиг байна	69.8	76	305	эцэст нь	157.1	171	82
ч алга	89.1	97	203	шиг болж	65.2	71	344	ээ би	56.9	62	456
ч аргагүй	38.6	42	855	шиг боллоо	58.8	64	433	ээ гэж	62.5	68	383
ч атугай	45.0	49	684	шиг болов	89.1	97	204	ээ дээ	70.7	77	298
ч байж	103.8	113	160	шиг болсон	36.7	40	929	ээ чи	40.4	44	796
ч байсан	55.1	60	482	шиг л	74.4	81	273	ээ энэ	41.3	45	766
ч байтугай	43.2	47	724	шиг сайхан	45.9	50	659	ээж минь	74.4	81	274
ч байхгүй	54.2	59	499	шиг санаг-	75.3	82	266	ээж нь	62.5	68	384
ч бас	146.0	159	92	дана				юм аа	55.1	60	486
ч би	47.8	52	616	шиг юм	55.1	60	483	юм алга	110.2	120	144
ч бий	34.0	37	1037	шинжлэх	45.9	50	660	юм байж	42.2	46	741
ч биш	119.4	130	125	ухааны				юм байна	303.1	330	29
ч болов	38.6	42	856	ширээн дээр	54.2	59	500	юм байх	65.2	71	346
ч болсон	41.3	45	765	шүү гэж	210.3	229	53	юм байхгүй	46.8	51	641
ч гэж	98.3	107	170	шүү гээд	73.5	80	281	юм би	95.5	104	179
ч гэлээ	45.9	50	657	шүү дээ	857.8	934	1	юм билүү	64.3	70	355
ч гэсэн	476.7	519	10	шүүрэн авч	38.6	42	858	юм билээ	101.0	110	164
ч гэх	42.2	46	739	эзэн нь	56.0	61	471	юм биш	162.6	177	80
ч их	70.7	77	297	эмэгтэй хүн	34.9	38	1006	юм бодож	39.5	43	822
ч мөн	76.2	83	259	энд тэнд	90.0	98	198	юм бол	317.8	346	26
ч мэдэхгүй	58.8	64	432	энд тэндгүй	34.0	37	1040	юм болов	78.1	85	250
ч нэг	39.5	43	819	энэ бол	309.5	337	28	юм бүхэн	57.9	63	445
ч олон	39.5	43	820	энэ бүхнийг	79.9	87	239	юм бэ	566.7	617	4
ч сайхан	47.8	52	617	энэ бүхэн	65.2	71	345	юм гэдэг	35.8	39	967
ч тийм	49.6	54	577	энэ вэ	46.8	51	640	юм гэж	311.4	339	27
ч тэр	96.4	105	178	энэ даруй	43.2	47	725	юм гэнэ	90.0	98	199
ч үг	36.7	40	926	энэ жил	73.5	80	282	юм гэтэл	49.6	54	578
ч үгүй	533.6	581	5	энэ зуур	56.9	62	455	юм гээд	79.9	87	240
ч үл	55.1	60	481	энэ их	43.2	47	726	юм даа	269.1	293	36
ч хүн	46.8	51	638	энэ л	45.9	50	661	юм нь	41.3	45	767
ч хэрэггүй	51.4	56	546	энэ муу	55.1	60	484	юм тэгээд	41.3	45	768
ч чадахгүй	44.1	48	709	энэ нь	228.7	249	44	юм тэр	70.7	77	299
ч энэ	46.8	51	639	энэ өдөр	36.7	40	930	юм уу	522.6	569	6
ч юм	425.2	463	13	энэ сайхан	52.4	57	530	юм чинь	90.0	98	200

юм шиг	841.3	916	2	юу юугүй	40.4	44	798	яваа хүн	51.4	56	551
юм шүү	214.0	233	50	юуны өмнө	46.8	51	642	яваа юм	62.5	68	385
юм энэ	93.7	102	186	юутай сайхан	44.1	48	711	явах нь	56.0	61	472
юм юу	34.0	37	1041	юү ч	36.7	40	932	явахад нь	45.0	49	687
юм ярьж	34.9	38	1007	яагаад ч	91.8	100	193	явдаг юм	46.8	51	643
юмсан гэж	42.2	46	742	яадаг юм	52.4	57	531	явж байгаа	56.0	61	473
юу байх	61.5	67	396	яаж байна	45.9	50	662	явж байна	82.7	90	231
юу байхав	39.5	43	823	яаж ч	87.3	95	212	явна гэж	48.7	53	594
юу билээ	75.3	82	267	яасан ч	64.3	70	356	явсан юм	64.3	70	357
юу болж	63.4	69	371	яасан юм	45.0	49	685	яг л	85.4	93	217
юу болов	36.7	40	933	яах билээ	45.0	49	686	ямар нэг	189.2	206	68
юу болох	39.5	43	824	яах вэ	245.2	267	41	ямар нэгэн	165.3	180	78
юу болохыг	42.2	46	743	яах гэж	51.4	56	549	ямар ч	333.4	363	23
юу болсныг	35.8	39	968	яах нь	39.5	43	825	янз бүрийн	52.4	57	532
юу вэ	128.6	140	113	яах ч	51.4	56	550	яруу найраг	35.8	39	969
юу гэж	194.7	212	62	яах юм	94.6	103	181	яруу найрагч	42.2	46	744
юу гэсэн	40.4	44	797	яахав дээ	54.2	59	501	яруу найр- гийн	39.5	43	826
юу хийж	47.8	52	619	яая гэх	36.7	40	934				
юу ч	500.6	545	7	яваа нь	54.2	59	502				

1в. Обратный алфавитный частотный словарь биграмм

Пояснение

F_{Rel} : Пороговое значение этой величины для включения в словарь составило 33, то есть в словарь включены только те биграммы, относительная частота которых превышает 33 ирм.

F: Пороговое значение этой величины для включения в словарь составило 37, то есть в словарь включены только те биграммы, абсолютная частота которых не менее 37 вхождений.

R: Максимальное значение этого параметра — 1041, то есть в словарь включено 1041 биграмм.

В	F_{Rel}	F	R
юм аа	55.1	60	486
байх аа	64.3	70	349
багш аа	34	37	1011
ирж яваа	34.9	38	990
гэж яваа	38.6	42	839
явж байгаа	56	61	473
хийж байгаа	66.1	72	333
болж байгаа	89.1	97	202
хэлж байгаа	34	37	1034
зогсож байгаа	46.8	51	626
ирж байгаа	45	49	676
сууж байгаа	45	49	679
гэж байгаа	193.8	211	63
мэдэж байгаа	37.7	41	878
хэвтэж байгаа	54.2	59	496
л байгаа	50.5	55	563
гарч байгаа	37.7	41	869
биш байгаа	48.7	53	584
байгаа даа	77.2	84	251
байна даа	187.4	204	69
ай даа	35.8	39	938
л даа	133.2	145	111
юм даа	269.1	293	36
байсан даа	35.8	39	942
уу даа	154.3	168	84
байх даа	97.4	106	173
нэг удаа	105.6	115	156

хэдэн удаа	36.7	40	924
анх удаа	69.8	76	301
энэ удаа	106.5	116	152
л байлаа	54.2	59	490
хоногийн дараа	60.6	66	407
их бага	45.9	50	650
юм алга	110.2	120	144
ч алга	89.1	97	203
за за	61.5	67	389
шиг санагдана	75.3	82	266
гэж санана	35.8	39	947
хаана байна	46.8	51	636
шиг байна	69.8	76	305
санаж байна	40.4	44	790
яаж байна	45.9	50	662
явж байна	82.7	90	231
болж байна	112.1	122	136
хэлж байна	58.8	64	431
бодож байна	78.1	85	244
харж байна	34	37	1033
гэж байна	167.2	182	77
мэдэж байна	54.2	59	491
л байна	151.5	165	87
юм байна	303.1	330	29
сайн байна	67	73	322
хүн байна	59.7	65	418
нь байна	38.6	42	849
за та	39.5	43	804

байна та	38.6	42	831	гэрийн зүг	70.7	77	293
би та	34.9	38	978	тэр зүг	56.9	62	454
үгүй та	37.7	41	860	юу болсныг	35.8	39	968
минь та	42.2	46	733	та нарыг	58.8	64	429
ха ха	41.3	45	761	бид хоёрыг	48.7	53	583
хувь заяа	61.5	67	394	тэр хоёрыг	36.7	40	922
санаа алдав	51.4	56	541	юу болохыг	42.2	46	743
дуу алдав	34.9	38	985	гэж үздэг	34.9	38	981
гэж хашгирав	36.7	40	909	юм гэдэг	35.8	39	967
за яахав	52.4	57	521	хүн гэдэг	45	49	682
ч яахав	88.2	96	207	үл мэдэг	92.8	101	187
юу байхав	39.5	43	823	хааяа нэг	41.3	45	762
гэж бодов	98.3	107	168	нэг нэг	47.8	52	610
алга болов	40.4	44	772	гэж нэг	117.6	128	126
зарлиг болов	72.6	79	285	би нэг	62.5	68	373
шиг болов	89.1	97	204	л нэг	104.7	114	158
юм болов	78.1	85	250	гэтэл нэг	45.9	50	649
юу болов	36.7	40	933	хүн нэг	45	49	683
ч болов	38.6	42	856	ямар нэг	189.2	206	68
нь зөв	52.4	57	525	хоёр нэг	39.5	43	816
гэж асуув	79.9	87	236	өөр нэг	40.4	44	770
байна гэв	36.7	40	901	бас нэг	151.5	165	86
дээ гэв	38.6	42	842	ганц нэг	38.6	42	838
гэж хэлэв	61.5	67	387	ч нэг	39.5	43	819
дугаар хэлэв	43.2	47	718	нь нэг	193.8	211	64
орж ирэв	97.4	106	174	чинь нэг	34	37	1038
гарч ирэв	56.9	62	449	нэгэн зэрэг	40.4	44	788
болж байгааг	45	49	671	гэх зэрэг	36.7	40	911
гэж байдаг	43.2	47	717	байгаа хэрэг	48.7	53	582
л байдаг	49.6	54	570	нэг хэсэг	153.4	167	85
яруу найраг	35.8	39	969	нэгэн хэсэг	44.1	48	697
ардын засаг	40.4	44	774	барьж аваад	45	49	669
төрсөн нутаг	41.3	45	759	санаа алдаад	35.8	39	959
гэж зарлиг	81.7	89	232	гэж асуухад	43.2	47	716
над шиг	56	61	466	сүүлийн үед	52.4	57	527
хүүхэд шиг	79	86	241	тэр үед	63.4	69	370
чам шиг	42.2	46	740	энэ үед	116.6	127	128
юм шиг	841.3	916	2	чи бид	103.8	113	161
хүн шиг	109.3	119	146	нарны гэрэлд	38.6	42	848
гэсэн шиг	90	98	196	би чамд	75.3	82	262
байх шиг	206.7	225	54	чингис хаанд	50.5	55	567
гэх шиг	50.5	55	560	хоёрын хооронд	41.3	45	764
та намайг	39.5	43	811	амьд мэнд	37.7	41	862
гэж намайг	40.4	44	781	энд тэнд	90	98	198
чи намайг	74.4	81	272	ой мод	35.8	39	958
минь намайг	38.6	42	845	гэж бодоод	192.9	210	66
би чамайг	77.2	84	252	үгийг сонсоод	35.8	39	935
гэдэг үгийг	37.7	41	872	гэж бодоход	63.4	69	365
энэ үгийг	85.4	93	216	байсан бөгөөд	63.4	69	362
би түүнийг	45	49	670	болсон бөгөөд	45.9	50	647
нь түүнийг	35.8	39	955	байх бөгөөд	89.1	97	201
тэр бүхнийг	34.9	38	999	хоёр нүд	34.9	38	1005
энэ бүхнийг	79.9	87	239	бүү мэд	125.8	137	117
энэ тэрийг	58.8	64	434	үр хүүхэд	34	37	1009
гэж боддог	84.5	92	220	байна гэхэд	50.5	55	556
хэд хоног	67	73	326	уу гэхэд	48.7	53	589
гэдэг үг	51.4	56	536	үү гэхэд	34.9	38	971
хэдэн үг	46.8	51	637	вэ гэхэд	42.2	46	730
хэлсэн үг	37.7	41	890	дээ гэхэд	62.5	68	377
гэсэн үг	196.6	214	60	нэг мэдэхэд	104.7	114	159
ч үг	36.7	40	926	гэж хэлэхэд	35.8	39	948
энэ үг	44.1	48	710	орж ирэхэд	52.4	57	526

LINGUISTICS

гарч ирэхэд	37.7	41	871	байхгүй гэж	35.8	39	944
даа гээд	68.9	75	310	болохгүй гэж	39.5	43	802
байна гээд	101	110	162	хэрэгтэй гэж	43.2	47	723
юм гээд	79.9	87	240	л гэж	76.2	83	256
уу гээд	48.7	53	590	бол гэж	104.7	114	157
үү гээд	34.9	38	972	юм гэж	311.4	339	27
шүү гээд	73.5	80	281	байсан гэж	51.4	56	534
дээ гээд	101	110	163	юмсан гэж	42.2	46	742
билээ гээд	34.9	38	979	болсон гэж	38.6	42	836
байлаа тэгээд	36.7	40	900	хүн гэж	106.5	116	151
за тэгээд	69.8	76	302	болно гэж	127.7	139	114
юм тэгээд	41.3	45	768	доо гэж	56	61	460
бас тэгээд	66.1	72	328	боллоо гэж	62.5	68	375
гэж хэлээд	110.2	120	141	ир гэж	47.8	52	604
орж ирээд	135.9	148	105	уу гэж	350.9	382	19
гарч ирээд	88.2	96	206	юу гэж	194.7	212	62
хүрч ирээд	49.6	54	575	үү гэж	145.1	158	93
хамаг бие	48.7	53	592	шүү гэж	210.3	229	53
миний бие	46.8	51	629	авах гэж	48.7	53	580
хоёр бие	34.9	38	1004	яах гэж	51.4	56	549
бүх бие	34	37	1010	байх гэж	147	160	90
нэг үе	59.7	65	416	хийх гэж	34.9	38	1002
үе үе	107.5	117	147	болох гэж	68	74	317
дээр очиж	34	37	1020	ч гэж	98.3	107	170
юм байж	42.2	46	741	биш гэж	49.6	54	568
ч байж	103.8	113	160	нь гэж	61.5	67	390
босон харайж	43.2	47	714	минь гэж	75.3	82	264
хоол хийж	44.1	48	705	бэ гэж	130.4	142	112
юу хийж	47.8	52	619	вэ гэж	283.8	309	32
нь олж	36.7	40	915	ирнэ гэж	43.2	47	719
алга болж	36.7	40	894	ээ гэж	62.5	68	383
шиг болж	65.2	71	344	дээ гэж	460.2	501	11
хүн болж	44.1	48	704	билээ гэж	178.2	194	71
юу болж	63.4	69	371	ирлээ гэж	39.5	43	807
нь болж	34.9	38	994	аав ээж	58.8	64	420
үг хэлж	44.1	48	688	нь мэдээж	44.1	48	695
гэж хэлж	46.8	51	624	байгаа биз	83.6	91	222
гэж бодож	220.4	240	46	биш биз	39.5	43	800
юм бодож	39.5	43	822	даа би	40.4	44	783
орж ирж	41.3	45	755	за би	34.9	38	987
нь орж	51.4	56	539	байна би	96.4	105	176
д нацагдорж	75.3	82	263	байв би	41.3	45	746
нь барьж	47.8	52	608	тэгээд би	34.9	38	998
тухай ярьж	36.7	40	921	гэж би	162.6	177	79
юм ярьж	34.9	38	1007	л би	38.6	42	844
χ гэж	143.3	156	97	бол би	78.1	85	245
даах гэж	34.9	38	984	юм би	95.5	104	179
дээх гэж	52.4	57	520	харин би	41.3	45	763
аа гэж	71.6	78	289	одоо би	77.2	84	254
байгаа гэж	60.6	66	398	ч би	47.8	52	616
даа гэж	255.3	278	39	гэвч би	44.1	48	693
явна гэж	48.7	53	594	нь би	205.7	224	56
байна гэж	490.5	534	9	минь би	82.7	90	230
байдаг гэж	36.7	40	899	чинь би	69.8	76	304
хэрэг гэж	36.7	40	925	ээ би	56.9	62	456
өгье гэж	35.8	39	936	дээ би	61.5	67	388
биз гэж	80.8	88	233	билээ би	57.9	63	439
арай гэж	50.5	55	553	за чи	39.5	43	805
бий гэж	56.9	62	447	үгүй чи	36.7	40	891
вий гэж	35.8	39	945	харин чи	42.2	46	737
ёстой гэж	42.2	46	727	нь чи	38.6	42	850
магадгүй гэж	34	37	1021	минь чи	137.8	150	102

ээ чи	40.4	44	796	аргагүй л	43.2	47	712
дээ чи	36.7	40	913	ийм л	70.7	77	294
ч атугай	45	49	684	тийм л	46.8	51	634
ч байтугай	43.2	47	724	мөн л	230.5	251	43
энэ тухай	51.4	56	547	одоо л	56	61	467
ч бий	34	37	1037	ердөө л	42.2	46	732
өдий төдий	60.6	66	397	тэр л	59.7	65	417
люу лий	67	73	321	зүгээр л	58.8	64	424
чи миний	50.5	55	566	бас л	235.1	256	42
бол миний	65.2	71	336	их л	294.8	321	30
нь миний	57.9	63	440	нь л	93.7	102	183
ард түмний	58.8	64	421	энэ л	45.9	50	661
хүн төрөлхтний	34	37	1031	сая л	36.7	40	920
луу гүний	68.9	75	311	нь чухал	45	49	678
би түүний	41.3	45	748	олон жил	73.5	80	279
нь түүний	44.1	48	696	хэдэн жил	54.2	59	497
монгол хүний	34.9	38	992	хоёр жил	39.5	43	815
олон хүний	36.7	40	919	энэ жил	73.5	80	282
эр хүний	62.5	68	382	байгаа бол	82.7	90	228
тэр хүний	47.8	52	612	байдаг бол	36.7	40	898
нь илэрхий	59.7	65	415	гэдэг бол	52.4	57	518
уулын орой	40.4	44	794	нэг бол	35.8	39	957
тэр орой	40.4	44	792	би бол	47.8	52	596
байгаа бололтой	85.4	93	214	аягүй бол	50.5	55	554
байх ёстой	92.8	101	188	л бол	60.6	66	404
нь тодорхой	37.7	41	882	юм бол	317.8	346	26
энэ даруй	43.2	47	725	байсан бол	144.2	157	95
өөр аргагүй	57.9	63	437	хүн бол	48.7	53	591
ч аргагүй	38.6	42	855	тэр бол	65.2	71	343
нь аргагүй	65.2	71	340	нь бол	41.3	45	753
ч хэрэггүй	51.4	56	546	энэ бол	309.5	337	28
байж магадгүй	38.6	42	830	гэсэн бодол	49.6	54	569
энд тэндгүй	34	37	1040	уран зохиол	46.8	51	635
ухаан жолоогүй	35.8	39	962	байсан тул	36.7	40	903
өдөр шөнөгүй	35.8	39	937	болсон тул	52.4	57	515
үг дуугүй	40.4	44	769	байх тул	35.8	39	943
хэсэг дуугүй	51.4	56	545	болох тул	36.7	40	906
юу юугүй	40.4	44	798	ч үл	55.1	60	481
уу үгүй	67	73	325	нь үл	65.2	71	339
ч үгүй	533.6	581	5	за тэгвэл	40.4	44	786
нь үгүй	100.1	109	165	уу эсвэл	51.4	56	543
ч чадахгүй	44.1	48	709	нь гэвэл	52.4	57	524
юм байхгүй	46.8	51	641	вэ гэвэл	37.7	41	868
ч байхгүй	54.2	59	499	гэж сэтгэл	59.7	65	414
өөрийн эрхгүй	205.7	224	55	одоо хүртэл	34	37	1023
ч мэдэхгүй	58.8	64	432	нь хүртэл	93.7	102	184
чив чимээгүй	35.8	39	966	байлаа гэтэл	46.8	51	622
уу гэлтэй	45.9	50	655	юм гэтэл	49.6	54	578
бараг л	56	61	458	билээ гэтэл	58.8	64	422
шиг л	74.4	81	273	бүү хэл	34.9	38	976
нэг л	337.1	367	22	нь улам	55.1	60	476
яг л	85.4	93	217	ардын нам	36.7	40	896
дахиад л	62.5	68	376	аа тийм	52.4	57	514
гээд л	99.2	108	167	ч тийм	49.6	54	577
ингээд л	47.8	52	603	нэг том	51.4	56	540
тэгээд л	87.3	95	211	том том	63.4	69	369
байж л	45.9	50	645	нам гүм	52.4	57	522
би л	39.5	43	799	эр эм	48.7	53	593
арай л	40.4	44	773	яваа юм	62.5	68	385
төдий л	66.1	72	331	байгаа юм	567.6	618	3
дэмий л	109.3	119	145	яадаг юм	52.4	57	531
ёстой л	88.2	96	205	явдаг юм	46.8	51	643

LINGUISTICS

байдаг юм	283.8	309	31	байн байн	192.9	210	65
шиг юм	55.1	60	483	нь сайн	46.8	51	631
болдог юм	56.9	62	448	хэд хоногийн	36.7	40	923
гэдэг юм	73.5	80	275	яруу найргийн	39.5	43	826
нэг юм	146	159	91	ардын засгийн	65.2	71	334
ёстой юм	34.9	38	970	аль хэдийн	84.5	92	218
болдоггүй юм	41.3	45	749	д нацагдоржийн	73.5	80	276
хэрэгтэй юм	44.1	48	708	олон жилийн	45.9	50	652
л юм	135	147	108	хэдэн жилийн	54.2	59	498
ийм юм	39.5	43	806	хэдэн өдрийн	42.2	46	738
яасан юм	45	49	685	нь өөрийн	37.7	41	881
явсан юм	64.3	70	357	улс төрийн	55.1	60	478
байсан юм	351.8	383	18	янз бүрийн	52.4	57	532
сайхан юм	65.2	71	342	ойн эмсийн	47.8	52	611
сонин юм	34.9	38	997	аж ахуйн	63.4	69	360
хачин юм	37.7	41	889	1935 он	52.4	57	513
олон юм	34	37	1024	гэж бодон	136.9	149	104
болсон юм	124	135	119	ч олон	39.5	43	820
өгсөн юм	44.1	48	690	нь олон	49.6	54	573
хүн юм	86.3	94	213	эх орон	98.3	107	171
хийсэн юм	38.6	42	853	гэж бодсон	114.8	125	132
ирсэн юм	56	61	461	шиг болсон	36.7	40	929
гэсэн юм	133.2	145	110	ч болсон	41.3	45	765
өөр юм	69.8	76	300	гэж өвгөн	37.7	41	873
муу юм	49.6	54	571	бух өвгөн	76.2	83	255
яах юм	94.6	103	181	ч мөн	76.2	83	259
их юм	56	61	462	нь мөн	92.8	101	189
байх юм	189.2	206	67	нь тун	61.5	67	391
болох юм	105.6	115	155	хэдэн зуун	47.8	52	614
бүх юм	64.3	70	348	зарлиг болруун	34.9	38	988
гэх юм	50.5	55	561	яваа хүн	51.4	56	551
ч юм	425.2	463	13	байгаа хүн	60.6	66	399
нь юм	57.9	63	441	гэдэг хүн	47.8	52	599
нь улаан	35.8	39	956	нэг хүн	169.9	185	74
чингис хаан	260.8	284	38	морьтой хүн	84.5	92	221
хоёр гурван	55.1	60	480	эмэгтэй хүн	34.9	38	1006
санаа алдан	58.8	64	428	л хүн	46.8	51	628
дуу алдан	66.1	72	329	монгол хүн	70.7	77	295
арай ядан	45	49	665	олон хүн	61.5	67	392
гэж хашгиран	37.7	41	874	хэдэн хүн	61.5	67	395
оноос уран	53.3	58	509	нөгөө хүн	36.7	40	914
бодож байсан	38.6	42	835	хар хүн	78.1	85	248
сууж байсан	48.7	53	587	хоёр хүн	115.7	126	131
гэж байсан	36.7	40	908	өөр хүн	42.2	46	728
л байсан	63.4	69	367	эр хүн	142.4	155	98
хүн байсан	45.9	50	656	тэр хүн	135.9	148	107
ч байсан	55.1	60	482	ч хүн	46.8	51	638
нас барсан	37.7	41	880	нь хүн	62.5	68	379
хүн амьтан	45	49	681	энэ хүн	88.2	96	208
ван хан	52.4	57	516	утга зохиолын	58.8	64	430
шиг сайхан	45.9	50	659	уран зохиолын	44.1	48	702
юугай сайхан	44.1	48	711	та нарын	67	73	323
ийм сайхан	34.9	38	989	лам нарын	40.4	44	787
сайн сайхан	34	37	1025	бид хоёрын	83.6	91	223
тэр сайхан	35.8	39	961	тэр хоёрын	42.2	46	736
ч сайхан	47.8	52	617	ер бусын	127.7	139	115
нь сайхан	36.7	40	916	хэн нэгэн	44.1	48	707
энэ сайхан	52.4	57	530	ямар нэгэн	165.3	180	78
чих тавин	34	37	1039	хэд хэдэн	85.4	93	215
биш харин	77.2	84	253	нь хэдэн	54.2	59	493
хэд дахин	62.5	68	380	гэрийн эзэн	41.3	45	751
дахин дахин	68	74	318	ард түмэн	75.3	82	261

нь үнэн	47.8	52	607	энэ өдөр	36.7	40	930
гэж хэлсэн	50.5	55	558	гээд төмөр	34	37	1018
орж ирсэн	83.6	91	225	гэж төмөр	39.5	43	803
гарч ирсэн	37.7	41	870	гэхээс өөр	36.7	40	912
байна гэсэн	34	37	1013	баяр хөөр	40.4	44	777
л гэсэн	50.5	55	564	хэсэг зуур	47.8	52	615
юу гэсэн	40.4	44	797	энэ зуур	56.9	62	455
ч гэсэн	476.7	519	10	хүн бүр	55.1	60	479
гэж хэн	51.4	56	537	өдөр бүр	54.2	59	487
нь хэн	47.8	52	609	нь бүр	64.3	70	351
та бүхэн	44.1	48	699	мань эр	58.8	64	426
юм бүхэн	57.9	63	445	байлаа тэр	62.5	68	372
хүн бүхэн	44.1	48	703	за тэр	37.7	41	877
энэ бүхэн	65.2	71	345	байна тэр	53.3	58	504
гэж бодно	79.9	87	237	байв тэр	38.6	42	829
болсон хойно	45	49	672	бөгөөд тэр	56.9	62	446
байж болно	56	61	457	тэгээд тэр	44.1	48	701
л доо	56	61	463	гэж тэр	79.9	87	238
бол доо	72.6	79	283	би тэр	93.7	102	182
би одоо	38.6	42	833	л тэр	46.8	51	627
бол одоо	47.8	52	597	бол тэр	47.8	52	598
нь одоо	50.5	55	565	гэтэл тэр	60.6	66	403
чинь одоо	38.6	42	857	юм тэр	70.7	77	299
билээ одоо	40.4	44	780	одоо тэр	44.1	48	698
гэж бодлоо	45	49	673	ч тэр	96.4	105	178
шиг боллоо	58.8	64	433	гэвч тэр	48.7	53	585
эх орноо	38.6	42	859	нь тэр	323.3	352	24
гэж дотроо	68.9	75	309	минь тэр	35.8	39	952
урьд өмнө	110.2	120	142	энэ тэр	60.6	66	409
жилийн өмнө	156.1	170	83	билээ тэр	51.4	56	535
юуны өмнө	46.8	51	642	эрэг дээр	51.4	56	548
тэр шөнө	48.7	53	588	толгой дээр	56.9	62	453
маргааш өглөө	63.4	69	368	орой дээр	45.9	50	653
би өөрөө	38.6	42	832	даваан дээр	37.7	41	876
хө хө	49.6	54	576	орон дээр	57.9	63	442
өндөр дуугаар	38.6	42	828	чулуун дээр	45.9	50	658
нөгөө талаар	54.2	59	492	ширээн дээр	54.2	59	500
гэдэг газар	65.2	71	337	гар дээр	34	37	1016
би ямар	40.4	44	778	газар дээр	36.7	40	907
нь ямар	76.2	83	257	нь дээр	73.5	80	278
дарга нар	38.6	42	841	уу гэмээр	39.5	43	813
та нар	363.7	396	16	нь үнэхээр	35.8	39	954
лам нар	56	61	464	тэр дундаас	34	37	1028
дүү нар	53.3	58	506	энэ учраас	55.1	60	485
цагаан сар	35.8	39	965	тэгээд бас	49.6	54	574
том хар	40.4	44	791	би бас	44.1	48	692
нь хар	45.9	50	651	гэтэл бас	54.2	59	489
үгүй ер	38.6	42	827	ч бас	146	159	92
та хоёр	100.1	109	166	нь бас	122.2	133	121
нэг хоёр	39.5	43	810	залуу нас	56.9	62	451
бид хоёр	397.7	433	14	нь нулимс	39.5	43	809
нөгөө хоёр	47.8	52	606	гэж бодохоос	50.5	55	557
тэр хоёр	199.3	217	58	тус тус	35.8	39	960
хүү хоёр	34	37	1029	тас няс	41.3	45	760
нь хоёр	96.4	105	177	гэж бат	52.4	57	519
энэ хоёр	110.2	120	143	цаг ямагт	39.5	43	818
байсан болохоор	35.8	39	941	сумын нутагт	57.9	63	443
аль болохоор	46.8	51	621	нэгэн цагт	56.9	62	452
гэрийн дотор	34.9	38	983	тэр цагт	68.9	75	312
нэг өдөр	158.9	173	81	гээд итгэлт	40.4	44	782
нэгэн өдөр	60.6	66	405	гэж итгэлт	71.6	78	291
тэр өдөр	51.4	56	542	ардын журамт	37.7	41	863

LINGUISTICS

та нарт	56	61	469	байгаа байх	42.2	46	729
өглөө эрт	40.4	44	771	л байх	73.5	80	277
байгаа мэт	40.4	44	775	юм байх	65.2	71	346
гэсэн мэт	35.8	39	949	байсан байх	34	37	1014
гэх мэт	38.6	42	840	хүн байх	35.8	39	963
байна уу	497.8	542	8	юу байх	61.5	67	396
болов уу	355.4	387	17	гэж бодох	56	61	459
бол уу	62.5	68	374	байж болох	59.7	65	412
юм уу	522.6	569	6	юу болох	39.5	43	824
бус уу	43.2	47	715	эцэг эх	72.6	79	288
байх уу	40.4	44	776	ч гэх	42.2	46	739
нь уу	46.8	51	632	яая гэх	36.7	40	934
гэж дуу	71.6	78	290	гэж хэлэх	47.8	52	600
нэг залуу	41.3	45	754	орж ирэх	37.7	41	883
хоёр залуу	47.8	52	613	нэг ч	120.3	131	123
нэг муу	46.8	51	633	яагаад ч	91.8	100	193
энэ муу	55.1	60	484	бид ч	37.7	41	867
над руу	62.5	68	378	хэнд ч	70.7	77	296
та юу	34	37	1027	тэгээд ч	75.3	82	265
хэрэг юу	34	37	1036	яаж ч	87.3	95	212
гэж юу	37.7	41	875	би ч	202.1	220	57
би юу	38.6	42	834	чи ч	59.7	65	419
чи юу	56	61	470	арай ч	44.1	48	691
үгүй юу	44.1	48	689	бол ч	39.5	43	801
байхгүй юу	45	49	668	улам ч	78.1	85	246
чухам юу	76.2	83	260	тийм ч	83.6	91	227
юм юу	34	37	1041	яасан ч	64.3	70	356
өөр юу	68	74	315	удсан ч	34.9	38	1000
ч юу	36.7	40	927	байсан ч	61.5	67	386
нь юу	137.8	150	103	харин ч	107.5	117	148
чинь юу	113	123	135	огтхон ч	36.7	40	917
арга буюу	63.4	69	361	мөн ч	143.3	156	96
ирэв үү	47.8	52	605	тун ч	67	73	324
хэрэг үү	62.5	68	381	хүн ч	66.1	72	332
гэж үү	214	233	49	гэсэн ч	45.9	50	648
тийм үү	54.2	59	495	хэн ч	225	245	45
тэр үү	45	49	680	өчүүхэн ч	45	49	663
хэлэх үү	73.5	80	280	хичнээн ч	34.9	38	1003
биш үү	115.7	126	129	одоо ч	98.3	107	169
ах дүү	119.4	130	124	өөрөө ч	48.7	53	579
үхүү гекүү	45.9	50	644	ямар ч	333.4	363	23
юм билүү	64.3	70	355	хоёр ч	64.3	70	353
ганаа хүү	34.9	38	980	бүр ч	106.5	116	150
миний хүү	113	123	134	тэр ч	115.7	126	130
үгүй хүү	34.9	38	973	үнэхээр ч	41.3	45	745
байгаа шүү	43.2	47	713	бас ч	94.6	103	180
байна шүү	212.2	231	51	юу ч	500.6	545	7
юм шүү	214	233	50	юү ч	36.7	40	932
байсан шүү	37.7	41	866	яах ч	51.4	56	550
хүн шүү	72.6	79	287	аль ч	36.7	40	895
болно шүү	36.7	40	905	нь ч	375.7	409	15
гэнэ шүү	36.7	40	910	энэ ч	69.8	76	306
ч яах	53.3	58	512	хэзээ ч	172.7	188	72
нэг их	111.1	121	138	гэлээ ч	141.4	154	99
ч их	70.7	77	297	шүүрэн авч	38.6	42	858
маш их	58.8	64	427	нь авч	55.1	60	475
нь их	90.9	99	194	байсан боловч	53.3	58	505
энэ их	43.2	47	726	гэсэн боловч	45	49	674
үл таних	36.7	40	892	байлаа гэвч	53.3	58	503

билээ гэвч	40.4	44	779	толгой нь	38.6	42	851
яруу найрагч	42.2	46	744	хоолой нь	44.1	48	706
дээр гарч	64.3	70	350	орой нь	41.3	45	756
нь гарч	34.9	38	995	тал нь	37.7	41	885
нь хүрч	65.2	71	341	гол нь	67	73	320
нааш цааш	38.6	42	847	хөл нь	69.8	76	303
нь маш	34	37	1022	уул нь	40.4	44	793
байгаа биш	45	49	667	сэтгэл нь	195.6	213	61
хэрэг биш	38.6	42	854	ам нь	48.7	53	581
тийм биш	42.2	46	735	зарим нь	215.8	235	48
юм биш	162.6	177	80	юм нь	41.3	45	767
хүн биш	74.4	81	271	байсан нь	110.2	120	140
ч биш	119.4	130	125	охин нь	43.2	47	721
ийш тийш	72.6	79	286	өөрийн нь	51.4	56	533
үүнээс хойш	34	37	1008	болсон нь	55.1	60	474
түүнээс хойш	60.6	66	406	хүн нь	38.6	42	852
шинжлэх ухааны	45.9	50	660	эзэн нь	56	61	471
дулаан хайрханы	40.4	44	784	хэлсэн нь	34	37	1035
эх орны	39.5	43	821	ирсэн нь	38.6	42	843
нутагт малчны	42.2	46	734	хэн нь	78.1	85	249
уу аль	37.7	41	888	бүхэн нь	36.7	40	897
нь аль	52.4	57	523	өмнө нь	105.6	115	153
дунд сургууль	40.4	44	785	нөгөө нь	53.3	58	508
яваа нь	54.2	59	502	өглөө нь	64.3	70	347
байгаа нь	338.9	369	21	гар нь	60.6	66	402
санаа нь	56	61	468	газар нь	68.9	75	308
дараа нь	272.8	297	35	нар нь	35.8	39	953
аав нь	63.4	69	359	ер нь	428	466	12
байдаг нь	34	37	1012	хоёр нь	79	86	242
сэтгэлийг нь	45.9	50	654	учир нь	90.9	99	195
уг нь	182.8	199	70	дор нь	45	49	675
гарыг нь	35.8	39	946	дотор нь	124	135	120
гэдэг нь	120.3	131	122	нөхөр нь	49.6	54	572
нэг нь	319.6	348	25	дээгүүр нь	47.8	52	602
хэсэг нь	39.5	43	817	нүүр нь	37.7	41	879
эцэг нь	58.8	64	435	эхнэр нь	64.3	70	354
бусад нь	87.3	95	209	тэр нь	168.1	183	76
явахад нь	45	49	687	дээр нь	349	380	20
байхад нь	91.8	100	191	талаас нь	44.1	48	700
талд нь	55.1	60	477	араас нь	79.9	87	235
сүүлд нь	34.9	38	996	хойноос нь	148.8	162	88
сэтгэлд нь	135.9	148	106	өөдөөс нь	57.9	63	436
санаанд нь	41.3	45	757	өмнөөс нь	46.8	51	620
оронд нь	53.3	58	510	дээрээс нь	66.1	72	330
нүдэнд нь	113.9	124	133	өөрт нь	59.7	65	410
нүүрэнд нь	34.9	38	993	гэрт нь	41.3	45	752
нөхөд нь	38.6	42	846	эцэст нь	157.1	171	82
ард нь	97.4	106	172	дуу нь	58.8	64	423
хариуд нь	93.7	102	185	руу нь	61.5	67	393
хажууд нь	78.1	85	247	рүү нь	54.2	59	494
нүд нь	197.5	215	59	хүү нь	141.4	154	100
урьд нь	37.7	41	887	ах нь	57.9	63	438
дэргэд нь	140.5	153	101	явах нь	56	61	472
гэхэд нь	282.9	308	34	яах нь	39.5	43	825
ирэхэд нь	53.3	58	507	байх нь	210.3	229	52
бие нь	170.8	186	73	болох нь	147.9	161	89
ээж нь	62.5	68	384	зүрх нь	74.4	81	269
царай нь	126.7	138	116	эх нь	97.4	106	175
хэдий нь	35.8	39	964	гэх нь	50.5	55	559
нүдний нь	44.1	48	694	ирэх нь	58.8	64	425
түүний нь	41.3	45	758	гэгч нь	52.4	57	517

LINGUISTICS

маргааш нь	125.8	137	118	би энэ	105.6	115	154
цааш нь	52.4	57	529	чи энэ	36.7	40	928
багш нь	35.8	39	939	миний энэ	34.9	38	991
аль нь	59.7	65	411	үгүй энэ	63.4	69	358
морь нь	71.6	78	292	л энэ	65.2	71	338
энэ нь	228.7	249	44	бол энэ	72.6	79	284
жишээ нь	35.8	39	950	гэтэл энэ	63.4	69	366
та минь	83.6	91	226	юм энэ	93.7	102	186
аав минь	66.1	72	327	харин энэ	40.4	44	795
ээж минь	74.4	81	274	хүн энэ	34	37	1032
чи минь	111.1	121	139	одоо энэ	36.7	40	918
хөөрхий минь	39.5	43	814	ч энэ	46.8	51	639
сэтгэл минь	34	37	1026	гэвч энэ	63.4	69	364
охин минь	53.3	58	511	нь энэ	283.8	309	33
орон минь	37.7	41	884	минь энэ	91.8	100	192
өвгөн минь	36.7	40	893	чинь энэ	47.8	52	618
нар минь	48.7	53	586	вэ энэ	38.6	42	837
нөхөр минь	39.5	43	808	ээ энэ	41.3	45	766
тэр минь	39.5	43	812	дээ энэ	51.4	56	538
дүү минь	50.5	55	562	билээ энэ	68	74	316
хүү минь	261.8	285	37	байна гэнэ	37.7	41	865
ах минь	34.9	38	975	юм гэнэ	90	98	199
зүрх минь	46.8	51	625	гээд эрдэнэ	47.8	52	601
эрдэнэ минь	36.7	40	931	гэж эрдэнэ	87.3	95	210
аав чинь	45	49	664	биз ээ	45.9	50	646
гэдэг чинь	133.2	145	109	үгүй ээ	106.5	116	149
би чинь	60.6	66	401	тийм ээ	145.1	158	94
чи чинь	68.9	75	314	нь ээ	68	74	319
юм чинь	90	98	200	минь ээ	56	61	465
гэсэн чинь	34	37	1017	яахав дээ	54.2	59	501
тэр чинь	74.4	81	270	шив дээ	60.6	66	408
хүү чинь	34	37	1030	байж дээ	47.8	52	595
энэ чинь	217.7	237	47	болж дээ	41.3	45	750
гурав дахь	59.7	65	413	гэж дээ	42.2	46	731
хоёр дахь	90	98	197	биз дээ	248.9	271	40
юм бэ	566.7	617	4	байлгүй дээ	41.3	45	747
хүн бэ	57.9	63	444	л дээ	169	184	75
хэн бэ	68.9	75	313	хүн дээ	51.4	56	544
байна вэ	78.1	85	243	үү дээ	50.5	55	552
тэр вэ	37.7	41	886	шүү дээ	857.8	934	1
юу вэ	128.6	140	113	биш дээ	54.2	59	488
яах вэ	245.2	267	41	вэ дээ	111.1	121	137
байх вэ	116.6	127	127	ээ дээ	70.7	77	298
болох вэ	46.8	51	623	билээ дээ	80.8	88	234
гэх вэ	82.7	90	229	бие биедээ	36.7	40	904
мэдэх вэ	45	49	677	байна лээ	34.9	38	977
аль вэ	34.9	38	974	байгаа билээ	45	49	666
нь вэ	64.3	70	352	байдаг билээ	60.6	66	400
энэ вэ	46.8	51	640	байж билээ	91.8	100	190
бие биеэ	83.6	91	224	юм билээ	101	110	164
да лооеэ	34	37	1019	байсан билээ	36.7	40	902
байж мэднэ	68.9	75	307	юу билээ	75.3	82	267
үл мэднэ	37.7	41	861	яах билээ	45	49	686
сайн мэднэ	43.2	47	722	байх билээ	74.4	81	268
байлаа энэ	65.2	71	335	мэдэх билээ	43.2	47	720
за энэ	35.8	39	951	гэнэ билээ	56.9	62	450
байна энэ	84.5	92	219	орж ирлээ	76.2	83	258
байв энэ	37.7	41	864	гарч ирлээ	63.4	69	363
болов энэ	34	37	1015	ч гэлээ	45.9	50	657
бөгөөд энэ	50.5	55	555	уран бүтээлээ	34.9	38	1001
гэж энэ	34.9	38	982	орон дээрээ	40.4	44	789

2. Употребительность словесных графических триграмм (с частотностью 16 ipm и выше)

Пояснение

T: триграмма (в квазиорфографической записи).

F: общая частота вхождений данной триграммы в корпус «ГКМЯ-1а».

F_{Rel}: относительная частота вхождений данной триграммы в корпус «ГКМЯ-1а». Она измерена в ipm, т. е. instances per million (words).

R: ранг данной триграммы в ранговом списке триграмм, упорядоченном по числу вхождений данной триграммы в корпус.

T	F	F _{Rel}	R
шүү дээ гэж	192	170.2	1
ч юм уу	161	142.7	2
байгаа юм шиг	155	137.4	3
болов уу гэж	119	105.5	4
байна шүү дээ	93	82.4	5
юм бэ гэж	89	78.9	6
ч юм шиг	88	78.0	7
байна уу гэж	82	72.7	8
юм байна гэж	81	71.8	9
яагаад ч юм	80	70.9	10
байгаа нь энэ	78	69.1	11
гэж байгаа юм	73	64.7	12
гэж зарлиг болов	72	63.8	13
юм болов уу	72	63.8	14
байгаа юм бэ	68	60.3	15
чи бид хоёр	61	54.1	16
гэж бодож байна	60	53.2	17
өөр юу ч	58	51.4	18
юм даа гэж	58	51.4	19
ях юм бэ	58	51.4	20
юм шүү дээ	57	50.5	21
байгаа нь тэр	53	47.0	22
нь юу вэ	53	47.0	23
байна даа гэж	51	45.2	24
юу ч үгүй	51	45.2	25
сайн байна уу	50	44.3	26
энэ чинь юу	50	44.3	27
биз дээ гэж	47	41.7	28
юу ч гэсэн	47	41.7	29
юу байх вэ	46	40.8	30
тэр ч байтугай	42	37.2	31
ч юм бэ	42	37.2	32
байгаа биз дээ	41	36.3	33
сумын нутагт малчны	41	36.3	34
хэдэн жилийн өмнө	41	36.3	35
маргааш өглөө нь	40	35.4	36
үгүй энэ чинь	39	34.6	37
юм биш байгаа	39	34.6	38
нь мөн л	38	33.7	39
юм бол доо	38	33.7	40
юм уу гэж	38	33.7	41

2а. Ранговый словарь триграмм

Пояснение

F: Пороговое значение этой величины для включения в словарь составило 18 вхождений, то есть в словарь включены только те триграммы, абсолютная частота которых не менее 18 вхождений.

F_{Rel}: Пороговое значение этой величины для включения в словарь составило 15.1 ipm, то есть в словарь включены только те триграммы, относительная частота которых превышает 15.1 ipm. Реальный минимум составляет 16 ipm.

R: Максимальное значение этого параметра — 257, то есть всего в словарь включено 257 триграмм.

юм уу даа	38	33.7	42
юу гэсэн үг	38	33.7	43
ях нь вэ	38	33.7	44
хүн шүү дээ	37	32.8	45
яасан юм бэ	37	32.8	46
удсан ч үгүй	36	31.9	47
юм уу эсвэл	36	31.9	48
ях гэх вэ	36	31.9	49
байсан бол одоо	35	31.0	50
байх нь ээ	35	31.0	51
гэж дуу алдан	35	31.0	52
нь нэг л	35	31.0	53
ч тэр үү	35	31.0	54
шүү дээ гээд	35	31.0	55
юм гэнэ билээ	35	31.0	56
байх шиг байна	34	30.1	57
ч байж мэднэ	34	30.1	58
байгаа юм байна	33	29.2	59
байгаа юм биш	33	29.2	60
байдаг юм бэ	33	29.2	61
бас чингис хаан	33	29.2	62
гэсэн үг вэ	33	29.2	63
оноос уран бүтээлээ	33	29.2	64
ч яах вэ	33	29.2	65
юм биш үү	33	29.2	66
ямар нэг юм	33	29.2	67
ямар ч гэсэн	33	29.2	68
байна уу даа	32	28.4	69
гэсэн юм шиг	32	28.4	70
уран бүтээлээ эхэлж	32	28.4	71
энэ бол миний	32	28.4	72
яагаа ч үгүй	32	28.4	73
их амар амгалан	31	27.5	74
юм биш биз	31	27.5	75
юм шүү гэж	31	27.5	76
юу ч биш	31	27.5	77
байгаа юм уу	30	26.6	78
мөн ч их	30	26.6	79
нь бас л	30	26.6	80
чинь юу вэ	30	26.6	81
эр эм хоёр	30	26.6	82
эх орон минь	30	26.6	83

LINGUISTICS

байгаа шүү дээ	29	25.7	84	нутагт малчны гэр	23	20.4	146
байна шүү гэж	29	25.7	85	нутагт малчны гэрт	23	20.4	147
би ч бас	29	25.7	86	хүү минь чи	23	20.4	148
гэж бодож байсан	29	25.7	87	хамгийн гол нь	23	20.4	149
хэзээ нэгэн цагт	29	25.7	88	юу ч болоогүй	23	20.4	150
юм бол гэж	29	25.7	89	яха вэ дээ	23	20.4	151
ах дүү нар	28	24.8	90	үхүү гекүү хоёр	22	19.5	153
монголын их амар	28	24.8	91	байх нь юу	22	19.5	154
нь юу ч	28	24.8	92	би ч гэсэн	22	19.5	155
утга зохиолын дээд	28	24.8	93	болно шүү дээ	22	19.5	156
ч л гэсэн	28	24.8	94	гэх юм уу	22	19.5	157
ч юм билүү	28	24.8	95	ер нь юу	22	19.5	158
элэгний в вирусийн	28	24.8	96	нь ч гэсэн	22	19.5	159
яаж мэдэх вэ	28	24.8	97	тэр цагаас хойш	22	19.5	160
гэр бүлд төржээ	27	23.9	98	уу ч гэж	22	19.5	161
нь бүр ч	27	23.9	99	хэдэн өдрийн дараа	22	19.5	162
нь энэ вэ	27	23.9	100	хэн нэг нь	22	19.5	163
нэг л мэдэхэд	27	23.9	101	хэн ч үгүй	22	19.5	164
санаж байна уу	27	23.9	102	ч байж болно	22	19.5	165
уу үгүй юу	27	23.9	103	ч гэх шиг	22	19.5	166
юм бэ дээ	27	23.9	104	шүү дээ гэхэд	22	19.5	167
юм гэж үү	27	23.9	105	юм байна даа	22	19.5	168
бүх бие нь	26	23.0	107	юм уу аль	22	19.5	169
бага дунд сургууль	26	23.0	108	ямар нэгэн юм	22	19.5	170
байж болох юм	26	23.0	109	байна вэ гэж	21	18.6	171
болж байгаа юм	26	23.0	110	байна уу үгүй	21	18.6	172
нутаг монголын сайхан	26	23.0	111	байсан шүү дээ	21	18.6	173
төрсөн нутаг монголын	26	23.0	112	гэхэд нь би	21	18.6	174
хамаг бие нь	26	23.0	113	мөн ч олон	21	18.6	175
чингис хаан зарлиг	26	23.0	114	нүдэнд нь нулимс	21	18.6	176
юм байна шүү	26	23.0	115	нь байн байн	21	18.6	177
юу ч атугай	26	23.0	116	нь битгий хэл	21	18.6	178
юу юм бэ	26	23.0	117	нэг л биш	21	18.6	179
байгаа юм гэж	25	22.2	118	нэрэмжит утга зохиолын	21	18.6	180
болох нь тэр	25	22.2	119	уран зохиол сонирхон	21	18.6	181
гэхэд нь шонхолой	25	22.2	120	хэн ч мэдэхгүй	21	18.6	182
малчны гэр бүлд	25	22.2	121	ч байгаа юм	21	18.6	183
оноос уран зохиол	25	22.2	122	чинь юу билээ	21	18.6	184
юу болж байгааг	25	22.2	123	юу ч л	21	18.6	185
юу вэ гэж	25	22.2	124	ямар ч байсан	21	18.6	186
байх даа гэж	24	21.3	125	байгаа даа гэж	20	17.7	187
бол миний төрсөн	24	21.3	126	байсан юм уу	20	17.7	188
миний төрсөн нутаг	24	21.3	127	болов уу гэмээр	20	17.7	189
монголын сайхан орон	24	21.3	128	дөрвөн зүг найман	20	17.7	190
нь өөрийн эрхгүй	24	21.3	129	ер нь энэ	20	17.7	191
нь энэ билээ	24	21.3	130	залуу нас минь	20	17.7	192
нэг ч үгүй	24	21.3	131	ижил дасал болсон	20	17.7	193
төржээ бага дунд	24	21.3	132	мэдэж байна уу	20	17.7	194
хаан зарлиг болруун	24	21.3	133	мянга есөн зуун	20	17.7	195
хэн нь ч	24	21.3	134	нь үл мэдэг	20	17.7	196
чингис хаан өгүүлрүүн	24	21.3	135	нь ч минийх	20	17.7	197
яадаг юм бэ	24	21.3	136	нь ямар ч	20	17.7	198
яха вэ гэж	24	21.3	137	одоо ч гэсэн	20	17.7	199
аль нь ч	23	20.4	138	уу даа гэж	20	17.7	200
аль хэдий нь	23	20.4	139	хоёр жилийн өмнө	20	17.7	201
байгаа болов уу	23	20.4	140	юу байх билээ	20	17.7	202
бол уу гэж	23	20.4	141	яаж болох вэ	20	17.7	203
гэж байна уу	23	20.4	142	өөр хэн ч	19	16.8	205
гэж бодсон юм	23	20.4	143	байна уу гээд	19	16.8	206
л байх юм	23	20.4	144	байх вэ дээ	19	16.8	207
малчны гэрт төржээ	23	20.4	145	биз дээ гэхэд	19	16.8	208

бодож байна уу	19	16.8	209	байлаа ч гэсэн	18	16.0	234
болоогүй юм шиг	19	16.8	210	байсан юм бэ	18	16.0	235
горькийн нэрэмжит утга	19	16.8	211	байх ёстой гэж	18	16.0	236
гурван жилийн өмнө	19	16.8	212	байх аа гэж	18	16.0	237
дулаан хайрханы хүү	19	16.8	213	байх шив дээ	18	16.0	238
зохиол сонирхон орол- дож	19	16.8	214	би гэдэг хүн	18	16.0	239
л гэсэн үг	19	16.8	215	биш үү гэж	18	16.0	240
нь зүйн хэрэг	19	16.8	216	биш байгаа даа	18	16.0	241
нь ээ гэж	19	16.8	217	л дээ гэж	18	16.0	242
нэг л хачин	19	16.8	218	наад зах нь	18	16.0	243
ойн эмсийн эгчмэд	19	16.8	219	нарийн бичгийн дарга	18	16.0	244
та нар минь	19	16.8	220	нь их л	18	16.0	245
хэд хоногийн дараа	19	16.8	221	оны 2-р сарын	18	16.0	246
хэн хэн нь	19	16.8	222	ор сураггүй алга	18	16.0	247
ч гэж дээ	19	16.8	223	та нар чинь	18	16.0	248
ч яах юм	19	16.8	224	ч гэсэн энэ	18	16.0	249
шүү дээ гэв	19	16.8	225	чи бид хоёрын	18	16.0	250
юм бэ би	19	16.8	226	шүү дээ би	18	16.0	251
юм уу үгүй	19	16.8	227	энэ үгийг сонсоод	18	16.0	252
2011 оны 2-р	18	16.0	229	энэ ч учраас	18	16.0	253
аль аль нь	18	16.0	230	юм байгаа биз	18	16.0	254
байгаа юм бол	18	16.0	231	юм шив дээ	18	16.0	255
байдаг болов уу	18	16.0	232	юм шиг л	18	16.0	256
байж л дээ	18	16.0	233	яваа нь энэ	18	16.0	257

26. Прямой алфавитный частотный словарь триграмм

Пояснение

F: Пороговое значение этой величины для включения в словарь составило 17 вхождений, то есть в словарь включены только те триграммы, абсолютная частота которых не менее 17 вхождений.

F_{Rel}: Пороговое значение этой величины для включения в словарь составило 15.1 ирм, то есть в словарь включены только те триграммы, относительная частота которых превышает 15 ирм.

R: Максимальное значение этого параметра — 257, то есть всего в словарь включено 257 триграмм.

T	F	F _{Rel}	R				
2011 оны 2-р	18	16.0	229	байна даа гэж	51	45.2	24
аль аль нь	18	16.0	230	байна уу гэж	82	72.7	8
аль нь ч	23	20.4	138	байна уу гээд	19	16.8	206
аль хэдий нь	23	20.4	139	байна уу даа	32	28.4	69
ах дүү нар	28	24.8	90	байна уу үгүй	21	18.6	172
бага дунд сургууль	26	23.0	108	байна шүү гэж	29	25.7	85
байгаа биз дээ	41	36.3	33	байна шүү дээ	93	82.4	5
байгаа болов уу	23	20.4	140	байсан бол одоо	35	31.0	50
байгаа даа гэж	20	17.7	187	байсан шүү дээ	21	18.6	173
байгаа нь тэр	53	47.0	22	байсан юм бэ	18	16.0	235
байгаа нь энэ	78	69.1	11	байсан юм уу	20	17.7	188
байгаа шүү дээ	29	25.7	84	байх аа гэж	18	16.0	237
байгаа юм байна	33	29.2	59	байх вэ дээ	19	16.8	207
байгаа юм биш	33	29.2	60	байх даа гэж	24	21.3	125
байгаа юм бол	18	16.0	231	байх ёстой гэж	18	16.0	236
байгаа юм бэ	68	60.3	15	байх нь ээ	35	31.0	51
байгаа юм гэж	25	22.2	118	байх нь юу	22	19.5	154
байгаа юм уу	30	26.6	78	байх шив дээ	18	16.0	238
байгаа юм шиг	155	137.4	3	байх шиг байна	34	30.1	57
байдаг болов уу	18	16.0	232	байх юм гэж	17	15.1	259
байдаг юм бэ	33	29.2	61	бас чингис хаан	33	29.2	62
байж болох юм	26	23.0	109	би гэдэг хүн	18	16.0	239
байж л дээ	18	16.0	233	би ч бас	29	25.7	86
байлаа ч гэсэн	18	16.0	234	би ч гэсэн	22	19.5	155
байна вэ гэж	21	18.6	171	биз дээ гэж	47	41.7	28
				биз дээ гэхэд	19	16.8	208

LINGUISTICS

биш байгаа даа	18	16.0	241	нутагт малчны гэрт	23	20.4	147
биш үү гэж	18	16.0	240	нүдэнд нь нулимс	21	18.6	176
бодож байна уу	19	16.8	209	нь аль хэдийн	17	15.1	267
бол доо гэж	17	15.1	260	нь байн байн	21	18.6	177
бол миний төрсөн	24	21.3	126	нь байна шүү	17	15.1	268
бол уу гэж	23	20.4	141	нь бас л	30	26.6	80
болж байгаа юм	26	23.0	110	нь битгий хэл	21	18.6	178
болно шүү дээ	22	19.5	156	нь бүр ч	27	23.9	99
болов уу гэж	119	105.5	4	нь зүйн хэрэг	19	16.8	216
болов уу гэлтэй	17	15.1	261	нь их л	18	16.0	245
болов уу гэмээр	20	17.7	189	нь мөн л	38	33.7	39
болоогүй юм шиг	19	16.8	210	нь нэг л	35	31.0	53
болох нь тэр	25	22.2	119	нь өөрийн эрхгүй	24	21.3	129
бүх бие нь	26	23.0	107	нь үл мэдэг	20	17.7	196
вэ дээ гэж	17	15.1	262	нь ч гэсэн	22	19.5	159
горькийн нэрэмжит	19	16.8	211	нь ч минийх	20	17.7	197
утга				нь энэ билээ	24	21.3	130
гурван жилийн өмнө	19	16.8	212	нь энэ вэ	27	23.9	100
гэж байгаа нь	17	15.1	263	нь ээ гэж	19	16.8	217
гэж байгаа юм	73	64.7	12	нь юу вэ	53	47.0	23
гэж байна уу	23	20.4	142	нь юу ч	28	24.8	92
гэж байх уу	17	15.1	264	нь ямар ч	20	17.7	198
гэж бодож байна	60	53.2	17	нэг л биш	21	18.6	179
гэж бодож байсан	29	25.7	87	нэг л мэдэхэд	27	23.9	101
гэж бодсон юм	23	20.4	143	нэг л хачин	19	16.8	218
гэж дуу алдан	35	31.0	52	нэг ч үгүй	24	21.3	131
гэж зарлиг болов	72	63.8	13	нэрэмжит утга	21	18.6	180
гэр бүлд төржээ	27	23.9	98	зохиолын			
гэсэн үг вэ	33	29.2	63	одоо ч гэсэн	20	17.7	199
гэсэн юм шиг	32	28.4	70	ойн эмсийн эгчмэд	19	16.8	219
гэх юм уу	22	19.5	157	оноос уран бүтээлээ	33	29.2	64
гэхэд нь би	21	18.6	174	оноос уран зохиол	25	22.2	122
гэхэд нь шонхолой	25	22.2	120	оны 2-р сарын	18	16.0	246
дөрвөн зүг найман	20	17.7	190	ор сураггүй алга	18	16.0	247
дулаан хайрханы хүү	19	16.8	213	өөр хэн ч	19	16.8	205
дээ гэж бодов	17	15.1	265	өөр юу ч	58	51.4	18
ер бусын сайхан	17	15.1	266	сайн байна уу	50	44.3	26
ер нь энэ	20	17.7	191	сайн явж байна	17	15.1	269
ер нь юу	22	19.5	158	санаж байна уу	27	23.9	102
залуу нас минь	20	17.7	192	сумын нутагт малчны	41	36.3	34
зохиол сонирхон	19	16.8	214	та нар минь	19	16.8	220
оролдож				та нар чинь	18	16.0	248
ижил дасал болсон	20	17.7	193	төржээ бага дунд	24	21.3	132
их амар амгалан	31	27.5	74	төрсөн нутаг	26	23.0	112
л байх юм	23	20.4	144	монголын			
л гэсэн үг	19	16.8	215	тэр гэх вэ	17	15.1	270
л дээ гэж	18	16.0	242	тэр цагаас хойш	22	19.5	160
малчны гэр бүлд	25	22.2	121	тэр ч байтугай	42	37.2	31
малчны гэрт төржээ	23	20.4	145	удсан ч үгүй	36	31.9	47
маргааш өглөө нь	40	35.4	36	уран бүтээлээ эхэлж	32	28.4	71
миний төрсөн нутаг	24	21.3	127	уран зохиол сонирхон	21	18.6	181
монголын их амар	28	24.8	91	утга зохиолын дээд	28	24.8	93
монголын сайхан орон	24	21.3	128	уу ү гэж	22	19.5	161
мөн ч их	30	26.6	79	уу даа гэж	20	17.7	200
мөн ч олон	21	18.6	175	уу үгүй юу	27	23.9	103
мэдэж байна уу	20	17.7	194	үгүй энэ чинь	39	34.6	37
мянга есөн зуун	20	17.7	195	үхүү гекүү хоёр	22	19.5	153
наад зах нь	18	16.0	243	хаан зарлиг болруун	24	21.3	133
нарийн бичгийн дарга	18	16.0	244	хамаг бие нь	26	23.0	113
нутаг монголын	26	23.0	111	хамгийн гол нь	23	20.4	149
сайхан				хоёр жилийн өмнө	20	17.7	201
нутагт малчны гэр	23	20.4	146	хүн байсан юм	17	15.1	272

хүн шүү дээ	37	32.8	45	юм биш биз	31	27.5	75
хүү минь гэж	17	15.1	271	юм биш үү	33	29.2	66
хүү минь чи	23	20.4	148	юм бол гэж	29	25.7	89
хэд хоногийн дараа	19	16.8	221	юм бол доо	38	33.7	40
хэдэн жилийн өмнө	41	36.3	35	юм болов уу	72	63.8	14
хэдэн өдрийн дараа	22	19.5	162	юм бэ би	19	16.8	226
хэзээ нэгэн цагт	29	25.7	88	юм бэ гэж	89	78.9	6
хэн нь ч	24	21.3	134	юм бэ дээ	27	23.9	104
хэн нэг нь	22	19.5	163	юм гэдэг шүү	17	15.1	277
хэн хэн нь	19	16.8	222	юм гэж үү	27	23.9	105
хэн ч мэдэхгүй	21	18.6	182	юм гэнэ билээ	35	31.0	56
хэн ч үгүй	22	19.5	164	юм гэнэ лээ	17	15.1	278
хэрэг юу билээ	17	15.1	273	юм даа гэж	58	51.4	19
ч байгаа юм	21	18.6	183	юм уу аль	22	19.5	169
ч байж болно	22	19.5	165	юм уу гэж	38	33.7	41
ч байж мэднэ	34	30.1	58	юм уу даа	38	33.7	42
ч гэж дээ	19	16.8	223	юм уу үгүй	19	16.8	227
ч гэсэн энэ	18	16.0	249	юм уу эсвэл	36	31.9	48
ч гэх шиг	22	19.5	166	юм шив дээ	18	16.0	255
ч л гэсэн	28	24.8	94	юм шиг л	18	16.0	256
ч тэр үү	35	31.0	54	юм шиг санагдана	17	15.1	279
ч үгүй харин	17	15.1	274	юм шүү гэж	31	27.5	76
ч юм билүү	28	24.8	95	юм шүү дээ	57	50.5	21
ч юм бэ	42	37.2	32	юу байх билээ	20	17.7	202
ч юм уу	161	142.7	2	юу байх вэ	46	40.8	30
ч юм шиг	88	78.0	7	юу болж байгааг	25	22.2	123
ч яах вэ	33	29.2	65	юу вэ гэж	25	22.2	124
ч яах юм	19	16.8	224	юу гэсэн үг	38	33.7	43
чи бид хоёр	61	54.1	16	юу ч атугай	26	23.0	116
чи бид хоёрын	18	16.0	250	юу ч биш	31	27.5	77
чингис хаан зарлиг	26	23.0	114	юу ч болоогүй	23	20.4	150
чингис хаан өгүүллүүн	24	21.3	135	юу ч гэсэн	47	41.7	29
чинь юу билээ	21	18.6	184	юу ч л	21	18.6	185
чинь юу вэ	30	26.6	81	юу ч үгүй	51	45.2	25
шүү дээ би	18	16.0	251	юу ч хэлсэнгүй	17	15.1	280
шүү дээ гэв	19	16.8	225	юу юм бэ	26	23.0	117
шүү дээ гэж	192	170.2	1	яагаа ч үгүй	32	28.4	73
шүү дээ гэлээ	17	15.1	275	яагаад ч юм	80	70.9	10
шүү дээ гэхэд	22	19.5	167	яадаг юм бэ	24	21.3	136
шүү дээ гээд	35	31.0	55	яаж болох вэ	20	17.7	203
элэгний в вирусийн	28	24.8	96	яаж мэдэх вэ	28	24.8	97
энэ бол миний	32	28.4	72	яасан юм бэ	37	32.8	46
энэ үгийг сонсоод	18	16.0	252	яах вэ гэж	24	21.3	137
энэ ч учраас	18	16.0	253	яах вэ дээ	23	20.4	151
энэ чинь юу	50	44.3	27	яах нь вэ	38	33.7	44
эр эм хоёр	30	26.6	82	яах юм бэ	58	51.4	20
эх орон минь	30	26.6	83	яая гэх вэ	36	31.9	49
юм байгаа биз	18	16.0	254	яваа нь энэ	18	16.0	257
юм байна гэж	81	71.8	9	ямар нэг юм	33	29.2	67
юм байна даа	22	19.5	168	ямар нэгэн юм	22	19.5	170
юм байна шүү	26	23.0	115	ямар ч байсан	21	18.6	186
юм биз дээ	17	15.1	276	ямар ч гэсэн	33	29.2	68
юм биш байгаа	39	34.6	38				

2в. Обратный алфавитный частотный словарь триграмм

Пояснение

F: Пороговое значение этой величины для включения в словарь составило 17 вхождений, то есть в словарь включены только те триграммы, абсолютная частота которых не менее 17 вхождений.

F_{Rel}: Пороговое значение этой величины для включения в словарь составило 15.1 ирм, то есть в словарь включены только те триграммы, относительная частота которых превышает 15 ирм.

R: Максимальное значение этого параметра — 257, то есть всего в словарь включено 257 триграмм.

	T	F	F _{Ref}	R				
юм биш байгаа	39	34.6	38		гэж үү гэж	16	14.2	287
биш байгаа даа	18	16	241		биш үү гэж	18	16	240
юм байна даа	22	19.5	168		байна шүү гэж	29	25.7	85
байна уу даа	32	28.4	69		юм шүү гэж	31	27.5	76
юм уу даа	38	33.7	42		хүү минь гэж	17	15.1	271
хэд хоногийн дараа	19	16.8	221		юм бэ гэж	89	78.9	6
хэдэн өдрийн дараа	22	19.5	162		байна вэ гэж	21	18.6	171
ях ч учраа	16	14.2	304		юу вэ гэж	25	22.2	124
ор сураггүй алга	18	16	247		ях вэ гэж	24	21.3	137
юу ч алга	16	14.2	301		нь ээ гэж	19	16.8	217
нарийн бичгийн дарга	18	16	244		биз дээ гэж	47	41.7	28
горькийн нэрэмжит утга	19	16.8	211		л дээ гэж	18	16	242
юм шиг санагдана	17	15.1	279		шүү дээ гэж	192	170.2	1
байх шиг санагдана	16	14.2	284		вэ дээ гэж	17	15.1	262
байх шиг байна	34	30.1	57		ях билээ гэж	16	14.2	303
сайн явж байна	17	15.1	269		юм байгаа биз	18	16	254
гэж бодож байна	60	53.2	17		юм биш биз	31	27.5	75
байгаа юм байна	33	29.2	59		гэхэд нь би	21	18.6	174
дээ гэж бодов	17	15.1	265		юм бэ би	19	16.8	226
гэж зарлиг болов	72	63.8	13		шүү дээ би	18	16	251
уу гэж асуув	16	14.2	296		хүү минь чи	23	20.4	148
шүү дээ гэв	19	16.8	225		юу ч атугай	26	23	116
юу болж байгааг	25	22.2	123		тэр ч байтугай	42	37.2	31
миний төрсөн нутаг	24	21.3	127		энэ бол миний	32	28.4	72
чингис хаан зарлиг	26	23	114		монголын ард түмний	16	14.2	290
байгаа юм шиг	155	137.4	3		байгаа нь илэрхий	16	14.2	282
болоогүй юм шиг	19	16.8	210		гэхэд нь шонхолой	25	22.2	120
гэсэн юм шиг	32	28.4	70		юу ч хэлсэнгүй	17	15.1	280
ч юм шиг	88	78	7		юу ч болоогүй	23	20.4	150
ч гэх шиг	22	19.5	166		байна уу үгүй	21	18.6	172
л гэсэн үг	19	16.8	215		юм уу үгүй	19	16.8	227
юу гэсэн үг	38	33.7	43		яагаа ч үгүй	32	28.4	73
нэг ч үг	16	14.2	294		нэг ч үгүй	24	21.3	131
нь үл мэдэг	20	17.7	196		удсан ч үгүй	36	31.9	47
нь ямар нэг	16	14.2	293		хэн ч үгүй	22	19.5	164
нь зүйн хэрэг	19	16.8	216		юу ч үгүй	51	45.2	25
малчны гэр бүлд	25	22.2	121		түүгээр ч барахгүй	16	14.2	295
төржээ бага дунд	24	21.3	132		нь өөрийн эрхгүй	24	21.3	129
энэ үгийг сонсоод	18	16	252		хэн ч мэдэхгүй	21	18.6	182
ойн эмсийн эгчмэд	19	16.8	219		болов уу гэлтэй	17	15.1	261
биз дээ гэхэд	19	16.8	208		юм шиг л	18	16	256
шүү дээ гэхэд	22	19.5	167		нь нэг л	35	31	53
нэг л мэдэхэд	27	23.9	101		нь мөн л	38	33.7	39
байна уу гээд	19	16.8	206		нь бас л	30	26.6	80
шүү дээ гээд	35	31	55		нь их л	18	16	245
утга зохиолын дээд	28	24.8	93		юу ч л	21	18.6	185
уран бүтээлээ эхэлж	32	28.4	71		байгаа юм бол	18	16	231
зохиол сонирхон оролдож	19	16.8	214		байдаг юм бол	16	14.2	283
уу ү гэж	22	19.5	161		оноос уран зохиол	25	22.2	122
байх аа гэж	18	16	237		юм уу эсвэл	36	31.9	48
байгаа даа гэж	20	17.7	187		нь битгий хэл	21	18.6	178
байна даа гэж	51	45.2	24		болж байгаа юм	26	23	110
юм даа гэж	58	51.4	19		гэж байгаа юм	73	64.7	12
уу даа гэж	20	17.7	200		ч байгаа юм	21	18.6	183
байх даа гэж	24	21.3	125		ямар нэг юм	33	29.2	67
юм байна гэж	81	71.8	9		ч болоогүй юм	16	14.2	298
байх ёстой гэж	18	16	236		хүн байсан юм	17	15.1	272
юм бол гэж	29	25.7	89		гэж бодсон юм	23	20.4	143
байгаа юм гэж	25	22.2	118		ямар нэгэн юм	22	19.5	170
байх юм гэж	17	15.1	259		ч яах юм	19	16.8	224
бол доо гэж	17	15.1	260		л байх юм	23	20.4	144
байна уу гэж	82	72.7	8		байж болох юм	26	23	109
болов уу гэж	119	105.5	4		яагаад ч юм	80	70.9	10
бол уу гэж	23	20.4	141		бас чингис хаан	33	29.2	62
юм уу гэж	38	33.7	41		гэж дуу алдан	35	31	52
					их амар амгалан	31	27.5	74

дөрвөн зүг найман	20	17.7	190	уу үгүй юу	27	23.9	103
гэж бодож байсан	29	25.7	87	ер нь юу	22	19.5	158
ямар ч байсан	21	18.6	186	байх нь юу	22	19.5	154
нутаг монголын сайхан	26	23	111	энэ чинь юу	50	44.3	27
ер бусын сайхан	17	15.1	266	юм гэж үү	27	23.9	105
ч үгүй харин	17	15.1	274	ч тэр үү	35	31	54
нэг л хачин	19	16.8	218	юм биш үү	33	29.2	66
нь байн байн	21	18.6	177	ч юм билүү	28	24.8	95
нь аль хэдийн	17	15.1	267	дулаан хайрханы хүү	19	16.8	213
элэгний в вирусийн	28	24.8	96	юм байна шүү	26	23	115
мөн ч олон	21	18.6	175	нь байна шүү	17	15.1	268
монголын сайхан орон	24	21.3	128	юм гэдэг шүү	17	15.1	277
ижил дасал болсон	20	17.7	193	мөн ч их	30	26.6	79
уран зохиол сонирхон	21	18.6	181	нь ч минийх	20	17.7	197
бол миний төрсөн	24	21.3	126	нь үл мэдэгдэх	16	14.2	292
мянга есөн зуун	20	17.7	195	өөр хэн ч	19	16.8	205
хаан зарлиг болруун	24	21.3	133	өөр ямар ч	16	14.2	281
чингис хаан өгүүлрүүн	24	21.3	135	нь ямар ч	20	17.7	198
би гэдэг хүн	18	16	239	нь бүр ч	27	23.9	99
төрсөн нутаг монголын	26	23	112	өөр юу ч	58	51.4	18
нэрэмжит утга	21	18.6	180	нь юу ч	28	24.8	92
зохиолын				хэн нь ч	24	21.3	134
оны 2-р сарын	18	16	246	аль нь ч	23	20.4	138
чи бид хоёрын	18	16	250	нэг л биш	21	18.6	179
ч л гэсэн	28	24.8	94	байгаа юм биш	33	29.2	60
байлаа ч гэсэн	18	16	234	юу ч биш	31	27.5	77
би ч гэсэн	22	19.5	155	тэр цагаас хойш	22	19.5	160
одоо ч гэсэн	20	17.7	199	сумын нутагт малчны	41	36.3	34
ямар ч гэсэн	33	29.2	68	юм уу аль	22	19.5	169
юу ч гэсэн	47	41.7	29	бага дунд сургууль	26	23	108
нь ч гэсэн	22	19.5	159	гэж байгаа нь	17	15.1	263
ч байж болно	22	19.5	165	хэн нэг нь	22	19.5	163
юм бол доо	38	33.7	40	дээ гэхэд нь	16	14.2	288
байсан бол одоо	35	31	50	хамаг бие нь	26	23	113
гурван жилийн өмнө	19	16.8	212	бүх бие нь	26	23	107
хэдэн жилийн өмнө	41	36.3	35	аль хэдий нь	23	20.4	139
хоёр жилийн өмнө	20	17.7	201	хамгийн гол нь	23	20.4	149
2011 оны 2-р	18	16	229	хэн хэн нь	19	16.8	222
монголын их амар	28	24.8	91	маргааш өглөө нь	40	35.4	36
ах дүү нар	28	24.8	90	би ер нь	16	14.2	285
чи бид хоёр	61	54.1	16	юм ер нь	16	14.2	300
эр эм хоёр	30	26.6	82	нөгөө хоёр нь	16	14.2	291
үхүү гекүү хоёр	22	19.5	153	наад зах нь	18	16	243
нутагт малчны гэр	23	20.4	146	аль аль нь	18	16	230
байгаа нь тэр	53	47	22	эх орон минь	30	26.6	83
болох нь тэр	25	22.2	119	та нар минь	19	16.8	220
болов уу гэмээр	20	17.7	189	залуу нас минь	20	17.7	192
энэ ч учраас	18	16	253	дээ хүү минь	16	14.2	289
би ч бас	29	25.7	86	та нар чинь	18	16	248
нүдэнд нь нулимс	21	18.6	176	үгүй энэ чинь	39	34.6	37
хэзээ нэгэн цагт	29	25.7	88	байгаа юм бэ	68	60.3	15
нутагт малчны гэрт	23	20.4	147	яадаг юм бэ	24	21.3	136
санаж байна уу	27	23.9	102	байдаг юм бэ	33	29.2	61
бодож байна уу	19	16.8	209	яасан юм бэ	37	32.8	46
харж байна уу	16	14.2	297	байсан юм бэ	18	16	235
гэж байна уу	23	20.4	142	юу юм бэ	26	23	117
мэдэж байна уу	20	17.7	194	яах юм бэ	58	51.4	20
сайн байна уу	50	44.3	26	ч юм бэ	42	37.2	32
байгаа болов уу	23	20.4	140	юун хүн бэ	16	14.2	302
байдаг болов уу	18	16	232	гэсэн үг вэ	33	29.2	63
юм болов уу	72	63.8	14	нь юу вэ	53	47	23
байгаа юм уу	30	26.6	78	чинь юу вэ	30	26.6	81
байсан юм уу	20	17.7	188	ч яах вэ	33	29.2	65
гэх юм уу	22	19.5	157	юу байх вэ	46	40.8	30
ч юм уу	161	142.7	2	яаж болох вэ	20	17.7	203
гэж байх уу	17	15.1	264	тэр гэх вэ	17	15.1	270

яая гэх вэ	36	31.9	49	юм шүү дээ	57	50.5	21
яаж мэдэх вэ	28	24.8	97	байсан шүү дээ	21	18.6	173
яах нь вэ	38	33.7	44	хүн шүү дээ	37	32.8	45
нь энэ вэ	27	23.9	100	болно шүү дээ	22	19.5	156
ч байж мэднэ	34	30.1	58	болох шүү дээ	16	14.2	286
ч гэсэн энэ	18	16	249	юм бэ дээ	27	23.9	104
яваа нь энэ	18	16	257	яах вэ дээ	23	20.4	151
байгаа нь энэ	78	69.1	11	байх вэ дээ	19	16.8	207
ер нь энэ	20	17.7	191	гэр бүлд төржээ	27	23.9	98
шүү дээ энэ	16	14.2	299	малчны гэрт төржээ	23	20.4	145
байх нь ээ	35	31	51	юм гэнэ лээ	17	15.1	278
юм шив дээ	18	16	255	хэрэг юу билээ	17	15.1	273
байх шив дээ	18	16	238	чинь юу билээ	21	18.6	184
ч гэж дээ	19	16.8	223	юу байх билээ	20	17.7	202
байгаа биз дээ	41	36.3	33	нь энэ билээ	24	21.3	130
юм биз дээ	17	15.1	276	юм гэнэ билээ	35	31	56
байж л дээ	18	16	233	шүү дээ гэлээ	17	15.1	275
байгаа шүү дээ	29	25.7	84	оноос уран бүтээлээ	33	29.2	64
байна шүү дээ	93	82.4	5				

Заклучение

Количественный подход к выделению биграмм и триграмм составляет надёжную основу не только для исследования устойчивых словосочетаний (коллокаций), но и в какой-то мере для изучения таких базовых проблем грамматики, как выделение аналитических конструкций и валентностных отношений между словами в синтаксисе¹.

Литература

Крылов С. А. О принципах синтаксического анализа в сводном корпусе монгольских языков // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Материалы II Международной научной конференции, посвященной 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста, 14–15 сент. 2016 г.) Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 198–199.

References

Krylov S. A. *O printsipakh sintaksicheskogo analiza v svod-nom korpuse mongol'skikh yazykov* [The Consolidated Corpus of Mongolic Languages: principles of statistical analysis revisited]. *Gumanitarnaya nauka Yuga Rossii: mezhdunarodnoe i regional'noe vzaimodeyst-vie. Materialy II Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 75-letiyu Kalmyt'skogo instituta gumanitar-nykh issledovaniy RAN (g. Elista, 14–15 sent. 2016 g.)* [The Humanities in Southern Russia: International and Interregional Cooperation. Proc. of the 2nd Internat. research conf. celebrating the 75th anniversary of the Kalmyk Humanities Research Institute of the RAS (Elista, 14–15 Sept. 2016)]. Elista, Kalmyk Institute for Humanities (RAS) Press, 2016, pp. 198–199 (In Russ.).

УДК 811.221.32

СОЧЕТАЕМОСТЬ МОНГОЛЬСКИХ СИНТЕТИЧЕСКИХ СЛОВОФОРМ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АСПЕКТ

Сергей Александрович Крылов¹

¹ ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация). E-mail: krylov-58@mail.ru

Аннотация. Сделана попытка измерить употребительность сочетаний графических словоформ в монгольском языке. Работа использует количественные методы, разработанные в корпусной лингвистике. Подсчёт делался на материале Генерального корпуса монгольского языка (ГКМЯ). Выделены самые употребительные сочетания из двух словоформ (словесные графические биграмм) и из трёх словоформ (словесные графические триграммы). Изложение материала представлено в форме статистических таблиц.

Keywords: монгольский язык, корпусная лингвистика, количественные методы в лингвистике, сочетаемость словоформ, коллокации, биграмм, триграммы, дистрибутивный анализ, лингвостатистика, статистические методы в лингвистике, структурно-вероятностные модели в лингвистике.

¹ См. об этих проблемах в работе [Крылов 2016].

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 32, Is. 4, pp. 134–140, 2017
 DOI 10.22162/2075-7794-2017-32-4-134-140
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.3

The Khalkha Mongolian, Buryat and Kalmyk Languages: Common Mongolian Lexis Denoting the Traditional Home

Valentin I. Rassadin¹, Svetlana M. Trofimova², L. Chuluunbaatar³

¹ Ph. D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Professor, Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russian Federation). E-mail: rassadin17@mail.ru

² Ph. D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Professor, Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russian Federation). E-mail: trofimovasm@mail.ru

³ Ph. D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Professor, National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia). E-mail: oyunavral@yahoo.com

Abstract. The article examines — from the comparative and historical perspectives — names of traditional homes in Khalkha Mongolian, Buryat, Kalmyk, and Old Written Mongolian with a view to identify the common Mongolian terms as well as regional and specific ones typical for one of the mentioned languages. In Mongolic languages there is no unity in terms of naming different types of dwellings. Only few of such words can be viewed as common Mongolian, namely: *ger* ‘house/yurt’, *esgiy ger* ‘felt yurt’, names of frame elements, felt coverings and binding straps, *baishing* ‘building’, *örgöö* ‘yurt of a khan, prince, high-ranked official’, *ord*, *kharsh* ‘palace’. Other terms are either territory-specific, such as Kalmyk-Mongolian *jolom* ‘yurt of rafters only’, *chachir* ‘tent’, Buryat-Mongolian *tur* ‘fortress; town’ (Western Bur. *tura* ‘house, izba’), *maikhan* ‘tent’, *urts* ‘chum’, or typical for a certain Mongolic languages: Western Buryat dialects – *sool* ‘house, izba’, *bulgaayan* ‘wooden yurt’, *otog* ‘bivouac with a bonfire’, Khalkha Mongolian – *altsag* ‘summer remote shepherd dwelling’. It is noteworthy that almost all territory- and culture-specific terms have Turkic parallels, their etymology being traced to Turkic languages just like the case of the common Mongolic term denoting a palace. This signifies that every Mongolic people kept communicating with neighboring Turkic populations, thus borrowing different elements of material culture, including those related to dwellings.

Keywords: Mongolic languages, Khalkha Mongolian, Buryat, Western Buryat dialects, Kalmyk, Classical Mongolian, felt yurt, framework of a yurt, details of a yurt, felt cover, wooden yurt, palace, barn, chum, hut.

Монгольские языки учеными начали изучаться достаточно давно, особенно интенсивно начиная с XIX в., но в то время доступным для исследований был главным образом не отражавший живую речь различных монгольских народов, давно имеющих свои собственные ареальные разговорные языки, старомонгольский письменный

язык, и именно его в основном и изучали исследователи. Были написаны и изданы грамматики старомонгольского языка, составлены словари и хрестоматии, изучались письменные памятники. В дальнейшем по мере изучения живых языков и накопления лексического материала, составления словарей современных монгольских языков,

грамматик, исследования их диалектов и говоров, стали доступны для изучения и другие аспекты их строя. Началось изучение не только фонетики, синтаксиса, фразеологии, но и лексики. Отсутствие достаточно полных словарей все же сдерживало проведение широких сравнительных и сравнительно-исторических изысканий, этимологических исследований. Только в последнее время с появлением достаточно полных словарей по живым монгольским языкам стали доступными исследования подобного рода. Изучение лексики в сравнительном плане весьма актуально и имеет большое значение для истории формирования и развития монгольских языков. Особенно важно изучение лексического состава по конкретным лексико-семантическим группам. Восполняя наметившийся пробел, хотелось бы рассмотреть в сравнительном аспекте пласт лексики, касающийся традиционных жилищ монгольских народов на примере названий, бытующих у халха-монголов, бурят, калмыков и представленных в старомонгольском письменном языке. При этом данные по монгольским языкам были почерпнуты из старомонгольских словарей О. Ковалевского [1844–1849], К. Ф. Голстунского [1894–1898], Ф. Лессинга [1960], а также из современных словарей четырехтомного Большого академического монгольско-русского словаря [2001–2002], двухтомного Бурятско-русского словаря, составленного Л. Д. Шагдаровым и К. М. Черемисовым [2010], Калмыцко-русского словаря [1977] и Калмыцко-немецкого словаря Г. Й. Рамстедта [1935], что обеспечило достаточную полноту и объективность сопоставляемого материала.

После проведенного сравнительного анализа в данной лексико-семантической группе удалось получить следующие результаты.

Было установлено, в частности, что для всех монгольских языков универсальным словом является *гэр* ‘дом’: х.-монг. *гэр*, бур. *гэр*, калм. *гер*, стп.-монг. *гер*. Разновидность дома может уточняться путем присоединения к нему слова, называющего материал, из которого построен дом, например, халх.-монг. *эсгий гэр*, бур. *һэеы гэр*, зап.-бур. *эһэгэй гэр*, калм. *шкэ гер*, стп.-монг. *isegei ger* ‘войлочная юрта, юрта скотовода-кочевника’, х.-монг. *модон гэр*, бур. *модон гэр*, калм. *модн гер*, стп.-монг. *modun ger* ‘деревянная изба, бревенчатый дом’,

х.-монг. *чулуун гэр*, бур. *шулуун гэр*, калм. *чолун гер*, стп.-монг. *čilayun ger* ‘каменный дом’. Юрты кочевых монголов-скотоводов, живущих в степной местности и ведущих свой традиционный образ жизни, мало чем отличаются друг от друга. Поэтому традиционные юрты монголов, восточных бурят, а особенно агинских бурят, настоящих степняков, и калмыков в принципе схожи. У них устоявшаяся в течение веков конструкция, включающая определенные постоянные элементы. Это: раздвижные решетчатые стены, состоящие из секций, которых бывает от четырех до шестнадцати. Стеновая секция называется *хана* и в монгольском, и в бурятском языках, по-старомонгольски — *qan-a*. Калмыки стенную решетку своей кибитки называют *терм* [терём]. Это слово, как мы полагаем, пришло в калмыцкий язык из тюркских языков: ср. башк. *турма* ‘кибитка, войлочная юрта’, ног. *терме уй* ‘кибитка, войлочный шатер’, туркм. *тарим* ‘нижняя часть деревянного остова туркменской кибитки’, уйг. *тамэ* (< **тәрмэ*) ‘решетчатое камышовое ограждение беседки’, тув. *тербе өг* ‘войлочная юрта’, хак. *терме* ‘решетка на верху юрты’, ср. кирг., каз. *терме*, узб. *терма* ‘сборный’ (в основе слова лежит тюркский глагол *тер*= ‘собирать’; об этимологии калмыцкого слова см.: [Ramstedt 1935: 3936]). В комплект каркаса монгольской юрты, который по-монгольски называется *гэрийн араг мод*, входит несколько десятков жердей, обычно 60–70 (все зависит от размера юрты), выполняющих функцию стропил, составляющих кровлю. Они носят названия: х.-монг. *унь*, бур. *уняа*, калм. *уньн*, стп.-монг. *unin*. С южной стороны между стеновыми решетками устанавливается дверь: х.-монг. *үүд*, бур. *үүдэн*, калм. *үүдн*, стп.-монг. *egüden*, состоящая из дверной колоды и дверного полотна. У дверной колоды четыре части: притолока, называемая по-монгольски *тотго*, по-бурятски *тогого*, по-калмыцки *тотх* [totäxä], по-старомонгольски *totuγu*; порог, называемый: х.-монг. *босго*, калм. *босха*, стп.-монг. *bosuy-a*; два косяка: х.-монг. *эрхин*, бур. *эрхин*, калм. *эркн*, стп.-монг. *erkin*; дверное полотно: х.-монг. *хаалга* (*гэрийн хаалга*), бур. *хаалга*, стп.-монг. *qayaly-a* < *хаа* < *qaya*= ‘закрывать, запирает’. Оно обычно бывает одностворчатым. У калмыцкой юрты дверь, как правило, двухстворчатая и называется *хасвчта үүдн*. Словом *хаалһ* [хаалһа] калмыки на-

зывают дорогу. Стропильные жерди нижними концами, на которых находятся специальные волосяные петли: х.-монг. *унийн сагалдрага*, стп.-монг. *uñin-u saɣaldury-a*, опираются на стенную решетку. Эти петли накидываются на звенья решетки, и при их помощи стропила удерживаются на стене. Верхними заостренными концами стропильные жерди упираются в обруч специального круга: х.-монг. *тооно*, бур. *тооно*, стп.-монг. *тоуши*, калм. *харач* [хараачы], образующего наверху в центре потолка юрты дымник, отверстие, через которое потом из юрты будет выходить дым от очага и проникать дневной свет. В этом обруче сделаны специальные отверстия для верхних концов унин. Для устойчивости юрты и прочности каркаса внутри нее устанавливаются два опорных столба: х.-монг. *багана* (*гэрийн багана*), бур. *бахана*, калм. *бахн*, стп.-монг. *бауан-а*, на которые опирается круг *тооно*. После установки каркаса юрты в целях его укрепления поверх стеновых решеток в два ряда натягивают специальную волосяную тесьму *бүслүүр* (*гэрийн бүслүүр* ‘опояска юрты’) (ср. калм. *бүслүр* (*герин бүслүр*), стп.-монг. *ger-ün büselegür*), опоясывающую юрту. Это *дотуур бүслүүр* — внутренняя опояска. Затем после установки каркаса юрту закрывают специально скроенными и сшитыми покрывками из войлока. Сначала привязывают к решеткам покрывте стен, которое называется у монголов *туурга*, состоящее обычно из четырех полотен, ср. бур. *туурга*, калм. *туурһ* [туурһа], стп.-монг. *туургу-а*. Поверх установленных войлочных стен юрту опоясывают двумя рядами внешней опояски — *гадуур бүслүүр*. Затем поверх стропил натягивают кровлю *дээвэр*, ср. бур. *дээвэри*, калм. *деевр*, стп.-монг. *degebür*, которая состоит из двух полотен в форме усеченной трапеции, причем северное полотно захватывает край южного, предохраняя юрту от задувания северного ветра. Установленные полотнища кровли прижимаются специальными веревками или тесьмой, натянутыми крест-накрест через всю кровлю. Поверх отверстия дымника натягивается специальный квадратный кусок войлока, называемый *өрх*, ср. бур. *үрхэ*, калм. *өрк* [өркё], стп.-монг. *erüke*, который прикрывает этот дымник. Утром угол этого войлока отгибают назад, открывая половину дымника, вечером этот войлок опять натягивают, закрывая дымник, чтобы сберечь тепло в юрте. Закрывают дымник и во время дождя.

Другим достаточно распространенным словом является *байшин* ‘дом, здание’, ср. бур. *байшан*, стп.-монг. *bajishing id.*, калм. *бээшн* ‘дворец’, характерное больше для застройки городского типа. Это слово, по видимому, пришло из китайского языка. Ареальным словом, характерным для монголов и восточных бурят, является *майхан* ‘палатка’, а для монголов и калмыков — слово *чачир* ‘шатер’, которое следует сопоставить с др.-тюрк. *čatir, čačir, časir* ‘шатер, палатка’. Для всех монгольских языков характерно сохранение древнетюркских слов *ordu* ‘ставка хана’, *qarši* ‘дворец’, парного слова *ordu qarši* ‘дворец’ в виде тех же *орд(он)*, *харш* и *орд харш* все со значением ‘дворец’, ср. бур. *ордон*, *харша*, *ордон харша*, стп.-монг. *ordun, qarši, ordu qarši*, калм. *орд харш* ‘дворец’. Также общемонгольским является название специальной большой юрты, предназначенной для проживания князя и вообще высокопоставленного лица: х.-монг. *өргөө*, бур. *үргөө*, калм. *өргээ*, стп.-монг. *örgüge < örgü=* ‘поднимать, воздвигать’, монгольский глагол можно сопоставить с др.-тюрк. *örgi=* ‘воздвигать’, *örgin* ‘трон; ставка правителя’, *örgün* ‘трон, престол, возвышение’.

Для монгольского и калмыцкого языков характерно ареальное слово *хош*. При этом монгольское *хош* означает ‘походный шатер, походная юрта; кухонная юрта’, а *хошлог* — ‘небольшая юрта’, те же значения имеют и старописьменные монгольские *qoši* и *qošiliy*. Калмыцкое же слово *хош* [хошә] имеет значения ‘вторая юрта (при главной)’, ‘1) временная стоянка; стан, кош; 2) табор’. Это слово соотносится с тюркским *qoš*, представленным в чагатайском и многих современных тюркских языках с разными значениями: ‘место стоянки; множество стоящих в степи юрт, лагерь, войско; юрты, стоящие в степи отдельно от аула; кош, кочевой лагерь; полевой стан; временная юрта, шалаш, палатка; маленькая походная временная юрта; времянка, летнее помещение для пастухов’, о чем пишет «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» [2001: 491–492], приводя тюркскую этимологию Г. Дерфера, возводящего тюрк. *qoš* к тюркской корневой основе **qo=* ‘соединять’.

Кроме того, для монголов и калмыков характерно ареальное слово *джолом* ‘джоломейка’. Это особый вид юрты из одних стропил без решетчатых стен.

Особенно большим разнообразием в названиях жилища обладают западно-бурятские группы, которые живут главным образом в таежной местности, что предопределило для них использование дерева в качестве основного строительного материала для жилищ. Если восточные буряты в силу географических условий населяли сухие степи и имели возможность кочевать со своим многочисленным скотом, меняя пастбища, переходя с зимних пастбищ на летние, а многочисленные овечьи отары обеспечивали их шерстью, необходимой для изготовления войлока, поэтому восточные буряты сохраняли свои войлочные юрты монгольского типа, то западные буряты не имели необходимого количества овец для настрига шерсти, нужного для изготовления войлока. Обитали они постоянно на своих родовых землях. Зимой на так называемых зимниках — стационарных жилищах, рубленых из дерева со всеми хозяйственными постройками. Такие дома в некоторых районах называются *тура*, ср. х.-монг. *тур* '1) цитадель; город, крепость; 2) городок, здание; 3) щит', стп.-монг. *tur-a* по О. Ковалевскому 'крепость, цитадель', по Ф. Лессингу 'крепость; город'. Это слово восходит к др.-тюрк. *tura* 'укрепленное жилище, крепость', образованному от др.-тюрк. *tur* = '1) вставать, подниматься; 2) стоять; 3) находиться, быть, пребывать; 4) жить, обитать; 5) останавливаться'. В других районах употребляется слово *соол*, которое, как утверждает в Бурятско-русском словаре Л. Д. Шагдарова и К. М. Черемисова [2010б: 181], у тункинских бурят бытует в значении 'изба, дом', а у аларских и боханских бурят в значении 'печь, печка'. Нам это слово встречалось еще в говорах окинских и закаменских бурят в значении 'изба, рубленый из бревен дом', а у нижнеудинских бурят в значении 'печка'. В литературном бурятском языке, его восточных говорах и других монгольских языках оно отсутствует. Нам удалось обнаружить к нему следующие параллели: тоф. *соол* 'печь, печка', хак. *соол* — слово устаревшее. В языке качинцев оно обозначало 'печь, печка', у сагайцев *соол* обозначает 'избушка, землянка'. У многих тюркских народов Сибири находим это слово в различном фонетическом оформлении: *чуал* — место огня, камин, *чуал* — труба для выхода дыма, *цувал*, *чубал* — дымоход, *шаал* — очаг, *сыуал* — примитивная печь вроде камина. Считается, что русское слово *чу-*

вал — очаг с прямым дымоходом, распространенный в прошлом у многих народностей Севера, служивший преимущественно для приготовления пищи, заимствовано из тюркских языков. В тюркских языках в начале этого слова наблюдается чередование *ш || с || ч || ц*, что согласуется вообще с характером соответствий указанных согласных и в собственно тюркских словах. Наиболее близкой фонетически формой бурятского слова *соол* является хакасское *соол*, которое и явилось, по-видимому, прототипом бурятского слова. Семантика хакасского *соол* ('печь; избушка') также совпадает с семантикой бурятского *соол* ('печь; изба, дом'). К западным бурятам слово пришло, видимо, от каких-то племен типа хакасских качинцев и сагайцев, у которых *с* обычно появляется на месте *ч* и *ш* других тюркских языков. Тофаларское *соол* 'печь', по нашему мнению, является заимствованием из языка нижнеудинских бурят.

В летнее время западные буряты переезжали со своим скотом на летовки *зуһалан* или заимки, где все лето жили в деревянных юртах, которые назывались *булгааһан*, *балгааһан*, ср. х.-монг. *балгас*, стп.-монг. *balγasun* 'град, городище, город', бур., книжн. *балгад*, калм. *балһсн* [балг'ас'ән] 'город'. Его можно сопоставить с др.-тюрк. *balıq~baluq* 'город', к которому прибавлен общемонгольский аффикс *-sun* при адаптации этого тюркского слова. По своей конструкции бурятские деревянные юрты имели четыре, шесть или восемь стен. Обычной же была шестистенная юрта. Вход в нее обычно располагался на юго-восточной стороне. Количество скатов на крыше равнялось количеству стен. Крыша покрывалась досками, поверх которых настилался слой бересты или лиственничной коры, и все это засыпалось землей или закладывалось дерном. Такой дерн на крыше назывался *данг*, *дэгнэһэн*, *дүгнэһэн*. Изнутри юрты крыша опиралась на четыре столба, называвшиеся *тээнги*. Наверху они скреплялись четырьмя балками, образующими дымоходное отверстие в крыше юрты. Эти балки назывались *харааса*. Дымовое отверстие имело крышку. Аналогичные конструкции деревянной юрты были у хакасов, алтайцев и некоторых других сибирских тюрков, что говорит о сходстве культур.

Слово *отог* в языке закаменских бурят, окинских бурят и сойотов имеет ори-

гинальное для бурятского языка значение — ‘бивуак, стоянка в тайге с разведенным костром’. В литературном бурятском языке и остальных бурятских говорах, в том числе и присаянских, слово *отог* означает прежде всего ‘род, клан’. У закаменских бурят, кроме того, оно имеет значение ‘свободно кочевавшие бурятские племена, не записанные в казачье сословие и платящие в царскую казну подати, т. е. кочевые податные буряты’, что тоже представляло собой своеобразное значение. Кроме того, в бурятском языке слово *отог* само и в сочетании *отог байра* означает ‘балаган на покосе, шалаш’, причем в подобных балаганах, крытых сеном, никогда не бывает костра. В калмыцком языке слово *отг* сохранилось в значении ‘административная единица в дореволюционной Калмыкии’, что было связано, видимо, с родовым подразделением и шло от первичного значения слова *отг* в калмыцком языке ‘род, клан’. В языке халха-монголов слово *отог* означает прежде всего ‘род, клан; административная единица в дореволюционной Монголии’. Есть также значение ‘артель охотников и ‘огнище’, что стоит несколько ближе к значению этого слова у закаменцев и окинцев. Дело в том, что значение ‘стоянка с костром в тайге, бивуак с костром’ полностью совпадает со значением слова *одаг*, представленным в тофаларском и тувинском языках «стоянка с костром в тайге», которое имеется и в других тюркских языках Сибири, т. е. у народов, сохраняющих традиционный образ жизни таежных охотников, поскольку слово *одаг* восходит к тюркскому глаголу *ода*= ‘разжигать костер, топить печь’, образованному от тюркского же слова *от* ‘огонь; костер’. Эти лексемы были уже в древнетюркском языке и зафиксированы в «Древнетюркском словаре» [ДТС 1969: 372, 373]: *от* ‘огонь’, *ота*= ‘зажигать’, *отау* ‘шатер, жилище’ (т. е. дом, где разожжен костер). В то же время все они широко бытуют и в современных тюркских языках, в которых производная форма *отаг*, *одаг*, *одав*, *отов* имеет широкий спектр значений, обусловленных семантикой производящей глагольной основы, — ‘шалаш, шатер, юрта; стойбище, стан, становище; очаг, место костра; комната’ (об этом слове подробнее см.: [Севортян 1974: 484–487]).

В Монголии знают и такой специфический тип жилища как *ури*, который переводится ‘1) хижина; шалаш, остроконечный конический шалаш из кольев, крытый бе-

рестой; 2) балаган’. Он до сих пор распространен на северо-западе Монголии в Дархатском крае среди уйгуров-цатанов. Это жилище типа чума. Если раньше покрытием для него служили берестяные полотнища, лиственничная кора и шкуры изюбрей и лосей, то сейчас чум обычно покрывают брезентом. Знаком этот тип жилища и бурятам, называющим его словом *урса*, что переводится как ‘конусообразный шалаш, чум’. Восходит это монгольское и бурятское слово к старомонгольскому *урица* ‘жилище типа чума’.

И, наконец, нельзя не упомянуть о временном жилище, которое используют монгольские пастухи на отгонных пастбищах и которое называется по-монгольски *алцаг* и переводится ‘шалаш, хижина, лачуга, балаган’, в старомонгольском письменном языке фиксируется в виде *алцаг*. Это слово, вне всякого сомнения, восходит к древнетюркскому *алаци* ‘шатер’. В современных тюркских языках представлены формы *алажык*, *алажуқ*, *алачак*, *алачық*, *алачуқ*, *алашық*, *ылашық*, *аласық*, *аланчық* и т. п. ‘шалаш, шатер: лачуга, домишко, хижина’ (см.: [Севортян 1974: 130–132]). Кроме того, пастухи в степи на отгонных пастбищах свою пищу готовили на кострах, внутри которых находились три камня, на них ставился котел и все это называлось *оцог* ‘очаг’, ср. стп.-монг. *оциу* < др.-тюрк. *оциу* ‘очаг, печь’, *отциу* ‘очаг’, *оцау* ‘печь’ < др.-тюрк. *от* ‘огонь’. Таким образом, получается, что весь комплекс терминов, связанных с отгонными пастбищами, заимствован монголами еще в далекое время у древних тюрков: ср. например, монг. *отор* ‘1) выпас скота на отгонных пастбищах; 2) свежая трава весной; пастбище’ < тюрк. *отар* ‘пастбище, пастбище, отдаленное от аула’ < тюрк. *от* ‘трава’ [Севортян 1974: 487–488], монг. *сүрэг* ‘стадо’ < др.-тюрк. *сүрүг* ‘стадо, табун’ < др.-тюрк. *сүр*= ‘1) вести; 2) гнать, преследовать’, монг. *хуаг* ‘пырей (лучшая пастбищная трава)’ < тюрк. *қыйақ* id. < тюрк. *қый*= ‘резать наискось’, монг. *тал* ‘степь’ < др.-тюрк. *tala* ‘степь’, монг. *алцаг* ‘палатка, шалаш для пастухов на отгонных пастбищах’ < др.-тюрк. *алаци* ‘шатер’, монг. *оцог* ‘очаг в степи в виде трех камней’ < др.-тюрк. *оциу* ‘очаг, печь’.

Резюмируя все сказанное выше, следует отметить, что в монгольских языках нет единства в отношении названий разновидностей жилищ. Лишь несколько терминов

можно считать общемонгольскими: это *гэр* 'дом', эсгий *гэр* 'войлочная юрта', названия составных частей ее каркаса и войлочных покрышек, скрепляющих ремней, *байшин* 'здание', *өргөө* 'юрта хана, князя, высокопоставленного лица', *орд*, *хари*, *орд хари* 'дворец'. Остальные термины либо ареальные, например, монгольско-калмыцкие: *жолом* 'юрта из одних стропил, жолмейка', *чачир* 'шатер', монгольско-бурятские: *тур* 'крепость; город' (зап.-бур. *тура* 'дом, изба'), *майхан* 'палатка', *ури* 'чум', либо характерны для какого-то одного монгольского языка: для западных бурятских говоров — *соол* 'дом, изба', *булгаахан* 'деревянная юрта', *отог* 'бивуак с костром', для халха-монголов — *алцаг* 'жилище пастухов на летних отгонных пастбищах'. Примечательно, что почти все ареальные и специфические термины имеют тюркские параллели и этимологизируются на базе тюркских языков, как и общемонгольское название дворца. Это говорит о том, что каждый из монгольских народов продолжал свои связи с соседними тюркскими племенами, заимствуя у них различные элементы материальной культуры, в том числе и жилища.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ-МинОКН Монголии в рамках научного проекта № 16-24-03001а/м «Сложение пласта традиционной бытовой лексики монгольских языков (на примере халха-монгольского, бурятского и калмыцкого языков, сравнительно-исторический аспект).

Литература

- Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 1. А–Г. 520 с. Т. 2. 536 с. Т. 3. Ө–Ф. 440 с. Т. 4. Х–Я. 532 с.
- Голстунский К. Ф. Монгольско-русский словарь (дополнения). Т. I. СПб.: лит. А. Иконникова, 1895. 268 с. Т. II. СПб.: лит. А. Иконникова, 1894. 462 с. Т. III. СПб.: лит. А. Иконникова, 1893. 291 с. Т. IV. СПб.: лит. А. Иконникова, 1896. 89 с.
- ДТС — Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 677 с.
- Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русс. яз., 1977. 764 с.
- Ковалевский О. М. Монгольско-русско-французский словарь. Т. 1. Казань: Унив. тип., 1844. XIV, 594 с. Т. 2. Казань: Унив. тип., 1846. 595–1545 с. Т. 3. Казань: Унив. тип., 1849. 1547–2690 с.
- Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 768 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001. 882 с.
- Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В 2 т. Т. I. А-Н. Улан-Удэ: Изд-во «Республиканская тип.», 2010. 636 с. Т. II. О-Я. Улан-Удэ: Изд-во «Республиканск. тип.», 2010. 708 с.
- Lessing F. *Mongolian-English Dictionary*. Berkley and Los Angeles, 1960. 1218 p.
- Ramstedt G. J. *Kalmückisches Wörterbuch*. Helsinki, 1935. 411 s.

References

- Bol'shoy akademicheskiy mongol'sko-russkiy slovar'*. *Otv. red. G. Ts. Pyurbeev* [Great Academic Mongolian-Russian Dictionary. Ed. by G. Pyurbeev] Moscow, Academia Publ., 2001. Vol. 1. А–Г. 520 p. Vol. 2. Д–О. 536 p. Vol. 3. Ө–Ф. 440 p. Vol. 4. Х–Я. 532 p. (In Russ. and Mong.).
- Golstunsky K. F. *Mongol'sko-russkiy slovar' (dopolneniya)*. T. I. SPb.: lit. A. Ikonnikova, 1895. 268 s. T. II. SPb.: lit. A. Ikonnikova, 1894. 462 s. T. III. SPb.: lit. A. Ikonnikova, 1893. 291 s. T. IV. SPb.: lit. A. Ikonnikova, 1896. 89 s. [Mongolian-Russian Dictionary (supplements)]. St. Petersburg, A. Ikonnikov Publ., vol. I, 1895, 268 p.; vol. 2, 1894, 462 p.; vol. 3, 1893, 291 p.; vol. 4, 1896, 89 p. (In Russ. and Mong.).
- Drevnetyurkskiy slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 677 p. (In Russ. and Turk.).
- Kalmytsko-russkiy slovar'*. *Pod red. B. D. Muniyeva* [Kalmyk-Russian Dictionary. Ed. by B. D. Muniev]. Moscow, Russkiy Yazyk Publ., 1977, 764 p. (In Russ. and Kalm.).
- Kovalevskiy O. M. *Mongol'sko-russko-frantsuzskiy slovar'* [Mongolian-Russian-French dictionary. In 3 vol.]. Kazan, Kazan Univ. Press, vol. 1, 1844, XIV, 594 p.; vol. 2, 1846, 595–1545 p.; vol. 3, 1849, 1547–2690 p. (In Russ., Mong. and French).
- Sevortyan E. V. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. (Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye)* [Etymological Dictionary of Turkic languages (common Turkic and inter-Turkic bases for vowels)]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 768 p. (In Russ.).
- Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov*. Leksika [A comparative-historical

- grammar of Turkic languages. Lexis]. Moscow, Nauka Publ., 2001, 882 p. (In Russ.).
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkiy slovar'. V 2 t.* [Buryat-Russian Dictionary. In 2 vol.]. Ulan-Ude, Republican Press, vol. I (A-H), 2010, 636 p.; vol. II (O-Я), 2010, 708 p. (In Russ. and Bur.).
- Lessing F. *Mongolian-English Dictionary*. Berkley and Los Angeles, 1960. 1218 p. (In Eng. and Mong.).
- Ramstedt G. J. *Kalmückisches Wörterbuch* [Kalmyk Dictionary]. Helsinki, 1935, 411 p. (In Germ. and Kalm.).

УДК 811.512.3

ОБЩЕМОНГОЛЬСКАЯ ЛЕКСИКА ПО РАЗДЕЛУ ТРАДИЦИОННОЕ ЖИЛИЩЕ В ХАЛХАСКОМ, БУРЯТСКОМ И КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКАХ

Валентин Иванович Рассадин¹, Светлана Менкеновна Трофимова², Чулуунбаатар Лувсанжавын³

¹ доктор филологических наук, профессор, кафедра калмыцкого языка и монголистики; директор, Научный центр монголоведных и алтаистических исследований, Калмыцкий государственный университет (Элиста, Российская Федерация). E-mail: rassadin17@mail.ru

² доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка и общего языкознания, Калмыцкий государственный университет (Элиста, Российская Федерация). E-mail: trofimovasm@mail.ru

³ доктор филологических наук, профессор, Монгольский государственный университет (Улан-Батор, Монголия). E-mail: oyunavral@yahoo.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению в сравнительном и сравнительно-историческом аспектах названий жилищ, представленных в халха-монгольском, бурятском, калмыцком и старомонгольском письменном языках, на предмет выявления общемонгольских терминов, ареальных терминов и терминов специфических, характерных для того или иного одного монгольского языка. В монгольских языках нет единства в отношении названий разновидностей жилищ. Лишь несколько терминов можно считать общемонгольскими: это *гэр* 'дом', *эсгий гэр* 'войлочная юрта', названия составных частей ее каркаса и войлочных покрышек, скрепляющих ремней, *байшин* 'здание', *өргөө* 'юрта хана, князя, высокопоставленного лица', *орд*, *харш*, *орд харш* 'дворец'. Остальные термины либо ареальные, например, монгольско-калмыцкие: *жолом* 'юрта из одних стропил, жолмейка', *чачир* 'шатер', монгольско-бурятские: *тур* 'крепость; город' (зап.-бур. *тура* 'дом, изба'), *майхан* 'палатка', *урц* 'чум', либо характерны для какого-то одного монгольского языка: для западных бурятских говоров — *соол* 'дом, изба', *булгаахан* 'деревянная юрта', *отог* 'бивуак с костром', для халха-монголов — *алцаг* 'жилище пастухов на летних отгонных пастбищах'. Примечательно, что почти все ареальные и специфические термины имеют тюркские параллели и этимологизируются на базе тюркских языков, как и общемонгольское название дворца. Это говорит о том, что каждый из монгольских народов продолжал свои связи с соседними тюркскими племенами, заимствуя у них различные элементы материальной культуры, в том числе и жилища.

Ключевые слова: монгольские языки, халха-монгольский язык, бурятский язык, западно-бурятские говоры, калмыцкий язык, старомонгольский язык, войлочная юрта, каркас юрты, детали юрты, войлочное покрытие юрты, деревянная юрта, дворец, хижина, чум, шалаш.

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 32, Is. 4, pp. 141–145, 2017
 DOI 10.22162/2075-7794-2017-32-4-141-145
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.511.1

Realization of the Finno-Ugric Vowel /*e/ at the End of the Word-Stem in the Moksha Language

Galina S. Ivanova¹, Osip E. Polyakov², Irina Ya. Zhebratkina³

¹ Ph. D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Professor, Department of Mordvinic Languages, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation). E-mail: galina17-05@yandex.ru

² Ph. D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Professor, Department of Mordvinic Languages, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation). E-mail: kafmokschi2012@rambler.ru

³ Ph. D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Academy of Law Management of the Federal Penal Service of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: miss.zhebratkina@mail.ru

Abstract. The article attempts to define the correspondences of the Finno-Ugric vowel /*e/ at the end of the word-stem in the Moksha language and to identify consistent patterns of phonetic changes. The Proto-Finno-Ugric /*e/ inherent to non-first syllables developed in reflexes of front vowels within a first syllable as follows: it disappeared after a single consonant but reappears in grammatical forms as [ə]; when preceded by a combination of consonants it takes the form of [ä] which within a closed syllable after a velar consonant interchanges with [ç] and after a palatal consonant – with [ə]. In reflexes of back vowels within a first syllable (*o, *ō, *u or *ū) [ä] interchanges with [ç]. The paper concludes that the phonetic phenomena within the ancient /*e/ stem are largely connected with historical transformations of the accentual system, and the realization of the Finno-Ugric vowel /*e/ at the end of the word-stem in the Moksha dialects can be described as follows: <e> – [ə], [ç], [ë], [ä], [ä], ‘zero’ sound.

Keywords: Finno-Ugric language, Moksha language, vowel, correspondence, first syllable, non-first syllable, word-stem, phonetic position.

Из трёх финно-угорских гласных конца основы *a, *ā, *e [Genetz 1895: 15; Itkonen 1946: 222–337; Лыткин 1970: 221–238; Лыткин 1974: 155–213] в мокшанском языке развились семь: a, ä, e, o, u, i (i), ə.

Анализ лексического пласта показал, что реализация финно-угорского *e неоднозначна, на его месте вне первого слога выступают разные гласные, в первом слоге при этом исторически могли стоять разные по качеству гласные: краткие: i, e, ä, ü, u, o; долгие: ī, ū, ō, ē; переднерядные: i, ī, e, ē, ü, ä и непереднерядные: u, ū, o, ō.

При гласных переднего ряда в первом слоге с финно-угорским *e произошли следующие изменения:

1) после одинарного консонанта гласный выпал, в некоторых говорах центрального диалекта от конечного редуцированного гласного общемордовского периода остался призвук, например:

а) *tāwz ‘легкие’ [ОФЯ 1: 400] > t'ev-lav / t'ivlav; *käte ‘рука’ [ОФЯ 1: 412] > käd' / ked'; *č'äjärz- ‘голень’ [КЭСЯ 1970: 311] > s'äjär' / s'ejer'; *jäne ‘лед’ [ОФЯ 1: 413] > jäj / äj / ej; *wäke ‘сила’ [Мосин 1989: 8] > vij; *säje

‘гной’ [ОФЯ 1: 408] > *sij*; **täje* ‘вошь’ [ОФЯ 1: 415] > *s'i*; **wän̄z* ‘зять’ [ОФЯ 1: 401] > *ov*;

б) **vete* ‘вода’ [ОФЯ 1: 402] > *ved' / v'id'*; **venes* ‘лодка’ [Bartens 1999: 58] > *ven'c' / vin'äs'*; **were* ‘кровь’ [ОФЯ 1: 412] > *ver / vir' / var*; **mekše* ‘пчела’ [ОФЯ 1: 422] > *mes / mis' / praməs / bramis*; **mete* ‘мед’ [ОФЯ 1: 422] > *med' / mid'*; **teke-* ‘делать’ [ОФЯ 1: 418] > *t'ev / t'iv*; **kere* ‘кора, корка’ [ОФЯ 1: 415] > *ker / kar*; **nere* ‘нос’ > *n'ar' / n'er'* [ОФЯ 1: 400];

в) **sētu-* ‘мост’ [КЭСКЯ 1970: 259] > *s'ed' / s'id'*; **mēle* ‘ум, разум, настроение’ [КЭСКЯ 1970: 180] > *mal' / mel'*; **kēle* ‘язык’ [ОФЯ 1: 401] > *kal' / kel'*; **lēme* ‘сок, суп’ [КЭСКЯ 1970: 159] > *l'am / l'em*; **pēle* ‘косяк’ [Мосин 1989: 10] > *pal' / pel'* ‘жердь, кол’;

г) **siwz-l'z* ‘мясо’ [ОФЯ 1: 432] > *s'iväl' / siväl'*; **kive* ‘камень’ [ОФЯ 1: 417] > *k'ev / k'iv*;

д) **vīye-* ‘нести, носить, водить, отправить, отвести’ [КЭСКЯ 1970: 47] > *vi-ms*; **s'ije-le* ‘эж’ [ОФЯ 1: 415] > *s'ejäl' / s'ijäl'*; **šije-re* ‘мышь’ [ОФЯ 1: 416] > *šejär / šejär*;

е) **s'üde* ‘жар, уголь’ [ОФЯ 1: 407] > *s'ed' / s'id'*; **wülä-* ‘верхний’ [ОФЯ 1: 407] > *veL'ks / viL'ks* ‘крыша, крышка’;

ж) **nide* / **nüide* ‘рукоятка’ [ОФЯ 1: 409] > *n'ed' / n'id'*; **sile* / **süle* ‘сажень’ [ОФЯ 1: 401] > *s'el' / s'il'*; **kije* ‘змея’ [ОФЯ 1: 404] > *kuj / guj*; **widz-me* / **wüdz-me* ‘мозг’ [ОФЯ 1: 412] > *uj*; **piŋe* / **püŋe* ‘рябчик’ [ОФЯ 1: 404] > *rovñ'ä / rovñ'e*;

2) при предшествующем сочетании согласных встречается в виде [ä]: например:

а) **sürte-* ‘пряжка’ > *s'ur'ä / s'ur'ë* [Bartens 1999: 57]; **künce* ‘ноготь’ [Bartens 1999: 57] > *kenžä / kin'd'žë*;

б) **silke* / **sülke* ‘слюна’ [ОФЯ 1: 419] > *s'el'gä / s'il'gë*; **iŋe* / **tüŋe* ‘комель’ [ОФЯ 1: 414] > *tiŋgä / tiŋgë*; **siks'e* / **süks'e* ‘осень’ [ОФЯ 1: 414] > *s'oks'ä / s'oks'ë*;

в) **mälke* / **mäl̄ye* ‘грудь’ [ОФЯ 1: 411] > *mäšt'ä / mešt't'ë* ‘грудь’; **päškz* ‘орех’ [ОФЯ 1: 428] > *päšt'ä / pešt't'ë*; **säŋe* ‘воздух’ [ОФЯ 1: 413] > *š'in'ä / š'in'ë* ‘запах’;

г) **witte* ‘пять’ [ОФЯ 1: 424] > *vet'ä / vet'ë / vit'ë*; **pīre* ‘огород’ [КЭСКЯ 1970: 47] > *p'er'ä / pir'ë*; д) **šewz* ‘калина’ [ОФЯ 1: 427] > *čivgä / čivgë*; **pene* ‘собака’ [ОФЯ 1: 416] > *p'in'ä / p'in'ë*;

3) в непервом закрытом слоге слова:

а) после одинарного палатального парно-го согласного реализуется в звуке [ə],

б) после велярных непарных [m], [g], [s], [v] и фрикативного [z] — в звуке [(l): а) **c'än̄z-* ‘ломать, отламывать’ [ОФЯ 1: 418] > *s'ind'ä-*; **pel'e-* ‘бояться’ [Мосин 1989: 9] > *pel'ä-* /

pil'ä-; **teke-* ‘делать’ [ОФЯ 1: 418] > *t'ijä-* ‘делать’; **mene-* ‘идти, ехать’ [Мосин 1989: 9] > *män'ä- / men'ä-*; **lewe-* ‘бросать, кидать’ [ОФЯ 1: 421] > *l'äc'ä- / l'ec'ä-* ‘стрелять, бросать, кидать’; **nēle-* ‘проглотить’ [ЭВ 2015: 120] > *n'il'äms*; **s'ije-le* ‘эж’ [ОФЯ 1: 415] > *s'ejäl' / s'ijäl'*; **šije-re* ‘мышь’ > *šejär / šejär* [ОФЯ 1: 416]; **kin'e-lz* / **kün'e-lz* ‘слеза’ [ОФЯ 1: 401] > *kun'al'a- / kun'al'ä-* ‘жалеть’;

б) **päckz-* ‘ласточка’ [ОФЯ 1: 416] > *piz'g(nal)* ‘веснушка’, дословно (*piz'g(n(n'* ‘ласточкино’ + *al* ‘яйцо’); **ede* ‘передний, передняя часть’ > *inŋ(l'* [ОФЯ 1: 421]; **keppz-* ‘поднять’ [ОФЯ 1: 402] > *kep(-d'ä-ms)*; **kel'ke* ‘любить’ [ОФЯ 1: 418] > *kel'g(-ms)*; **pentz-* ‘закрывать, затворять, покрывать, прикрывать’ [ОФЯ 1: 418] > *pent(-ndams / pet(-ndams)*; **pese-* ‘мыть, мыться’ [ЭВ 2015: 138] > *pez(-ms* ‘мыть голову’; **sēme* ‘пить’ [Bartens 1999: 57] > *s'im(-)*; **pišz* ‘тиски, светец’ [ОФЯ 1: 433] > *peš(ŋta)*; **siwz'lz* ‘мясо’ [ОФЯ 1: 432] > *s'iv(l'*; **kümene* ‘десять’ [ЭВ 2015: 66] > *kem(n'*;

в) при наличии в первом слоге гласных [i], [u], восходящих к историческим *i / *u или *u, прафинно-угорский конечный *e реализуется в звуке [ä], если ему предшествовало сочетание согласных, последний из которых непарный твердый, например: **t'ine* / *t'iŋe* ‘комель, основание’ [ОФЯ 1: 414] > *t'inä*; **künce* ‘ноготь’ [ЭВ 2015: 68] > *kenžä*; **silke* / **sülke* ‘слюна’ [ОФЯ 1: 419] > *s'el'gä*. В позиции закрытого слога такой [ä] чередуется с [(l), например: *t'ingä* – *t'ing(c* ‘его комель, основание’ – *t'ing(l'* ‘был комель, основание’, *kenžä* – *kenž(c* ‘его ноготь’ – *ken'd'ž(z'ä* ‘мой ноготь’, *s'el'gä* – *s'el'g(c* ‘его слюна’ – *s'el'g(n'* ‘слюны’.

Есть немного случаев, когда в мокшанском языке вместо прафинно-угорского *e непервого слога выступает:

а) гласный полного образования [a], например: **ikte* / **ükte* ‘один’ [ОФЯ 1: 423] > *ifkä / fkä*;

б) заднерядный вариант редуцированного гласного [a]: **kirkz* / **kürkz* ‘рот’ [ОФЯ 1: 420] > *kurgä* — это наблюдается после непарного твердого согласного, впоследствии велярное окружение привело к передвижке артикуляции гласного переднего ряда первого слога *i / *u к заднему ряду;

в) в нескольких словах — переднерядный гласный верхнего подъема [i]: **elz* ‘ветка, сук’ [ОФЯ 1: 427] > *il'i* ‘хворостина’; **s'idz* / **s'üdz* ‘сердце’ [КЭСКЯ 1970: 270] > *s'ed'i*; **kärtz* ‘железо’ [ОФЯ 1: 417] > *kšn'i / kəš'n'i*; **küsz-* ‘толстый’ > м. *kujä* > *kuje* [Тепляшина 1978: 302].

При репрезентантах исторических гласных заднего ряда (*o, *ō, *u или *ū) в первом слоге с гласным *e конца основы произошли такие изменения:

1) гласный выпал, в отдельных говорах сохранился в виде редуцированного призвука, если между ним и гласным первого слога стоял одинарный согласный: *kojz 'моль' [КЭСЯ 1970: 139] > ki; *koj2 'луна' [ОФЯ 1: 402] > kov; *jok2 'река' [ОФЯ 1: 403] > jov 'река Мокша', *roc'z 'рожь' [ОФЯ 1: 428] > [roz']; *norz 'хлеб, зерно, мука' [ОФЯ 1: 428] > [no-]; *nomalz 'заяц' [ОФЯ 1: 404] > numəl; *orpasz 'хряк' [ОФЯ 1: 413] > urəs; *konz 'на-взничь' [ОФЯ 1: 421] > kun-f; *sōn2 'жила' [ОФЯ 1: 400] > san; *jōne 'ряд, вереница' [ЭВ 2015: 221] > jan 'тропа'; *woj2 'масло' [ОФЯ 1: 422] > vaj; *sud'z 'палец' [ОФЯ 1: 400] > sur; *tul2 'огонь' [ОФЯ 1: 403] > tol; *lum2 'снег' [ОФЯ 1: 414] > lov; *pus'z 'мука' [ОФЯ 1: 422] > počf;

2) в исходе слова реализовался в звуке [a] или [a], если ему предшествует велярный согласный:

*e > [a]: *kolm2 'три' [ОФЯ 1: 423] > kolmä; *sorz 'вид хлеба' [ОФЯ 1: 427] > s'orā 'зерно, хлеб'; *omte 'дупло' [Мосин 1989: 12] > undā; *s'ōl2 'кишка' [ОФЯ 1: 412] > s'ulā; *puntz 'дно' [ОФЯ 1: 427] > potmä 'нутро'; *kūtt2 'шесть' [ОФЯ 1: 424] > kotā;

*e > [a]: *c'ončz 'блоха' [ОФЯ 1: 415] > c'ic'av; *towkz 'весна' [ОФЯ 1: 413] > tunda; *polv2 'колено' [ОФЯ 1: 400] > pulmanža / pəlman'ž'a; *nolz 'лизать' [ОФЯ 1: 406] > nola-; *sonę 'входить, заходить' [ОФЯ 1: 405] > suva- / sava-; *puwz 'дуть' [ОФЯ 1: 402] > ufa-; *puņz / *puwz 'задышаться, (у)тонуть' [ОФЯ 1: 418] > pova- / ponda-; *kuje 'жир, сало' [ЭВ 2015: 87] > kuja- 'потолстеть'; *učz 'овца' [ОФЯ 1: 416] > uča;

3) в закрытом слоге закономерно реализовался в [ɨ], например: *mos'k2 / *mus'k2 'мыть' [ОФЯ 1: 406] > mus'k(-) 'стирать'; *sosk2 'кусать' [ОФЯ 1: 406] > susk(-); *čopčz 'смородина' [ОФЯ 1: 415] > sukst(ru) / sukst(ru); *kōl2 'умирать' [ОФЯ 1: 407] > kul(-); *šurz 'разрезать' [ОФЯ 1: 406] > šur(-); *luk2 'читать, считать' [ОФЯ 1: 407] > luv(-); *pus'-(rз-) 'отжимать, выжимать' [ОФЯ 1: 417] > puv(-rdams); *kulk2 'плыть (по течению)' [ОФЯ 1: 406] > kol'g(-); *muņkz 'тело, туловище' [ОФЯ 1: 412] > mok(r'); *kutkz 'муравей' [ОФЯ 1: 416] > kot'k(daj); *tuņk2 'проникать, совать' [ОФЯ 1: 419] > toņg(-); *kusz 'кашлять' [ОФЯ 1: 429] > koz(-). В подавляющем большинстве случаев звуку [ɨ] предшествует непарный

велярный согласный ([k], [v], [g]), входящий в сочетание согласных, или одинарный парный велярный согласный.

В единичных случаях:

1) вместо ожидаемого [ɨ] появляется [ə], если ему предшествует палатальный согласный: *pont2 'палка, ручка' [ОФЯ 1: 432] > pajd'ək / bajd'ək; *wol'2 'быть' [ОФЯ 1: 417] > ul'ə; *pur'2 'кусать, укусить, грызть' [ОФЯ 1: 418] > por'ə-; *mulz 'проходить' [ОФЯ 1: 419] > mol'ə-; *kōl2 'слышать' [ОФЯ 1: 407] > kul'ə-; *uj2 / *woj2 'плавать' [ОФЯ 1: 406] > uja-.

2) выпадает конечный гласный после сочетания согласных: *joņse 'лук, оружие' [ОФЯ 1: 408] > jonks; *kowse 'ель' [ОФЯ 1: 403] > kuz. В мокшанском языке похожее явление наблюдается в синхронном плане в позиции закрытого слога на стыке морфем. «В мокша-мордовском языке достаточно широкое распространение получило такое явление, как сандхи (санскр. sandhi — связь, соединение) — «позиционно обусловленное изменение звуков, возникающее на стыке <...> морфем — внутреннее сандхи <...> В именном словоизменении конечный редуцированный гласный основы отпадает после сочетания согласных, второй из которых смычный...» [Ахманова 1966; Иванова, Ишаева 2015: 109];

3) *e реализовался в [ä] > [e] при предшествующем палатальном согласном: *wojke 'прямой' > vid'ä > vid'e;

*e > [u] в результате губной ассимиляции со стороны такого же гласного первого слога: *kul'mz 'пепел' [ОФЯ 1: 414] > kulu.

Прафинно-угорский *e непервого слога при рефлексах гласных переднего ряда в первом слоге получил такое развитие: после одиночного консонанта выпал, но при словоизменении появляется вновь в виде [ə]; при предшествующем сочетании согласных встречается в виде [ä], который в позиции закрытого слога после велярного консонанта чередуется с [ɨ], после палатального — с [ə].

При рефлексах гласных заднего ряда в первом слоге (*o, *ō, *u или *ū) [ä] чередуется с [ɨ].

Фонетические явления в древней е-овой основе в большинстве случаев связаны с историческими изменениями в акцентологической системе [Иванова 2014: 135–137].

Таким образом, реализацию финно-угорского гласного *e конца основы в мокшанских диалектах можно представить следующим образом: <e> — [ə], [ɨ], [e], [a], [ä], 0 звука.

Литература

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Изд-во «Советская Энциклопедия», 1966. 608 с.
- Иванова Г. С. Некоторые особенности мокшанской акцентуации // Гуманитарные науки и образование: научно-методический журнал. 2014. № 3 (19). С. 135–137.
- Иванова Г. С., Ишаева Л. В. Явление сандхи в мокша-мордовском языке // Гуманитарные науки и образование: научно-методический журнал. 2015. № 2 (22). С. 109–111.
- КЭСЯ — Лыткин В. И., Гуляев Е. И. Краткий этимологический словарь коми языка / под ред. проф. В. И. Лыткина. М.: Наука, 1970. 386 с.
- Мосин М. В. Фонетическая структура финно-угорской основы слова в мордовских языках. Уч. пос. Саранск: Изд-во Сарат. ун-та, 1989. 56 с.
- Лыткин В. И. О вокализме непервого слога финно-угорских языков // Советское финно-угроведение. 1970. № 3. С. 221–238.
- Лыткин В. И. Сравнительная фонетика финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания. М.: Наука, 1974. С. 155–213.
- ОФЯ — Основы финно-угорского языкознания: вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 484 с.
- Тепляшина Т. И. Типологическая эволюция структуры прафинно-угорского корня в пермских языках // Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам. М.: Наука, 1978. С. 266–325.
- ЭВ — Цыганкин Д. В., Мосин М. В. Этимологиянь валкс. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. 228 с.
- Bartens R. Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys. Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia, 232 / R. Bartens. Helsinki, 1999.
- Genetz A. Ensi tavun vokaalit suomen, lapin ja mordvan kaksija useampitavuisissa sanoissa. Helsingfors, 1895.
- Itkonen E. Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen // Finnisch-Ugrische Forschungen (FUF). Helsinki, 1946. Band XXIX. Heft 1–3. P. 222–337.
- Ivanova G. S. *Nekotorye osobennosti mokshanskoy aktsentuatsii* [Some features of the Moksha accentuation]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie: nauchno-metodicheskiy zhurnal* (Humanities and Education: a Scientific and Methodical Journal), Saransk, Mord. State Pedagogical Institute Press, 2014, No. 3 (19), pp. 135–137 (In Russ.).
- Ivanova G. S., Ishaeva L. V. *Yavlenie sandkhi v moksha-mordovskom yazyke* [Sandhi phenomenon in Moksha-Mordvin]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie: nauchno-metodicheskiy zhurnal* (Humanities and Education: a Scientific and Methodical Journal), Saransk, Mord. State Pedagogical Institute Press, 2015, No. 2 (22), pp. 109–111 (In Russ.).
- Lytkin V. I., Gulyaev E. I. *Kratkiy etimologicheskii slovar' komi yazyka / pod red. prof. V. I. Lytkina KESKYa — 1970* [A brief etymological dictionary of the Komi language. Ed. by prof. V. Lytkin]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 386 p. (In Russ.).
- Mosin M. V. *Foneticheskaya struktura finno-ugorskoj osnovy slova v mordovskikh yazykakh. Uchebnoe posobie* [Phonetic structure of the Finno-Ugric word stem in the Mordovian languages. Student's manual]. Saransk, Saratov Univ. Press, 1989, 56 p. (In Russ.).
- Lytkin V. I. *O vokalizme nepervogo sloga finno-ugorskich yazykov* [About vocalism of the non-first syllable in the Finno-Ugric languages] *Sovetskoe finno-ugrovedenie* (Soviet Finno-Ugric Studies), 1970, No. 3, pp. 221–238 (In Russ.).
- Lytkin V. I. *Sravnitel'naya fonetika finno-ugorskich yazykov* [Comparative Phonetics of Finno-Ugric Languages] *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaneya* (Fundamentals of Finno-Ugric Linguistics). Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 155–213 (In Russ.).
- Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaneya: voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskich yazykov OFYa 1* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics: the origin and development of the Finno-Ugric languages]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 484 p. (In Russ.).
- Tepliyashina T. I. *Tipologicheskaya evolyutsiya struktury prafinno-ugorskogo kornya v perm-skikh yazykakh* [Typological evolution of the structure of the pre-Finno-Ugric root in Permian languages]. *Istoriko-tipologicheskie issledovaniya po finno-ugorskim yazykam* [Historical and typological studies of the Finno-Ugric languages]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 266–325 (In Russ.).

References

Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1966, 608 p. (In Russ.).

- Tsygankin D. V., Mosin M. V. *Etimologiyän' valks EV 1998*. Saransk, Mord. Univ. Press, 2015, 228 p. (In Mord.).
- Bartens R. *Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys. Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia, 232*. R. Bartens, Helsinki, 1999 (In Finn.).
- Genetz A. *Ensi tavun vokaalit suomen, lapin ja mordvan kaksija useampitavuisissa sanoissa*. Helsinki, 1895 (In Finn.).
- Itkonen E. *Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen. Finnisch-Ugrische Forschungen (FUF)* [Revisiting the development of the first-syllable vocalism in Finno-Ugric languages, and especially in Mordvinian ...]. Helsinki, 1946, vol XXIX, iss. 1–3, pp. 222–337 (In Germ.).

УДК 811.511.1

РЕАЛИЗАЦИЯ ФИННО-УГОРСКОГО ГЛАСНОГО *Е КОНЦА ОСНОВЫ В МОКШАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Галина Софроновна Иванова¹, Осип Егорович Поляков², Жебраткина Ирина Яковлевна³

¹ доктор филологических наук, профессор, кафедра мордовских языков, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Российская Федерация). E-mail: galina17-05@yandex.ru.

² доктор филологических наук, профессор, кафедра мордовских языков, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Российская Федерация). E-mail: kafmoks2012@rambler.ru.

³ кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Рязань, Российская Федерация) E-mail: miss.zhebratkina@mail.ru.

Аннотация. В статье осуществляется попытка определить корреспонденции финно-угорского гласного *е конца основы в мокшанском языке, а также выявить закономерности фонетических изменений. Прафинно-угорский *е непервого слова при рефлексах гласных переднего ряда в первом слоге получил следующее развитие: после одиночного консонанта выпал, но при словоизменении появляется вновь в виде [ə]; при предшествующем сочетании согласных встречается в виде [ä], который в позиции закрытого слога после велярного консонанта чередуется с [ɟ], после палатального – с [ɟ]. При рефлексах гласных заднего ряда в первом слоге (*о, *õ, *u или *ü) [ä] чередуется с [ɟ]. Фонетические явления в древней е-овой основе в большинстве случаев связаны с историческими изменениями в акцентологической системе. Авторы приходят к выводу о том, что фонетические явления в древней е-овой основе в большинстве случаев связаны с историческими изменениями в акцентологической системе, а реализацию финно-угорского гласного *е конца основы в мокшанских диалектах можно представить следующим образом: <e> — [ə], [ɟ], [e], [a], [ä], 0 звука.

Ключевые слова: финно-угорский язык, мокшанский язык, гласный, корреспонденция, первый слог, непервый слог, основа, фонетическая позиция.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 32, Is. 4, pp. 146–153, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-32-4-146-153
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 512.141:004.655

The Sub-Corpus of Texts of Aphoristic Genres of Bashkir Folklore: Structure and Composition of the Database of Riddles

Gulgina G. Shamsutdinova ¹, Anita Sh. Ishmukhametova ², Liliya A. Buskunbaeva ³

¹ Senior Laboratory Research Assistant, Laboratory of Linguistics and Information Technologies, Department of Linguistics, Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Center of the RAS (Ufa, Russian Federation). E-mail: moon07@yandex.ru

² Junior Research Associate, Laboratory of Linguistics and Information Technologies, Department of Linguistics, Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Center of the RAS (Ufa, Russian Federation). E-mail: ishmuhametova_anita@mail.ru

³ Ph. D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Research Associate, Laboratory of Linguistics and Information Technologies, Department of Linguistics, Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Center of the RAS (Ufa, Russian Federation). E-mail: buskl@yandex.ru

Abstract. The article discusses one of the aphoristic genres in Bashkir folklore – the riddle. The riddle is a widespread aphoristic genre to be found in all languages worldwide. Riddles generalize historical, social and everyday life experiences of a people. In Bashkir folklore, riddles exist as separate genre but to a certain extent can be also included into other genres.

Riddles consist of two parts: a riddle ass such (a question) and a solution (an answer). Such expressive means as metaphor, metonymy, comparison, antithesis, epithet, alliteration, and onomatopoeia are used in riddles. When solving riddles, people learn to see and understand the beauty of the world, as well as learn about the past and present of their nation.

Taking into account the importance of studying and saving folklore materials in electronic format and opening free access to the information provided for the public, employees of the Laboratory of Linguistics and Information Technologies of the Institute of History, Language and Literature (Ufa Scientific Center of the RAS) established the *Folklore Corpus* as part of the *Machine Fund of the Bashkir Language* comprising various folklore materials. Riddles take an important place among them, being divided into thematic sections as follows: 1. *The earth and sky, natural phenomena* – riddles about celestial bodies and other natural phenomena, 2. *The plant world* – riddles about plants, trees, vegetables and fruit, 3. *The animal world* – riddles about domestic and wild animals, 4. *The man and human life* – riddles about human life and all the objects used by human beings in everyday life. As a result, as of today over 3900 Bashkir riddles have been introduced into the *Folklore Corpus*.

Keywords: Bashkir language, Turkic languages, Machine Fund of the Bashkir Language, information systems, aphoristic genres, riddles, Bashkir folklore, Bashkir Folklore Corpus.

Фольклорные материалы являются важным источником для исследований по истории развития языка, определения языковой картины мира. При этом они представляют ценность и для практической лексикографии, так как содержат еще не описанные архаические элементы. Поэтому в отечественной корпусной лингвистике интерес к текстам народного творчества с каждым днем растет: активно ведутся работы по созданию корпусов фольклорных текстов русского [Николаев 2015], калмыцкого [Куканова 2012], нганасанского [Корпус нганасанских фольклорных текстов 2017], тувинского [Салчак 2012] языков. Институтом этнологии и антропологии РАН разрабатываются корпусы фольклора ряда народов Сибири (эвенкийского, шорского, ненецкого, телеутского) [Корпусы ИЭА РАН 2017]. Объектами этих корпусов выступают эпические, сказочные, библейские и мифологические тексты.

Учитывая актуальность исследования фольклорных текстов, в том числе текстов афористического жанра, сотрудниками лаборатории лингвистики и информационных технологий отдела языкознания Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук создается подкорпус текстов афористического жанра башкирского языка, интегрированный в корпус фольклора. Основой для корпуса взято систематизированное научное издание: 36-томный сборник образцов башкирского фольклора, на сегодняшний день изданы 13 томов на башкирском языке [Башкорт халык ижады 9, 2007].

Жанровый состав афористического творчества башкирского народа весьма богат и разнообразен. Афористические произведения воплощают в себе глубокую мудрость народа и его остроумие. Вместе с тем, каждое из них имеет и свои специфические (жанровые) особенности, что выражается, главным образом, в выполняемых ими функциях, грамматических структурах, формах бытования, характере употребления и т. д.

Проблема классификации афористического жанра и выделения в нем поджанров была объектом рассмотрения в русистике и тюркологических исследованиях [Пермяков 1988; Аникин 1957; Габниа 1990; Гасанов 1968; Махмутов 1995]. Исследованиям в этом направлении в башкирской филологии посвящены работы С. А. Галина

[2009], Ф. А. Надршиной [Кирей Мэргэн, Надршина 1968], Кирей Мэргэна [1978]. Основываясь на этих работах, составители подкорпуса выделили следующие компоненты афористического жанра: пословицы (*мәкәлдәр*), поговорки (*әйтемдәр*), загадки (*йомактар*), приметы (*һынамыштар*), запреты (*тыйыузар*), предсказания (*юраузар*), клятвы (*анттар*), проклятия (*каргыштар*), благопожелания (*алгыштар*), поверья (*ышаныу-хәрәфәттәр*) [Бускунбаева, Сирзитдинов и др. 2017: 60].

Одной из неотъемлемых частей афористического жанра являются загадки. Жанр загадок — это древний и самобытный жанр, суть которого — «запрятать» в иносказательный поэтический образ самые обыденные предметы и явления, окружающие человека в его повседневной жизни [Соловьева-Ойунская 1992: 1].

Отметим, что жанр загадки на башкирском языке именуется двумя терминами: *табышмак* и *йомак*. Они в различных фонетических вариантах встречаются почти у всех тюркоязычных народов: *топишмак* (в узбекском), *жумак* (в кыргызском), *жумбак* (в казахском), *табышмак* и *жомак* (в татарском) [Кирей Мэргэн, Надршина 1968: 5]. Первый из них образован от глагола *табыу* ‘найти, находить’ + *-ыш* (аффикс взаимного залога) + суффикс *-мак*. Корнем второго названия является глагол *йомоу* ‘закрывать, спрягать’.

В представленной статье авторами предпринимается попытка рассмотрения тематических групп загадок, употребления художественных приемов с точки зрения частоты их употребления.

В афористическом подкорпусе база данных загадок включает в себя 3 900 единиц, которые подразделены по следующим тематическим жанрам:

1. Земля и небо, природные явления — здесь представлены загадки о небесных светилах и других природных явлениях. Введено 595 единиц объемом в 4 494 словоформ.

Например,

Күк тирмәнең эсендә

Булыр ике туп,

Көндөз беренен тот,

Төндә беренен тот. (Кояш менән ай)

‘Синий шатер,

Два шара в нем,

Одного видно ночью,

Другого — днем’. (Солнце и луна)

2. Растительный мир — все загадки, обозначающие растения и цветы, а также овощи, ягоды и фрукты. Введено 428 единиц объемом в 3 265 словоформ.

Например,
Йәйен йәшәрә, кышын картая. (Ағас)

‘Летом молодой,
Зимой — старик седой’. (Дерево)

*Сәсмәһәң дә мин сыктым,
Әйтмәһәң дә мин үстем,
Саҡырмаһаң да мин килдем. (Сәскә)*

‘Не сеяли, а вырос,
Не звали, а пришел’. (Цветы)

*Кызыл төймә таптым,
Ауызыма каптым. (Еләк)*

‘Красную пуговку нашел,
Она во рту растаяла’. (Ягоды)

3. Животный мир — загадки о диких и домашних животных. Введено 575 единиц объемом в 4 447 словоформ.

Тарагы бар — сәсен тарамай,

Урагы бар — иген ура алмай. (Әтәс)

‘Гребешок есть, да им волос не приберешь;

Серп есть, да им хлеб не пожнешь’. (Петух)

Йәйен — урманда батша,

Кышын — карзан да аҫта. (Айыу)

‘Летом — хозяином леса считается,

Зимой — засоней под снегом валяется’.
(Медведь)

4. Человек и его жизнь — загадки о жизнедеятельности человека и обо всех предметах, которые он использует в повседневной жизни. Введено 2 302 единиц объемом в 15 692 словоформ.

Кояш төшөрмәй, ямгыр килтермәй. (Эшләпә)

‘От солнца защитит, от дождя спасет’. (Шляпа)

Дүрт киленгә бер яулык. (Өҫтәл)

‘Четыре невестки один платок накинули’.
(Стол)

Бәләкәй генә малай,

Урман төбөн ялай. (Балта)

‘Удалец мал да удал:

Лес валит наповал’. (Топор)

Аркандан бура бурайзар. (Ойок бәйләү)

‘Из веревок ставят сруб’. (Вязанье носков)

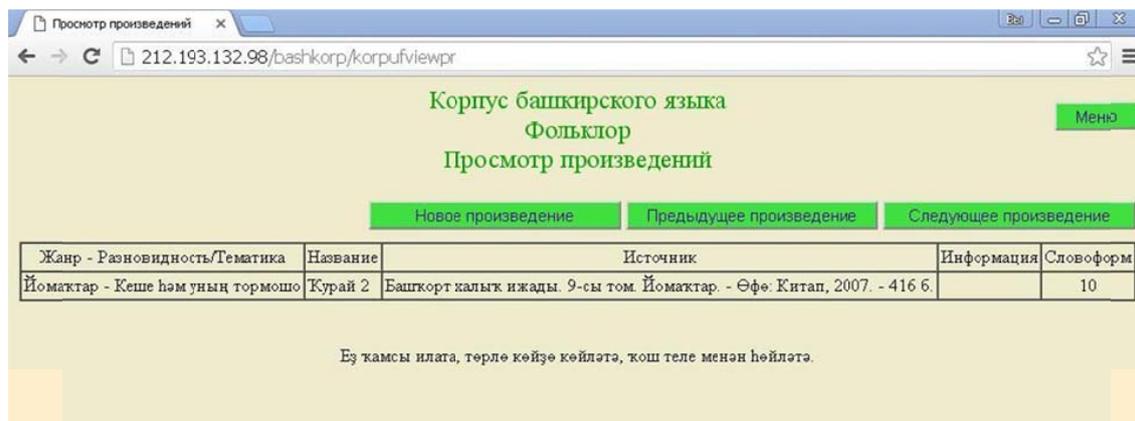

Рис. 1. Интерфейс афористического подкорпуса базы данных загадок

Метаразметка афористического подкорпуса базы данных загадок имеет следующую структуру:

1. Жанр — разновидность / тематика.
2. Название загадки.
3. Источник.
4. Информация.
5. Количество словоформ.

Название включает ответы загадок с вариантами, например, *еләк 1*, *еләк 2* и т. д. Например, в подкорпусе афористических жанров представлено 60 загадок к слову *самауыр*.

В источнике дано библиографическое описание книг, откуда был взят материал

для базы данных корпуса.

Загадка состоит из двух частей: загадки (вопроса) и отгадки (ответа). В загадке тем или иным способом «зашифрована» отгадка. Это может быть метафора или другое иносказание. Анализ базы данных показывает, что метафора — самая распространенная форма «укрывания» общеизвестных понятий о предметах. Аристотель называл загадку хорошо составленной метафорой [Аристотель 1957: 113–114].

В загадках широко используются такие художественные приемы, как метафора, метонимия, сравнение, антитеза, эпитет, аллитерация, звукоподражание.

ID	Загадка	Источник	Число	Выбор
1433	Самуыр 42	Башкорт халык ижады. 9-сы том. Йомактар. - Өфе: Китап, 2007. - 416 б.	4	Выбор
1434	Самуыр 43	Башкорт халык ижады. 9-сы том. Йомактар. - Өфе: Китап, 2007. - 416 б.	4	Выбор
1435	Самуыр 44	Башкорт халык ижады. 9-сы том. Йомактар. - Өфе: Китап, 2007. - 416 б.	4	Выбор
1436	Самуыр 45	Башкорт халык ижады. 9-сы том. Йомактар. - Өфе: Китап, 2007. - 416 б.	4	Выбор
1437	Самуыр 46	Башкорт халык ижады. 9-сы том. Йомактар. - Өфе: Китап, 2007. - 416 б.	14	Выбор
1438	Самуыр 47	Башкорт халык ижады. 9-сы том. Йомактар. - Өфе: Китап, 2007. - 416 б.	6	Выбор
1439	Самуыр 48	Башкорт халык ижады. 9-сы том. Йомактар. - Өфе: Китап, 2007. - 416 б.	6	Выбор
1440	Самуыр 49	Башкорт халык ижады. 9-сы том. Йомактар. - Өфе: Китап, 2007. - 416 б.	4	Выбор
1441	Самуыр 5	Башкорт халык ижады. 9-сы том. Йомактар. - Өфе: Китап, 2007. - 416 б.	4	Выбор
1442	Самуыр 50	Башкорт халык ижады. 9-сы том. Йомактар. - Өфе: Китап, 2007. - 416 б.	4	Выбор
1443	Самуыр 51	Башкорт халык ижады. 9-сы том. Йомактар. - Өфе: Китап, 2007. - 416 б.	9	Выбор
1444	Самуыр 52	Башкорт халык ижады. 9-сы том. Йомактар. - Өфе: Китап, 2007. - 416 б.	6	Выбор
1445	Самуыр 53	Башкорт халык ижады. 9-сы том. Йомактар. - Өфе: Китап, 2007. - 416 б.	7	Выбор
1446	Самуыр 54	Башкорт халык ижады. 9-сы том. Йомактар. - Өфе: Китап, 2007. - 416 б.	8	Выбор
1447	Самуыр 55	Башкорт халык ижады. 9-сы том. Йомактар. - Өфе: Китап, 2007. - 416 б.	7	Выбор
1448	Самуыр 56	Башкорт халык ижады. 9-сы том. Йомактар. - Өфе: Китап, 2007. - 416 б.	6	Выбор
1449	Самуыр 57	Башкорт халык ижады. 9-сы том. Йомактар. - Өфе: Китап, 2007. - 416 б.	8	Выбор
1450	Самуыр 58	Башкорт халык ижады. 9-сы том. Йомактар. - Өфе: Китап, 2007. - 416 б.	6	Выбор
1451	Самуыр 59	Башкорт халык ижады. 9-сы том. Йомактар. - Өфе: Китап, 2007. - 416 б.	15	Выбор
1452	Самуыр 6	Башкорт халык ижады. 9-сы том. Йомактар. - Өфе: Китап, 2007. - 416 б.	6	Выбор
1453	Самуыр 60	Башкорт халык ижады. 9-сы том. Йомактар. - Өфе: Китап, 2007. - 416 б.	11	Выбор

Рис. 2. Выдача списка загадок к слову *самауыр* 'самовар'

Чаще всего в башкирских загадках встречаются собственно метафоры, когда сравнения двух предметов или явлений не имеют внешней грамматической формы выражения. Например: *Ике кара ат, ике карагат (каш, күз)* 'Пара лошадиных челок, под ними — две смородины' (брови, глаза), *Ак көсөгөм юлда калды (төкөрөк)* 'Белый щенок на дороге остался' (слюна).

В качестве метафор в башкирских загадках чаще всего выступают имена существительные, они составляют 19 % от всех загадок (743 единицы). Например, *Баганалары — кызыл, йорто — ак (өйрәк)* 'Свай красненькие, домик беленький' (утка) красными сваями являются ноги утки, а белым домиком тело утки; *Башы — тарак, койрого — урак (этәс)* 'Голова с гребешком, хвост серпом' (петух).

Нередко в качестве метафор выступают и глаголы, которые составляют 6 % от метафор в загадках (244 единицы). Например: *Ез һарайым эсендә эзнәм аты кешнәй (самауыр)* 'В медном стойле жеребчик зятя ржет', глагол *кешнәй* 'ржать' (о лошади) в данном примере используется в значении 'пых-

теть', т. е. кипящий самовар издает звуки, похожие на ржание лошади.

В большинстве загадок описание дано от третьего лица, загадки такого типа составляют 93 % от всех загадок нашей базы данных (3 656 единиц), остальные приходятся на загадки от имени отгадываемого предмета (при этом используется олицетворение):

*Аяғым юк, кулым юк,
Ваҡыт күрһәтәм. (Сәғәт)*

'У меня нет ног, нет рук,
Но я показываю время'. (Часы)

В загадках встречаются использование имен собственных в роли нарицательных. В базе данных нами выявлено такого типа загадок всего 95 единиц.

*Сәмәй башында калын сәс,
Сәсен күр зә тороп кас. (Урман)*

'У Самия на голове такие кудри —
Посмотришь — испугаешься'. (Лес)

Надо полагать, что имена собственные, используемые в этих загадках, не связаны с реальными людьми. Использование тех или иных имен собственных, с одной стороны, облегчает задачу отгадывания, а с другой

стороны, они используются для рифмы или в целях благозвучности.

В базе данных встречаются загадки комического словотворчества и звукоподражания, составляющие 2 % от всех загадок (105 единиц):

*Дөп-дөп, дөпәнгеләй, мәнгеләй,
Беш-беш, бешәнгеләй, тәмгеләй. (Тары
төйөү, бутка бешерәү)*

‘Туп-туп — тупой топаёт,
Шлеп-шлеп — другой шлепаёт’. (Толкут
просо и готовят кашу)

В башкирских загадках широко употребляется парная рифма. Таких загадок нами было выделено 376 единиц (9 %). Например:

*Иргә канат,
Солтанга һанат,
Йәй арымай,
Кыш карышмай. (Ат)*
‘С нею — джигит крылат,
Султан — богат,
Ни зимой, ни летом
Покой ей не ведом’. (Конь)

Тематика данного афористического жанра тесно связана с бытом и хозяйственной деятельностью народа. По истечении времени, в связи с изменением жизни людей, с ростом технологий меняется и тематика загадок. Как отмечают исследователи данного жанра, уже не загадывают загадки о сохе, косе, вилах, цепях, о процессах крестьянского труда. Возникают новые загадки о новых предметах и явлениях. Однако в нашей базе данных такие загадки составляют всего 3 % (130 единиц):

*Канаты бар – елпемәй,
Тамагына ел кермәй,
Елдән етез ел арба! (Самолет)*
‘Крыльями не машет, клюв не раскрывает,
Да эта арба быстрее ветра летает’. (Самолет)

*Үзе ура, үзе һура,
Үзе капсыкка һала,
Геүелдәп үтөп китә лә
Кыр такырланып кала. (Комбайн)*
‘Сам жнет, сам колотит,
Сам в мешок зерно молотит,
Тарахтит на весь свет,
Оставляет голый след’. (Комбайн)

Таким образом, загадки вобрали в себя неповторимое богатство средств описания, художественных приемов и являются красивым и точным жанром устного поэтического творчества народа.

В башкирском фольклоре загадка занимает одно из главных мест в афористической жанровой системе народного творчества. Значение жанра в жизни башкирского народа и отзвуки загадок древнего периода сохранились в календарных и семейных обрядах, сказках, песнях, устных поэтических состязаниях, проводимых между сэсэнами. Загадки издавна относились к способу испытания сообразительности, содействовали активизации познания окружающего мира, формировали навыки логического мышления, развивали наблюдательность.

Как поэтический жанр загадки знакомят читателей, особенно молодое поколение, с мастерством образного мышления народа. Во время отгадывания загадок, человек учится видеть и понимать красоту окружающего мира, а также знакомится с прошлой и настоящей жизнью своего народа [Башкорт халык ижады, 9 2007: 11].

Загадки представляют собой своеобразный способ отражения национальной картины мира, и любая загадка – своего рода источник народной мудрости, показатель образности и художественного богатства языка. Они изображают быт и жизнедеятельность того или иного народа, показывают его мировосприятие [Кирей Мэргэн 1978]. Вот почему зачастую загадки одного языка могут вызвать определенные сложности в отгадывании для носителей других языков. Вместе с тем, они являются одним из лучших способов познания той или иной культурно-этнической сферы и ее особенностей.

Создание подкорпуса текстов афористических жанров, интегрированного в корпус фольклора, с включением в него загадок, не только позволяет фиксировать их в единой базе данных, но и открывает широкий доступ для изучения языка башкирских загадок, выявления их структурных и семантических особенностей.

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Башкортостан в рамках научного проекта №17-14-02010 а/р.

Литература

- Аникин В. П.* Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М.: Учпедгиз, 1957. 240 с.
Аристотель. Об искусстве поэзии. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1957. 184 с.

- Башкорт халык ижады. 9-сы том. Йомактар. Өфө: Китап, 2007. 416 б.
- Башкирское народное творчество. Т. 7: Пословицы, поговорки. Приметы. Загадки. Уфа: Башк. изд-во «Китап», 1993. 464 с.
- Бускунбаева Л. А., Сиразитдинов З. А., Хусаинова Г. Р. Ишмухаметова А. Ш., Шамсутдинова Г. Г. К проблеме создания корпуса текстов афористических жанров башкирского фольклора // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: мат-лы XVII Всерос. конф. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. 332 с.
- Габния Ц. С. Афористические жанры абхазского фольклора: жанровые особенности и структурно-семантические особенности. Сухуми: Алашара, 1990. 96 с.
- Гасанов М. М. Афористические жанры дагестанского фольклора (Пословицы, поговорки, загадки): дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала: [б. и.], 1968. 17 с.
- Галин С. Ә. Башкорт халкының ауыз-тел ижады. 2-се баһма, үзгәрешле. Өфө: Китап, 2009. 472 б.
- Кирәй Мәргән, Надришина Ф. Башкорт халык йомактары. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1968. 256 б.
- Кирәй Мәргән. Мәңгелек шишмә. Фольклор жанрлары үсешенә кайһы бер мәсьәләләре. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1978. 192 б.
- Корпусы Института этнологии и антропологии РАН [электронный ресурс] // URL: <http://corpota.iea.ras.ru/corpota/> (дата обращения: 07.06.2017).
- Корпус нганасанских фольклорных текстов [электронный ресурс] // URL: <http://www.iling-ran.ru/gusev/Nganasan/texts/index.php> (дата обращения: 07.06.2017).
- Куканова В. В. Фольклорный подкорпус: проблемы, структура и перспективы использования // Участие калмыков в укреплении российской государственности: мат-лы регион. науч.-практ. конф. Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 193–198.
- Махмутов Х. Ш. Афористические жанры татарского фольклора: автореф/ дисс. ... д-ра филол. наук. Казань, 1995. 76 с.
- Николаев Д. С. Создание электронного корпуса фольклорных текстов на русском языке // V социологическая Грушинская конференция «Большая социология: расширение пространства данных» (12–13 марта 2015 г., г. Москва). мат-лы конф. М: ВЦИОМ, 2015. 814 с. [электронный ресурс] // URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2015/s2_6/Nikolaev.pdf (дата обращения: 07.06.2017).
- Пермяков Л. Г. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 236 с.
- Салчак А. Я. Электронный корпус текстов тувинского языка // Новые исследования Тувы (Электронный журнал). 2012. №3. [электронный ресурс] // URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_15/ (дата обращения: 07.06.2017).
- Сиразитдинов З. А., Бускунбаева Л. А., Каримова Р. Н. Диалектологическая база машинного фонда башкирского языка как инструмент исследования башкирского диалектного континуума // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 1. С. 212–220.
- Соловьева-Ойунская С. П. Якутские народные загадки. Специфика жанра. СПб.: Наука, 1992. 111 с.

References

- Anikin V. P. *Russkie narodnye posloviitsy, pogovorki, zagadki i detskiy fol'klor* [Russian folk proverbs, sayings, riddles and children's folklore]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1957, 240 p. (In Russ.).
- Aristotle. *Ob iskusstve poezii* [About the art of poetry]. Moscow, Khudozh. Lit. Publ., 1957, 184 p. (In Russ.).
- Bashkort khalyk izhady. 9-sy tom. Yomaktar*. Ufa, Kitap Publ., 2007, 416 p. (In Bash.).
- Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. T. 7: Posloviitsy, pogovorki. Primety. Zagadki* [Bashkir folk art. Vol. 7: Proverbs, sayings. Signs. Riddles]. Ufa, Kitap Publ., 1993, 464 p. (In Russ.).
- Buskunbaeva L. A., Sirazitdinov Z. A., Khusainova G. R. Ishmukhametova A. Sh., Shamsutdinova G. G. *K probleme sozdaniya korpusa tekstov aforisticheskikh zhanrov bashkirskogo fol'klora* [Establishment of the Textual Corpus of aphoristic genres of Bashkir folklore: revisiting the topic]. *Aktual'nye problemy dialektologii yazykov narodov Rossii: Mat-ly XVII Vseros. konf.* [Proceedings of the 17th Conf. – Languages of Russia's Peoples: Topical Issues of Dialectology]. Ufa Scientific Center (RAS) Press, 2017, 332 p. (In Russ.).
- Gabnia Ts. S. *Aforisticheskie zhanry abkhazskogo fol'klora: zhanrovye osobennosti i strukturno-semanticheskie osobennosti* [Aphoristic genres of Abkhaz folklore: genre features and structural and semantic features]. Sukhumi, Alashara Publ., 1990, 96 p. (In Russ.).
- Gasanov M. M. *Aforisticheskie zhanry dagestanskogo fol'klora (Posloviitsy, pogovorki, zagadki). Dis. kand. filol. nauk* [Aphoristic genres of Dagestan folklore (proverbs, sayings, riddles). A Ph.D. thesis abstract]. Makhachkala, 1968, 17 p. (In Russ.).

- Galin S. *Bashkort khalkynyñ auyız-tel izhady. 2-se baçma, üzgäreshle*. Ufa, Kitap Publ., 2009, 472 p. (In Bash.).
- Kiräy Märgän, Nadrshina F. *Bashkort khalyk yomaktary*. Ufa, Bashkortostan Publ., 1968, 256 p. (In Bash.).
- Kiräy Märgän. *Mähgelek shishmä. Fol'klor zhanrzary üçesheneñ kayhy ber mä'säläläre*. Ufa, Bashkortostan Publ., 1978, 192 p. (In Bash.).
- Korpusy Instituta etnologii i antropologii RAN* [Corpuses of the Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS]. Available at: <http://corpora.iea.ras.ru/corpora/> (accessed: 7 June 2017) (In Russ.).
- Korpus nganasanskikh fol'klornykh tekstov* [Corpus of Nganasan folklore texts]. Available at: <http://www.iling-ran.ru/gusev/Nganasan/texts/index.php> (accessed: 7 June 2017) (In Russ.).
- Kukanova V. V. *Fol'klorny podkorpus: problemy, struktura i perspektivy ispol'zovaniya* [Folklore sub-corpus: problems and prospects of use]. *Uchastie kalmykov v ukreplenii rossiyskoy gosudarstvennosti: Mat-ly region. nauch.-prakt. konf* [Proceedings of the Regional research and practice conf. – Kalmyk Contribution to the Strengthening of the Russian State]. Elista, Kalm. Institute for Humanities (RAS) Press, 2012, pp. 193–198 (In Russ.).
- Makhmutov Kh. Sh. *Aforisticheskie zhanry tatarskogo fol'klora. Avtoreferat dis. ... d-ra filol. Nauk* [Aphoristic genres of Tatar folklore. A Ph.D. thesis abstract]. Kazan, 1995, 76 p. (In Russ.).
- Nikolaev D. S. *Sozdanie elektronnoho korpusa fol'klornykh tekstov na russkom yazyke* [Creating a Russian-language digital Corpus of folklore texts]. *V sotsiologicheskaya Grushinskaya konferentsiya «Bol'shaya sotsiologiya: rasshirenie prostranstva dannykh» (12–13 marta 2015 g., g. Moskva). Mat-ly konf.* [Proc. of the 5th Grushinsky sociological conference – Big Sociology: Expanding the Data Space]. Moscow, Russian Public Opinion Research Center Press, 2015, 814 p. Available at: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2015/s2_6/Nikolaev.pdf (accessed: 7 June 2017) (In Russ.).
- Permyakov L. G. *Osnovy strukturnoy paremiologii* [Fundamentals of structural paremiology]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 236 p. (In Russ.).
- Salchak A. Ya. *Elektronnyy korpus tekstov tuvinskogo yazyka* [Electronic textual corpus of the Tuvan language]. *Novye issledovaniya Tuvy* (The New Research of Tuva), 2012, No. 3. Available at: https://www.tuva.asia/journal/issue_15/ (accessed: 7 June 2017) (In Russ.).
- Sirazitdinov Z. A., Buskunbaeva L. A., Karimova R. N. *Dialektologicheskaya baza mashinnogo fonda bashkirskogo yazyka kak instrument issledovaniya bashkirskogo dialektного kontinuumu* [Dialectological base of the machine fund of the Bashkir language as a tool for research Bashkir dialect continuum]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS), 2016, No. 1, pp. 212–220 (In Russ.).
- Solovyeva-Oyunskaya S. P. *Yakutskie narodnye zagadki. Spetsifika zhanra* [Yakut folk riddles. Specificity of the genre]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992, 111 p. (In Russ.).

УДК 512.141:004.655

СТРУКТУРА И СОСТАВ БАЗЫ ДАННЫХ ЗАГАДОК В ПОДКОРПУСЕ ТЕКСТОВ АФОРИСТИЧЕСКИХ ЖАНРОВ БАШКИРСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Гульгина Газнабиевна Шамсутдинова ¹, Анита Шаукатовна Ишмухаметова ²,

Лилия Айсовна Бускунбаева ³

¹ старший лаборант-исследователь, лаборатория лингвистики и информационных технологий, отдел языкознания, Институт истории, языка и литературы, Уфимский научный центр РАН (Уфа, Российская Федерация). E-mail: moon07@yandex.ru

² младший научный сотрудник, лаборатория лингвистики и информационных технологий, отдел языкознания, Институт истории, языка и литературы, Уфимский научный центр РАН (Уфа, Российская Федерация). E-mail: ishmuhametova_anita@mail.ru

³ кандидат филологических наук, научный сотрудник, лаборатория лингвистики и информационных технологий, отдел языкознания, Институт истории, языка и литературы, Уфимский научный центр РАН (Уфа, Российская Федерация). E-mail: buskl@yandex.ru

Аннотация. При изучении башкирского фольклора необходимо уделить особое внимание афористическому творчеству башкирского народа, так как он весьма богат и разнообразен по жанровому составу. В них воплощены глубокая мудрость народа и его остроумие.

В данной статье рассматривается один из афористических жанров башкирского фольклора — загадка. Загадки — широко распространенный жанр и встречаются во всех языках мира. В башкирском языке загадки также занимают одно из главных мест в жанровой системе народного творчества.

С ростом компьютерных технологий исследования в области фольклора проводятся на новом уровне. Сотрудниками лаборатории лингвистики и информационных технологий отдела языкознания Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук создан подкорпус башкирских афоризмов в корпусе фольклора башкирского языка, где на сегодняшний день собрано 3 900 загадок.

Ключевые слова: башкирский язык, тюркские языки, Машинный фонд башкирского языка, информационные системы, афористические жанры, загадки, башкирский фольклор, корпус башкирского фольклора.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 32, Is. 4, pp. 154–158, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-32-4-154-158
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 821.511.152

G. Pinyasov's '*Tyak Syaze Panchfkyazen*' ('*Don't Pluck My Flower*): Depicting the Writer's Reflexive Position

Aleksandra M. Katorova ¹, Yulia V. Makarova ²

¹Ph. D. in Pedagogy (Doct. of Pedagogical Sc.), Professor, Leading Research Associate, Department of Literature and Folklore, Humanities Research Institute Affiliated to the Government of the Republic of Mordovia (Saransk, Russian Federation). E-mail: amkatorova@mail.ru

²Postgraduate Student, Department of Literature and Folklore, Humanities Research Institute Affiliated to the Government of the Republic of Mordovia (Saransk, Russian Federation). E-mail: guniign@list.ru

Abstract. The article considers literary devices applied by the famous Mordvinian writer G. Pinyasov for the depiction of the characters' self-examination in *Don't Pluck My Flower*. The analyzed literary composition is distinct for the little-used (in Mordovian literature) narrative form, the narrator's image in the story (Boris Kurnyaev) acting as a conventional transmitter of the author's speech. This gives room to the writer's imagination which makes it possible for the author to disassociate from his 'I', and, thus, focus on tackling the artistic and creative tasks. So, though the story has a simple plot and is abundant in inner monologues, its originality still provokes great interest amongst readers.

The paper notes that most significant means to convey a personal reflexive position are non-traditional reminiscences (in the form of the characters' phrases from earlier compositions) and retrospection, the efficient artistic means being comparisons and metaphors. Due to the successfully chosen form of a tale (narrated by the author–taleteller), non-standard reminiscences, retrospection device, vivid comparisons and metaphors, the author not only expresses the individuals' reflexive state but also identifies a number of ethical and moral problems. Those notably deal with the understanding of the meaning of life and creative work, including relations between men and women. The writer proves to be a proficient psychologist and a superb narrator.

Keywords: writer's personality, author-narrator, taleteller, self-analysis, reflexive position, reminiscence, retrospection.

Произведения известного мордовского писателя Григория Ильича Пинясова существенно отличаются от других ярко выраженным психологизмом, умением глубоко анализировать и передавать тончайшие переживания героев на фоне решения актуальных проблем современности, тем они и интересны читателям и литературоведам.

Отдельные аспекты творческого наследия писателя изучались региональными литературоведами М. Г. Имярековым [1987: 119–128] (дана общая характеристика творчества), М. И. Малькиной и Т. И. Кубанцевым [1991: 134–158] (рассмотрены особенности повестей), Н. Н. Левиной [2014: 22–26] (проанализирована повесть «Жаркое

лето») и др.; попытка исследования постановки этических проблем в рассказах предпринималась Ю. В. Аркаевой [2016: 12–14]. Вместе с тем, специфика художественной трансляции автором психологического состояния героев до настоящего времени не раскрывалась.

Таким образом, основной задачей нашей статьи является выявление на примере анализа рассказа «Не сорви мой цветочек» [Пинясов 1998: 6–39] способов изображения Г. Пинясовым внутреннего мира главного героя, определение приемов обрисовки процесса самоанализа, передачи раздумий над собственными переживаниями.

Отличительной особенностью анализируемого произведения является малоупотребительная в мордовской литературе сказовая форма, наличие в рассказе образа повествователя (Бориса Курняева) — условного носителя авторской речи. Это дает большую свободу писательскому воображению, позволяет автору дистанцироваться от собственного «я» и тем самым полнее сосредоточиться на решении художественных задач. И хотя рассказ отличается незамысловатостью сюжета и обилием внутренних монологов, тем не менее вызывает значительный интерес своей неординарностью. Необычность повествования проявляется уже в первом предложении: *Кда шами ваймось, ломанць арай коське эши лаца», — ня валхнень фкя героезе азозень кунара, а синь смузьснон шарьхкодине лама-лама кизонь ётазь, мрярда пидемазь монцень»* «Если опустошается душа, человек становится похожим на высохший колодец», — эти слова один из моих героев произнес давно, но их смысл я понял через много-много лет, когда обжегся сам» (Перевод здесь и далее подстрочный, авторов. — А. К., Ю. А.; текст рассказа цитируется далее по указанному изданию с обозначением страниц) [Пинясов 1998: 6].

Вслед за этим повествователь сообщает о своей творческой удаче — выходе в свет последнего романа, восторженно встреченного читателями: *Мон, писательсь Борис Курняев, арань сембе вастова кельгома ломанькс, васень инжикс»* «Я, писатель Борис Курняев, стал повсюду желанным человеком, важным гостем» [Пинясов 1998: 6]. Однако далее следует своего рода перипетия — неожиданный поворот в осмыслении ситуации: *Аф эстокиге шарьхкодине: эсон пиксикхть лазф пайгокс, ваймостон амо-*

ляйхть, бта коське кизоня эшиста вель — кие кенери сядя инголе. Кармасть олама сельминголень тюсне «Не сразу понял: мной бьют как треснувшим колоколом, из души черпают, словно воду из колодца в жаркое лето — кто раньше успеет. Начали блекнуть перед глазами краски» [Пинясов 1998: 6]. Таким образом, уже в первом абзаце рассказа наблюдается рефлексия главного героя, передаваемая писателем при помощи метафор и сравнений. Эмоциональный эффект усиливается за счет внутреннего монолога рассказчика об осмыслении им возникших в семье проблем, прежде всего о недовольстве жены, что заставило его еще глубже задуматься над сложившейся ситуацией. Здесь целесообразно отметить еще одну художественную особенность — частоту использования писателем необычных реминисценций, представляемых как высказывания литературных героев из ранее написанных повествователем произведений и оформленных преимущественно в виде точных цитат. В начале рассказа реминисценции в основном способствуют подтверждению справедливости изрекаемых умозаключений. Они встречаются практически на каждой странице, иногда по два-три раза. Например, *Авань кяльсь, — азозе фкя героезе, — учань пула лаца. Учань пулось яфчай нльне эста, мзярда аф сускихть сяськне-пуропне* «Женский язык, — сказал один из моих героев, — словно овечий хвост. Овца хвостом размахивает даже тогда, когда не кусают комары-оводы»; *Славась, — лятфтайне лия героезень валонзон, — тя яд мархта медь* «Слава, — вспомнил высказывание другого моего героя, — это мёд с ядом» [Пинясов 1998: 6–7]; *Кда фкя ломанть явфтсазь перяфксса народть эзда, ся юмай-арай, шары ваймофтома кевкс, — шоворсь арьсеманенди героезе* «Если человека отгородят от народа забором, он пропадет-исчезнет, превратится в бездушный камень, — вмешался в ход моих размышлений герой» [Пинясов 1998: 26]. Первой реминисценцией повествователь пытается убедить себя и читателей в несправедливости претензий со стороны жены, которая заревновала его по причине частого отсутствия дома, второй — уверяет, что у славы, как и у медали, две стороны; третья помогает выразить эстетическое кредо писателя — соблюдение принципа народности. Вместе с тем при явно выраженных функциональных различиях все приведенные примеры способствуют ото-

бражению рефлексивной личностной позиции автора-повествователя.

По ходу чтения произведения постепенно убеждаешься в наличии в нем внутреннего, психологического конфликта, раскрываемого в том числе при помощи реминисценций, которые способствуют трансляции двойственного состояния личности. Например: *Простямак, тядй, мес ламос ашень сашенда. Кизе пяк кувакаль, лама вастс лоткафнемазь...* 'Прости, мама, почему давно не приходил. Путь был очень долгим, во многих местах останавливали...' — «*Тонь аф кельгомась — сиземась тяза пачфтензе*», — *кармась азондомост салавань мяльненъ героезе* '«Тебя не любовь — усталость сюда привела», — начал высказывать мои сокровенные мысли герой' [Пинясов 1998: 9].

Действий в рассказе немного, они связаны с поездкой автора-повествователя на встречу с читателями в свой родной район, где его ожидал сюрприз, а именно свидание с первой любовью. При изображении действия количество реминисценций в тексте уменьшается, на первый план выходит прием ретроспекции. Именно он способствует раскрытию условий формирования характера главного героя, его внутреннего мира, творческого пути. В этой же части рассказа читатель убеждается в умении автора-повествователя видеть проблемы, разбираться в многообразии судеб и человеческих взаимоотношений. Здесь же наиболее ярко проявляется свойственная рассказчику самоирония, которая передается преимущественно при помощи сравнений. Вот лишь один из примеров: *Прязень маряйне обезьянакс, конанди фкя апельсинонкса эрявьс налхксемс-комотнемс клеткасонза народть инголе* 'Чувствовал себя обезьяной, которой перед народом за один апельсин надо было играть-подпрыгивать в клетке' [Пинясов 1998: 14].

Выше мы подчеркнули позицию писателя, для которого очень важным в творческом процессе является соблюдение принципа народности. Однако в последующем на основе размышлений автора-повествователя можно прийти к выводу и о других важных эстетических требованиях, в частности о реалистическом изображении действительности и присутствии внутреннего сопереживания изображаемым героям. Особенно четко это просматривается в сцене беседы рассказчика с другом юности Федей Пандеевым, шофером Райпотребсо-

юза, который один прочитал новый роман: *Тон народть лангс баяркс, сери вастста ванат, — стаки корхтась Федя. — Роман-цот няфнят и вадявста лаксеф ломаньят, и симилат, и салахть-колайхть, и нинге кодапт повесть. Корхтат, азондат квалмаст, а тонценъ седисот керы срятьф аш* 'Ты на народ барином, с высоты смотришь, — продолжал Федя. — В романах показываешь и нормальных людей, и пьяниц, и воров-жуликов, и всяких других. Повествуешь, рассказываешь о них, но в сердце твоём острой боли нет' [Пинясов 1998: 28]. Как видим, писатель заставляет задуматься над психологической составляющей творческого процесса.

Уже с первых страниц становится понятно, что главной в рассказе является тема личной и творческой судьбы писателя. И если в начале произведения на первом плане находятся размышления автора-повествователя о судьбе творческой, которая сложилась вполне удачно, то в главных эпизодах рефлексия связана с осмыслением судьбы личной. Воспоминания о ярких переживаниях первой любви нахлынули на рассказчика тотчас же, как только он приехал в родной поселок. Ожившие в его памяти песня в исполнении красавицы Люси, студентки медицинского училища, первый танец с ней и первые сказанные слова, первое свидание, после которого до утра не смог сомкнуть глаз, не только отличаются эмоциональной экспрессивностью, но и сопровождаются стремлением осмыслить их с высоты прожитых лет и накопленного жизненного опыта. Свойственный автору самоанализ становится особо отчетливым в эпизодах, в которых рисуется встреча с первой любовью. На протяжении всех предыдущих лет он не переставал думать о том, почему Люся, которая была в него влюблена, не вышла за него замуж и уехала из родного поселка в поисках счастья. Из диалогов героев становится ясно, что Люсина мечта сбылась, она стала женой генерала, пользуется всеми жизненными благами, однако счастливой себя не чувствует. И не только потому, что это был брак по расчету. По мнению писателя, выраженному во внутренних монологах героев и реминисценциях, причин несколько. Здесь и неверно поставленные жизненные цели и задачи (героиня часто воображала, как она в красивом наряде пойдет по поселку под руку с генералом, все вокруг будут завидовать и восхищаться ею), и си-

туация, когда муж службу и карьеру любил больше, чем жену, и скудость внутреннего мира Люси. Последнее, на наш взгляд, — самое важное. Приведем часть диалога, произошедшего между автором-повествователем и Люсей во время их последнего свидания:

— *Палф кельгомазе... Кие сонь мрдафтсы?.. Мес тяфта улэнди? Мзярда одолень, кельгонь, пси толса палонь... Мес ина эста кельгомазень пси жагаласа сязгозь?.. Мес тячи вакссон ацат? Ули генерал мурдце, сембоце, сембоце...*

— *А тонь ули славаце. Шкаень сереса... Тейне арам, эрь авась тячи анок мадомс ваксозот, пидеф ваймот кулхондомс эрь валцень, анок эцемс килькиш аньцек сянкса, мекс варжакстоть лангозонза... Борюня-ёруня, кие арсесь — тяфтамкс арат... Кие арьсесь... Шкабаваз, суюкоян, мес няфтензе тонь... Суюкоян Теенза, суюкоян тейть... Боря, эрька ктмордате...*

— *Монь или славазень?* [Пинясов 1998: 35]

— *Сгоревшая любовь... Кто ее вернет?.. Почему так бывает? Когда был молодым, любил, в страстном огне пылал... Почему тогда мою любовь выжгли каленым железом?.. Почему сегодня стоишь около меня? У тебя есть муж генерал, есть все-все...*

— *А у тебя есть слава. Высотой с Бога... Мне кажется, любая женщина сегодня готова лечь с тобой, со всей душой выслушать каждое слово, готова полезть в петлю лишь за то, что посмотрел на нее... Боренька-хитренький, кто думал — станешь таким... Кто думал... Господи, кланяюсь за то, что показал мне тебя... Кланяюсь Ему, кланяюсь тебе... Боря, дай обниму...*

— *Меня или славу?*

Приведенный отрывок весьма показателен с точки зрения раскрытия характеров персонажей и понимания главной идеи рассказа. Встретив через много лет свою первую любовь, Люся не переполнилась романтическими воспоминаниями юности, а начала думать о том, что потеряла, отказавшись от любви. Она не пытается оценить нравственные качества своего бывшего возлюбленного, вместо этого сосредоточивает внимание на его успехах и славе. На наш взгляд, этим произведением автор предостерегает читателя от однозначной устремленности к внешним атрибутам счастья (богатству, праздности, славе), поскольку без духовного самосовершенствования они ничего не значат: достигая их, человек не становится счастливым. При таком подходе к жизни цветы, первоначально яркие и живописные, постепенно превращаются в пыль. К тому же испытанное разочарование

озлобляет человека с черствой и холодной душой, делает его мстительным. Это очень ярко показано в финальной сцене рассказа, где автор рисует выражение глаз героини: *Лангозон вансть аф сельмот — акша кельме кумбрат. Эсост аш кодамовок палы цятконя* ‘На меня смотрели не глаза — белые холодные змеиные головки. В них не было никакой искорки’ [Пинясов 1998: 39].

Следует отметить, что большое разочарование испытал и сам автор-повествователь, пронесший через многие годы образ придуманной и идеализированной возлюбленной, которая казалась ему воздушной, недостижимой, самой лучшей на всем белом свете. На самом деле она оказалась бездушной куклой: *Сонь мяльсонзовок ашель солафтомс монь эсь псисонза... Пандсь кяз ёньфтома одксинцты, панчфу надияманзонды, конат шарсть сяпи нярькхамазкс* ‘У неё и в мыслях не было согреть меня своим жаром... Это была расплата за бесшабашную молодость, за несбывшиеся радужные надежды, которые обернулись горькой полынью’ [Пинясов 1998: 39]. Воображаемый образ самого красивого цветка, не сорванного в молодую пору, в сознании повествователя поблек. По этой причине завершающие рассказ фразы наполнены грустью: *Ляйть тона ширде вирняста шаитсь илядень шобдась. Сон, бта орожав, сувсесь сетьмоф ульцяв и эцесь видеста мяштезон, комачазе пужи панчфкязень* ‘С той стороны реки из лесочка надвигалась вечерняя тьма. Она, словно в руках, входила в притихшую улицу и пробиралась прямо в мою грудь, окутывала мой увядший цветок’ [Пинясов 1998: 39]. И хотя перед нами пейзажная зарисовка, она выполняет явно выраженную психологическую функцию, передает уныние и тоску по поводу несбывшихся надежд.

На основании изложенного мы приходим к выводу о том, что в рассказе благодаря удачно подобранной сказовой форме (наличию автора-повествователя), нестандартным реминисценциям, приему ретроспекции, а также ярким сравнениям и метафорам автору удалось передать не только рефлексивное состояние личности, но и обозначить ряд морально-нравственных проблем. Они связаны в первую очередь с осознанием смысла жизни и творчества, постижением взаимоотношений мужчины и женщины. Писатель показал себя знатоком человеческой психологии и мастером-рассказчиком.

Литература

- Аркаева Ю. В. Морально-нравственная проблематика рассказов Г. Пинясова // Вестник научных конференций. 2016. № 1–2(5). Ч. 2. С. 12–14.
- Имяреков М. Г. Кизотне и ломаттне // Писательсь и эряфсь. Саранск: изд-во Морд. унта, 1987. С. 119–128.
- Малькина М. И., Кубанцев Т. И. Повесть: обновление традиций // Современная мордовская литература (60–80-е годы): в 2 ч. Саранск: Мордовск. кн. изд-во, 1991. Ч. 1. С. 134–158.
- Левина Н. Н. Синтез мысли и образа в повести Г. Пинясова «Жаркое лето» // Финно-угорский мир. 2014. № 3. С. 22–26.
- Пинясов Г. И. Тяк сызе панчфкязень // Пинясов Г. И. Эштерь туцят: азкст, пееткст. Саранск: Мордовск. кн. изд-во, 1998. С. 6–39.
- References**
- Arkaeva Yu. V. *Moral'no-nravstvennaya problematika rasskazov G. Pinyasova* [Moral issues of G. Pinyasov's stories]. *Vestnik nauchnykh konferentsiy* (Proceedings of the Int. scientif. conf. – Science and Education in the 21st Century). Tambov, 2016, No. 1–2(5), part 2, pp. 12–14 (In Russ.).
- Imyarekov M. G. *Kizotne i lomattne. Pisatel's' i eryafs'*. Saransk, Mord. State Univ. Press, 1987, pp. 119–128 (In Mord.).
- Mal'kina M. I., Kubantsev T. I. *Povest': obnovlenie traditsiy* [The Novel: a renewal of the tradition]. *Sovremennaya mordovskaya literatura (60–80-e gody): v 2 ch.* (Modern Mordovian literature. In 2 vol.). Saransk, Mord. Book Publ., 1991, part 1, pp. 134–158 (In Russ.).
- Levina N. N. *Sintez mysli i obraza v povesti G. Pinyasova «Zharkoe leto»* [Synthesis of thought and image in G. Pinyasov's novel *Hot Summer*]. *Finno-ugorskiy mir* (The Finno-Ugric World), 2014, No. 3, pp. 22–26 (In Russ.).
- Pinyasov G. I. *Tyak syaze panchfkyazen'* [Don't Pluck My Flower]. Pinyasov G. I. *Eshter' tutsyat: azkst, peet'kst* [...]. Saransk, Mord. Book Publ., 1998, pp. 6–39 (In Mord.).

УДК 821.511.152

ИЗОБРАЖЕНИЕ РЕФЛЕКСИВНОЙ ПОЗИЦИИ ЛИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЯ В РАССКАЗЕ Г. ПИНЯСОВА «ТЯК СЯЗЕ ПАНЧФКЯЗЕНЬ» («НЕ СОРВИ МОЙ ЦВЕТОЧЕК»)

Александра Михайловна Каторова¹, Юлия Владимировна Макарова²

¹ доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, отдел литературы и фольклора, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Саранск, Российская Федерация). E-mail: amkatorova@mail.ru

² аспирант, отдел литературы и фольклора, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Саранск, Российская Федерация). E-mail: guniign@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются приемы обрисовки процесса самоанализа героев, использованные известным мордовским писателем Г. Пинясовым в рассказе «Не сорви мой цветочек». Отличительной особенностью анализируемого произведения является малоупотребительная в мордовской литературе сказовая форма, наличие в рассказе образа повествователя (Бориса Курняева) — условного носителя авторской речи. Это дает большую свободу писательскому воображению, позволяет автору дистанцироваться от собственного «я» и тем самым полнее сосредоточиться на решении художественных задач. И хотя рассказ отличается незамысловатостью сюжета и обилием внутренних монологов, тем не менее, вызывает значительный интерес своей неординарностью. Авторы отмечают, что наиболее значимыми способами передачи рефлексивной позиции личности являются нетрадиционные реминисценции (оформленные как высказывания собственных героев из ранее созданных произведений) и ретроспекция, а художественными средствами — сравнения и метафоры. В рассказе благодаря удачно подобранной сказовой форме (наличию автора-повествователя), нестандартным реминисценциям, приему ретроспекции, а также ярким сравнениям и метафорам автору удалось передать не только рефлексивное состояние личности, но и обозначить ряд морально-нравственных проблем. Они связаны в первую очередь с осознанием смысла жизни и творчества, постижением взаимоотношений мужчин и женщин. Писатель показал себя знатоком человеческой психологии и мастером-рассказчиком.

Ключевые слова: личность писателя, автор-повествователь, рассказчик, рефлексия, рефлексивная позиция, реминисценция, ретроспекция.

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 32, Is. 4, pp. 159–164, 2017
 DOI 10.22162/2075-7794-2017-32-4-159-164
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 82-311.1

The Word as a Symbol in Literature

Pavel D. Minichkin¹

¹ Ph. D. in Culturology (Cand. of Culturology), Lecturer, Department of Artistic Education, Evseev Mordovian State Pedagogical Institute (Saransk, Russian Federation). E-mail: mini4ckin.paw@yandex.ru

Abstract. Nowadays the role of the entire cultural heritage, including its multiple symbols, is being actively studied. The article shows that literature (fiction) containing numerous symbols is also essential to the process. One of the tasks of the Word is to act as a symbol within a literary text. Being a symbol, it is integral to the system of writers' world outlooks and worldviews, thus contributing to further plots and new meanings that require special consideration. The problem of understanding its role as a symbol, its meaningfulness has been considered not only in literary works, including separate philosophical reflections and spiritual quests of authors as masters of the Word, but also in research works, since the Word and its inexhaustible potential as well as its role in the field of arts and culture have always been – and shall remain such – a subject of permanent academic research.

The article is primarily based on an analysis of 19th/21st century literary fiction texts. In terms of methodology, the research is based on academic works discussing descriptive, analytical, textual, historical and cultural approaches to studies of the Word, its meaningfulness and representativity as a symbol.

The paper shows that the role of the Word as a symbol within the framework of writers' world outlooks, worldviews, and spirituality is unquestionable and crucial.

Keywords: word, meaning, language, symbol, 'lost symbol', literature, culture.

В настоящее время происходит активное осмысление роли всего культурного наследия, в том числе представленных в нем символов (от греч. *symbolon* 'опознавательная примета, знак'). В художественной литературе как неотъемлемой части этого наследия символ означает художественный образ, задача которого передать какую-либо мысль или эмоции. Делается это посредством Слова. В рамках художественной литературы одна из задач Слова — выступать в качестве символа.

Проблемное поле исследования находится в границах гуманитарных наук, в первую очередь литературоведения и языкознания. Истоки, природа и сущность Слова представляют интерес для ряда ученых, таких как Н. Ф. Алефиренко [2014], М. М. Бахтин [1975: 72–233], В. И. Еремина [1978], А. А. Потебня [1999], И. А. Стернин и М. Я. Розенфельд [2008], О. Н. Трубачев [2004–2009], Т. В. Юркина [2009] и др. Слово как символ является объектом пристального внимания и изучения А. В. Алексеева

[2016: 107–112], А. В. Медведевой [2008], Н. И. Осмоновой [2015: 175–189], О. Г. Пестовой [1988] и др. Различные подходы к осмыслению сущности символа в художественной литературе нашли отражение в работах таких исследователей, как О. Н. Левушкина [2008: 30–37], И. Машбиц-Веров [1974: 348–349], А. Ю. Нестеров [2002] и др.

Основным материалом для написания статьи послужили произведения художественной литературы XIX–XXI вв. Методологическую базу исследования составили научно-исследовательские труды, в которых представлены описательно-аналитические, текстологические и историко-культурные подходы к рассмотрению Слова, его смысловой наполненности, представленности в качестве символа.

Художественная литература представляет собой огромное «хранилище» различных символов, которые представлены в эпитетах, метафорах, олицетворениях, сравнениях и т. д. Олицетворения в баснях, аллегоричность сказок и др. есть разновидности символики [Машбиц-Веров 1974: 349]. Безусловно, писатели уже готовые, широко известные в культуре символы, например библейский образ пророка, средневековые образы-символы Прекрасной Дамы и ее рыцаря и т. д., нередко переосмысливают, дополняют их теми чертами, которые важны, по их представлению, для создаваемого произведения, а также придумывают свои. Символично, например, название острова Матеры в повести В. В. Распутина «Прощание с Матерой» (1976). Одинокие сосна и пальма в стихотворении М. Ю. Лермонтова «На севере диком стоит одиноко ...» (1841) — символы людей, испытывающих сильную нравственную боль от одиночества или отчуждения. У того же М. Ю. Лермонтова есть стихотворение «Пророк» (1841), написанное на основе библейского сюжета и являющееся своеобразным продолжением стихотворения А. С. Пушкина под тем же заглавием. Не вдаваясь в подробную интерпретацию этого произведения, скажем только: у М. Ю. Лермонтова пророк имеет свою смысловую нагрузку.

Значение символа в художественной литературе можно вписать в так называемый семантический треугольник: 1) образ; 2) предмет, им обозначенный; 3) смысл образа. Символ в художественной литературе есть образ, обозначающее предмет и выражающее его суть.

Художественная литература — это неотъемлемая часть культуры, определяется как искусство Слова. Слово есть средство объективизации мысли [Юркина 2009: 248] и носитель образности в литературе, у него неисчерпаемый потенциал. Одна из главных функций Слова — смыслообразование, т. е. отображение бытия в духовно-мыслительных формах. Художественная литература творит свои, особые символы из Слов, что постигается посредством интеллектуального понимания. Через них писатели могут «обнажать» глубинные вопросы, осмысливать различные события, размышлять о будущем, выражать свое отношение к жизни в рамках своего времени и т. д.

Культура, и прежде всего художественная литература, осуществляет две важные функции. С одной стороны, она поддерживает традицию и вместе с тем вырабатывает новые направления и стили, т. е. переосмысливает традицию, символы и формы. Происходит особый процесс отбора наиболее жизнеспособных пластов в культурном слое народа и общества. Например, рубеж XIX–XX вв. породил три ярких направления в литературе: символизм, акмеизм и футуризм. Последнее направление в лице И. Северянина, В. Хлебникова, В. В. Маяковского и др. делало установку на обновление значения Слова, придание большого значения визуальной представленности Слова (например, расположение строчек «лесенкой»). С другой стороны, идет утрата отдельных элементов духовности. На неизбежность этой тенденции указывали писатели и философы той же эпохи Серебряного века, говоря о разрушении всеединства [Соловьев 1988, 1: 586–590], утрате «мудрости» [Мережковский 2007: 428–502].

Затрагивая эпоху Серебряного века, не лишним будет отметить, например, литературно-художественные взгляды поэта-символиста А. Белого на природу Слова. Для него существовал особый «культ слова», оно является, по его мнению, «действенной причиной нового творчества». «Слово — символ», который может изменить не только мир, но и самого человека. А. Белый выделил живое слово (слово-плоть), слово-образ, слово-термин, слово — полуобраз-полутермин, дал им характеристики. «Миры отвлеченных понятий, как и миры сущностей, как бы мы эти сущности ни называли (материя, дух, природа)» не существуют без Слова. «Слово — единственный

реальный корабль, на котором мы плывем от одной неизвестности в другую — среди неизвестных пространств, называемых землею, небом, эфиром, пустотой и т. д.» [Белый 2017]. В отношении А. Белого показателен дополнительный культурно-художественный штрих: в 1903 г. он создал литературно-художественный кружок «Аргонавты», в котором, например, литераторы совершали «плавание» за своим «золотым руном» — новым Словом, которое может изменить мир.

Следует добавить, что проблема художественного произведения находится в неразрывной связи с проблемой внутренней формы Слова. «Символизм языка <...> может быть назван его поэтичностью; наоборот, забвение внутренней формы кажется нам прозаичностью слова», — считал лингвист и литературовед А. А. Потебня [1999: 155]. Он полагал, что, наряду с утратой внутренней формы Слова, есть возможность восстановления этой формы. Ученый был уверен, что потребность находить забываемую внутреннюю форму — одна из причин возникновения символов. Слово в понимании А. А. Потебни — это символ чего-либо: «Слово только потому есть орган мысли и неперемное условие всего позднейшего понимания мира и себя, что первоначально есть символ, идеал и имеет все свойства художественного произведения» [Потебня 1999: 179]. «Утрата изобразительности, однако, компенсируется в языке, то есть „воссоздающая сила“ языка непременно должна уравновесить разрушающее действие времени». Как полагал А. А. Потебня, «ближайшее этимологическое значение» Слова — это его „внутренняя форма“» [Потебня 1999: 156]. «„Потребность восстановить забываемое собственное значение слов“ и была одной из важнейших причин образования символов», — пишет, анализируя взгляды А. А. Потебни на природу Слова, В. И. Еремина [1978: 106]. Если у Слова теряется внутренняя форма, то происходит утрата Словом первоначальных этимологических связей с тем Словом, которое стало основой его номинации; восстановление этимологии Слова — выход на его образ, т. е. на то, что оно означает (символ).

Рассмотрение Слова в рамках художественной литературы, на наш взгляд, может быть также реализовано через понятие «утраченный символ». Под ним мы в первую очередь понимаем разорванную во

времени духовность, разрушенную преемственность в развитии культуры и ее жанрового многообразия [Миничкин 2016: 12].

Рассмотрение роли Слова как символа стало темой не только научных исследований (об этом подробнее см.: [Алексеев 2016; Медведева 2008; Осмонова 2015; Пестова 1988; Слово. Символ. Текст 2006]), но и литературных произведений, в частности романа американского писателя Д. Брауна «Утраченный символ» [Браун 2017]. Автор выразил основной смысл своего произведения так: «Жить в мире, не стремясь понять его смысл, все равно, что расхаживать по огромной библиотеке и не трогать книги» [Браун 2017]. Книга напоминает, что в исторических документах содержится довольно много свидетельств о тайной мудрости, которая передается из поколения в поколение. Она возникла в древнеегипетских школах мистерий, затем стала доступна только в эпоху Возрождения. Эта мудрость привлекала внимание ученых Европы, в частности Лондонского королевского общества. В него входили И. Ньютон, Ф. Бэкон, Б. Франклин, А. Эйнштейн, Н. Бор, А. Цельсий. Существует мнение, что их идеи связаны с постижением тайной мудрости, которая хранится невидимым колледжем. Мистерии древности — утраченная мудрость веков — с давних пор считаются сокровищем человечества. Они не были доступны непосвященным. Для того чтобы обезопасить мистерии древности, ученые объединялись в тайные братства масонов. В целях защиты великой мудрости масоны спрятали тайные знания в неприступные крепости, перевезли их из Старого Света в Америку, а затем построили для их хранения тайную пирамиду. Согласно мифу о масонской пирамиде, в ней спрятаны сведения, написанные «на мистическом языке утраченных Слов, доступном лишь избранным» [Браун 2017]. В книге воспроизводится легенда, согласно которой «утраченное Слово воспроизводилось на таком древнем и загадочном языке, что человечество предало его забвению». Это язык символов. Утраченное Слово — это не слово в привычном для нас понимании, а символ. В романе упоминается теория, согласно которой в Священном Писании имеется подтекст, скрытый аллегорией, символиккой и иносказаниями. Мы утратили Слово. Однако оно есть во всех священных книгах, которые нам сейчас известны, — от Бхагавад-гиты до Библии и Корана. Мисте-

рия древности — наука — Священное Писание — это единое целое [Браун 2017].

Тема возрождения Слова в его функциях смылосозидания, творения высших форм и отображения действительности стала одной из центральных в исследовании Историко-социологического института Мордовского государственного университета «Истина в слове» [Арсентьев 2014: 408]. Авторы книги видят суть гуманитарного знания в Слове, полагая, что это знание «имеет дело не с объектами как таковыми, а с сознанием, внутренним духовным миром и ценностями. Объект гуманитарного знания возникает и формируется при освоении и усвоении культуры, когда человек имеет дело с ценностями, значениями и смыслами», в издании подчеркивается, что «каждая эпоха, каждый исторический пласт в жизни человеческого общества шифрует знаки реальности по-своему, в соответствии со своими целями и представлениями об истине, добре, справедливости и красоте...» [Арсентьев 2014: 9], что требует расшифровки данных символов.

Проблема Слова и его изначального смысла показана М. М. Бахтиным в его философии языка, основанной на диалогическом принципе. Так, в работе «Слово в романе» (1934–1935) он выступал против идентификации языкового знака (Слова со значением), считал необходимым разрушить «абсолютную сращенность» «между словом и конкретным идеологическим смыслом» [Бахтин 1975: 180], осознать исторические границы языка: язык не есть единственное воплощение смысла, а лишь «одна из возможных гипотез смысла» [Бахтин 1975: 182]. Язык — не только средство общения, но и препятствие («языковый барьер»). Слово должно постоянно преодолевать в процессе диалога, чтобы открыться его истинному смыслу. Таким образом, согласно мыслителю, язык есть историческое явление: необходим анализ истории формирования понятий, идеологием и концептов.

В своем историческом развитии Слово (язык) включено в процессы канонизации и переакцентуации, в ходе которых изменяется его значение. Канонизация устраняет изначальную данную многозначность Слова, закрепляет единственное его значение. Переакцентуация выявляет заложенные интенциональные возможности Слова к модификации значения, появлению новых смысловых моментов. Переакцентуация — следствие «большого диалога» между исто-

рическими эпохами. Она выявляет неисчерпаемый потенциал Слова — участника диалога: оно способно к видоизменению своих значений [Бахтин 1975: 228–232].

Таким образом, одна из задач Слова в рамках художественной литературы — выступать в качестве символа. Роль Слова как символа в системе мировоззрения, мироощущения и духовно-творческого бытия писателей неоспорима и принципиально важна, в результате чего появляется множество сюжетов, новых смыслов, требующих отдельного рассмотрения. Проблема смысловой наполненности Слова, роли его как символа и понимания лежит в плоскости не только художественных произведений, в частности отдельных философских размышлений и духовных исканий писателей как мастеров Слова, но и научной мысли.

Литература

- Алексеев А. В.* Символическое значение слова в этимологии и истории русского языка // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 3. С. 107–112.
- Алефиренко Н. Ф.* «Живое» слово. Проблемы функциональной лексикологии. М.: ФЛИНТА, 2014. 344 с.
- Арсентьев Н. М. и др.* Истина в слове : прошлое и настоящее Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва / под ред. чл.-кор. РАН Н. М. Арсентьева. Саранск: Издат. центр ИСИ МГУ им. Н. П. Огарёва, 2014. 480 с.
- Бахтин М. М.* Слово в романе // *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худ. лит-ра, 1975. С. 72–233.
- Бельй А.* Магия слов [электронный ресурс] // URL: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_13_1909_simvolizm.shtml (дата обращения: 25.04.2017).
- Браун Д.* Утраченный символ [электронный ресурс] // URL: <https://www.litmir.co/br/?b=117278> (дата обращения: 20.04.2017).
- Еремينا В. И.* Поэтический строй русской народной лирики. Л.: Наука, ЛО, 1978. 184 с.
- Машбиц-Веров И.* Символ // Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. С. 348–349.
- Медведева А. В.* Символическое значение слова. Воронеж: Истоки, 2008. 192 с.
- Мережковский Д. С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы [электронный ресурс] // URL: http://az.lib.ru/m/merezhkowskij_d_s/text_1893_o_prichinah_upadka.shtml (дата обращения: 21.04.2017).

- Миничкин П. Д. Актуализация символического капитала финно-угорского мира в современных культурных практиках Республики Мордовия: дисс. ... канд. культурологии. Саранск, 2016. 181 с.
- Левушкина О. Н. Художественный текст как явление национальной культуры: лингвокультурологический анализ образов-символов // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2008. № 4. С. 30–37.
- Нестеров А. Ю. Литературный текст, читатель и символ: проблема символического моделирования эстетического объекта. Самара: Самар. ун-т, 2002. 35 с.
- Осмонова Н. И. Слово как символ в традиционной культуре кыргызов // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2015. № 8. С. 175–189.
- Пестова О. Г. Символическое значение слова как особый объект лингвистической семантики: дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1988. 162 с.
- Потебня А. А. Полное собрание трудов: мысль и язык / подгот. текста Ю. С. Рассказова, О. А. Сычева; комм. Ю. С. Рассказова. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.
- Слово. Символ. Текст: сб. науч. тр., посвященный 80-летию проф. М. А. Карпенко / под общ. ред. Е. С. Снитко, Л. П. Дядечко. Киев: Киев. нац. ун-т им. Тараса Шевченко, 2006. 378 с.
- Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. / сост., общ. ред. и вступ. сл. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги; примеч. С. Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1988. Т. 1. С. 586–590.
- Стернин И. А., Розенфельд М. Я. Слово и образ. Воронеж: Истоки, 2008. 243 с.
- Трубачев О. Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура: в 4 т. М.: Языки славян. культуры, 2004–2009. Т. 1. 798 с.; Т. 2. 661 с.; Т. 3. 799 с.; Т. 4. 694 с.
- Юркина Т. В. Языковое сознание, культурный концепт и проблема самоидентичности // Регионология. 2009. № 4. С. 245–249.
- Alekseev A. V. *Simvolicheskoe znachenie slova v etimologii i isto-rii russkogo yazyka* [The symbolic meaning of a word in the etymology and history of the Russian language]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Bryansk State University), 2016, No. 3, pp. 107–112 (In Russ.).
- Alefrenko N. F. «Zhivoe» slovo. *Problemy funktsional'noy lek-sikologii* [The 'living' word. Problems of functional lexicology]. Moscow, FLINTA Publ., 2014, 344 p. (In Russ.).
- Arsentyev N. M. et al. *Istina v slove: proshloe i nastoyashchee Isto-riko-sotsiologicheskogo instituta Mordovskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. P. Ogareva pod red. chl.-kor. RAN N. M. Arsent'eva* [The Truth is in the Word: The Past and Present of Historical and Sociological Institute of Ogarev Mordovia State University. Ed. by Corr. Member of the RAS N. Arsent'eva]. Saransk, Mord. State Univ. Press, 2014, 480 p. (In Russ.).
- Bakhtin M. M. *Slovo v romane* [The word in the novel]. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Issues of literature and aesthetics. Studies of different years]. Moscow, Khudozh. Liter. Publ., 1975, pp. 72–233 (In Russ.).
- Belyy A. *Magiya slov* [The Magic of Words]. Available at: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_13_1909_simvolizm.shtml (accessed: 25 April 2017) (In Russ.).
- Braun D. *Utrachennyi simvol*. [The Lost Symbol]. Available at: <https://www.litmir.co/br/?b=117278> (accessed: 20 April 2017) (In Russ.).
- Eremina V. I. *Poeticheskii stroy russkoy narodnoy liriki* [Poetic structure of Russian folk poetry]. Leningrad, Nauka Publ., 1978, 184 p. (In Russ.).
- Mashbits-Verov I. *Simvol* [The Symbol]. *Slovar' literaturovedcheskikh terminov / red.-sost. L. I. Timofeev, S. V. Turaev* [A dictionary of literary terms]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1974, pp. 348–349 (In Russ.).
- Medvedeva A. V. *Simvolicheskoe znachenie slova* [Symbolic meaning of a word]. Voronezh, Istoki Publ., 2008, 192 p. (In Russ.).
- Merezhkovsky D. S. *O prichinakh upadka i o novykh techeniyakh sovremennoy russkoy literatury*. [On the causes of the decline and new trends in modern Russian literature]. Available at: http://az.lib.ru/m/merezhkovskij_d_s/text_1893_o_prichinah_upadka.shtml (accessed: 21 April 2017) (In Russ.).
- Minichkin P. D. *Aktualizatsiya simvolicheskogo kapitala finno-ugorskogo mira v sovremennykh kul'turnykh praktikakh Respubliki Mordoviya: dis. ... kand. kul'turologii* [Actualization of the symbolic capital of the Finno-Ugric world in modern cultural practices of the Republic of Mordovia. A Ph.D. thesis abstract]. Saransk, Mordovia State Univ. Press., 2016, 181 p. (In Russ.).
- Levushkina O. N. *Khudozhestvennyy tekst kak yavlenie natsional'noy kul'tury: lingvokul'turologicheskii analiz obrazov-simvolov* [Literary text as a phenomenon of national culture: linguistic and cultural analysis of images-symbols]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki* (Proceedings of Southern Federal University. Philology). 2008, No 4. pp. 30–37 (In Russ.).

References

- Nesterov A. Yu. *Literaturnyye tekst, chitatel' i simbol: problema simvolicheskogo modelirovaniya esteticheskogo ob'ekta* [Literary text, the reader and the symbol: the question of symbolic modeling of an aesthetic object]. Samara, Samara Univ. Press., 2002, 35 p. (In Russ.).
- Osmonova N. I. *Slovo kak simbol v traditsionnoy kul'ture kyrgyzov* [The word as a symbol in the traditional Kyrgyz culture]. *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii v istoricheskoy retrospektive* (The world outlook of the population of Southern Siberia and Central Asia in historical retrospect), 2015, No. 8, pp. 175–189 (In Russ.).
- Pestova O. G. *Simvolicheskoe znachenie slova kak osoby ob'ekt lingvisticheskoy semantiki: dis. ... kand. filol. nauk* [The symbolic meaning of the word as a special object of linguistic semantics. A Ph.D. thesis abstract]. Voronezh, 1988, 162 p. (In Russ.).
- Potebnya A. A. *Polnoe sobranie trudov: mysl' i yazyk. podgot. teksta Yu. S. Rasskazova, O. A. Sycheva; komm. Yu. S. Rasskazova* [A complete collection of works: Thought and Language. Ed. by Y. S. Rasskazov, O. A. Sychev; comments Y. S. Rasskazov]. Moscow, Labirint Publ., 1999, 300 p. (In Russ.).
- Slovo. Simvol. Tekst: sb. nauch. tr., posvyashchennyy 80-letiyu prof. M. A. Karpenko. pod obshch. red. E. S. Snitko, L. P. Dyadechko* [Word. Symbol. Text: collected scholarly papers celebrating the 80th anniversary of birth of prof. M. Karpenko. Ed. by E. S. Snitko, L. P. Dyadechko]. Kiev, Shevchenko Kiev National Univ. Press., 2006, 378 p. (In Russ.).
- Solovyov V. S. *Kritika otvlechenykh nachal* [Criticism of abstract principles]. Solov'ev V. S. *Sochineniya: v 2 t.; sost., obshch. red. i vstup. sl. A. F. Loseva i A. V. Gulygi; primech. S. L. Kravtsa i dr.* [Works: in 2 volumes; comp., edit., foreword by A. F. Losev, A. V. Gulyga; notes by S. L. Kravets et al.]. Moscow, Mysl Publ., 1988, vol. 1, pp. 586–590 (In Russ.).
- Sternin I. A., Rozenfeld M. Ya. *Slovo i obraz* [Word and image]. Voronezh, Istoki Publ., 2008, 243 p. (In Russ.).
- Trubachev O. N. *Trudy po etimologii. Slovo. Istoriya. Kul'tura: v 4 t.* [Works on etymology. Word. History. Culture. In 4 vol.]. Moscow, Yazyki Slavyanskoy Kultury Publ., 2004–2009, vol. 1, 798 p.; vol. 2, 661 p.; vol. 3, 799 p.; vol. 4, 694 p. (In Russ.).
- Yurkina T. V. *Yazykovoie soznanie, kul'turnyy kontsept i problema samoidentichnosti* [Language consciousness, a cultural concept and the problem of self-identity]. *Regionologiya* (Regionology), 2009, No. 4, pp. 245–249 (In Russ.).

УДК 82–311.1

СЛОВО КАК СИМВОЛ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Павел Дмитриевич Миничкин¹

¹ кандидат культурологии, преподаватель, кафедры художественного образования, Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева (Саранск, Российская Федерация). E-mail: mini4ckin.paw@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время происходит активное осмысление роли всего культурного наследия, в том числе представленных в нем символов. В статье показано, что немаловажную роль в этом играет художественная литература, в которой представлены многочисленные символы. Выступать в качестве символа в рамках художественной литературы — одна из задач Слова. Оно как символ неразрывно включено в систему мировоззрения и мировосприятия писателей, благодаря чему обнаруживается множество сюжетов, новых смыслов, требующих особого рассмотрения. Проблема осознания его роли как символа, его смысловой наполненности стала темой не только художественных произведений, в том числе отдельных философских размышлений и духовных исканий писателей, но и научно-исследовательских работ, так как Слово, его неисчерпаемый потенциал, а также роль в культурно-художественном пространстве составляют постоянный предмет изысканий ученых.

Ключевые слова: слово, смысл, язык, символ, «утраченный символ», художественная литература, культура.

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 32, Is. 4, pp. 165–172, 2017
 DOI 10.22162/2075-7794-2017-32-4-165-172
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.221.18

About an Ossetian Translation of a French Poem

Irina B. Tolasova¹; Raisa N. Abisalova²

¹ Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Associate Professor, Head of Department of Russian and Foreign Literature, Khetagurov North Ossetian State University (Vladikavkaz, Russian Federation). E-mail: tolasova.irina2010@yandex.ru

² Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Associate Professor, Khetagurov North Ossetian State University (Vladikavkaz, Russian Federation); Senior Research Associate, V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies (Vladikavkaz, Russian Federation). E-mail: raisa-abisalova@yandex.ru

Abstract. The article analyzes an Ossetian translation of A. Rimbaud's (1854–1891) sonnet *Vowels* performed by Sh. Dzhigkaev. Assuming that a translated text is a form of artistic perception, the researchers reveal the means for reconstructing the differing national and cultural worldviews through translations, including the meaningful points in A. Rimbaud's poetic view of the world, and opportunities for its preservation and recoding.

The paper considers versions for the interpretation of the 'color' sonnet introduced by researchers and translators in the 19th–20th cc., proposes a new original representation proceeding from the dynamics of Rimbaud's poetic search and constant features of his world perception. Rimbaud reinterprets the idea of synthesis — a key idea of French Symbolism — into a thoroughly elaborated and deeply generalized unity of material and spiritual existence. The sonnet is a sequential and logically immaculate unfolding of the topic of the way as an ascension: from spontaneous and unconscious desires — through their purification in awareness — to the ultimate harmonious completeness of the universe. The extreme point of the ascension, his 'Omega', is expressed in images of the Apocalypse as both the last foresight and foretell. The order of sounds / letters in the sonnet also aligns with the theme of overcoming and ascension — from A to O (Alfa and Omega). It is color which is central to the chain 'sound — color — idea'. The world created by the demiurge-artist is being transformed through his visualizations; such feature of picturesqueness expresses not only the diverse aspects of the perceived world but rather shows its concealed, evident and generalized essence. This approach to the theme is expressed in the title of the poem. The phonetic word '*voyelles*' combines sound ('*voix*' — voice), optics ('*voir*' — to see) and the image of the way upstairs ('*voie*' — way, path). The final semantically meaningful word of the poem — Eyes ('*Ses Yeux*'). The Ossetian text of the sonnet clearly tends towards the ultimate syncretism of the spontaneous existence and awareness elegantly and intently created by the French author. This deals with the color symbolism of the sonnet particularly. The syncretic meaning of the Ossetian '*цъæх*' unites '*кæрдæгхуыз*' — color of the grass and '*арвхуыз*' — color of the heaven which corresponds to the images of Omega in the original text. Sh. Dzhigkaev's interlinear translation is considered to be closest to the philosophy of the symbolic myth of *Vowels*.

Keywords: literary translation, text interpretation, Symbolism, symbolics, worldview, Arthur Rimbaud, Shamil Dzhigkaev.

Российская судьба поэзии Франции об­ладает глубокой историко-культурной и эстетической насыщенностью. Цель насто­ящей статьи — показать содержание инте­реснейшего эпизода этой судьбы, связан­ного с одним из основателей французского символизма Артюром Рембо (1854–1891). Сонет Рембо «Гласные» (1871) может быть отнесен к тем произведениям мировой по­эзии, которые породили целые тома ком­ментариев и интерпретаций [Bonnefoy 1970; Eigeldinger 1987; Barrère 1987; Степанов 1984].

Одной из форм интерпретации тек­ста является перевод, несущий рецептив­ную энергию культурного взаимодействия [Дзапарова 2017: 110–120]. Мы рассмотрим перевод сонета «Гласные» на осетинский язык, сравнив его с некоторыми русскими переводами стихотворения. Сопоставление оригинала с переводом или несколькими переводами — известная исследователь­ская стратегия, восходящая к методологии компаративизма. Вместе с тем, подобное сопоставление может осуществляться через достаточно объемные культурно-истори­ческие аналогии. Вслед за И. Г. Гердером [1977] и Э. Кассирером [2002], мы можем утверждать, что язык моделирует картину мира, конструирует наши представления о нем; из отдельных картин или зеркал, со­единяющихся в гармонии или сталкиваю­щихся в контрасте, складывается масштаб­ная бытийно-языковая панорама.

Можно ли найти в «цветном сонете» особенные французские (западноевропей­ские) черты? Сохраняется ли это специфи­ческое смысловое ядро в русском и осе­тинском вариантах, какова система замен и в чем ее смысл? Вероятно, мы затруднили поиск ответов на эти вопросы, выбрав для анализа весьма сложно организованный в своем оригинальном языке текст. Указанная черта, во многом обусловленная эстетикой символизма, составляет художественную ценность французского стихотворения, его читательскую и научную неуывае­мость.

Voyelles

*A noir, E blanc, I rouge, U vert, O bleu: voyelles,
Je dirais quelque jour vos naissances latentes:
A, noir corset velu des mouches éclatantes
Qui bombinent autour des puanteurs cruelles,*

Golfes d'ombres; E, candeur des vapeurs et tentes,

Lances des glaciers fiers, rois blancs, frissons d'ombrelles;

*I, pourpres, sang craché, rire des lèvres belles
Dans la colère ou les ivresses penitents;*

*U, cycles, vibrations divins des mers virides,
Paix des pâtis semés d'animaux, paix des rides
Que l'alchimie imprime aux grands fronts
studieux;*

*O, suprême Clairon plain des stridiers
étranges,*

Silences traverses des Mondes et des Anges:

*-O, l' Oméga, rayon violet de Ses Yeux!
[Rimbaud 1972: 53]*

Гласные

А черный, Е белый, И красный, У зеленый, О голубой: гласные,

Я расскажу однажды о вашем таинствен­ном происхождении:

А, — черный бархатный корсет блестящих мух,

Что жужжат и вьются в смрадном чаду,

В крошевной мгле; Е, — простодушие ту­манов и ветрил,

Величественные горные вершины, белые владения, дрожь светлых полевых цветов;

И, — багряный жар, кровавые плевки, смех уст прекрасных

В ярости или экстазе покаяния;

У, — волны, божественное дыхание зеленых морей,

Мирный покой пастбищ, безмятежность морицин,

Запечатленных алхимией на высоком му­дром челе;

О, — последние пронзительные вскрики трубы,

Тишина, объявляющая Миры и Ангелов;

О, Омега, синий луч Его Очей!

[подстрочный перевод выполнен авторами статьи].

Хъæлæсонтæ

*А — сау, Е — урс, И — сырх, У — кардæгхуыз,
О — арвхуыз:*

хъæлæсонтæ,

*Æз уын искаед æргом кæндзынæн уæ сусæг
равзæрд:*

*А — сау хъæдабæ рон, хольый уæззау смагмæ
Чи тæхы, уыцы гуыз-гуызгæнæг бындзытæн,*

*Тары хуыдыттæ; Е — æврæгътæ æмæ
наупæлæзты удварн,*

*Сæрыстыр цъититы æрцытæ, урс дунетæ,
урс дидинты зыр-зыр;*

И — ризаг, тугомæн хуыфæг, рæсугъд был­ты худт

*Кæна фыдмасты, кæна фæсмона монцты;
 У — уæлæнтæ, цъæх дидинджыты æрвон
 ысулæфт,
 Кæм зыны дзугтæ, уыцы сæрвæтты æнцой,
 Аенцой алхимикы бæрзонд ныхы æнцъылды.
 О — фæстаг хатæл (уадынз), кæй зæлтæ
 сты алаæмæт,
 Дунетæ æмæ зыдтыл цы æдзæм сабыр баф-
 тыд, уый,
 О, Омега, йæ цæсттыты цъæх рухс
 (æрттывд)!
 [Перевод выполнен Ш. Ф. Джигкаевым].*

В многочисленных толкованиях стихотворения можно выделить два основных подхода. Первый определен высказыванием П. Верлена (1844–1896): «Я-то знал Рембо и понимал, что ему было совершенно всё равно, красного или зелёного цвета звук „А“». Он его таким видел, и только в этом всё дело» [Verlaine 1972: 883]. Сонет «Гласные» — просто шутка, не имеющая большого значения. Другая трактовка, впрочем, близкая вышеуказанной, заключается в следующем: стихотворение передает характерную для декадентского психологизма произвольность ассоциаций между звуком и цветом: «Из области понимания мы переходим в область ощущения» [Андреев 1988: 28–29]. Так поэзия Рембо становится примером литературного импрессионизма с его стремлением воспринимать и конструировать действительность главным образом через сенсорные реакции субъекта. Мы предлагаем иное толкование, опирающееся на логику творческих исканий Рембо, на определенные законы его эстетики.

Центральной онтологической целью Рембо являлось решительное и коренное изменение отношений субъекта и естественного бытия. В своей теоретической программе «ясновидения» Рембо рассуждает о возможности моделирования нового сознания, повелевающего природными первоэлементами [Толасова 1995: 8–10]. В анализируемом сонете указанная цель реализуется наиболее ярко и последовательно. Поэт-демиург не только владеет потаенно-заветным знанием о тайных шифрах природы, но, в первую очередь, наделен (или наделяет себя сам) властью над первоэлементами, которыми правит по своему усмотрению и даже может сообщать им свои субъективные интенции. Поэтической интонации Рембо свойственна патетическая

категоричность, связанная с изобретением небывалых содержательных связей между звуком и цветом: «А черный, Е белый, И красный, У зеленый, О голубой: гласные, / Я расскажу однажды о вашем таинственном происхождении». Лирический герой «цветного сонета» не столько вчитывается в сокровенный «текст» природы, постигает универсальный канон аналогий, сколько пересоздает косную материю. Здесь Рембо вступает в полемику с Ш. Бодлером, автором сонета «Соответствия»: в «Гласных» нет заранее заданной одухотворенности природы (её еще только необходимо изобрести!), идея которой составила содержание стихотворения Бодлера [1970: 20].

Бодлеровская концепция соответствий переосмыслена у Рембо в тщательно разработанное и глубоко обобщенное единство материального и духовного существования, которое строится на наших глазах. Художественному мышлению Рембо присущ своего рода парадоксальный синкретизм. Оппозиция антиномичных начал — человека и природы — снимается благодаря внутренней амбивалентности каждого участника этого диалога. Природа наполнена отталкивающими образами: *...корсет блестящих мух, / Что жужжат и вьются в смрадном чаду / В крошечной мгле*, но также и феноменами совершенной чистоты: *Величественные горные вершины, белые владения, дрожь светлых полевых цветов*, высокого достоинства и покоя: *...божественное дыхание зеленых морей, / Мирный покой пастбищ*. То же самое — в человеческой сфере. Человек — средоточие мрачной чувственности, тяжелых страстей: *багряный жар, кровавые плевки, смех уст прекрасных / В ярости или экстазе покаяния*, но при этом ему открыты области созерцательного достоинства: *...безмятежность морщин, / Оставленных алхимией на высоком мудром челе*.

Все стихотворение представляет собой последовательное и логически безупречное разворачивание темы пути как восхождения: от стихийных и неосознанных страстей, через их очищение в познании — к итоговой гармоничной целостности Вселенной. Предел восхождения, его «Омега», выражены в образах Апокалипсиса как последнее предвидение и предвозвестие: *О, — последние пронзительные трубные звуки, / Тишина, охватившая Миры и Ангелов* (Ср. Откр., 8–11). Порядок приведенных в сонете звуков / букв также соотносится с те-

мой преодоления и подъема — от А до О (Альфа и Омега, начало и конец пути). Примечательно, что данный порядок нарушает последовательность латинского алфавита, поскольку Рембо имеет в виду язык алхимии — греческий. Семантика цветового ряда также связана с алхимической символикой. В алхимии золото символизировало духовное просветление и, с другой стороны, представлялось ее адептам источником вечной жизни. Алхимический опыт включал четыре стадии, которые кодировались разными цветами, природными стихиями, иногда определенными металлами. Черный цвет обозначал низшие хтонические силы, приверженность человека греху. Семантика белого цвета подразумевала первую, «простейшую» работу, начало перевоплощений, ртуть. Красный цвет соотносился со страданием, страстью, серой [Кэрлот 1994: 78]. Алхимический ряд завершало золото. Рембо точно воспроизводит первые три ступени алхимического опыта — восходящую последовательность цветовых знаков, их символическое поле. Однако золото заменяется в сонете зеленым и сочетанием фиолетового, синего и голубого тонов, которые должны вызвать у читателя ассоциацию с бесконечностью космического пространства и совершенством Бога.

Мы находим в «Гласных» оригинальную интерпретацию платоновской аналогии «вещей» и «имен» [Платон 1990: 673], которая у французского поэта переосмыслена таким образом, что в ряду «звук — цвет — идея» ключевая позиция отводится цвету, т. е. визуализированной стороне бытия. Создаваемый художником-демиургом мир преобразуется через его визуализации; такое свойство образности передает не столько многообразие чувственно воспринимаемого мира, сколько его скрытую, неявную и при этом обобщающую сущность. Такое понимание темы соответствий заложено уже в заглавии стихотворения. Фонетическое слово *voyelles* соединяет звук (*voix* ‘голос’), оптику (*voir* ‘видеть’) и образ пути как подъема ввысь (*voie* ‘дорога, путь’). Итоговое семантически значимое слово в стихотворении — Глаза (*Ses Yeux*).

Обратившись к истории русских переводов «Гласных», можно проследить их семантическую наполненность, степень соответствия философии оригинального источника. Российская судьба цветного сонета начинается с 1894 г., когда появился пере-

вод, приписываемый А. А. Кублицкой-Пиоттух. В следующем столетии к стихотворению обращались переводчики В. Дмитриев, М. Кудинов, В. Микушевич, И. Тхоржевский, М. Миримская [Балашов 1982: 385].

В интерпретациях «Гласных» на русский язык в самой значительной степени приглушена эгоцентрическая роль поэта-творца. Все переводчики замещают семантически значимый зачин второго стиха: *...voyelles / Je dirais quelque jour vos naissances latentes* синтаксически нейтральными конструкциями. В переложении В. Микушевича этой строки нет вовсе, у В. Дмитриева, М. Миримской, А. Кублицкой-Пиоттух «я» перемещается в середину стиха и теряет смысловую энергию. И. Тхоржевский ставит «я» в начало строки, однако предложенное «Я расскажу вам всё!» весьма отдаленно напоминает французский источник. Лирический герой «Гласных» далек от прямой эксцентрики, не стремится до конца раскрыть совою сокровенную тайну.

В русских переводах преобладает произвольно-ассоциативное понимание «Гласных», которое приводит к игнорированию скрытой, но вместе с тем строгой и последовательной символики Рембо. Мы не найдем параллелей между лексемами «гласные», «видеть», «путь», о чем говорилось выше. Не сохраняются и значения алхимической терминологии, например, В. Микушевич сопоставляет черный и белые цвета, неточно передавая смысл *golfes d'ombres* как ‘заливы млечной мглы’. Алхимический термин *rois blancs* присутствует только в одном случае (у того же В. Микушевича). Подобная произвольная трактовка не учитывает апокалиптические мотивы, на которых основано заключительное трехстишие сонета. *Suprême Clairon* (букв. ‘последняя труба’) становится в переводах ‘резким звуком гобоя’, ‘звонкой трубой’. Отметим, в этом терцете Рембо максимально глубоко использует семантический подтекст мотива Омеги. Омега у него — не только предел и духовная вершина пути. Этот образ сопрягается с такими смысловыми значениями, как божественная гармония, совершенный союз земного и небесного. Рембо, внимательный читатель алхимических трактатов Э. Леви (1810–1875) [Lévi 1860], знал амбивалентную символику Омеги. В алхимических трактатах Омега (единое, целое) изображалась в виде змеи или дракона, кусающего свой хвост. Дракон Уроборос порождает

сам себя, сам себя убивает; он символизирует соединение мужского и женского начал, цикличность времени, истину и познание, бесконечность пространства [Кэрлот 1994: 533–534]. Кроме того, Э. Леви связывает с Омегой и оптическую семантику, образ зрения и глаза, передающего у алхимиков идею андрогина. Поэтому во французском тексте употребляется притяжательное прилагательного множественного числа, не имеющее рода: *O, l' Oméga, rayon violet de Ses Yeux!*. Этот важнейший оттенок смысла не мог быть сохранен в русских переводах, где он утрачивает андрогинную природу, преобразуясь в довольно традиционный образ — глаза любимой женщины: 'дивных глаз ее лиловые лучи' (Кублицкая-Пиоттук), 'ясный взор фиалковых очей' (Дмитриев). Наиболее точными и глубокими представляются варианты Тхоржевского: 'синие глаза твои, Судьба', и особенно Микушевича: 'лучезарнейшей Омеги вечный взгляд'.

Важнейшая черта стихотворения Рембо — интеллектуализация сенсорных образов и восприятий. Неслучайно автор «Гласных» делает акцент на зрении — наиболее рационализированном ощущении. Данное свойство французского текста особенно ярко проявляется в катренах, насыщенных материально-чувственными образами. Рембо прибегает к многозначным словам, «визуализируя» чувственные восприятия. Так, сочетание *des mouches éclatantes* несет двойную семантику — 'мухи блестящие, переливающиеся' и 'издающие громкое жужжание'. Неологизм Рембо *bombiner* (*bombinent autour des puanteurs cruelles*) имеет здесь значение визуального образа 'мухи вьются кругами'. В переводах происходит усиление «декадентской» сенсорики, в целом не характерной для анализируемого стихотворения: 'бархатный корсет на теле насекомых, / Которые жужжат над смрадом нечистот' (Кублицкая-Пиоттук), 'черный полог мух, / Которым в полдень сладки / Миазмы трупные и воздух воспаленный' (Микушевич). Схожая художественная семантика наблюдается и в трактовках катрена, связанного с гласным «И».

Таким образом, можно предположить, что в русской языковой картине мира труднее конструируется неявная, но довольно последовательная логика сонета, а именно идея пути как восхождения; стирается образ поэта-демиурга; значительно глуше звучат

мотивы Апокалипсиса и не выдерживается алхимическая символика; становится не столь очевидной мысль о визуализации природы. В результате в переводах несколько искажается обобщенная картина «человек — природа», которая завораживает французского читателя «Гласных».

Если оригинальный французский источник основан на рационализации ощущений, а в русских трактовках можно заметить обратное — абстракции образы наполняются сенсорным содержанием, то осетинский текст передает слитность и неразрывность существования природы и человека. Перевод Ш. Джигкаева изображает антропоморфный мир, наполненный земными подробностями жизни людей, обладающий изначальной целостностью и гармонией.

Чувственно-эмпирическая достоверность выражается у Ш. Джигкаева через звукоподражание: *mouches.... bombinent* — 'мухи вьются, жужжат' — 'гуыз-гуызгаенаг бындзытае'; *frissons d'ombrelles* — 'трепет светлых полевых цветов' — 'урс дидинты зыр-зыр'. Мы встречаем в осетинском переводе избыточную для Рембо подробную описательность образов: 'тары хуыдымтае' (у Рембо буквально 'заливы мглы') усугубляют загадочную сумрачность, поскольку *хуыдым* — это глухой участок в русле реки, где прячутся рыбы, узкий речной залив, в котором живут черти. Семантически богатое *pourpres*, вбирающее значения яркого фиолетово-красного оттенка, алой крови, багряной мантии, в последнюю очередь — болезненного жара предстает в осетинском переводе как «*призаг*», т. е. лихорадка, сопровождающая заболевание малярией. В этот же ряд можно поставить антропоморфные образы, например *саерыстыр цытуттае (des glaciers fiers, 'величественные ледяные горы')*, усиливающее антропоморфную семантику оригинального текста, поскольку *саерыстыр* можно перевести как 'ведущий себя вызывающе', 'надменный'. Эсхатологическая тишина, проходящая сквозь миры и повергающая в оцепенение ангелов, — это *адзам сабыр*, т. е. почти бездыханное безмолвие, присущее замершему в немоте живому существу.

В европейской литературе XIX в. богатым подтекстом наделяется мотив паруса. Осетинский переводчик предлагает феноменологически заостренный образ

— *наупалэзты удварн*, где возвышенная абстрактность слова *удварн* ('дух, духовность'), соответствующая романтической символике паруса (странствия и скитания одинокого героя или творца в поисках идеала), низводится к земному содержанию через значение *наупалэз*, поскольку *палэз* — это накидка из грубой ткани, надеваемая поверх бурки. «Человеческие» подробности пронизывают и финальный терцет сонета. *Suprême Clairon, последняя труба*, возвещающая о вселенской битве добра и зла, преобразуется в *фæстаг хатæл* — образ, связанный, скорее, с дудочкой пастуха, с певучей золотой свирелью Ацамаза, героя нартовского эпоса, певца и музыканта. Такая свирель не может издать резкого трубного звука, напоминающего смертным о столкновении враждебных противоборствующих начал, которое должно навсегда изменить облик сущего. У Ш. Джигкаева речь идет о сказочном преображении, в котором совсем исчезает эсхатологическая семантика, читателю передается не зловещее ощущение молчания перед катастрофой, но, скорее, восхищенное ожидание чудесной метаморфозы мира.

Осетинский текст проявляет отчетливую тенденцию к тому итоговому соединению естественной стихии и сознания, который столь тонко и сосредоточенно выстраивает французский автор. Это касается, прежде всего, обобщающей цветовой символики. Синкретизм осетинского *цъæх* вбирает в себя *кæрдæгхуыз* — цвет травы — и *арвхуыз* — цвет небесного свода, и это слияние в оригинальном тексте проходит в образе Омеги, божественного фиолетового луча. Отметим поразительный поворот в осетинской трактовке этого ключевого мотива Рембо. Осетинский язык вследствие непроявленности в нем категории рода передает синкретическую природу алхимической Омеги столь органично, что превосходит и русский подстрочник, и французский оригинал, где Омега — все же существительное мужского рода, и автору приходится с помощью специальных лексических средств снимать данную его характеристику. Таким образом, «наивный» антропоморфный образ мира в осетинском тексте максимально соответствует тому итоговому символистскому мифу, который столь прочно стягивает смысловые узлы французского стихотворения.

Литература

- Андреев Л. Г. Феномен Рембо // *Рембо А.* Поэтические произведения в стихах и прозе. М.: Радуга, 1988. С. 5–45.
- Балашов Н. И. Примечания // *Рембо А.* Стихи. Последние стихотворения. Озарения. Одно лето в аду. М.: Наука, 1982. С. 301–477.
- Бодлер Ш. Цветы зла. М.: Наука, 1970. 485 с.
- Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества / пер. и примеч. А. В. Михайлова. М.: Наука, 1977. 705 с.
- Дзанарова Е. Б. Созрыко Бритаев как практик и теоретик художественного перевода в осетинской литературе // *Известия СОИГСИ.* 2017. Вып. 24 (63). С. 110–120.
- Кассирер Э. Философия символических форм: в 3-х т. / пер. с нем. С. А. Ромашко. Т. 1. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 286 с.
- Кэрлот Х. Э. Словарь символов. Мифология. Магия. Психоанализ. М.: REFL-book, 1994. 602 с.
- Платон. Сочинения. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 860 с.
- Степанов Ю. С. Семантика цветного сонета Рембо // *Известия Академии наук. Серия литературы и языка.* М.: Наука, 1984. Т. 43. № 4. С. 341–347.
- Толасова И. Б. «Евангельские фрагменты» А. Рембо в контексте философско-эстетических идей середины XIX века // *Философские и эстетические традиции в зарубежных литературах.* СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1995. С. 3–11.
- Barrère J.-B. Le regard d'Orphée ou l'échange poétique. Paris: Société d'édition d'enseignement supérieur, 1987. 295 p.
- Bonnefoy Y. Rimbaud par lui-même. Paris: Seuil, 1970. 196 p.
- Rimbaud A. Œuvres complètes. Paris: Gallimard, 1972. 995 p.
- Eigeldinger M. Mythologie et intertextualité. Genève: Editions Slatkine, 1987. 523 p.
- Lévi E. Histoire de la Magie. Avec une exposition claire et précise de ses procédés, de ses rites et de ses mystères. Paris: G. Baillière, 1860. 612 p.
- Verlaine P. Œuvres en prose complètes. Paris: Gallimard, 1972. 960 p.

References

- Andreev L. G. *Fenomen Rembo* [The Rimbaud phenomenon]. Rimbaud A. *Poeticheskie proizvedeniya v stikhakh i proze* [A. Rimbaud. Poetic works: poems and prose]. Moscow, Raduga Publ., 1988, pp. 5–45 (In Russ.).

- Balashov N. I. *Primechaniya k izd. Rembo A. Stikhi. Poslednie stikhotvoreniya. Ozareniya. Odno leto v adu* [Notes for edition: A. Rimbaud. Poems. Last poems. *Afflatus. A Season in Hell*]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 301–477 (In Russ.).
- Bodler Sh. *Tsvety zla* [The Flowers of Evil]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 485 p. (In Russ.).
- Herder J. G. *Idei k filosofii istorii chelovechestva. Per. i prim. A. V. Mikhaylova* [Outline of a Philosophical History of Humanity. Transl. by A. V. Mikhaylov]. Nauka Publ., 1977, 705 p. (In Russ.).
- Dzaparova E. B. *Sozryko Britaev kak praktik i teoretik khudozhestvennogo perevoda v osetinskoy literature* [Sozryko Britaev as an empiric and theorist of literary Ossetian translation]. *Izvestiya SOIGSI* (Proceedings of V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies), 2017, iss. 24 (63), pp. 110–120 (In Russ.).
- Cassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form: v 3-kh tt. Perevod s nem. S. A. Romashko. T.1.* [Philosophy of Symbolic Forms. In 3 vol. Transl. from German by S. A. Romashko]. Moscow–St. Petersburg, Universitetskaya Kniga Publ., 2002, 286 p. (In Russ.).
- Kerlot J. E. *Slovar' simvolov. Mifologiya. Magiya. Psikoanaliz* [The Dictionary of Symbols. Mythology. Magic. Psychoanalysis]. Moscow, REFL-Book Publ., 1994, 602 p. (In Russ.).
- Platon. *Soch.: v 4-kh tt* [Works. In 4 volumes]. Moscow, Mysl Publ., 1990, vol. 1, 860 p. (In Russ.).
- Stepanov Yu. S. *Semantika tsvetnogo soneta Rembo* [Semantics of *The Colored Sonnet* by Rimbaud]. *Izvestiya Akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* (Proceedings of the Academy of Sciences. Series 'Literary and Language'). Moscow, Nauka Publ., 1984, vol. 43, No. 4, pp. 341–347 (In Russ.).
- Tolasova I. B. «*Evangel'skie fragmenty*» A. Rembo v kontekste filosofsko-esteticheskikh idey serediny XIX veka [Evangelical Fragments by A. Rimbaud in the context of philosophical and aesthetical ideas of the mid-19th c.]. *Filosofskie i esteticheskie traditsii v zarubezhnykh literaturakh* [Philosophical and aesthetical traditions in foreign literatures]. St. Petersburg, S.-Petersburg Un-ty Press, 1995, pp. 3–11 (In Russ.).
- Barrère J.-B. *Le regard d'Orphée ou l'échange poétique* [The look of Orpheus or the poetic exchange]. Paris, Société d'édition d'enseignement supérieur, 1987, 295 p. (In French).
- Bonnefoy Y. *Rimbaud par lui-même* [Rimbaud by itself]. Paris, Seuil Publ., 1970, 196 p. (In French).
- Rimbaud A. *Œuvres complètes* [Complete Works]. Paris, Gallimard Publ., 1972, 995 p. (In French).
- Eigeldinger M. *Mythologie et intertextualité* [Mythology and intertextuality]. Genève, Editions Slatkine Publ., 1987, 523 p. (In French).
- Lévi E. *Histoire de la Magie. Avec une exposition claire et précise de ses procédés, de ses rites et de ses mystères* [History of Magic. With a clear and precise exposition of its processes, rites and mysteries]. Paris, G. Baillière Publ., 1860, 612 p. (In French).
- Verlaine P. *Œuvres en prose complètes* [Complete Works]. Paris, Gallimard Publ., 1972, 960 p. (In French).

УДК 811.221.18

ОБ ОСЕТИНСКОМ ПЕРЕВОДЕ ФРАНЦУЗСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯИрина Батразовна Толасова¹, Раиса Николаевна Абисалова²

¹ кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы, Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова (Владикавказ, Российская Федерация). E-mail: tolasova.irina2010@yandex.ru

² кандидат филологических наук, доцент, кафедра русской и зарубежной литературы, Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова (Владикавказ, Российская Федерация); старший научный сотрудник, СОИГСИ РАН (Владикавказ, Российская Федерация). E-mail: raisa-abisalova@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен анализ осетинского перевода сонета А. Рембо (1854–1891) «Гласные», выполненного Ш. Ф. Джигкаевым. Авторы статьи, считая перевод одной из форм художественной рецепции, выявляют способы воссоздания в переводах разных национально-культурных мировосприятий, а также смысловых узлов в поэтической картине мира А. Рембо, возможности ее сохранения или перекодировки. Рассматриваются версии толкования «цветного» сонета исследователями и переводчиками в XIX–XX вв., предлагается его новая оригинальная трактовка, опирающаяся на динамику поэтических исканий Рембо, на константные черты его мировосприятия. Осетинский текст сонета проявляет отчетливую тенденцию к тому итоговому синкретизму стихийного бытия и сознания, который столь тонко и сосредоточенно выстраивает французский автор. Данный вывод относится прежде всего к цветовой символике сонета. Синкретическое значение осетинского *цъах* объединяет *кардагхуыз* — цвет травы и *арвхуыз* — цвет небесного свода, что соответствует образу Омеги в оригинальном тексте. Наиболее близким к итоговой философии символистского мифа «Гласных» авторы считают подстрочный перевод Ш. Джигкаева.

Ключевые слова: художественный перевод, интерпретация текста, символизм, символика, картина мира, Артюре Рембо, Шамиль Джигкаев.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 32, Is. 4, pp. 173–181, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-32-4-173-181
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 314.9

Rural Population of Southern Russian Regions: Peculiarities of Age Structure

Bayrta B. Nuskhayeva¹

¹ Ph.D. in Sociology (Cand. of Sociological Sc.), Senior Research Associate, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: nuskhayevabbkigiran.com

Abstract. The current attention towards the problems of rural communities results from a number of negative trends as follows: the rural population decline, increase in the share of poor households, high migration. So, it is urgent to study the demographic potential of rural communities. The article considers peculiarities of the age structure of populations of Astrakhan Oblast, Volgograd Oblast and the Republic of Kalmykia. According to statistical data, over half of Kalmykia's residents live in rural areas, in Astrakhan Oblast the share is a little over a third, and in Volgograd Oblast – less than a quarter of the region's population.

The analysis of age structure of Astrakhan and Volgograd Oblasts' populations shows that the share of children and adults aged 36 to 59 is higher than that in urban populations, while the share of young and elderly people is lower. The age structure of Kalmykia's rural population is characterized by features as follows: the share of children, young and elderly people in rural areas is lower than that within urban communities, and the share of adults aged 36 to 59 is higher.

A comparative analysis of demographic indices from the three regions testifies that, in terms of age structure, there is a small share children and a large share of elderly people in Volgograd Oblast. Thus, from this perspective, Volgograd Oblast has a most unfavorable demographic structure.

Further consideration of data from the three regions of Southern Russia helps us conclude that there are certain peculiarities in the age structure of rural populations. Special attention should be given to attracting the youth to villages for the development of rural territories and improvement of the demographic situation.

Keywords: population, urban population, rural population, population age structure, children, youth, elderly people.

Внимание к проблемам села связано с основными тенденциями, происходящими в жизни села, реализацией национальных проектов, направленных на улучшение жизнедеятельности в селе, улучшение демографической ситуации, и развитием аграрной сферы в целом. В результате изучения изменений сельского расселения в России А. И. Алексеев, С. Г. Сафронов приходят к

выводу, что «сокращение численности сельского населения происходит на фоне концентрации сельского населения во все более крупных поселениях» [Алексеев, Сафронов 2015: 74]. Одну из главных причин трансформации российского села авторы видят в изменении экономической основы села, а вместе с ней функций многих сельских поселений, утративших поселкообразующую

базу в виде подразделений коллективных сельхозпредприятий [Алексеев, Сафронов 2015: 75]. По результатам анализа структуры сельских поселений отдельных регионов Юга России П. П. Турун выделяет два главных процесса, происходящих в сельской местности, — концентрацию и поляризацию [Турун 2010: 174]. Эти два процесса характерны для всех регионов России. Сельское население мигрирует в крупные населенные пункты, обладающие более развитой системой социального, медицинского обслуживания. Это, в свою очередь, ведет к сокращению числа и удельного веса средних населенных пунктов. Существует разная оценка этих изменений. По мнению Ф. М. Мирзоевой, «главным сдерживающим фактором исчезновения сельских поселений является крупноселенность» [Мирзоева 2015: 51].

Другой тенденцией является снижение уровня экономического положения населения в регионах России. Исследования по изучению социально-экономического положения населения Республики Калмыкия, проведенные научным сотрудником Калмыцкого научного центра РАН Н. В. Бадмаевой в 2012, 2013 и 2015 гг., свидетельствуют об ухудшении положения населения. На основании сравнительного анализа данных Н. В. Бадмаева пишет: «В материальном плане положение ухудшилось у 49,3 % опрошенных респондентов, не изменилось — у 37 % респондентов, улучшилось — всего лишь у 4,1 % опрошенных жителей региона» [Бадмаева 2016: 302]. Другие исследования отмечают рост доли бедных домохозяйств, проживающих в сельских поселениях. Анализ уровня бедности на Юге России, проведенный волгоградскими специалистами О. С. Олейник и М. П. Придачук, свидетельствует, что «на Юге России в 2011–2014 гг. возрастает „сельская бедность“» [Олейник, Придачук 2016: 61]. Социально-экономические условия жизнедеятельности населения являются одним из факторов, определяющих демографическую ситуацию. На эту проблему обращают внимание Н. А. Щитова и К. В. Белисова, которые подчеркивают: «Экономические трансформации, начавшиеся в постсоветское время, вызвали целый ряд негативных последствий в социально-демографической сфере сельской местности, которые до сих пор не преодолены, а во многих случаях

даже нарастают» [Щитова, Белисова 2016: 132].

Главной проблемой сельских территорий Юга России является высокая миграция. Отсутствие рабочих мест, низкая оплата труда и уровень жизни являются главными факторами миграции сельского населения. Рассматривая проблему кадрового обеспечения аграрного сектора Волгоградской области, О. Г. Зубова обращает внимание на высокий уровень миграционный убыли сельского населения [Зубова 2015: 60]. По мнению исследователей, необходимо усилить меры, сдерживающие миграционный отток населения. В противном случае возможно усиление негативных демографических тенденций и, как следствие, «превращение южнороссийской сельской периферии еще в одну депопуляционную зону» [Щитова, Белисова 2016: 145]. Демографическая ситуация в сельской местности определяется как сложная. Это объясняет интерес к данной проблеме.

Рассмотрим особенности возрастной структуры сельского населения трех регионов Юга России: Астраханской и Волгоградской областей, Республики Калмыкия. Возрастная структура населения не только характеризует процессы рождаемости и смертности в разные периоды, особенности демографического развития региона, но и позволяет показать демографический потенциал региона. Статистические сборники дают сведения о распределении населения по отношению к трудовой деятельности, и основными группами являются: население моложе трудоспособного возраста, население в трудоспособном возрасте и население старше трудоспособного возраста. В основу нашего анализа легли данные о социально-демографических группах населения: детей до 14 лет, молодежи в возрасте 15–35 лет, взрослого населения в возрасте 36–59 лет, пожилых людей в возрасте 60 лет и старше. Показатели рассчитаны на основании данных Справочника статистических показателей Демоскоп Weekly [Демоскоп Weekly].

Прежде всего, обратимся к соотношению городского и сельского населения в регионах. Согласно статистическим данным, в Республике Калмыкия удельный вес сельского населения составляет более половины населения, в Астраханской области — чуть более трети, а в Волгоградской области — менее четверти населения региона (табл. 1).

Таблица 1. Численность населения Астраханской, Волгоградской областей и Республики Калмыкия по состоянию на 1 января 2016 г.

	Астраханская область	Волгоградская область	Республика Калмыкия
<i>Численность населения, человек</i>			
Все население	1 018 626	2 545 937	278 733
городское	677 741	1 951 818	125 974
сельское	340 885	594 119	152 759
<i>Удельный вес городского и сельского населения (в %)</i>			
городского	66,5	76,7	45,2
сельского	33,5	23,3	54,8

Астраханская область. Численность населения Астраханской области на 1 января 2016 г. составила 1 018 626 чел. [Численность постоянного населения 2017], в том числе 340 885 чел. сельского населения и 677 741 чел. городского населения, что составляет 33,5 % и 66,5 % соответственно, т. е. треть населения области проживает в сельской местности.

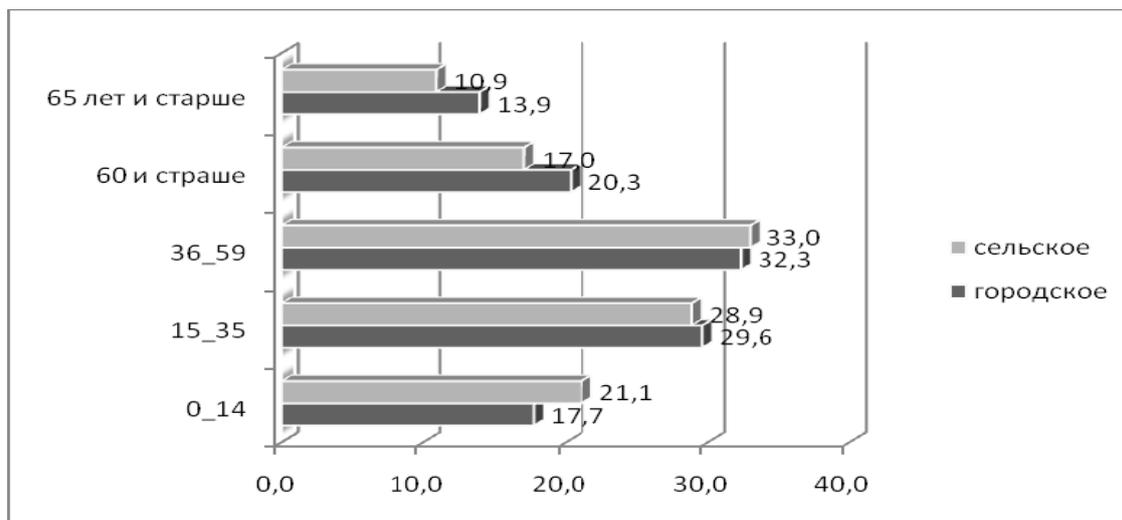
Согласно статистическим данным, численность детей в возрасте до 14 лет составляет 192 196 чел. или 18,9 % от общей численности населения. Численность молодежи в возрасте 15–35 лет равна 298 964 чел. (29,4 %). Численность взрослого населения в возрасте 36–59 лет равна 331 517 чел., удельный вес этой возрастной группы составляет 32,6 %. Пожилых людей в возрасте 60 лет и старше зарегистрировано 195 949 чел., или 19,2 % от общей численности населения. Согласно классификации ООН, население считается старым, если удельный вес населения 65 лет и старше превышает 7 %. Дополним, что в Астраханской области удельный вес этой возрастной группы равен 13 % (131 932 чел.). Согласно этой классификации, население Астраханской области можно назвать старым. При изучении демографических процессов в Астраханской области И. Л. Халтурина и А. Г. Сердюков приходят к выводу, что основными демографическими тенденциями в регионе являются: сокращение численности детского населения и рост удельного веса населения старших возрастов [Халтурина, Сердюков 2011: 165].

Как было сказано выше, сельское население Астраханской области — это треть от общей численности региона. Численность сельского населения составляет 340 885 чел. [Численность постоянного населения 2017] Из них 72 016 чел. — дети в возрасте

до 14 лет или 21,1 % от общей численности сельского населения. Молодежи в возрасте 15–35 лет на селе всего 98 370 чел., что составляет 28,9 %. Взрослого населения в возрасте 36–59 лет зарегистрировано 1 124 202 чел. (33,0 %). И пожилые люди в возрасте 60 лет и старше составляют 58 079 чел., или 17,0 %. Если дополнить возрастную группу населением в возрасте 65 лет и старше, можно отметить, что их удельный вес составляет 10,9 % (37 215 чел.). Таким образом, и сельское население, как и население в целом по Астраханской области, согласно шкале демографического старения ООН, можно считать старым, так как оно превышает порог в 7 %.

Сравнение удельного веса возрастных групп сельского и городского населения позволяет выделить преобладание детей в возрасте до 14 лет в структуре городского населения. Если среди сельского населения удельный вес детей составляет 17,7 % от общей численности сельского населения, то в городской совокупности их доля несколько выше: 21,1 %. Удельный вес молодежи в возрасте 15–35 лет среди сельского населения ниже, чем среди городского (28,9 % и 29,6 % соответственно). Эту ситуацию можно объяснить возрастными особенностями, необходимостью овладения специальностью в учебных заведениях, которые чаще располагаются в городских поселениях. В следующей возрастной группе (36–59 лет) ситуация обратная. Удельный вес этой возрастной группы среди сельского населения немного выше (33,3 % напротив 32,3 %). Удельный вес старшего населения сельской местности ниже по сравнению с городским населением. Если доля пожилых людей в возрасте 60 лет и старше в структуре городского населения составляет 20,3 %, то в структуре сельского населения она равна 17,0 %.

Рис. 1. Удельный вес возрастных групп в структуре городского и сельского населения Астраханской области (в %)

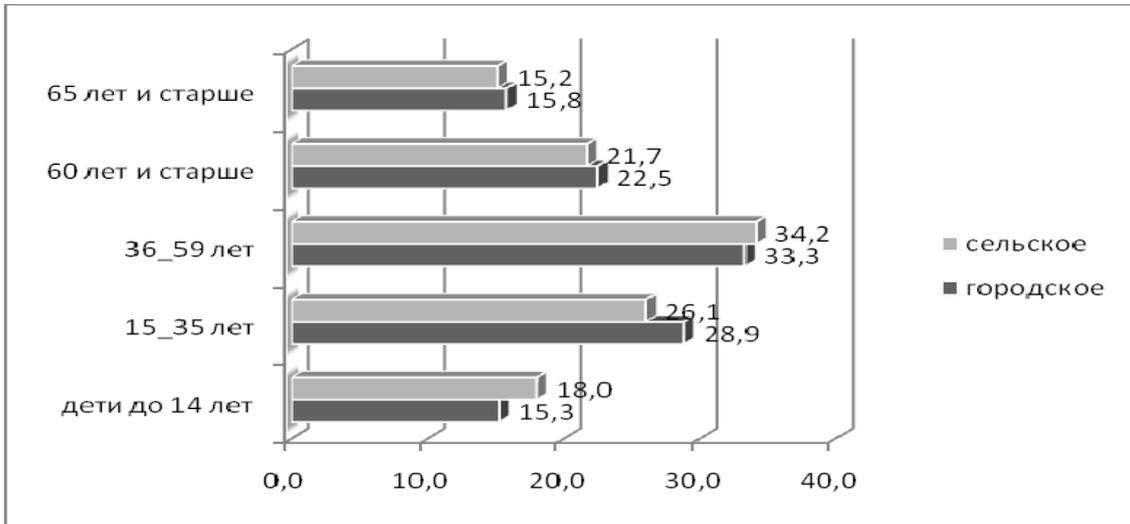
Таким образом, сравнение возрастной структуры сельского и городского населения Астраханской области показывает, что удельный вес детей и взрослого населения в возрасте 36–59 лет в структуре сельского населения выше, чем в структуре городского населения, а удельный вес молодежи и пожилых людей ниже.

Волгоградская область. По состоянию на 1 января 2016 г., численность населения Волгоградской области составляет 2 545 937 чел. [Численность постоянного населения 2017], в том числе 594 119 чел. сельского населения и 1 951 818 чел. городского населения, что составляет 76,7 % и 23,3 % соответственно от общей численности населения. В данном регионе отмечается преобладание городского населения. Из них 1 016 137 чел., или 65,7 %, городского населения проживает в столице — г. Волгограде. Изучению демографической ситуации в муниципальных районах области посвящена работа «Проблемы демографической ситуации в Волгоградской области», где исследователи Волгоградского института бизнеса отмечают постоянное сокращение численности населения, особенно в муниципальных районах Волгоградской области. Среди основных причин данной тенденции названы: отсутствие рабочих мест в районах, высокая дифференциация доходов, невысокий средний уровень заработной платы работников [Чумакова, Бергер, Губарева 2016]. Эти условия делают село малопривлекательным, особенно для молодежи, что, безусловно, сказывается на

демографическом и трудовом потенциале сельских территорий. Так, С. А. Попова пишет: «С учетом имеющейся демографической ситуации и слабого притока молодых кадров в ближайшие 5 лет следует ожидать дефицита рабочих рук» [Попова 2017: 122].

В Волгоградской области менее четверти населения проживает в сельской местности. Анализируя статистические данные региона, можно определить следующую структуру сельского населения: детей до 14 лет зарегистрировано 107 114 чел., что составляет 18,0 % в общей численности сельского населения. Можно обратить внимание, что удельный вес детей в структуре сельского населения выше, чем среди городского (18,0 % и 15,3 % соответственно). Молодежи в возрасте 15–34 лет всего 154 821 чел. или 24,7 % от общей численности сельского населения региона. И ее удельный вес ниже, чем в городских поселениях: 26,1 % напротив 28,9 %. Численность взрослого населения в возрасте 36–59 лет составляет 202 927 чел. (34,2 %). Сравнение удельного веса этой возрастной группы среди городского и сельского населения свидетельствует, что сельские показатели несколько выше городских: 34,2 % и 33,3 % соответственно. Пожилых людей в возрасте 60 лет и старше в структуре сельского населения всего 129 197 чел., что составляет 21,7 % в структуре сельского населения. Сравнение удельного веса пожилых людей в двух группах свидетельствует, что в сельской местности доля пожилых людей ниже, чем в городских поселениях (21,7 %

Рис. 2. Удельный вес возрастных групп в структуре городского и сельского населения Волгоградской области на 1 января 2016 г. (в %)

и 22,5 % соответственно). Показатели по возрастной группе 65 лет и старше имеют близкие значения: 15,2 % и 15,8 %. Соответственно, можно говорить, что сельское население Волгоградской области можно также считать старым.

Таким образом, в возрастной структуре сельского населения удельный вес детей и взрослого населения в возрасте 36–59 лет выше, чем в структуре городского населения, удельный вес молодежи и пожилых людей — ниже.

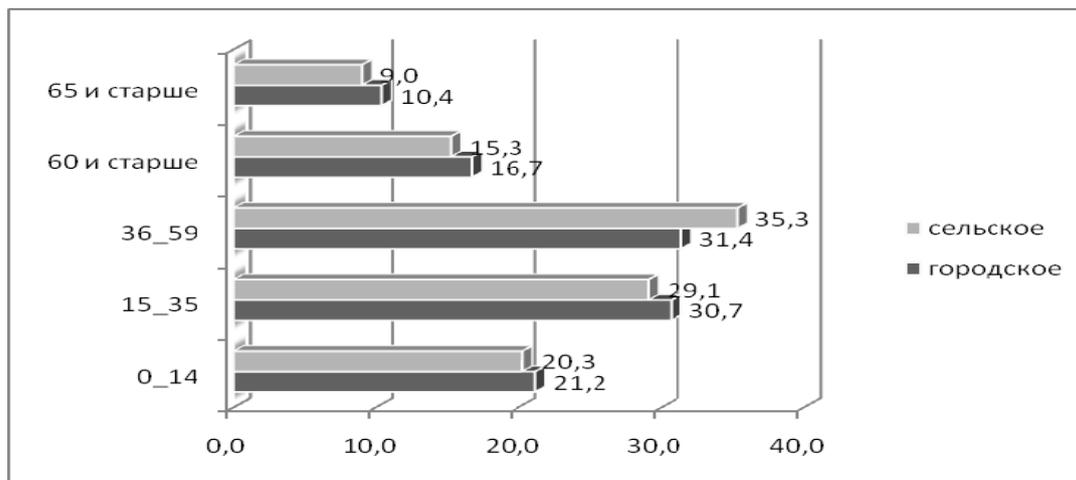
Республика Калмыкия. Численность населения Республики Калмыкия на 1 января 2016 г. составила 278 733 чел. [Численность постоянного населения 2016], в том числе 125 974 чел. проживают в городских поселениях и 152 759 чел. — в сельской местности, что составляет 45,2 % и 54,8 % соответственно. Отметим, что Республика Калмыкия относится к семи субъектам Российской Федерации, где наблюдается преобладание сельского населения.

Рассмотрим возрастную структуру населения региона по выделенным возрастным группам. Согласно статистическим данным, численность детей в возрасте до 14 лет составила 57 667 чел., или 20,7 % в общей численности населения. К молодежи в возрасте 15–35 лет отнесены 83 115 человек, что составляет 29,8 % в структуре населения. Взрослого населения в возрасте 36–59 лет всего 93 544 чел., и удельный вес составляет 33,7 %. Пожилых людей в возрасте 60 лет и старше зарегистрировано 44 407 чел. или 15,9 %. Как отмечают специалисты, одной

из основных изменений в возрастной структуре населения является «рост численности и доли старшей возрастной группы» [Чурюмова 2013: 125].

Проанализируем численность и удельный вес населения, проживающего в сельской местности, по данным на начало 2016 г. Детей в возрасте до 14 лет всего 30 995 чел., что составляет 20,3 % от общей численности сельского населения. Если сравнивать с городским населением, то удельный вес этой возрастной группы в структуре сельского населения ниже городского: 20,3 % напротив 21,2 %. Численность молодежи в возрасте 15–34 лет составляет 44 454 чел. Молодежь представляет собой наиболее активную и мобильную группу населения, и, соответственно, удельный вес этой возрастной группы в структуре городского выше, чем в структуре сельского населения (30,7 % и 29,1 % соответственно). Взрослое население в возрасте 35–60 лет насчитывает 53 968 чел. Удельный вес этой возрастной группы в сельской местности несколько выше, чем в городских поселениях: 35,3 % и 31,4 % соответственно. Пожилые люди в возрасте 60 лет и старше, проживающие в сельской местности, составляют 23 342 чел. Удельный вес этой возрастной группы ниже, чем среди городского населения: 15,3 % в сравнении с 16,7 %. Стоит дополнить, что согласно шкале демографического старения ООН, сельское население республики можно считать старым. Удельный вес населения в возрасте 65 лет и старше составляет 9,0 %. Для сравнения: в городских поселениях их

Рис. 3. Удельный вес возрастных групп в структуре городского и сельского населения Республики Калмыкия (в %)

доля составляет 10,4 %, т. е. ситуация менее благополучная.

Таким образом, возрастная структура сельского населения Республики Калмыкия характеризуется следующими особенностями: удельный вес детей, молодежи и пожилых людей в структуре сельского населения ниже, чем в структуре городского населения, а удельный вес взрослого населения в возрасте 36–59 лет — выше.

Представляет интерес сравнение возрастной структуры сельского населения трех регионов Юга России. На рис. 4 «Удельный вес возрастных групп в структуре сельского населения Астраханской, Волгоградской областей и Республики Калмыкия» отображено соотношение каждой возрастной группы. Прежде всего, обраща-

ет внимание, что самый низкий удельный вес детей в возрасте до 14 лет наблюдается в Волгоградской области. Он составляет 18,0 % в структуре сельского населения этого региона. В Астраханской области этот показатель равен 21,1 %, а в Республике Калмыкия — 20,3 %. Удельный вес молодежи в трех регионах рассчитан на уровне 28,9 %, 26,1 % и 29,1 % в Астраханской, Волгоградской областях и Республике Калмыкия соответственно. Как было сказано выше, в структуре сельского населения доля этой возрастной группы ниже, чем в структуре сельского населения, что объясняется периодом обучения в учебных заведениях и жизненной активностью данной возрастной группы. На рис. 4 видно, что в Волгоградской области этот показатель ниже, чем в

Рис. 4. Удельный вес возрастных групп в структуре сельского населения Астраханской, Волгоградской областей и Республики Калмыкия (в %)

соседних регионах. Напомним, что разница удельного веса молодежи в структуре сельского и городского населения наиболее значительная.

Удельный вес взрослого населения в возрасте 36–59 лет в структуре сельского населения выше, чем в структуре городского населения. И данные варьируются в пределах 33,0 %, 34,2 % и 35,3 %. Более трети сельского населения приходится на эту возрастную группу.

Самый низкий удельный вес пожилого сельского населения наблюдается в Республике Калмыкия (15,3 %), а самый высокий — в Волгоградской области (21,7 %). В Астраханской области доля этой возрастной группы составляет 17,0 %. Таким образом, в возрастной структуре сельского населения Волгоградской области отмечается низкая доля детей и высокая доля пожилого населения. Такое сравнение позволяет выделить Волгоградскую область как регион с наиболее неблагоприятной демографической структурой.

Анализ возрастной структуры сельского населения Астраханской, Волгоградской областей и Республики Калмыкия позволяет сделать вывод об особенностях возрастной структуры сельского населения трех регионов:

- удельный вес детей в возрастной структуре сельского населения Астраханской и Волгоградской областей выше, чем в структуре городского населения, в Республике Калмыкия их доля ниже по сравнению с городской совокупностью;
- удельный вес молодежи в возрасте 15–35 лет в структуре сельского населения ниже, чем в структуре городского населения, во всех трех регионах;
- преобладание доли взрослого населения в возрасте 36–59 лет в структуре сельского населения по сравнению со структурой городского населения в трех рассмотренных регионах;
- удельный вес пожилых людей в структуре сельского населения ниже, чем в структуре городского населения трех регионов.

Рассмотрение данных трех регионов Юга России позволяет сделать вывод о наличии особенностей в возрастной структуре сельского населения. Особое внимание стоит уделить привлечению молодежи в село с целью развития сельских территорий и улучшения демографической ситуации.

Литература

- Алексеев А. И., Сафронов С. Г.* Изменение сельского расселения в России в конце XX – начале XXI века // Вестник Московского ун-та. Сер. 5. География. 2015. № 2. С. 66–76.
- Бадмаева Н. В.* Социально-экономическое положение населения региона в новых социально-экономических условиях (на примере Калмыкии) // Экономика и предпринимательство. 2016. № 11–2. С. 300–303.
- Зубова О. Г.* Формирование кадрового обеспечения аграрного сектора Волгоградской области: проблемы и пути решения // Бизнес. Образование. Право. 2015. № 3. С. 57–62.
- Демоскоп Weekly – Приложение.* Справочник статистических данных [электронный ресурс] // URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_pop_u.php?year=2016®ion=67. (дата обращения: 26.06.2017).
- Мирзоева Ф. М.* Демографические риски южнороссийского села (на примере Кабардино-Балкарской республики) // Глобальный научный потенциал. 2015. № 5. С. 51–53.
- Олейник О. С., Придачук М. П.* Анализ изменения уровня бедности и основных характеристик малоимущего населения на Юге России // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 3. Экономика. 2016. № 1. С. 58–65.
- Попова С. А.* Влияние демографической ситуации на формирование сельского рынка труда Волгоградской области // Лучшая научная статья 2017. VI Международный научно-практический конкурс. Сб. ст. Пенза: Изд-во «Наука и просвещение». 2017. С. 119–122.
- Турун П. П.* Региональные особенности сельского расселения Юга России // Вестник Ставропольского государственного университета. 2010. № 4. С. 107–176.
- Халтурина И. Л., Сердюков А. Г.* Демографические процессы населения в Астраханской области // Астраханский медицинский журнал. 2001. № 2. Т. 6. С. 162–165.
- Численность постоянного населения по возрасту на 1 января. Центральная база статистических данных. Федеральная служба государственной статистики [электронный ресурс] // URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBinet.cgi?pl=2409019> (дата обращения: 26.06.2017).
- Чумакова Е. Н., Бергер Ю. А., Гутарева А. А.* Проблемы демографической ситуации в Волгоградской области (на примере муниципальных районов) // Бизнес. Право. Образование. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2016. № 2. С. 170–173.

- Чурюмова Д. М. Основные тенденции в демографическом процессе населения Республики Калмыкия // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 2. С. 124–129.
- Щитова Н. А., Белисова К. В. Современная геодемографическая ситуация в сельских периферийных районах Юга европейской России // Наука. Инновации. Технологии. 2016. № 2. С. 131–146.
- References**
- Alekseev A. I., Safronov S. G. *Izmenenie sel'skogo rasseleniya v Rossii v kontse XX – nachale XXI veka* [Changes in rural settlement patterns in Russia during the late 20th — early 21st centuries]. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 5. Geografiya* (Moscow State University Bulletin. Ser. 5. Geography). 2015, No. 2, pp. 66–76 (In Russ.).
- Badmaeva N. V. *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie naseleniya regiona v novykh sotsial'no-ekonomicheskikh usloviyakh (na primere Kalmykii)* [Socio-economic status of the region's population in the new socio-economic conditions (Case Study of Kalmykia)]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* (Economy and business). 2016, No. 11–2, pp. 300–303 (In Russ.).
- Zubova O. G. *Formirovanie kadrovogo obespecheniya agrarnogo sektora Volgogradskoy oblasti: problemy i puti resheniya* [The formation of the staffing of the agricultural sector of the Volgograd region: problems and solutions]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* (Business. Education. Right). 2015, No. 3, pp. 57–62 (In Russ.).
- Demoskop Weekly — Prilozhenie. Spravochnik statisticheskikh dannykh.* [Demoskop Weekly — Supplement. Directory of statistical data] Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_pop_y.php?year=2016®ion=67 (accessed: 26 June 2017) (In Russ.).
- Mirzoeva F. M. *Demograficheskie riski yuzhnorossiyskogo sela (na primere Kabardino-Balkarskoy respubliky)* [Demographic risks of the southern Russian villages (case study of Kabardino-Balkaria Republic)]. *Global'nyy nauchnyy potentsial* (Global scientific potential), 2015, No. 5, pp. 51–53 (In Russ.).
- Oleynik O. S., Pridachuk M. P. *Analiz izmeneniya urovnya bednosti i osnovnykh kharakteristik maloimushchego naseleniya na Yuge Rossii* [The analysis of changes in the level of poverty and the main characteristics of the poor in the South of Russia]. *Vestnik Volgogradskogo gos. universiteta. Seriya 3. Ekonomika* (Bulletin of the Volgograd State University. Ser. 3. Economy). 2016, No. 1, pp. 58–65 (In Russ.).
- Popova S. A. *Vliyaniye demograficheskoy situatsii na formirovanie sel'skogo rynka truda Volgogradskoy oblasti* [Influence of the demographic situation on forming rural labor market of the Volgograd region]. *Luchshaya nauchnaya stat'ya 2017. VI Mezhdunarodnyy nauchno-prakticheskiy konkurs. Sbornik statey* (Best scientific paper of 2017. The 6th International research and practice contest. Collected articles). Penza, Nauka i Prosveshchenie Publ., 2017, pp. 119–122 (In Russ.).
- Turun P. P. *Regional'nye osobennosti sel'skogo rasseleniya Yuga Rossii* [The regional peculiarities of rural population at Russian South]. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Stavropol State University), 2010, No. 4, pp. 107–176 (In Russ.).
- Khalturina I. L., Serdyukov A. G. *Demograficheskie protsessy naseleniya v Astrakhanskoy oblasti* [Demographic processes in Astrakhan Oblast]. *Astrakhanskiy meditsinskiy zhurnal* (Astrakhan Medical Journal), 2001, No. 2, vol. 6, pp. 162–165 (In Russ.).
- Chislennost' postoyannogo naseleniya po vozrastu na 1 yanvarya. Tsentral'naya baza statisticheskikh dannykh. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* [The number of permanent residents by age as of 1 January. The central statistical database. Federal State Statistics Service]. Available at: [//www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBinet.cgi?pl=2409019](http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBinet.cgi?pl=2409019) (accessed: 26 June 2017) (In Russ.).
- Chumakova E. N., Berger Yu. A., Gutareva A. A. *Problemy demograficheskoy situatsii v Volgogradskoy oblasti (na primere munitsipal'nykh rayonov)* [Challenges of demographic situation in Volgograd Region (on the example of municipal districts)]. *Biznes. Pravo. Obrazovanie. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa* (Business. Right. Education. Bulletin of the Volgograd Institute of Business). 2016, No. 2, pp. 170–173 (In Russ.).
- Churyumova D. M. *Osnovnyye tendentsii v demograficheskom protsesse naseleniya Respubliki Kalmykiya* [Main trends in the demographical process of population of the Republic of Kalmykia]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). 2013, No 2, pp. 124–129 (In Russ.).

- Shchitova N. A., Belisova K. V. *Sovremennaya geodemograficheskaya situatsiya v sel'skikh periferiynykh rayonakh Yuga evropeyskoy Rossii* [Modern geodemographic situation in peripheral rural areas in the South of European Russia]. *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii* (Science. Innovations. Technologies). 2016, No. 2, pp. 131–146 (In Russ.).
-

УДК 314.9

ОСОБЕННОСТИ ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ ЮГА РОССИИ

Байрта Басанговна Нусхаева¹

¹ кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: nuskhavabbkigiran.com

Аннотация. Исследования специалистов различных областей науки свидетельствуют о негативных тенденциях в селах Юга России, в том числе о сокращении численности населения, старении населения, росте бедности и высокой миграции. В данной работе рассмотрена возрастная структура сельского населения трех регионов Юга России: Астраханской, Волгоградской областей и Республики Калмыкия. Анализ демографических показателей позволил выделить следующие особенности: преобладание взрослого населения в возрасте 36–59 лет по сравнению с городской совокупностью, низкая доля молодежи и пожилых людей в возрастной структуре сельского населения. Сравнение данных по трем регионам Юга России позволило выделить Волгоградскую область как регион с наиболее неблагоприятной демографической ситуацией в сельской местности.

Ключевые слова: население, городское население, сельское население, возрастная структура населения, дети, молодежь, пожилые люди.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 32, Is. 4, pp. 182–193, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-32-4-182-193
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 316.334.55/56

The Republic of Crimea: Tourist Cluster as an Organizational-Economic Management Mechanism for the Formation and Development of Innovative Potential

Alexander P. Gorbunov¹, Lyudmila A. Burnyasheva², Larisa H. Gazgireeva³

¹ Ph. D. in Economics (Doct. of Economic Sc.), Principal, Professor, Department of Creative and Innovative Management and Law, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation). E-mail: gorbunov@pgu.ru

² Ph. D. in Philosophy (Doct. of Philosophical Sc.), Professor, Department of Tourism and Hotel Service, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation). E-mail: luda-3331@yandex.ru

³ Ph. D. in Philosophy (Doct. of Philosophical Sc.), Professor, Department of Tourism and Hotel Service, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation). E-mail: gazgireevalarisa@yandex.ru

Abstract. The article examines features of tourism industry's development in the Republic of Crimea, and determines some aspects of socio-economic importance of tourist activities. It also analyzes advantages of cluster policy as a key instrument in solving tasks that are necessary for the qualitative development of tourism industry in the region, innovative potential and level of economic development of the country as a whole. Due to the necessity of defining a set of measures implemented by the interested economic entities and executive authorities, aimed at the unification of the logistical, financial, technological, and innovation resources of potential participants, there increased interaction between them, thus creating a favorable environment for development. The paper systemizes groups of factors that contribute to the creation of a tourist environment that reflect the nature of influence and the factors that determine the development of the market of tourist services determine the nature of the impact. The consideration of these factors will ensure the effective regulation of tourism clusters' (TC) development on the basis of the focus control actions on anticipation of the negative impact and strengthening positive impact of factors with the aim of creating favorable conditions for their development. In this regard, with the creation of the tourist cluster it is planned to implement a complex of actions for the implementation of organizational measures aimed at the development of the formation concept, determining the composition of the participants, the rationale for the structure and management system, creation of measures to stimulate the development. Identification of the main organizational stages of TC formation allowed us to formulate a structural-logical scheme of organization of eight stages as follows: 1) creation of contact groups, which provides for the organization of the initiative group and giving it its powers to address issues related to the creation of tourism cluster and attracting the interested enterprises and organizations; 2) development of the concept of TC, which is necessary to justify the target orientation of its creation project, to establish deadlines for key actions and necessary resource support; 3) to identify members of a TC involves determination of the quantitative composition taking into account their specialization; 4) formalization of cooperation between the members of TC, which involves the choice of schemes for their interaction, influencing the formation of conditions for cooperation between them, increasing the level of confidence and

adequacy of management decision-making; 5) establishment of TC management system, including the allocation of management levels and creation of management bodies and distribution of competences between them; 6) optimization of tourism management aimed at improving the forms, methods and ways of cooperation with the management bodies, its structural subdivisions and provides for the detection of hidden institutional reserves, can increase the effectiveness of its activities and includes implementing a system to evaluate the quality of cluster management, application process, situational management in structural subdivisions; 7) stimulating activity of the tourist cluster, which includes the development support activities undertaken by regional bodies of Executive power; 8) evaluation of the performance of TC — includes the development of scientific and methodical support of efficiency assessment and synergies arising in various areas of the region.

Keywords: tourist cluster, organizational economic mechanism, management, formation, development.

Анализ базы научных и методических источников приводит к выводу о широком распространении механизмов экономической интеграции в форме кластеров как инструмента регионального экономического развития. В этой связи закономерно акцентировать внимание на мультипликативном содержании деятельности кластерного интеграционного образования. Кластер, объединяя организации и институты, нацеленные на генерирование, реализацию и масштабирование инноваций, не только способствует развитию участников интеграционной структуры, но и обеспечивает положительную динамику экономики региона.

В рамках исследования систематизированы группы факторов, способствующие созданию туристской среды, которые отражают природу влияния и факторы, определяющие развитие рынка туристских услуг, определяющие характер влияния. Учет данных факторов позволит обеспечить эффективное регулирование развития туристских кластеров (далее — ТК) на основе фокусирования управляющих воздействий на упреждение негативного влияния и усиление позитивного воздействия факторов с целью создания благоприятных условий для их развития.

Методологическую основу исследования составили принципы соответствия, непротиворечивости, полноты и детерминизма. Существенное значение имел диалектический подход, основанный на принципах системности, взаимосвязи, преемственности, развития, всесторонности и конкретности.

Эмпирическую базу исследования составили данные государственной статистики.

В настоящее время для туристской сферы Крыма характерны нерациональное

территориальное размещение объектов туристской индустрии, низкий уровень предлагаемых туристских услуг, что приводит к снижению его привлекательности как курортно-рекреационного региона. Создание и развитие туристских кластеров в Крыму, направленное на развитие межотраслевых связей и способствующее оптимизации видовой специализации туристской деятельности, приведет к увеличению доли туристской сферы в валовом региональном продукте, повышению уровня жизни населения, созданию новых рабочих мест.

Разработка организационного обеспечения формирования туристских кластеров обусловлена необходимостью определения совокупности мероприятий, реализуемых заинтересованными субъектами хозяйствования и органами исполнительной власти, которые направлены на объединение материально-технических, финансовых, технологических, инновационных ресурсов потенциальных участников, активизацию взаимодействия между ними, создание благоприятной среды для развития [Бирмамитова и др. 2016: 81]. В этой связи создание туристских кластеров предполагает осуществление комплекса действий по реализации организационных мероприятий, направленных на разработку концепции формирования, определение состава участников, обоснование структуры и системы управления, разработку мероприятий, стимулирующих развитие. Определение основных организационных этапов формирования ТК позволило сформулировать структурно-логическую схему организации, в которой следует выделить восемь этапов.

Первый этап — рефакция контактных групп, которая предусматривает организацию инициативной группы и наделение ее полномочиями решения вопросов, связан-

ных с созданием туристского кластера и привлечением заинтересованных предприятий и организаций. В ее состав следует включить представителей государственных учреждений, органов исполнительной власти, которые могут оказать прямое воздействие на процесс формирования, а также предприятия туристской сферы, которые являются его потенциальными участниками.

Деятельность инициативной группы предполагает оптимизацию количественного состава контактных групп, выявление их компетентности, обоснование форм взаимодействия. Следует отметить, что количественный состав этих групп определяется в зависимости от сложности решаемых задач, способности оперативно принимать решения относительно выбора организационно-правовой формы туристского кластера, обоснования его организационной структуры и материально-технической обеспеченности, определения потребности в специалистах соответствующих профилей и формирования принципов кадровой работы. Также к их компетенции целесообразно отнести оценку возможных рисков, связанных с выявлением потенциальных угроз, проблем и трудностей в организации кластера. Для их преодоления контактной группой должен быть разработан комплекс предупредительных мероприятий, направленных на их нейтрализацию, и сценариев поведения участников туристского кластера в случае наступления неблагоприятной ситуации [Горбунов и др. 2016: 67].

Второй этап — разработка концепции формирования ТК, в которой необходимо обосновать целевую ориентацию проекта его создания, определить сроки реализации основных мероприятий и необходимое ресурсное обеспечение.

Целевая ориентация проекта ТК предусматривает определение стратегических направлений развития и задач, решение которых позволит достичь целевой установки. Поэтому стратегическими целями его создания являются повышение уровня конкурентоспособности туристской сферы, улучшение качества компонент окружающей среды, увеличение занятости и рост заработной платы работающих в этой сфере. Достижение первой цели предусматривает возможность решения комплекса задач, к которым относится развитие туристской инфраструктуры, обеспечивающей материаль-

но-техническую базу туристского кластера, и модернизация уже имеющейся, включая специализированное медицинское оборудование, внедрение современных методик лечения, диагностики и профилактики заболеваний, внедрение обязательной сертификации предлагаемых туристских услуг, предоставляемых предприятиями кластера, расширение активного периода курортного сезона за счет продвижения весеннего и осеннего оздоровления, диверсификация туристского продукта, ориентированного на различные сегменты рынка, приведение качества обслуживания в соответствие с международными стандартами [Дикинов и др. 2016: 37].

Достижение второй цели предусматривает необходимость решения задач, направленных на внедрение упреждающих мероприятий экономико-экологического характера, которые обеспечивают реализацию механизма превентивной защиты окружающей среды, снижение деструктивного влияния предприятий ТК на нее и обеспечение экологической безопасности региона.

Достижение третьей цели предусматривает необходимость решения комплекса задач, направленных на обеспечение роста потока рекреантов за счет предоставления услуг более высокого качества, внедрение современной системы подготовки, повышения квалификации сотрудников предприятий ТК, расширение перечня предоставляемых сопутствующих услуг, включая услуги экскурсионных агентств, розничной торговли, ресторанного бизнеса, сферы досуга, что обеспечит создание новых рабочих мест.

Планирование ресурсного обеспечения кластера осуществляется в рамках реализации мероприятий федеральных и региональных программ с учетом предложений отраслевых министерств, ведомств, городских администраций и параметров технико-экономического обоснования проекта ТК и включает финансовые ресурсы, которые выделены из средств федерального бюджета, бюджета Республики Крым или муниципальных бюджетов, внебюджетных источников (финансирование за счет средств участников ТК, частных инвестиций, средств финансовых организаций и институтов развития) [Дикинов и др. 2015: 82].

Третий этап — идентификация участников ТК — предполагает определение количественного состава с учетом их специализации. Это позволит разработать структуру

кластера, в которой будут выделены предприятия, формирующие ядро и организации, образующие его «жесткую» и «мягкую» инфраструктуру.

Обоснование ядра предусматривает выявление туристских предприятий и организаций, имеющих наиболее сильные конкурентные позиции и занимающих доминирующее положение на туристском рынке. Идентификация участников, образующих «жесткую» и «мягкую» инфраструктуру, позволит определить конкретные организации и учреждения, которые будут обеспечивать предприятия ядра необходимыми материально-техническими ресурсами, квалифицированными кадрами, предоставлять информационные услуги, осуществлять взаимодействие с органами исполнительной власти в решении вопросов экономико-правового характера. Задачей данных организаций является предоставление услуг в соответствии со своей специализацией, что обеспечит их вклад в создание конкурентоспособного туристского продукта [Эклунд 2008: 95].

Необходимость придания правового статуса взаимодействию участников туристского кластера определяет целесообразность его юридического оформления. При этом присутствует объективная возможность его создания без образования юридического лица. В данном случае договоренности предприятий-участников о сотрудничестве необходимо зафиксировать в Соглашении о создании ТК, которое определяет цели и задачи его формирования, основных участников, порядок приема и выхода, организационную структуру [Смирнова 2010: 118].

Четвертый этап — формализация сотрудничества участников ТК, что предполагает выбор схем их взаимодействия, оказывающих влияние на формирование условий сотрудничества между ними, повышение уровня доверия и адекватности принятия управленческих решений.

На начальном этапе деятельности ТК проявляется доминантность отдельных предприятий ядра, которые являются неформальными лидерами.

Однако ввиду отсутствия опыта взаимодействия между участниками кластера возможно возникновение трудностей в принятии управленческих решений, а также конфликтов в распределении сфер влияния. В этой связи наиболее приемлемой схемой

сотрудничества является выделение центра-доминанта, наделенного широкими полномочиями по обеспечению нормального режима его деятельности, контроля за выполнением принятых обязательств. Это означает, что центр решает вопросы, связанные с общеэкономической ситуацией кластера, а делегирование полномочий участникам осуществляется в пределах их специализации.

Пятый этап — разработка системы управления деятельностью ТК, включая выделение уровней управления, создание необходимых органов управления и распределение компетенций между ними.

Под системой управления деятельностью ТК понимается совокупность специализированных органов управления, созданных с целью организации, регулирования его деятельности, обеспечения координации взаимодействия участников. Здесь процесс управления деятельностью ТК следует осуществлять с учетом разграничения функций стратегического и оперативного управления. В этой связи предполагается, что стратегическое управление осуществляет Общее собрание участников и Совет туристского кластера, возглавляемый Председателем, оперативное управление осуществляет специализированная организация развития, являющаяся коллегиальным исполнительным органом ТК, и организация-координатор, функции которой должна выполнять привлеченная коммерческая (некоммерческая) организация. Учитывая, что основной целью деятельности организации-координатора является создание условий для взаимодействия предприятий ТК с учреждениями образования и науки, инвесторами, органами государственной власти и местного самоуправления, в качестве ее ключевых компетенций следует выделять координацию деятельности участников, консультационное и экспертно-аналитическое сопровождение деятельности, мониторинг реализации программы развития ТК. В структуре специализированной организации развития целесообразно выделить постоянно действующих рабочих групп по методическому, организационному, информационно-коммуникационному развитию туристского кластера, деятельность которых направлена на разработку проектов и программы его развития, оказание консультационных услуг участникам, проведение тематических совещаний по развитию ТК,

поддержание в актуальном виде информационной системы туристского кластера.

Шестой этап — оптимизация менеджмента туристского кластера — направлен на совершенствование форм, методов и способов взаимодействия органов управления, его структурных подразделений и предусматривает выявление скрытых институциональных резервов, способных повысить эффективность его деятельности, и включает в себя внедрение системы оценки качества управления кластером, применение процессного, ситуационного управления в структурных подразделениях.

Система оценки качества управления деятельностью ТК включает в себя критерии, позволяющие оценить профессиональные компетенции менеджеров (количество собственных обучающих программ и наличие бюджета для их реализации, количество сотрудников, которые прошли повышение квалификации по программам профессионального образования в области управления), эффективность процесса управления (количество проектов, реализуемых в текущий период, предложений по реализации проектов), эффективность управления финансовыми ресурсами специализированной организации развития (объем привлеченных бюджетных и внебюджетных средств в кластерные проекты в расчете на объем расходов бюджетных средств, которые направлены на обеспечение деятельности специализированной организации, прирост доли частного финансирования в специализированной организации).

Внедрение системы оценки качества управления деятельностью ТК позволит усилить взаимодействие органов управления, повысить эффективность их деятельности, осуществлять контроль выполнения возложенных на них задач и оптимизировать существующую систему управления в процессе его функционирования.

Процессное управление рассматривается с позиции осуществления непрерывных взаимосвязанных бизнес-процессов по стратегическому планированию, организации, учету, контролю и регулированию контактов между структурными подразделениями туристского кластера. Его отличительной особенностью является сконцентрированность на положительном результате деятельности и способах его достижения, в качестве которых можно выделить применение системы рейтинговой оценки со-

трудников, отражающей их личный вклад в функционирование структурного подразделения кластера.

Ситуационное управление целесообразно рассматривать с позиции возможного применения различных методов управления ТК, выбор которых определяется конкретной ситуацией. Для этого необходимо оценить ситуацию по критериям, которые отражают качественные изменения в деятельности кластера в целом и структурных подразделениях в частности: содержание деятельности (финансовое, экономическое, хозяйственное, экологическое, социальное, инновационное, инвестиционное), вид управленческого решения (стратегическое, тактическое, оперативное, структурное, координационное), подходы принятия управленческих решений (производственный, динамический, маркетинговый, интегральный, ресурсный, нормативный, воспроизводственный).

Седьмой этап — стимулирование деятельности туристского кластера, которое предусматривает разработку мероприятий поддержки, реализуемых региональными органами исполнительной власти с целью формирования условий для его развития, включая привлечение целевых инвестиций в развитие объектов туристской инфраструктуры, инновационной деятельности кластера, реализацию мер налогового регулирования для его участников.

Восьмой этап — оценка результативности деятельности ТК — включает разработку научно-методического обеспечения оценки эффективности его функционирования и синергетического эффекта, возникающего в различных сферах региона.

Туристский кластер характеризуется территориальным размещением предприятий участников, выполняющих определенные виды деятельности согласно специализации, взаимодействие которых направлено на создание конкурентоспособного туристского продукта. При этом их размещение соответствует условиям географической локализации, предусматривающей компактное расположение предприятий туристского кластера в пределах определенной территории, что позволяет установить тесные экономические связи между участниками, способствует повышению мультипликативного эффекта. Здесь компактность автор рассматривает как сосредоточение на некоторой территории предприятий туристской

сферы и сопутствующих отраслей экономики, сотрудничество которых активизирует экономическую деятельность.

Достижение этого возможно в случае формирования ТК на основе принципа функционально-территориального зонирования, что позволяет: выявить приоритетные виды экономической деятельности в пределах некоторой территории, оценить возможность диверсификации экономической деятельности и установить ее доминирующий вид, определить уровень хозяйственного освоения территории. Тогда для обоснования функциональных направлений развития туристских кластеров необходимо использовать определяющие понятия, которыми, с нашей точки зрения, являются: территориальная экономическая зона, территориальная зона туристской сферы, функциональное направление.

Территориальная экономическая зона — это часть территории региона, предназначенная для размещения, использования объектов транспорта (автомобильного, железнодорожного, воздушного, морского, трубопроводного), инженерной инфраструктуры, непромышленного сектора экономики, включающего в себя объекты лечения, оздоровления, размещения рекреантов, культурно-исторического наследия, сферы обслуживания и развлечения с целью обеспечения социально-экономического развития региона [Пашенцева 2014: 73]. Под территориальной зоной туристской сферы нами понимается часть территории региона, предназначенной для размещения и использования объектов лечебно-оздоровительной, туристской инфраструктуры.

Функциональное направление следует рассматривать как вид экономической деятельности участника туристского кластера.

Значимым фактором формирования туристских кластеров Крыма является доступность к морскому побережью, что предопределяет возможность развития видového разнообразия туристской деятельности, а отдаленность от него оказывает влияние на специализацию и интенсивность осуществления экономической деятельности. Это позволяет выделить территориальные зоны, характеризующиеся спецификой экономической деятельности, обусловленные использованием объектов инфраструктуры туристской сферы и сопутствующих отраслей.

Территориальная экономическая зона, непосредственно связанная с туристской сферой, включает развитие лечебной деятельности (объекты санаторно-курортного комплекса, в том числе санатории с лечением, пансионаты с лечением, санатории-профилактории, бальнеологические и диагностические центры, дома отдыха с лечением), оздоровительной деятельности (пансионаты, гостиницы, кемпинги, базы отдыха, мотели, лагеря оздоровления), культурно-исторического наследия (памятники истории, природные заповедники и заказники, ландшафтные и дворцовые ансамбли, панорамы), культуры и искусства (театры, кинотеатры, художественные и краеведческие музеи, выставочные залы, картинные галереи, филармонии, цирки, зоосады, зоопарки, парки культуры и отдыха), общественного питания (рестораны, кафе, бистро, кафетерии, закусочные, столовые, бары), туризма и спорта (бассейны, корты, тренажерные и спортивные залы, спортивные площадки, объекты пешеходного, водного, велосипедного, горного туризма), сферы развлечений (аквапарки, дайвинг-центры, центры виндсерфинга, парки аттракционов, игровые комнаты), деятельности туристских агентств (конторы, фирмы, индивидуальные предприниматели). Данная территориальная зона предназначена для создания, распространения и потребления туристской услуги, которая отличается комплексностью, что характеризуется предоставлением лечебно-оздоровительных услуг, услуг досуга и развлечений.

Здесь рекреант получает возможность восстановить физические силы, восполнить духовные ценности, что способствует улучшению его восприятия Крыма как курортно-рекреационного региона.

Территориальная экономическая зона, отдаленно связанная с туристской сферой, характеризуется развитием объектов инфраструктуры транспорта (аэропорты, порты, железные, автомобильные дороги, троллейбусные междугородные линии Симферополь–Алушта–Ялта), связи, обеспечивающей мобильную и междугороднюю телефонную связь, объектов трубопроводной инфраструктуры, обеспечивающих поставки воды, объектов энергетической коммуникации, которые осуществляют подачу электроэнергии, тепла, горячей воды, объектов инженерной коммуникации, обеспечивающих водоотведение, объединение

транспортных маршрутов с использованием мостовых переходов, акведуков, дюкеров. Назначение этой территориальной зоны заключается в создании благоприятных условий доставки рекреантов к месту отдыха и обеспечении комфортных условий проживания в средствах размещения. При этом объекты инфраструктуры указанных отраслей составляют экономический потенциал, обеспечивая функционирование его хозяйственного механизма.

Для территориальной экономической зоны, косвенно связанной с туристской сферой, характерно развитие деятельности финансово-кредитных учреждений, осуществляющих расчетно-кассовое, кредитно-депозитное обслуживание; страховых компаний, которые осуществляют страхование экономической деятельности предприятий ТК от рисков составляющей; юридических компаний, которые обеспечивают правовую защиту участников ТК; природоохранных инспекций, которые способствуют сохранению баланса экологической емкости и антропогенной нагрузки на компоненты окружающей среды в пределах территории размещения предприятий ТК; предприятий торговли, осуществляющих розничные торговые операции с рекреантами; научно-исследовательских и образовательных учреждений, осуществляющих подготовку специалистов, повышающих уровень человеческого капитала. Эта территориальная зона предназначена для выполнения функций обслуживания, создания условий для взаимодействия сопутствующих отраслей с туристской сферой. Необходимо отметить, что позитивным результатом их взаимодействия является увеличение оборота предприятий сопутствующих отраслей, работающих в туристской сфере [Сомко 2010: 118].

Применяя данную методологию и учитывая, что развитие туристской сферы предусматривает охват значительных территорий для размещения и использования объектов инфраструктуры, с целью повышения эффективности взаимодействия ее природного, экономического, инфраструктурного капитала определены функциональные направления, рассматриваемые в качестве потенциальных для формирования и развития туристских кластеров Республики Крым: лечебная и оздоровительная деятельность (включая освоение месторождений целебных грязей и рапы лиманов), деятельность

сферы культурно-исторического наследия, общественного питания, туризма и спорта, культуры и искусства, развлечений, науки и образования, автотранспорт, торговля.

Функциональные направления туристских кластеров отвечают направлениям деятельности профильных министерств Республики Крым: курортов и туризма, культуры, экономического развития, здравоохранения, юстиции, финансов, транспорта, экологии и природных ресурсов, осуществляющих контроль и регулирование их деятельности согласно функциональным обязанностям.

Согласно ФЦП «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополь до 2020 г.» в Крыму планируется создать шесть туристских кластеров, каждый из которых отличается свойственной ему специализацией, ядром выступают предприятия, оказывающие туристские услуги, являющиеся для района размещения кластера приоритетными в соответствии с природно-ресурсной базой.

В юго-западном районе возможно создать два лечебно-оздоровительных кластера — семейного отдыха в г. Евпатория и бальнеологии в г. Саки. Сегодня лечебно-оздоровительная база гг. Евпатория, Саки обеспечена современным оборудованием и медицинским персоналом, а имеющиеся источники лечебных грязей способствуют лечению специфических заболеваний (ДЦП, болезни Бехтерева, ожогов, урологических, гинекологических заболеваний).

В юго-восточном районе возможно создание кластера дельтапланеризма на основе действующего центра планерного спорта в п. Планерское с условием развития объектов инфраструктуры.

В восточном районе планируется создать лечебно-оздоровительный кластер, использующий в своей деятельности целебные грязи Чокракского источника, что требует создания многофункционального бальнеологического центра.

Западный район Крыма отличается малой освоенностью территорий рекреации, что должно быть учтено при создании кластера, рассчитанного на привлечение автотуристов, предпочитающих активный отдых и средний уровень комфорта средств размещения.

Центральный район Крыма отличается благоприятным географическим положением, что выражается в наличии выхода к морскому побережью, наличии транспортной

развязки, разнообразия природно-климатических зон, в том числе предгорных с покатыми склонами, что способствует созданию горнолыжного кластера в Бахчисарайском районе.

Следует учитывать, что южнобережный район является признанным лидером курортно-рекреационной деятельности в Крыму и характеризуется многолетним опытом ее ведения. Поэтому автор считает целесообразным создание лечебно-оздоровительного кластера в данном районе, что подтверждают высокие значения обобщенного интегрального показателя потенциала кластеризации данного района.

Однако практически все районы Крыма характеризуются наличием развитой сети санаторно-курортных учреждений, туристских фирм, деятельность которых способствует развитию различных видов туризма, что целесообразно учесть в процессе формирования и особенно развития туристских кластеров. В этой связи наше предложение состоит в проведении идентификации видового разнообразия туризма и санаторно-курортного лечения в районах Крыма, где предусмотрено создание туристских кластеров согласно вышеуказанной федеральной целевой программе. Это позволит провести диверсификацию деятельности в туристской сфере, увеличить и перераспределить потоки рекреантов между районами Крыма в зависимости от потребительских предпочтений, обеспечить объективное соотношение «цена–качество» туристской услуги, снизить уровень депрессивности районов Крымского полуострова.

Реализация государством мероприятий по развитию кластерных инициатив осуществляется в рамках кластерной политики, которая является частью государственной социально-экономической политики, заложенной в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г. [Распоряжение Правительства РФ «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г.».]. Ее задачей является разработка и реализация комплекса мер государственной поддержки, которые направлены на создание условий, повышающих конкурентоспособность предприятий, входящих в кластер, обеспечение их эффективного взаимодействия и развитие институтов, стимулирующих формирование кластеров. Реализация кла-

стерной политики предусматривает применение методов государственной поддержки, включая экономические, организационные, правовые, на федеральном и региональном уровнях, учитывая особенности разграничения полномочий органов исполнительной власти.

Экономические методы государственной поддержки предусматривают применение инструментов, которые позволяют обеспечить создание условий и преференций для развития туристских кластеров. На федеральном уровне таковым является финансирование мероприятий по созданию объектов инфраструктуры ТК согласно ФЦП «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 г.», на реализацию которых из средств федерального бюджета в 2015–2020 гг. планируется выделить 33,9 млрд руб. Методом прямой государственной поддержки развития туристского кластера является предоставление субсидий в рамках реализации государственной программы поддержки развития малого и среднего бизнеса, на что в 2015 г. из федерального бюджета выделено 170 млн. руб.

Экономическим методом косвенной государственной поддержки развития туристских кластеров является создание свободной экономической зоны (СЭЗ) в Крыму, для резидентов которой предусмотрены налоговые преференции: пониженные тарифы страховых взносов, режим свободной таможенной зоны, нулевая ставка налога на прибыль, уплачиваемая в федеральный бюджет в первые десять лет функционирования предприятий-участников СЭЗ.

На региональном уровне в качестве экономического метода прямой государственной поддержки следует предложить выделение субсидий из средств бюджета Республики Крым, косвенной — установление стимулирующих регуляторных режимов, включая налоговые льготы, инвестиционные гранты, «налоговые каникулы», снижение тарифов на энерго-, водо- и газоснабжение для предприятий туристских кластеров.

Организационные методы государственной поддержки рассматриваются с позиции управляющих воздействий, реализация которых стимулирует развитие ТК. На федеральном уровне таковыми предлагаем считать: привлечение федеральных институтов развития к реализации кластерных инициатив в туристской сфере Крыма,

подготовку методических рекомендаций по формированию и развитию кластеров. Институты развития, финансовые и нефинансовые, функционируют на принципах государственно-частного партнерства, выступают в качестве катализатора частных инвестиций в приоритетных отраслях экономики и создают условия для формирования инфраструктуры, обеспечивающей доступ предприятиям к необходимым ресурсам. К финансовым институтам развития относятся: инвестиционные и венчурные фонды, финансовые корпорации, банки развития, обеспечивающие долгосрочное финансирование инвестиционных проектов. На федеральном уровне основными финансовыми институтами развития выступают Инвестиционный фонд РФ, ГК «Банк развития внешнеэкономической деятельности» (Внешэкономбанк), ОАО «Российская венчурная компания», Агентство кредитных гарантий, Федеральная корпорация по развитию малого и среднего бизнеса. Деятельность нефинансовых институтов (центр трансферта технологий, промышленные парки) обусловлена необходимостью активизации развития инноваций в экономике, создания инфраструктуры для поддержки развития малого и среднего бизнеса. Методические рекомендации используются для оказания методической, аналитической, консультационной поддержки при создании и развитии туристских кластеров.

На уровне региона реализация организационных методов государственной поддержки развития туристских кластеров включает: привлечение региональных институтов развития, создание центра кластерного развития, проведение конференций, семинаров и форумов. Региональные финансовые институты представлены фондами поддержки развития предпринимательства, фондом микрофинансирования, инвестиционными, венчурными компаниями. При этом основными финансовыми институтами развития в Республике Крым являются: фонд микрофинансирования малого предпринимательства, государственный и гарантийный фонды поддержки предпринимательства. Фонды поддержки бизнеса могут быть созданы за счет субвенций федерального бюджета с целью расширения объемов кредитования малого и среднего бизнеса, а методами поддержки, предоставляемыми в данных организациях, могут выступать осуществление льготного микро-

кредитования, предоставление гарантий и поручительств. Нефинансовые институты развития включают технопарки, бизнес-инкубаторы, промышленные парки, свободные экономические зоны, центры трансферта технологий. Их задачей является создание условий для развития малого и среднего бизнеса, инновационной инфраструктуры, предоставление информационных, консультационных и посреднических услуг.

Центр кластерного развития Республики Крым (ЦКР РК) обеспечивает привлечение частных инвестиций, методическое, маркетинговое сопровождение кластерных проектов, активизацию предпринимательских инициатив, оказывает содействие в сопровождении инвестиционных проектов. Методами поддержки этой организации могут быть: оказание консультаций по привлечению инвестиций в реализацию кластерных проектов, содействие участникам туристских кластеров во взаимодействии с муниципальными органами власти. Следует отметить, что ЦКР РК является организацией-координатором, которая взаимодействует с федеральными и региональными органами исполнительной власти, органами местного самоуправления, учреждениями образования и науки, институтами развития с целью реализации интересов участников туристских кластеров.

Правовое обеспечение мероприятий поддержки государством развития ТК предусматривает разработку новой и совершенствование существующей нормативно-правовой базы в сфере реализации кластерной политики. На федеральном уровне основными нормативно-правовыми актами в сфере кластерного развития являются Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., Концепция кластерной политики в Российской Федерации, Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации, Концепция государственной поддержки территориальных кластеров на период до 2018 г. Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации», ФЦП «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополь до 2020 г.».

В настоящее время на федеральном уровне разработаны и утверждены нормативно-правовые акты в объеме, который обеспечивает реализацию кластерной по-

литики, а на уровне Республики Крым как субъекта РФ существует определенная проблема в наполнении базы нормативно-правовых документов, регулирующих ее реализацию. Поэтому автор считает необходимым для Республики Крым разработку следующих нормативно-правовых документов: Концепция кластерной политики Республики Крым, Положение о создании центра кластерного развития Республики Крым. Концепция кластерной политики Республики Крым должна быть разработана с учетом положений Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., Стратегии социально-экономического развития Республики Крым, Концепции кластерной политики Российской Федерации. Концепция должна предусматривать регулирование развития с позиции повышения конкурентоспособности экономики Крыма, где формирование туристских кластеров является приоритетным направлением развития экономики крымского полуострова.

Решение о создании центра кластерного развития принимает Совет министров Республики Крым и выносит соответствующее постановление, принятие которого предусматривает необходимость разработки Положения о создании Центра кластерного развития Республики Крым. В нем целесообразно обосновать цели, задачи и функции создаваемого центра, представить его организационно-правовую структуру, закрепить полномочия и ответственность сотрудников. При этом особое внимание следует уделить закреплению за ним направлений исследования с определением потенциала кластеризации, выявлением условий, которые способствуют развитию межотраслевой кооперации, а также обоснованием прогнозных моделей и сценариев развития кластерных структур и их влияния на разные сферы экономики региона.

Таким образом, реализация экономических методов позволит создать условия для активизации процессов развития туристских кластеров Крыма, что состоит в финансовом обеспечении объектов сопутствующей инфраструктуры, поддержке развития малого и среднего предпринимательства, повышении предпринимательской активности, организационных — обеспечит формирование и развитие туристских кластеров посредством механизма государственно-частного партнерства, право-

вых — позволит разработать необходимую нормативно-правовую базу для реализации кластерной политики и обеспечит правовое регулирование деятельности участников туристских кластеров.

Литература

- Бирмамитова А. А., Дикинов А. Х., Касаева Т. В.* Производственный потенциал региональной экономики: инфраструктурная составляющая экономического развития территорий // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2016. № 1 (69). С. 81–87.
- Горбунов А. П., Бурняшева Л. А., Газзиреева Л. Х.* Формирование туристско-рекреационных кластеров как инструмент развития внутреннего туризма в России // Закономерности и тенденции инновационного развития общества: сб. ст. Междунар. науч.-практич. конф. (г. Екатеринбург, 18 сентября 2016 г.). Уфа: МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2016. С. 67–69.
- Дикинов А. Х., Анасов В. В., Исмаилов М. Ю., Касаева Т. В.* Моделирование процессов устойчивого развития территорий // Приоритеты и механизмы обеспечения экономического роста, финансовой стабильности и социальной сбалансированности в России. М.: Научно-исследовательский институт истории, экономики и права, 2016. С. 36–40.
- Дикинов А. Х., Касаева Т. В., Цалоева М. К.* Математические модели прогнозирования сложных социально-экономических систем и процессов: особенности практического применения // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 5 (67). С. 80–87.
- Пашенцева А. А.* Детерминанты развития кластерных инициатив в туристической сфере региона // Культура народов Причерноморья. 2014. № 272. С. 72–75.
- Распоряжение Правительства Российской Федерации «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.» от 17.11.2008 г. № 1662-р // Справочная правовая система «Консультант плюс».
- Смирнова Е. А.* Кластерный подход к оценке региональной инновационной системы // Экономика и управление. 2010. № 6. С. 117–124.
- Сомко М. Л.* Региональный потенциал кластеризации: способы выявления и методика оценки // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2013. № 1. С. 11–13.
- Статистический сборник Республики Крым. Симферополь: Федеральная служба государственной статистики Республики Крым, 2015. 129 с.

Эклунд Д. Пути кластеризации туристской деятельности / пер. с англ. Е. Р. Авдоньева. СПб: Научный мир. 2008. 238 с.

References

- Birmamitova A. A., Dikinov A. Kh., Kasaeva T. V. *Proizvodstvennyy potentsial regional'noy ekonomiki: infrastruktural'naya sostavlyayushchaya ekonomicheskogo razvitiya territoriy* [The production potential of the regional economy: the infrastructure component of the economic development of the territories]. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN* (The News of KBSC of RAS), 2016, No. 1, pp. 81–87 (In Russ.).
- Gorbunov A. P., Burnyasheva L. A., Gazgireeva L. Kh. *Formirovanie turistsko-rekreatsionnykh klasterov kak instrument razvitiya vnutrennego turizma v Rossii* [Formation of tourist-recreational clusters as an instrument of development of domestic tourism in Russia]. *Zakonomernosti i tendentsii innovatsionnogo razvitiya obshchestva: sb. st. Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Ekaterinburg, 18 sentyabrya 2016g.)* [Proceedings of the International Scientific Conference — Patterns and Trends of Innovation Development of the Society (Yekaterinburg, 18 September 2016)]. Ufa, OMEGA SCIENCE Publ., 2016, pp. 67–69 (In Russ.).
- Dikinov A. Kh., Anasov V. V., Ismailov M. Yu., Kasaeva T. V. *Modelirovanie protsessov ustoychivogo razvitiya territoriy* [Modeling of processes of sustainable development of territories]. *Prioritety i mekhanizmy obespecheniya ekonomicheskogo rosta, finansovoy stabil'nosti i sotsial'noy sbalansirovannosti v Rossii* [Priorities and mechanisms for ensuring economic growth, financial stability and social balance in Russia]. Moscow, Research Institute of History, Economics and Law Press, 2016, pp. 36–40 (In Russ.).
- Dikinov A. Kh., Kasaeva T. V., Tsaloeva M. K. *Matematicheskie modeli prognozirovaniya slozhnykh sotsial'no-ekonomicheskikh sistem i protsessov: osobennosti prakticheskogo primeneniya* [Mathematical models of forecasting complex socio-economic systems and processes: features of practical application]. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN* (The News of KBSC of RAS), 2015, No. 5, pp. 80–87 (In Russ.).
- Pashentseva A. A. *Determinanty razvitiya klasternykh initsiativ v turistskoy sfere regiona* [Determinants of the development of cluster initiatives in the tourist sphere of the region]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* (Culture of the Peoples of the Black Sea), 2014, No. 272, pp. 72–75 (In Russ.).
- Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii «O Kontseptsii dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 g.» ot 17.11.2008 g. № 1662-r* [Decree of the Government of the Russian Federation 'On the Concept of Long-Term Social and Economic Development of the Russian Federation for the Period up to 2020' of 17 November 2008] *Spravochnaya pravovaya sistema «Konsul'tant plus»* (Reference legal system 'Consultant Plus') (In Russ.).
- Smirnova E. A. *Klasternyy podkhod k otsenke regional'noy innovatsionnoy sistemy* [Cluster approach to the evaluation of the regional innovation system] *Ekonomika i upravlenie* (Economics and Management), 2010, No. 6, pp. 117–124 (In Russ.).
- Somko M. L. *Regional'nyy potentsial klasterizatsii: sposoby vyavleniya i metodika otsenki* [Regional clustering potential: detection methods and assessment methodology]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava* (Journal of Altai Academy of Economics and Law), 2013, No. 1, pp. 11–13 (In Russ.).
- Statisticheskii sbornik Respubliki Krym. Simferopol'* [Statistical Compendium: Republic of Crimea. Simferopol]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki Respubliki Krym* (Federal Service of State Statistics of the Republic of Crimea), 2015, 129 p. (In Russ.).
- Eklund D. *Puti klasterizatsii turistskoy deyatel'nosti* [Tourist activity clustering path]. St. Petersburg, Nauchny Mir Publ., 2008, 238 p. (In Russ.).

ТУРИСТСКИЙ КЛАСТЕР КАК ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЕМ И РАЗВИТИЕМ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Александр Павлович Горбунов¹, Людмила Александровна Бурняшева²,
Лариса Хасанбиевна Газгиреева³

¹ доктор экономических наук, ректор, профессор, кафедра креативно-инновационного управления и права, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация). E-mail: gorbunov@pgu.ru

² доктор философских наук, профессор, кафедра туризма и гостиничного сервиса, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация). E-mail: luda-3331@yandex.ru

³ доктор философских наук, профессор, кафедра туризма и гостиничного сервиса, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация). E-mail: gazgireevalarisa@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрывается актуальная, ранее не затрагиваемая в научных исследованиях проблема туристского кластера как организационно-экономического механизма управления формированием и развитием инновационного потенциала Республики Крым. Для решения данной проблемы разработан оригинальный методический подход к оценке формирования и развития туристского кластера, включающий оценку потенциала кластеризации туристской сферы, эффективности туристского кластера, синергетического эффекта, основанный на интегральном методе определения показателей и включении показателей гетерогенности, что отличает его от существующих и позволяет комплексно оценить возможность реализации кластерной политики в туристской сфере. Обоснованы организационные и экономические предложения по развитию туристских кластеров: создание центра кластерного развития, разработка организационной структуры, идентификация этапов создания. Разработана модель туристских кластеров Республики Крым с учетом их специализации и выделением функциональных направлений предприятий ядра, определенных путем идентификации видового разнообразия туристской деятельности и санаторно-курортного лечения. Авторами утверждается, что кластерная политика является ключевым инструментом при решении задач, необходимых для качественного развития туристской отрасли в регионах, инновационного потенциала и уровня экономического развития страны в целом.

Ключевые слова: туристский кластер, организационно-экономический механизм, управление, формирование, развитие.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Отечественная история	<i>Гарри М. И.</i> Советский «социалистический» империализм в Индокитае (1975–1990): китайский миф или реальность?	2
	<i>Видяйкин С. В.</i> Налогообложение крестьян Пурдышевского монастыря в 1680-гг.	11
	<i>Люшкин Д. И.</i> Модернизация de facto: структурные деформации социокультурного пространства России в преддверии второй русской смуты	19
	<i>Сабирова З. Р., Абдрафикова Г. Х.</i> Малоизвестные источники по истории Великой российской революции и Гражданской войны в регионах	27
	<i>Тетуев А. И.</i> Роль договорных отношений в формировании Российского федеративного государства	35
Этнология	<i>Шараева Т. И.</i> Культурные объекты калмыков: гора Богдо	43
	<i>Бакаева Э. П.</i> О семантике кроя и декора женского платья типа цегдег у калмыков и ойратов (древнейшие знаки в семиотической системе костюма)	49
	<i>Трибушинина С. Д.</i> Традиционный досуг в культурно-коммуникативном пространстве этномедицины мордвы	70
Археология	<i>Буратаев Е. Г.</i> Погребения хазарских лучников из курганной группы Дюкер	78
	<i>Кекеев Э. А.</i> Археологические коллекции Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова, сформированные в процессе археологических раскопок 1961–1972 гг.	91
ЛИНГВИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОР		
Лингвистика	<i>Аламшиев Ш. М.</i> Междометные фразеологические единицы в шугнанском языке.	102
	<i>Крылов С. А.</i> Сочетаемость монгольских синтетических словоформ: количественный аспект	108
	<i>Рассадин В. И., Трофимова С. М., Чулуунбаатар Л.</i> Общемонгольская лексика по разделу традиционное жилище в халхаском, бурятском и калмыцком языках	134
	<i>Иванова Г. С., Поляков О. Е., Жебраткина И. Я.</i> Реализация финно-угорского гласного *e конца основы в мокшанском языке.	141
Фольклор	<i>Шамсутдинова Г. Г., Ишмухаметова А. Ш., Бускунбаева Л. А.</i> Структура и состав базы данных загадок в подкорпусе текстов афористических жанров башкирского фольклора	146
Литературоведение	<i>Каторова А. М., Макарова Ю. В.</i> Изображение рефлексивной позиции личности писателя в рассказе Г. Пинясова «Тяк сязе панчфкязень» («Не сорви мой цветочек»)	154
	<i>Миничкин П. Д.</i> Слово как символ в художественной литературе	159
	<i>Толасова И. Б., Абисалова Р. Н.</i> Об осетинском переводе французского стихотворения	165
СОЦИОЛОГИЯ		
	<i>Нухаева Б. Б.</i> Особенности возрастной структуры сельского населения регионов Юга России	173
	<i>Горбунов А. П., Бурняшева Л. А., Газиреева Л. Х.</i> Туристский кластер как организационно-экономический механизм управления формированием и развитием инновационного потенциала Республики Крым	182

ВЕСТНИК КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

Издается с 1963 г.
ISSN 2410-7670 (online)
ISSN 2075-7794 (print)

Журнал зарегистрирован 1 июля 2009 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Рег. номер ПИ № ФС77-49346

2017. № 4 (32)
Выходит 6 раз в год

Главный редактор:
канд. филол. наук *В. В. Куканова*

Заместитель главного редактора:
д-р ист. наук *У. Б. Очиров*

Редакционный совет:
акад. РАН *Г. Г. Матишов* (председатель — Россия, г. Ростов-на-Дону),
чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов* (Россия, г. Москва), д-р ист. наук *М. М. Балзер* (США),
акад. *Л. Болд* (Монголия), д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай* (Россия, г. Москва), д-р юрид. наук *Д. М. Демичев* (Беларусь),
д-р экон. наук *О. В. Иншаков* (Россия, г. Волгоград), д-р филол. наук *М. И. Магомедов* (Россия, г. Махачкала),
д-р ист. наук *К. Н. Максимов* (Россия, г. Элиста), д-р ист. наук *И. Ф. Попова* (Россия, г. Санкт-Петербург),
д-р ист. наук *На. Сухэбаатар* (Монголия), д-р филол. наук *Чао Геджин* (Китай),
д-р ист. наук *Д. Шорковиц* (Германия), акад. РАО, д-р пед. наук *П. М. Эрдниева* (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:
чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов* (г. Махачкала), чл.-кор. РАН *Б. В. Базаров* (г. Улан-Удэ),
канд. юрид. наук *Л. В. Батиев* (г. Ростов-на-Дону), д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская* (г. Москва),
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев* (г. Москва), д-р ист. наук *В. В. Трепавлов* (г. Москва),
д-р соц. наук *Г. С. Денисова* (г. Ростов-на-Дону), д-р соц. наук *Н. В. Дулина* (г. Волгоград)

д-р ист. наук *Е. Н. Бадмаева*, д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*,
д-р филол. наук *Т. Г. Басангова*, канд. филол. наук *Е. В. Бембеев*,
д-р филос. наук *Б. А. Бичеев*, д-р экон. наук *Э. И. Мантаева*,
канд. филол. наук *Д. Н. Музраева*, д-р соц. наук *А. Н. Овишинов*,
канд. филол. наук *Э. У. Омакаева*, канд. пед. наук *Б. К. Салаев* (г. Элиста),
С. В. Мирзаева (отв. секретарь)

Адрес редакции и издателя:
Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8.
Тел.: (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-39; факс: (84722) 2-37-84.
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
Home page: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ВЕСТНИК
Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН
2017. № 4 (32)

Сдано в набор 15.06.2017. Подписано в печать 29.06.2017.
Формат бумаги 60x84¹/₈. Усл. печ. л. 11,6.
Тираж 300 экз. Заказ 21-17.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр
Российской академии наук»

Отпечатано в КалмНИЦ РАН
(Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8).

